

ОШО

Дзен - удар молнии

Пустое зеркало

ОШО

ДЗЕН: УДАР МОЛНИИ

**МА-ЦЗЫ:
ПУСТОЕ ЗЕРКАЛО**

МОСКВА 2002

ББК 84,5 Ид
096

ОШО
096 Дзен: алмазная молния. Ма-цзы: пустое зеркало
Москва, "Нирвана", 2002, 320 с.
ISBN 5-94726-012-3

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш – просветленный Мастер нашего времени. "Ошо" означает "подобный океану", "Благословенный".

В книгу входят два цикла бесед Ошо из семитомной серии бесед о дзен: "Ошо: Пробужденный наших дней говорит о древних учителях дзен". Они проходили в аудитории Гаутамы Будды в Пуне, Индия, в 1988 году.

"В тот день, когда все мысли прекратились, когда ученик – просто тишина и ничего более, когда на озере его сознания нет никакой ряби – надлежащее время, время зрелости, пришло. Лишь теперь можно передать нечто невидимое. В эти молчаливые мгновения, без всяких слов, один огонь зажигает другой."

Редактор: Свами Вит Праяс
Перевод: Ма Бодхи Шола
Компьютерная верстка: Свами Антар Алок

© OSHO RAJNEESH, INDIA 1988
© Солдатов А. В. русский перевод 2002

Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 0203930.
Лицензия № ИД № 01174 от 20.02.2000 г.
Издательство ® "Нирвана", 125422, Москва, до востребования, Солдатов А. В.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

04030300 - 062
7П6(03) - 99

без объявления

ББК 84,5 Ид

ISBN 5-94726-012-3

К ЧИТАТЕЛЮ

Конец каждой беседы в этой серии следует определенному распорядку, который может озадачить читателя, если он не побывал здесь сам.

Во-первых, это время Сардара Гурудаяла Сингха. Сардарджи – давний ученик, чей сердечный и заразительный хохот разносится во время рассказывания шуток. Это время названо в его честь.

За шутками следует медитация, состоящая из четырех частей. В начале каждой стадии медитации Ошо подает сигнал барабанщику Ниведано. Удар его барабана представлен в тексте следующим образом:

Первая стадия медитации – это джибериш, который Ошо описывает как "очищение вашего ума от всевозможной грязи... говорение на любом языке, которого вы не знаете... выбрасывание всего вашего безумия". На несколько мгновений зал совершенно сходит с ума: тысячи людей орут, вопят, бормочут чепуху и размахивают руками.

Джибериш представлен в тексте следующим образом:

Вторая стадия – это период молчаливого сидения, фокусировки сознания на центре, точке свидетельства.

Третья стадия – это "позволение" (let go: отпусkanie): все безуильно опускаются на землю, давая границам, которые сохраняют их разделенными, раствориться.

Финальный удар барабана возвращает собравшихся в сидячее положение. Они получают указания, как все больше и больше превращать медитацию в часть повседневной жизни.

Каждую стадию медитации сопровождают слова Мастера, и в книге воспроизводится полный текст каждой вечерней медитации.

ДЗЕН: УДАР МОЛНИИ

Посвящается облакам как символу свободы

12 июля 1988 года

ШЕЛЕСТ ГАЛЬКИ

Возлюбленный Ошо,

Один монах спросил Бокудзю: "Каково внутреннее значение учения буддизма?"

Бокудзю сказал: "Я не буду отвечать".

"Почему?" – спросил монах.

"Подумай, подумай, а потом приходи и спрашивай меня", – ответил Бокудзю.

Затем монах спросил: "Каково значение прихода Бодхидхармы с Запада?"

Бокудзю сказал: "Разве мы не учитель и ученик? Почему бы тебе не подойти поближе?"

Монах приблизился, и Бокудзю сказал: "Когда я зову человека с востока Сетсу, это относится и к человеку с запада Сетсу. Что это значит?"

Тогда монах спросил: "В чем суть значения Сокея?" – в Сокее жил Эно.

Бокудзю сказал: "Когда встречаешь на улице фехтовальщика, дай ему меч. Если он не поэт, не показывай ему свои стихи".

Однажды Уммон воскликнул: "Буддизм просто необъятен! Язык так короток".

Затем он добавил: "Так длинен".

После этого он сказал: "Закончив рубить большим топором, мы вместе потираем руки".

Монах спросил Нан-ина: "Каково Великое Значение буддизма?"

Нан-ин ответил: "Это источник бесчисленных болезней".

Монах сказал: "Пожалуйста, вылечи меня!"

Нан-ин ответил: "Врач Мира скрестил руки на груди".

Монах спросил Якусана: "Существовала ли суть буддизма до прихода Бодхидхармы?"

"Да", – сказал Якусан.

"Зачем же он пришел, если она уже существовала?" – спросил монах.

"Он пришел как раз потому, что она уже была здесь", – ответил Якусан.

Маниша, дзен весьма странен с точки зрения интеллектуального понимания. Он кажется почти абсурдом. Это одна из причин, почему он не вырос в огромное дерево, покрывающее ветвями весь мир, но остался маленьким течением только для тех, кто может видеть за пределами ума, кто может почувствовать его, несмотря на нелогичность, иррациональность.

Однажды Пикассо сидел в своем саду перед красивым розовым кустом; множество роз цвело на нем. Друг спросил его: “В чем значение розы?”

Пикассо сказал: “Ничто на свете не имеет никакого значения, но даже в мельчайшей травинке есть огромный смысл”.

Вы должны понять два эти слова: “значение” и “смысл”. В словаре они значат одно и то же; но в существовании, в жизни, в истине они происходят из разных источников. “Значение” – от ума, “смысл” – от не-ума. Значение утилитарно, велосипед имеет значение; но роза?.. – у нее нет абсолютно никакого значения.

Но есть ли в велосипеде какой-нибудь смысл? Роза обладает невероятным смыслом, она великолепна; просто посмотрите на розу и ее красоту – и ее невозможность. Из земли вырастает такое чудо – прекрасная ароматная роза, никому конкретно не предназначенная; но она распространяет свой аромат по всей вселенной. Он доступен любому, кто восприимчив.

Философию интересует значение, дзен интересует смысл. Значение всегда было рациональным, смысл не имеет такой зависимости. Какой смысл в любви? Она обладает необычайной красотой, в ней есть великая радость, это блаженство – но не спрашивайте о смысле.

Со времен Гаутамы Будды буддийские монахи вновь и вновь спрашивали: “В чем значение буддизма?”

Уже задавая этот вопрос, они упустили. Неверный вопрос не может вызвать правильный ответ.

Имея это в виду, медитируйте на эти маленькие истории.

Один монах спросил Бокудзю: “Каково внутреннее значение учения буддизма?”

Что ж, никто не может сказать, что этот вопрос неуместен; но в мире дзен он абсолютно неуместен, потому что, во-первых, в буддизме нет никакого учения. В действительности, нет даже никакого буддизма, есть только взрыв буддовости. Это не “изм”, подобно коммунизму или фашизму, это не философия, предлагаемая сотнями философов во всем мире.

Будда – уникальное явление. У него нет никакого учения – только несколько намеков, чтобы вы могли найти себя. Он не дает никаких определений, потому что дать определение – значит ограничить. Дать определение – значит создать определенную систему суждения: те, кто подходит под определение, правы, а те, кто не подходит под него, автоматически неправы.

Буддовость – это переживание без границ. Оно может случиться с молодым человеком, со стариком, с белым, черным, с мужчиной, женщиной. Оно может случиться с любым, кто готов совершить прыжок из внешнего внутрь собственного существа. Но, придя к самому себе, вы не найдете никакого значения. Вы, без сомнения, найдете невероятный экстаз, вы утонете в покое и тишине, вы почувствуете, будто тысячи цветов осыпают вас; это величественно, это грандиозно, это чудо, это тайна, но в этом нет никакого значения.

Значение присуще обычным мирским вещам; у внутреннего есть смысл. Внутреннее – не товар, у него нет цены. Вы не можете продать его, не можете купить; никто не может дать его вам и никто не может отнять. Его статус уникален. Все непрерывно изменяется, как циклон, но ваше существо остается центром циклона, без всяких изменений; оно просто остается одинаковым.

Это поиск в вашем внутреннем пространстве... но этот вопрос задавался не одним монахом...

Вы слышали, что кукушки вернулись? Понимаете ли вы смысл их невинных песен? Они ничего не значат, вы не можете перевести их; но эти песни исходят из самого существа кукушек, они рождены величайшей радостью, они рождаются от невероятного изобилия, которым они хотят поделиться со всей вселенной.

Будда тоже говорит, но он говорит так же, как поет кукушка, так же, как розы отдают свой аромат ветру, или бамбук, который болтает сам с собой – у него нет слов, но, когда ветер проносится сквозь бамбук, он говорит: “Я тоже здесь”.

Буддизма как философии не существует; но есть опыт Будды, который открыт для всех. Это не учение, это переживание. Вы не можете объяснить слепому, что такое свет, точно так же, как не можете объяснить глухому, что такое музыка. Чтобы узнать свет, нужны глаза, и чтобы почувствовать музыку, нужна восприимчивость музыкального уха.

Бокудзю сказал: “Я не буду отвечать”.

Бокудзю относится к великим мастерам дзен. Не колеблясь ни минуты, он сказал: “Я не буду отвечать”.

Фактически, сказав это, он ответил. Он говорит: “На это нельзя ответить; ты можешь обладать этим, но никто другой не может объяснить тебе это”.

“Я не буду отвечать” означает также: “Меня больше нет, кто будет отвечать?” Это также означает: “Ты не восприимчив; какой смысл отвечать?” В своем существе это жизненный опыт, а не философская игра в вопросы и ответы.

Монах был удивлен, это ясно. Великий мастер, которого знают тысячи людей, которого многие почитают, говорит, что не будет отвечать на простой вопрос.

“Почему?” – спросил монах.

“Подумай, подумай, а потом приходи и спрашивай меня”, – ответил Бокудзю.

Он говорит: “Обдумай свой вопрос, обдумай мой ответ, и, возможно, ты что-то поймешь”. Возможно, этому монаху откроется что-то в процессе размышления – почему великий мастер, которого считают просветленным, не хочет отвечать на простой вопрос. Возможно, вопрос в чем-то неверен, или, возможно, в опыте буддизма есть нечто такое, что нельзя выразить словами. Или же, быть может, человек, который пережил это, сам исчезает в ничто, в тишине.

Он не может ответить. Все ответы неверны. “Просто походи и подумай, подумай, а потом приходи и спрашивай меня.”

Затем монах спросил: “Каково значение прихода Бодхидхармы с Запада?”

Это традиционные вопросы в дзен.

Бодхидхарма основал дзен в Китае; он пришел из Индии тысячу четыреста лет назад. Новички в дзен снова и снова спрашивали: “Каково значение прихода Бодхидхармы с Запада?” В этом случае вопрос имеет отношение к словам Бокудзю – “Я не буду отвечать”.

Если просветленный человек не может ответить на простой вопрос, тогда в чем смысл прихода Бодхидхармы из далекой Индии в Китай? Это путешествие заняло три года – какой в нем смысл, если это нельзя объяснить, если этому нельзя научить? Зачем Бодхидхарме было так беспокоиться?

Бокудзю сказал: “Разве мы не учитель и ученик? Почему бы тебе не подойти поближе?”

Приблизиться к мастеру просто означает отбросить защиту. Мы все защищаемся, мы все боимся быть уязвимыми. Вместо того чтобы ответить на вопрос, он дает ему возможность другого подхода: “Мы – учитель и ученик. Мы оба принадлежим одному измерению. Возможно, я чуть опередил тебя, но я готов поделиться. Почему бы тебе не подойти немножко ближе?”

Гаутама Будда говорил новичкам, приходившим с вопросами: “Сядь рядом со мной. Когда придет надлежащее время, я спрошу тебя о твоём вопросе. Ты можешь спросить что угодно, но пусть придет надле-

жащее время”. Иногда на это уходили годы... человек сидел в молчании, каждый день, с утра до вечера. Все это время изящество Будды, как дождь, падало на молчаливого ученика. Мастер становится ветром, постоянно сдувающим всю пыль, что оседает на зеркале ученика.

В тот день, когда все мысли прекратились, когда ученик – просто тишина и ничего более, когда на озере его сознания нет никакой ряби – надлежащее время, время зрелости, пришло. Лишь теперь можно передать нечто невидимое. В эти молчаливые мгновения, без всяких слов, один огонь зажигает другой. Вы когда-нибудь думали об этом? Одна свеча горит; вы подносите к ней другую, незажженную. Приходит момент, когда огонь внезапно перепрыгивает на незажженную свечу.

Попросить ученика подойти ближе означает попросить его поднести ближе незажженную свечу, которая обладает всеми потенциальными возможностями. Огонь мастера должен только подтолкнуть скрытое великолепие ученика. Нужна определенная близость, определенная вера, определенная любовь. Студент может оставаться далеко от учителя, но в этом разница между студентом и учеником. Студент не отбрасывает свои барьеры; он пришел получить некоторую информацию, положить в копилку еще несколько идей. Он – книжник, он пытается узнать умом; но ум может только заимствовать знания, он не может знать сам. А любое заимствованное знание перестает быть знанием.

Как только вы заимствуете его, оно теряет жизнь, оно перестает быть живым. Оно не принесет трансформации вашему существу. А знание, не приносящее трансформации вашему существу, недостойно называться знанием. Учитель может учить студента, расстояние не имеет значения; но мастер – не учитель. Мастер – источник определенной энергии, и чтобы разделить ее, вам придется подойти ближе. Вы должны войти в огонь мастера и тоже загореться.

Внезапно вы откроете, что в вас есть все условия, все потенциальные возможности стать буддой. Зачем беспокоиться о буддизме, если вы сами можете стать буддой? Какой смысл спрашивать людей, что такое свет, когда ваши глаза закрыты, если вы можете открыть глаза и увидеть солнечный свет? И как вы думаете, может ли кто-нибудь объяснить вам, что такое свет, если ваши глаза закрыты? Это невозможно. Вы должны открыть глаза.

Бокудзю говорит: “Не беспокойся об этих вещах – о смысле буддизма, о том, зачем Бодхидхарма пришел с Запада. Это не твои проблемы. Почему бы тебе не подойти чуть-чуть поближе?” В этой близости твои вопросы растают сами собой, потому что, чем ближе тыходишь, тем быстрее исчезает тьма. Чем ближе тыходишь, тем быстрее исчезает твое эго. По мере приближения ты начинаешь чувствовать свое изначальное лицо, отраженное в сердце мастера. Это безмолвное послание от сердца к сердцу.

Монах приблизился, и Бокудзю сказал: “Когда я зову человека с востока Сетсу, это относится и к человеку с запада Сетсу. Что это значит?”

Может быть, ученик подошел немного ближе, но наполовину, частично. Приблизиться можно только тотально, когда восток и запад вместе. Этот ученик, должно быть, наполовину остался сзади и наполовину приблизился – только потому, что мастер попросил. Но ни одного мастера не удовлетворит частичное участие. Любой мастер во все времена просил своих учеников прийти во всей полноте, тотально, не оставляя ничего позади, ничего не держа за спиной. Просто придите тотально, и все ваши вопросы исчезнут сами собой.

Тогда монах спросил: “В чем суть значения Сокея?” – в Сокее жил Эно.

Эно был мастером Бокудзю. Теперь Бокудзю сам стал мастером. Вопрос монаха саркастичен, скептичен. Когда он говорит: “В чем суть значения Сокея?”, он спрашивает: “Что ты делал в Сокее? Ты не знаешь, в чем значение буддизма, ты не знаешь причины прихода Бодхихармы в Китай. Ты ничего не знаешь – что ты делал у своего мастера Эно в Сокее?”

Бокудзю сказал: “Когда встречаешь на улице фехтовальщика, дай ему меч. Если он не поэт, не показывай ему свои стихи”.

Он говорит: “Я даю тебе по способностям. Я не дам тебе стихи, если ты не поэт. Я не слеп к твоему потенциалу. Если я увижу, что ты можешь стать великим фехтовальщиком, я подарю тебе меч, я не стану беспокоить тебя стихами”.

Кажется, этот монах не смог понять смысл. Дзен не похож ни на одну философскую школу в мире, где вы можете задавать вопросы и получить ответ. Ваши вопросы интеллектуальны, и ответы тоже интеллектуальны. Но спрашивающий не знает точно, о чем он спрашивает. Он несознателен, но его можно простить. Учитель не знает, что он отвечает, потому что он тоже несознателен. Он просто передает чужое знание, которое он получил от других учителей. Один слепец пытается объяснить другому, в чем значение света. Дзен вообще не заинтересован в философии, это антифилософия.

Однажды Уммон воскликнул: “Буддизм просто необъятен! Язык так короток”.

Затем он добавил: “Так длинен”.

После этого он сказал: “Закончив рубить большим топором, мы потираем руки”.

Это кажется загадкой, но это не загадка. Вот что он говорит: “Буддизм просто необъятен!” – это опыт за пределами слов, за пределами объяснений, за пределами человеческих способностей. Наш язык так короток, что не может высказать этот великий опыт. Наши слова так мелки, что не могут вместить бесконечность, вечность, бессмертие этого опыта. А этот опыт так длинен! Наш язык так короток, наши руки так малы, а луна так далеко!

После этого он сказал: “Закончив рубить большим топором, мы вместе потираем руки”.

Сначала давайте закончим – вырубим все сорняки, разделяющие нас; сорняки в дзен – символ мыслей. Вырубите все свои мысли; и, когда у меня нет никаких мыслей и у вас нет никаких мыслей – тогда ничего не надо говорить. Но тогда мы можем поделиться. Мы можем потирать руки вместе, в глубокой любви, с благодарностью. Руки могут сказать нечто такое, чего не могут выразить слова.

Вы когда-нибудь думали об этом? Если вы прикоснетесь к рукам некоторых людей, они холодны; они ничем не хотят поделиться. Руки других людей очень теплы; они хотят поделиться с вами своей энергией. Некоторые руки почти мертвы – как будто вы держите сухую ветку. А некоторые руки так живы, источают такую энергию, как будто они танцуют от радости.

Когда и мастер, и ученик покончили со всеми сорняками, все, что они могут сделать – это сесть вместе, держа друг друга за руки, разделяя чистую энергию своей любви, близости, радости. Они могут танцевать вместе, они могут петь вместе; или они могут просто сидеть в молчании, погруженные в океан тишины – точно так же, как вы здесь, утонувшие в глубоком молчании. В этой тиши все небо снисходит на вас.

Дзен говорит на другом языке. Поэтому его так долго не понимали.

Монах спросил Нан-ина: “Каково Великое Значение буддизма?”

Нан-ин ответил: “Это источник бесчисленных болезней”.

Только великий мастер может сказать такое, и только выдающийся ученик может понять это – “источник бесчисленных болезней”. И это говорит Нан-ин, великий мастер, который каждое утро и каждый вечер поклоняется статуе Будды. Однако он говорит не о Будде, он говорит о буддизме. Те, кто воспринял озарения Будды и превратил их в философские школы, создали великое множество болезней.

Монах сказал: "Пожалуйста, вылечи меня!"

Нан-ин ответил: "Врач Мира скрестил руки на груди".

Никто другой не может излечить вас. Вы можете либо держаться за болезни, либо нет. Просто отбросьте их – потому что интеллектуальные болезни не похожи на болезни тела. Ум можно полностью очистить от всех мыслей, от всех предубеждений за и против. Вы можете быть таким молчаливым и невинным... тогда никаких болезней не будет. Вы обретете целостность и здоровье, вы обретете собственное существо, которое никогда не болеет. Никогда не просите кого-то излечить вас; вы создадите новое рабство. Просто попытайтесь понять: вот болезнь, – и тогда от вас зависит, держаться за нее или нет. Эта болезнь не держится за вас.

Каждый вечер мы сидим в медитации. Что мы делаем? В первой части мы выбрасываем все наши болезни. Вот почему я говорю, что никто не должен сидеть молча. Иначе – столько людей выбрасывают свой хлам, что ваш ум может начать собирать его. Не слушайте, просто кричите громче всех. Выбрасывайте все свои мысли. Пустой ум – это пустая лодка, и вы можете плыть в ней к далекому берегу. Ум, полный мыслей, так тяжел, так болен, так разделен, что не может никуда идти.

Монах спросил Якусана: "Существовала ли суть буддизма до прихода Бодхидхармы?"

"Да", – сказал Якусан.

"Зачем же он пришел, если она уже существовала?" – спросил монах.

"Он пришел как раз потому, что она уже была здесь", – ответил Якусан.

В этих беседах вы найдете, что ученики, спрашивающие – всегда рациональны, логичны. Но мастера никогда не бывают логичными. Вы наверняка заметили, что в каждом диалоге мастер абсолютно абсурден.

Согласно легенде, Бодхидхарма пошел в Китай, чтобы принести туда опыт и аромат Будды. Спрашивающий абсолютно логичен: "Существовала ли суть буддизма до прихода Бодхидхармы?" Но он не понимает, о чем спрашивает. Такова наша бессознательность. Он спрашивает: "Существовала ли суть..." Суть была, но она была не проявленной. Если бы не толчок Бодхидхармы, эта суть осталась бы скрытой. Так что его вопрос кажется абсолютно логичным:

"Существовала ли суть буддизма до прихода Бодхидхармы?"

А ответ мастера не кажется правильным. Он говорит: "Да". Спрашивающий немедленно вскидывается: "Тогда зачем он пришел? Если суть уже существовала, зачем было Бодхидхарме приходиться?" Но он не понимает разницу между сущностью и ее проявлением.

Якусан сказал: "Он пришел как раз потому, что сущность была уже здесь". Он не пошел куда-то еще. Он пришел сюда, видя, что она здесь, и нужен только небольшой толчок. Смех – внутри вас, нужно только немного пощекотать. Щекотка не должна вызывать смех; между щекоткой и смехом нет причинно-следственной связи. Но это бывает... вы сидите очень тихо, абсолютно серьезно, и кто-то начинает щекотать вас. И неожиданно вся ваша серьезность улетучивается; сначала вы смеетесь потому, что вас пощекотали, а потом вы смеетесь без всяких причин.

Дзенский поэт Шайки написал:

Какая тишина!

След на снегу от крыльев

уток-мандаринок.

Дзенские поэты создали совершенно иную поэзию, которая называется хайку. Они не так многословны, как другие стихи. Хайку – очень маленькое стихотворение, но очень экзистенциальное. Не нужно его читать; вы должны это увидеть.

Какая тишина... не слушайте слова "какая тишина" – почувствуйте это, ощутите это.

Какая тишина!

След на снегу от крыльев

уток-мандаринок.

Они летят так высоко, что оставляют след на вечных снегах гор. Видя это чудо, вы погружаетесь в глубокий и ничем не нарушаемый покой.

Хайку – не песня, которую нужно петь; это песня, которую нужно пережить и увидеть. Вы должны представить это.

Другой поэт:

Здесь, среди веточек сливы –

сухих, но все же цветущих –

иволги тихая песня!

Фактически, хайку невозможно перевести. Эти слова весьма приближительны. Китайский и японский – это неалфавитные языки. У них совершенно другой мир. Например: "Здесь, среди веточек сливы..." Вам приходится использовать алфавит, буквы; но в китайском, японском и корейском языках нет букв. Вы увидите картинки, изображающие сливовые ветки, вы увидите картинку, изображающую "здесь". Все нарисовано. Так что, читая дзенские стихи, помните, что они пиктографичны.

Здесь, среди веточек сливы –

*сухих, но все же цветущих –
иволги тихая песня!*

Здесь, в этой тишине, возможно понять это. Эта тишина – не просто слово. Вы тонете в ней. Она ниспадает на вас, словно ливень. И вдруг в этой тиши начинает куковать кукушка, или сверчок заводит свою песню. Это становится хайку.

Поэзия впервые ожила в хайку. На других языках писали стихи, но они не были живыми. Разницу составляет опыт Гаутамы Будды, который открывает новое измерение – экзистенциальное.

Люди так зациклены на словах – особенно в этой стране: писания, Ве-ды, бесконечные комментарии на комментарии. Во всем мире не было столько комментариев. Только на одну книгу – Шримад Бхагавадгиту – существует тысяча комментариев, и это только знаменитые – остальные, возможно, утеряны. Тысяча комментариев?.. Как будто люди живут только в словах.

В дзен вам придется отбросить привычку выражать всякое переживание словами. Например, как только вы видите красивую розу, что-то внутри вас немедленно переводит это в слова. Кто-то внутри вас говорит:

“Какая красивая роза!” Вы не можете помолчать – “Какое прекрасное утро, какой красивый закат”. Неужели вы не можете помолчать, просто наблюдая закат? Тогда вы станете почти причастны к нему. Тогда он не будет чем-то отдельным от вас, он будет для вас чем-то очень близким и сокровенным. Жить поэзией, жить музыкой – это следствия опыта Гаутамы Будды.

Иккью написал:

*Буддизм –
это соскобленная часть кастрюли,
усы гальки,
звук, сопровождающий
бамбук на картинке.*

Дзенские поэты очень любят бамбук за его необыкновенное качество – пустоту. Из этой пустоты бамбука можно сделать флейту. Бамбук не будет петь, но он может позволить песне пройти сквозь себя.

В медитации вы должны стать полыми, точно бамбук, чтобы целое, само существование могло петь через вас свои песни. Вы становитесь просто частью, танцующей, потому что ветер целого проходит сквозь вас. Энергия целого овладевает вами. Вы во власти целого, вас больше нет, есть только оно.

В этот момент, когда эта тишина пронизывает вас, вы можете понять ее смысл, потому что это та же тишина, которую пережил Гаутама Будда. Это та же тишина, которую пережили Чжуан-цзы, Бодхидхарма или Нан-

сен... У этой тишины тот же вкус. Времена меняются, мир непрерывно изменяется, но это ощущение тишины, эта радость остаются теми же. Это единственное, на что можно положиться, единственное, что никогда не умирает. Это единственное, что вы можете назвать своим собственным существом.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Почему ты назвал дзен “ударом алмазной молнии”?*

Маниша, это алмазная молния. Это внезапный опыт – никакой подготовки, никаких репетиций, ни ученичества, ни пути. Внезапно вы открываете глаза – словно вас ударила молния, и сон длиной в миллион лет прервался. В этом пробуждении вы узнаете тайну существования.

Алмаз – самая твердая вещь в мире, и назвать молнию “алмазной молнией” значит сказать, что она приходит к вам внезапно, как копьё, проходит сквозь вас, отнимая весь хлам и оставляя за собой чистое пространство.

Прежде чем мы начнем сегодняшнюю медитацию... и помните: делайте ее тотально, потому что нельзя быть уверенным в завтра. Никогда не откладывайте на завтра. Не говорите: “Позвольте нам сегодня подождать и посмотреть, а завтра мы сделаем это”. Завтра абсолютно неопределенно. Только это мгновение – в ваших руках. Либо трансформируйте его в вечность, либо потеряйте его.

Прежде чем мы войдем в мир медитации, в мир дзен, мне хочется, чтобы бамбук немного посмеялся. Он ждет каждый день.

Профессор английского университета, никогда раньше не бывавший в Ирландии, выходит из поезда на вокзале в Дублине. Заметив рядом двух ирландцев, он решает спросить у них, в какую сторону ему идти.

– Простите, мои друзья, – говорит он, подходя к Пэдди и Сину, – не могли бы вы мне подсказать дорогу в Тринити-колледж?

Пэдди и Син тарашатся на англичанина, не говоря ни слова. Он думает: “Наверное, они иностранцы”, и спрашивает их по-французски.

Пэдди и Син ничего не отвечают. Профессор спрашивает по-немецки, но реакция та же. Тогда он пробует испанский, греческий, португальский, шведский, финский, итальянский, русский, эскимосский, хинди, латынь, идиш и санскрит, но все безуспешно. Он оставляет свои попытки и уходит.

Пэдди поворачивается к Сину и говорит:

– Эй, ты слышал? Он говорил на четырнадцати языках!

– Ну и что? – отвечает Син. – Все равно он не знает, куда идти.

Жена Пэдди Маурин сыта по горло. Она идет к своему адвокату Абрахаму Бабблбрайну и говорит, что хочет развестись.

– Очень хорошо, миссис О’Грейди, – говорит Бабблбрайн. – На каком основании?

– Основании? Каким основании? – спрашивает Маурин.

– Ну, понимаете, должны быть причины, – говорит Бабблбрайн. – Чтобы получить развод, нужны причины.

– Причины? – не понимает Маурин. – Правда? Какие причины?

– Ну, например, – терпеливо отвечает Бабблбрайн, – одной из причин может быть то, что ваш муж не дает вам достаточно денег.

– Ха! – усмехается Маурин. – Дает мне деньги? Это я даю ему деньги!

– Хорошо, – говорит Бабблбрайн. – А как насчет жестокости? Он бьет вас?

– Ха! – снова усмехается Маурин. – Бьет меня? Это я его бью.

– Хорошо, – говорит юрист. – Как насчет неверности? Он верен вам?

– Вот оно! – восклицает Маурин. – Вот на этом-то мы его и поймаем. Я точно знаю, что отец нашего третьего ребенка – не он!

Папа-поляк беседует с доведенным до отчаяния молодым священником, отцом Фингером.

– О возлюбленный Поляк, – говорит отец Фингер, – чем больше я слушаю исповедей всех этих добрых католиков, тем больше трагедий я вижу. И эти болезни поразили даже некоторых внутри церкви.

– Неужели? – говорит Поляк. – Какие же, мой сын?

– О, ваше святейшество, – вздыхает отец Фингер. – Я боюсь, что даже среди добрых католиков есть игроки, пьяницы, сексуальные маньяки и гомосексуалисты. И мало того, – продолжает он, – это происходит даже внутри самой церкви!

– Чепуха, мой сын, – утешает его Папа-поляк. – Большинство добрых христиан, которых я знаю, никогда не богохульствуют, не играют, не пьют и не насилуют *внутри* церкви.

– Детка, какие мужчины тебе нравятся больше – красивые или умные? – шепчет Клунский своей подружке.

– Ни те, ни другие, дорогой, – отвечает она. – Ты же знаешь: я люблю *только тебя*.

Теперь, Ниведано, дай первый удар, и все полностью сходят с ума.

Ниведано...

Будьте безмолвны, закройте глаза, никакого движения. Идите внутрь; глубже, глубже.

Станьте алмазной молнией.

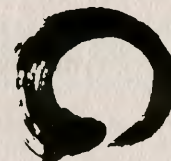
Вырубите в себе весь мусор и придите в ясность, в чистое пространство своего существа.

Это мгновение благословенно, потому что только это мгновение может расцвести цветком в вас, потому что только это мгновение может подвести вас ближе к пульсу самого существования.

Не бойтесь и не держитесь ни за что.

Просто прыгните. Это ваше собственное внутреннее существо.

Сделай его глубже, Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя, просто умрите.

Оставьте тело, оставьте ум и идите в запредельное.

Это само ваше существо.

и ваше существо есть существо всей вселенной.

Расслабьтесь в нем, радуйтесь в нем. В такой тишине это мгновение становится самой вечностью.

Вы можете сохранять ощущение этой тишины весь день, как подводное течение; и тогда каждый ваш поступок

НАКОНЕЦ-ТО СВОБОДНЫЙ

Возлюбленный Ошо,

Токусан пришел в храм Исана. Держа в руке узелок, с которым он странствовал, он пересек лекционный зал с востока на запад и с запада на восток; затем, выпучив глаза, сказал: "Мяу! Мяу!" и ушел.

Токусан дошел до ворот, затем сказал самому себе: "Мне не следует так спешить". Он оделся как подобает и вошел во второй раз, чтобы поговорить. Исан сидел на своем месте. Токусан, выставляя свой коврики для коленапреклонения, сказал: "Ошо!"

Исан сделал вид, словно берет свой посох. Тогда Токусан крикнул: "Квац!", подвернул рукава и вышел. Повернувшись спиной к лекционному залу, Токусан надел свои соломенные сандалии и ушел.

Вечером Исан спросил старшего монаха: "Новичок – где он?"

Старший монах сказал: "Когда он вышел, он повернулся спиной к лекционному залу, надел сандалии и ушел".

Исан сказал: "Когда-нибудь этот парень взойдет на уединенную вершину и поставит хижину; он будет поносить будд и бесчестить патриархов".

В другой раз Маяоку, Нансен и еще один монах совершали то, что в те времена называлось "паломничеством в природу" или "облачным наслаждением" – что означало плыть как облако, течь как вода, наслаждаться горами, играть в реках и озерах. Одновременно они намеревались посетить Кинзана. На пути им встретила старая женщина, и они спросили ее: "Где ты живешь?"

"Здесь", – ответила она, и трое монахов вошли в ее чайную лавку. Старая женщина приготовила в чайнике чай, принесла три чашки, поставила их на стол и сказала: "Пусть тот, кто обладает божественной силой, выпьет чай!"

Три монаха смотрели друг на друга, но никто ничего не говорил и никто не пил чай. Старая женщина сказала: "Эта глупая старая женщина покажет вам всю свою силу. Смотрите!" – С этими словами она взяла чай, вытирала его и удалилась.

Однажды Джошу пришел в лекционный зал своего брата-монаха. Не выпуская из рук своей дорожной палки, он взобрался на помост и посмотрел с востока на запад и с запада на восток.

"Что ты делаешь здесь?" – спросил его брат-монах.

"Измеряю воду", – ответил Джошу.

будет отражать вашу природу будды.

В существе своем вы – будда.

В семени вы – будда,

но это семя для вас – тюрьма.

Дайте семени умереть, дайте ему истлеть в земле,

чтобы внутри вас могли начать расти розы.

Сознательный человек становится садом роз.

Вот в чем смысл Гаутамы Будды

и вот причина, по которой Бодхидхарма пошел в Китай.

Именно по этой причине вы здесь –

в поисках того, чем уже обладаете.

Но это скрыто глубоко, а вы никогда не отваживались пойти вглубь.

Мастер может только прогнать страх

и толкнуть вас вглубь вашего собственного существа.

Ниведано...

Вернитесь и посидите несколько секунд как будда.

В этом ненормальном мире вы – самые счастливые

и благословенные,

потому что учите язык,

совершенно забытый человечеством.

- О'кей, Маниша?

- Да, Ошо.

- Можем мы праздновать собрание тысяч будд?

- Да, Ошо.

“Здесь нет воды, – возразил монах, – ни капли. Как ты можешь измерять ее?”

Джошу поставил свою палку к стене и ушел.

Маниша, эти маленькие истории принадлежат к исчезнувшему миру, миру искателей, миру познания себя, который мы давно утратили. Мира, в котором происходили эти истории, больше нет. Сегодня никто не уходит в странствие как облако, сегодня никто не способен стать таким же легким и свободным, как облако. Все отягощены своими предрассудками, всевозможной ерундой, и никто, кажется, не интересуется одной вещью – самим собой.

Человеческий ум стал объективным и забыл язык субъективности. Он смотрит наружу, и он глубоко всматривается во внешний мир в форме различных наук, которые проникли в самую суть материи. Он достиг самых далеких звезд, но забыл о самом главном вопросе: “Кто находится внутри меня?”

Все это знание объективного мира не имеет никакой ценности в сравнении с маленьким проблеском внутреннего неба и его красоты – его восходов и закатов, его дней и ночей, его синего неба и звезд. Внешнее тогда кажется только бледным отражением внутреннего. Внутреннее становится более реальным, а внешнее превращается в тень.

Прошлое было сложным во многих отношениях, но в этом вопросе – поиске сознания – мы сейчас на гораздо более низком уровне.

Эти диалоги необходимо понять – они не принадлежат миру, в котором вы живете, они не принадлежат уму, которым вы обладаете сейчас. Но разум имеет способность входить в другие области сознания, и это потрясающий опыт – понять, что люди жили иначе, любили иначе, иначе слушали музыку, танцевали, понимали красоту. Если вы способны получить хотя бы небольшой проблеск этого утерянного мира, вы сможете найти дорогу к собственной буддовости.

Разумные люди прошлого посвящали себя поиску собственного царства, которое нельзя отнять. Ничто не может разрушить его, огонь не может его сжечь. В этом измерении не бывает смерти – только розы блаженства, лотосы экстаза и свобода без границ. Радость достигает каждой фибры вашего существа; каждая клеточка вашего существа начинает танцевать без всяких причин. Когда вы просто есть, вы чувствуете себя на самом высоком пике существования. Вы не можете просить большего, оно уже дано вам; мы просто потеряли путь к собственному дому.

Эти истории относятся к искателям прошлого; они стали для нас очень чуждыми, и именно поэтому, хотя мы понимаем язык, мы не можем понять, что происходит внутри, по ту сторону занавеса. Эти истории кажутся вполне обычными, но они не обычны; не может быть ничего более необычного, чем эти дзенские ищущие и их способы исследования.

Токусан – великий мастер. Перед тем как он стал мастером, он пришел в храм Исана. У каждого мастера был свой храм, свой монастырь, и ученики ходили из одного монастыря в другой в поисках человека, в которого они могли влюбиться, с которым они могли рискнуть всем. И тот миг, когда кто-то находит мастера, который для него гораздо дороже собственной жизни... тот день – самый счастливый день для ученика. Теперь не нужно больше никуда идти, он пришел домой. Теперь ученик может глубоко укорениться в тишине, глубоко укорениться в его истине. Он нашел смысл существования.

Токусан пришел в храм Исана. Держа в руке узелок, с которым он странствовал, он пересек лекционный зал с востока на запад и с запада на восток; затем, выпучив глаза, сказал: “Мяу! Мяу!” и ушел.

Токусан дошел до ворот, затем сказал самому себе: “Мне не следует так спешить”.

Смысл очень прост. Токусан говорит Исану: “Я всего лишь кошка – Мяу! Мяу! Сможешь ли ты учить невинное животное? Я совершенно невежественен, я такой же невежественный, как животное – сможешь ли ты? Я искал от востока до запада и от запада до востока, но пока не встретил человека, который может быть моим мастером”.

Поскольку Исан ничего не сказал, Токусан дошел до ворот, затем сказал самому себе: “Мне не следует так спешить. Это было слишком поспешно, это знакомство, я не дал Исану никакого шанса. Мне не следует так спешить”.

Поэтому он оделся и вошел во второй раз, чтобы поговорить. Исан сидел на своем месте. Токусан, выставляя свой коврик для коленопреклонения, сказал: “Ошо!”

“Ошо” – слово, означающее глубокое уважение, любовь и благодарность. Оно и звучит прекрасно.

“Ошо!”

Исан сделал вид, словно берет свой посох. Тогда Токусан крикнул: “Квац!”, подвернул рукава и вышел. Повернувшись спиной к лекционному залу, Токусан надел свои соломенные сандалии и ушел.

Вечером Исан спросил старшего монаха: “Новичок – где он?”

Старший монах сказал: “Когда он вышел, он повернулся спиной к лекционному залу, надел сандалии и ушел”.

Эти слова не следует понимать буквально. Повернувшись спиной к лекционному залу, он говорит: “Меня не интересуют лекции, слова, писания”.

Он надел сандалии и ушел.

Исан сказал: "Когда-нибудь этот парень взойдет на уединенную вершину и поставит хижину; он будет поносить будд и бесчестить патриархов".

Всякий, кто не знаком с традицией дзен, подумает, что Исан осуждает его; но он его хвалит. Он говорит: "Этот парень действительно сделан из той материи, которая нужна ищущему. Сначала он пришел и, не говоря ни слова, замыкал, а потом ушел, не дожидаясь ответа. Я просто наблюдал за ним. Он пересек зал с востока на запад и с запада на восток только для того, чтобы показать мне, что был у многих, многих мастеров: 'Ты не новичок. Можешь ли ты узнать во мне ищущего? Готов ли ты стать мастером человека, невинного, как животное?'"

Прежде чем я что-то сказал, он вышел, но затем подумал, что ушел слишком быстро: 'Мне нужно дать старику хотя бы небольшой шанс'. Тогда он вошел и с глубоким уважением просто сказал: 'Ошо!' Но я не мог принять его, потому что он сделан из другой материи".

Есть два вида учеников: те, кто настойчиво ищет истину в одиночестве, и те, которые хотят сопровождать мастера, быть его тенью, спокойно, молчливо растворяясь в мастере.

Исан, видя этого парня, остался безмолвным, не сказав ни слова, но позже, когда старший монах монастыря спросил его, что случилось, *Исан сказал: "Когда-нибудь этот парень взойдет на уединенную вершину..."* Толпа не для него, и он не может быть учеником. Он рожден мастером. Однажды он уйдет на вершину далекой горы и поставит там хижину; он расцветет так красиво, что даже будды устыдятся и патриархи почувствуют зависть.

Это очень странный способ одобрения, но Исан, видимо, был человеком невероятной озаренности. Они не обменялись ни единым словом, но Исан увидел глубину Токусана и его потенциал. И он не тот, кто будет терять время с человеком, чей потенциал ведет его в другую сторону.

У мистиков древнего Египта есть поговорка, что не ученик выбирает мастера, а мастер выбирает ученика. Как может бедный ученик решать? По каким признакам он может выбрать мастера? Только мастер может выбрать ученика. Со своей высоты он может видеть его потенциал. Исан видел, что Токусан был не бодхисатвой, а архатом. Он может найти истину один и стать великим мастером, но лишь для очень немногих. И, определенно, ему не нужно становиться учеником, это не его удел.

Исан проявляет необычайную пронизательность. Наблюдая обычные движения, он смог увидеть внутреннюю глубину Токусана. И то, что он сказал, действительно произошло. Токусан в конце концов самостоятельно стал великим мастером. После Исана он ходил ко многим мастерам, но повсюду вел себя так, что никто не мог принять его. Каждый мастер, к которому он приходил, видел в нем огромный потенциал; но он должен был найти его сам, ему не нужна была чужая помощь, это была просто не

найти его сам, ему не нужна была чужая помощь, это была просто не его природа.

И когда Токусан стал мастером, он действительно жил на горе, совершенно один; но его имя, его слава разлетелась как пожар: еще один человек расцвел буддой, – и к нему пришли сотни учеников.

Исан говорит, что человек ясности и просветления может видеть вас насквозь; он видит насквозь, кто вы и кем можете стать. И такой человек, как Исан, не станет вмешиваться – из сострадания; он не скажет ни слова человеку, который рано или поздно сам может стать мастером. Он позволит ему найти это. Любая помощь будет сбивать такого человека с пути.

В другой раз Маяоку, Нансен и еще один монах совершали то, что в те времена называлось "паломничеством в природу" или "облачным наслаждением" – что означало плыть как облако, течь как вода, наслаждаться горами, играть в реках и озерах. Одновременно они намеревались посетить Кинзана. На пути им встретилась старая женщина, и они спросили ее: "Где ты живешь?"

"Здесь", – ответила она, и трое монахов вошли в ее чайную лавку.

На вершине стоит храм Кинзана, а у подножия горы эта старая женщина... но это необычная женщина. Когда она говорит "здесь", она использует это слово не в том смысле, что указан в словаре; она использует его экзистенциальный смысл. "Где ты живешь?", – и она говорит: "Здесь". Где еще можно жить?

...и трое монахов вошли в ее чайную лавку. Старая женщина приготовила в чайнике чай, принесла три чашки, поставила их на стол и сказала: "Пусть тот, кто обладает божественной силой, выпьет чай!"

Три монаха смотрели друг на друга, но никто ничего не говорил и никто не пил чай. Старая женщина сказала: "Эта глупая старая женщина покажет вам всю свою силу. Смотрите!" – С этими словами она взяла чай, выпила его и удалилась.

Дзен не делает никаких различий между мужчинами и женщинами. Эта старая женщина сама была мастером. Она жила недалеко от монастыря своего мастера, чтобы помогать людям, чтобы показывать им путь. Но она сама была мастером и иногда играла в эту игру – и на этот раз сыграла превосходно.

Сначала она сказала: "Здесь", и эти трое не поняли. Они вошли в хижину. Они думали, что она просто содержит эту небольшую чайную лавку. Они заказали чай, и женщина приготовила чай. Но, когда она принесла чайник и три чашки, она поставила условие: выпить чай может только тот, кто может продемонстрировать божественную силу. "Это не обычный чай, и я не служу любому... покажите божественную силу!"

Все трое смотрели друг на друга. Никому не хватало мужества показать себя, хотя каждый человек – бог. Видя это, старая женщина сказала: *“Эта глупая старая женщина покажет вам всю свою силу. Смотрите!”* – Важно каждое слово. – *С этими словами она взяла чай, выпила его и удалилась.*

“Божественная сила” означает не что иное, как действовать спонтанно, без всяких рассуждений – просто естественно. Все трое могли сделать это, но они начали думать о божественной силе: “Боже мой! Я не обладаю божественной силой. Конечно, я не могу выпить чай. Эта женщина кажется очень опасной. Что это за условие? Она не просила денег за чай, она предлагает его бесплатно – нужно только показать божественную силу”.

И, поскольку никто из них троих не смог быть спонтанным, она сказала: *“Эта глупая старая женщина покажет вам всю свою силу. Смотрите!”* – возможно, наблюдая это, вы сможете обрести собственную божественную силу. – *С этими словами она взяла чай, выпила его и удалилась.*

Нигде в целом мире не происходило таких странных историй. И это не рассказы, это исторические случаи.

Однажды Джошу пришел в лекционный зал своего брата-монаха. Не выпуская из рук своей дорожной палки, он взобрал на помост и посмотрел с востока на запад и с запада на восток.

“Что ты делаешь здесь?” – спросил его брат-монах.

“Измеряю воду”, – ответил Джошу.

“Здесь нет воды, – возразил монах, – ни капли. Как ты можешь измерять ее?”

Джошу поставил свою палку к стене и ушел.

Очень странная история... но Джошу использует слово “вода” в том же смысле, что и вы, когда говорите о “воде” бриллианта. В бриллианте нет ни капли воды. Но его сияющая природа, сама его бриллиантовость...

Джошу сказал: “Я смотрел с востока на запад, с запада на восток. Я пытаюсь измерить воду твоего храма, твоих людей, тебя”. Но его собрат не понимает этот язык, не понимает, что “вода” означает нечто иное – ваши глаза имеют определенную воду, ваша индивидуальность имеет определенную воду – точно так же, как бриллиант. Их ценность определяется водой: насколько они чисты, без всякой пыли, без всяких изъянов. Если вы видите, что в бриллианте нет изъянов, он ценится выше. Его цена зависит от воды.

Я могу понять Джошу, потому что, когда я вижу людей, я тоже смотрю: какой воды этот бриллиант, сколько он стоит? Есть ли в нем чистота, любовь, доверие, есть ли в нем возможность расцвести? Есть ли в нем изобилие жизни? Есть ли возможность совершить квантовый скачок?

Джошу – разочарованный – поставил свою палку к стене и ушел.

Это тоже важно. То, что он бросает свою походную палку, означает: “Довольно. Я искал от востока до запада, от запада до востока. Хватит поисков. Кажется, людей чистой воды, обладающих потенциалом, больше нет. Я не стану больше искать”.

Джошу – мастер, и он ищет учеников – это совершенно другое. Ученик, ищущий мастера – это одно измерение: он спотыкается, блуждает во тьме, не зная точно, что он ищет, каковы признаки мастера. Но есть и другой вид поиска. Мастер ищет ученика – он точно знает, что ищет: потенциал, силу – насколько вы можете вырасти, способны ли вы освободиться от всякого рабства?

То были другие дни – золотые дни, – когда ученики странствовали в поисках мастера, а мастера странствовали в поисках учеников. Иногда на перекрестках дорог происходила встреча.

Мастер встречает ученика – и немедленно узнает. Мастер видит ученика насквозь; а ученик может увидеть – в аромате мастера, в присутствии мастера – потрясающее энергетическое поле, в котором он тонет, опьяненный. Вы знаете это, вам не нужно это объяснять. После каждой медитации вы выходите из Будда-холла почти пьяными – вы пьяны божественным, пьяны исследованием неизвестного, пьяны смелостью, которую проявили, двигаясь внутрь, чтобы коснуться самого центра. Потрясающая победа – нет большей победы. Вы нашли источник собственной воды. Вы можете утолить свою жажду.

Дзенский поэт Манан написал:

Наконец-то свободный, странствующий монах,

Я перешел старый дзенский барьер.

Моя жизнь – бесследная жизнь облаков и рек.

Какая из этих гор станет моим домом?

Эта серия посвящается облакам, потому что они олицетворяют свободу движения. Они не заботятся о государственных границах, у них нет с собой паспортов, они никого не должны спрашивать – все небо принадлежит им! Человек тоже должен быть свободен как облако. Зачем нужны границы? Зачем нужно разделять человечество? Почему национальность должна быть тюрьмой?

Вместо того чтобы давать свободу, государство делает вас рабом. Вы не чувствуете этого, потому что тюрьма велика; вы чувствуете это только тогда, когда хотите пересечь границу. Вас немедленно остановят: “Где ваше разрешение? Куда вы идете?”

Облака не верят ни в какие границы; это чистый символ свободы.

Облако движется в сторону гор, к неизвестным, нехоженым вершинам. Далеко – за пределы досягаемости обычного смертного человека.

Сайдзё, другой поэт:

*Земли, горные реки
скрыты в этом ничто.
В этом ничто
открываются земли, горы и реки.
Весенние цветы, зимние снега:
Нет ни сущности, ни не-сущности,
ни самого отрицания.*

В этой тишине вы можете понять чистоту трансценденции – ни жизни, ни смерти, лишь чистая вечность.

Кукоку написал:

*Оседлав деревянного коня задом наперед,
Я скачу галопом через пустоту.
Наконец-то свободный, странствующий монах,
Я перешел старый дзенский барьер.*

Даже дзен, в конце концов, нужно превзойти. В самом конце вы должны стать настолько медитативным, что вам больше не нужна никакая медитация – медитация становится самим вашим существом. Вот что называется “старым дзенским барьером”. В тот день, когда само ваше существование становится медитативным, когда вам не нужно садиться в определенный час, чтобы медитировать определенным образом; в тот день, когда все, что вы делаете, вы делаете это медитативно – в медитации вы спите и в медитации просыпаетесь, – вы перешли старый дзенский барьер.

*Моя жизнь – бесследная жизнь облаков и рек.
Какая из этих гор станет моим домом?*

*Ты хочешь выследить меня?
Ха! Попробуй поймать в сеть бурю!*

Человек медитации, несомненно, становится настолько свободным, что пытаться поймать его – все равно что ловить сетью бурю. Все организации – это сети, и все государства и нации – не что иное, как сети. Все они пытаются поймать вас и заковать в разные цепи, обратить в рабство. А наша бессознательность такова, что мы даже восхваляем эти цепи, потому что они сделаны из золота, они очень древние, и это все, что у нас есть.

Человек может стать облаком, проходящим через все препятствия. Он может достичь полной свободы, когда он ни индуист, ни мусульманин, ни христианин, когда он перестает быть даже своим умом или телом – когда он становится чистым сознанием, когда он просто *есть*.

В этот момент вы можете войти в это бытие. Оно открыто – вам нужно только чуть-чуть потянуться.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Просветленный человек – всегда бунтарь?*

Маниша, все бунтари не просветленные, но все просветленные – бунтари. Можно быть бунтарем, не будучи просветленным. Ленин – бунтарь, Маркс – бунтарь, Толстой – бунтарь, Кропоткин – бунтарь, но ни один из них не просветленный. И их бунт касается очень обычных социальных, экономических и политических ситуаций.

Просветленный – тоже бунтарь, но его бунт не касается обычных вещей – например, имеют ли хариджаны право входить в храм, или нет. Его бунт имеет очень высокую природу. Его бунт в том, что все написанное фальшиво, потому что истина не вмещается в слова. Вот в чем его бунт: “Не смотрите назад, не смотрите вперед – просто закройте глаза и смотрите *внутри*; и в это самое мгновение ваши крылья раскроются, и все небо будет открыто для вас”.

Когда я говорю, что просветленный – всегда бунтарь, я не имею в виду бунт социальный, политический, экономический; я имею в виду только экзистенциальный бунт. Он – преобразившийся человек. Он знает собственное существо и знает его аромат. Он больше не играет в силовые игры, потому что нельзя иметь большей силы, чем цветение внутри собственного существа. Он не боится смерти, потому что знает: смерть – лишь фикция.

Таким образом, есть бунтовщики, которые пытаются изменить социальные формы, общество; коммунисты, социалисты, анархисты – это обычные бунтари. И есть будды, которые преобразили собственное существо, которые нашли свой жизненный источник. Обретя его, они превзошли все, что другим людям кажется таким важным; вся эта чепуха – быть вам индуистом, мусульманином или христианином – становится таким ребячеством.

Будда может только посмеяться над человеческой глупостью. Его смех делает его гораздо большим бунтовщиком, чем ваши так называемые великие бунтари.

Прежде чем мы войдем в нашу буддовость – чтобы просто расслабиться...

Старик Финкельштейн и бабуля Фагинбаум сидят на кушетке в доме для престарелых. Они говорят о золотых денечках своей молодости. Финк спрашивает:

– Ты когда-нибудь краснела?

– Конечно, – отвечает старушка. – Я краснела четыре раза в жизни. Первый раз – когда раздевалась перед своим мужем. Второй – когда раздевалась перед любовником. Третий – когда я делала это за деньги, и четвертый – когда я *платила* за это деньги. А ты?

Помолчав немного, Финк говорит:

– Я краснел дважды. Первый раз – когда не смог сделать это во второй раз. А второй раз – когда не смог сделать это *в первый раз!*

Пэдди хочет эмигрировать из Англии в Америку и приходит в американское посольство. Консул спрашивает его:

– Мистер Мерфи, почему вы хотите покинуть Англию и поехать в Америку?

– Это просто, – отвечает Пэдди. – В Америке есть Рональд Рейган, Джонни Кэш, Боб Хоуп и Стив Уандер. В Англии нет ничего, кроме Маргарет Тетчер – ни денег, ни надежды, и никаких чудес!

(В оригинале – игра слов: Кэш (cash – деньги), Хоуп (hope – надежда), Уандер (wonder – чудо) – прим. перев.)

Хемиш Мактавич неожиданно приходит домой и застаёт свою жену в постели с незнакомым мужчиной.

– Что здесь, черт возьми, происходит? – кричит он. – Кто этот негодяй?

Его жена некоторое время смотрит на него и отвечает:

– Пожалуй, это законный вопрос. – Она поворачивается к незнакомцу и спрашивает: – В конце концов, как тебя зовут?

Мисс Приспасс, школьная учительница, пытается объяснить маленькому Альберту, что такое вычитание.

– Послушай, Альберт, – говорит он, – если твой папа заработает тысячу долларов в неделю, у него вычтут сто долларов страховки, пятьдесят семь долларов на общественную безопасность и девяносто пять долларов налога, а затем он принесет половину твоей маме, что у нее будет?

Альберт смотрит на мисс Приспасс и говорит:

– Сердечный приступ.

Нэнси Рейган беспокоится за Рональда. Он все полнеет и полнеет, но категорически отказывается делать зарядку. Наконец, отчаявшись, Нэнси отводит его в новую фитнес-клинику.

Когда она через некоторое время заходит навестить Ронни, несчастный президент на грани агонии. Он пристегнут к монитору, и все его тело покрыто проводами. Он весь трясется и громко стонет, обливаясь потом.

– Прекрасные новости, миссис Рейган! – кричит Бруно Трактис, служитель. – Сегодня он сбросил пять фунтов.

– Чудесно, – говорит Нэнси. – Как вам это удалось?

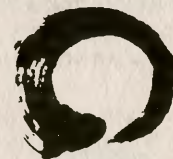
– Просто, – говорит Бруно. Он идет к Ронни и что-то шепчет ему на ухо. Тело президента начинает мелко дрожать и потеть, как будто он бежит марафон.

– Господи Иисусе! – восклицает Нэнси. – Что вы ему сказали?

Бруно подмигивает и говорит:

– Ошо в президенты. Йа-хуу!

А теперь, Ниведано... это подходящий момент, сделай удар!

Ниведано...

Будьте безмолвны.
Закройте глаза.
Никаких движений тела.
Идите внутрь.
Глубже и глубже.
Это ваш дом.

Ниведано...

Расслабьтесь.
Отпустите себя, просто умрите.
Эта безмерная тишина –
ваша вечность.
Это единственное святое место,
единственное священное писание.
Свободные от тела, свободные от ума,

вы – просто облака:
чистая свобода,
абсолютное сознание.

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будда.
Сядьте –
с тем изяществом, молчанием и радостью,
которые от вечности принадлежат вам.
Вы просто были заняты множеством бессмысленных вещей
и забыли себя.
Вспомните это, помните это
двадцать четыре часа,
день за днем.
Пусть это станет молчаливым потоком памяти:
что вы – будда.
Не роняйте достоинство.
И внезапно вы обнаружите,
что весь мир изменился.
Все осталось прежним,
и в то же время изменилось,
потому что у вас новое видение.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать всех будд?
- Да, Ошо.

14 июля 1988 года

ОШО!

Возлюбленный Ошо,

*Монах спросил Кёгена: "Что такое путь?"
Тот ответил: "Дракон, поющий на сухом дереве".
Монах сказал: "Я не знаю, о чем ты говоришь".
Кёген ответил: "Ученики глаз черепа".
Позже другой монах спросил Секисо: "Что такое 'дракон, поющий на сухом дереве'?"
Секисо ответил: "Это существо, исполненное радости".
Тогда монах спросил: "А что такое 'ученики глаз черепа'?"
Секисо сказал: "Это одеяние мудрости".
В другой раз монах снова спросил Сосана, что такое дракон, поющий на сухом дереве, и тот ответил: "Пульс не останавливается".
На вопрос об учениках черепа он ответил: "Не совсем сухой".
Монах спросил: "Может ли кто-нибудь услышать поющего дракона?"
Сосан ответил: "Во всем мире нет ни одного человека, который не слышит его".
Монах спросил, чьи это слова.
Сосан сказал: "Я не знаю, но любой, кто услышит их, потеряет жизнь".
Сосан сочинил стихотворение:*

*Дракон на сухом дереве
действительно видит Путь.
Глаза черепа окончательно
проясняются.
Знание доходит до своего предела,
и нечего сказать.
Кто может отличить чистое
от нечистого?*

Однажды монах, не зная, что говорит с мастером, спросил у Бокудзю дорогу к комнате мастера. Бокудзю снял сандалию и ударил его по голове. Монах убежал.

*Тогда Бокудзю окликнул его: "Ошо!", и монах повернул голову.
"Вот дорога", – сказал Бокудзю, показывая пальцем.*

Маниша, прежде чем войти в тайны дзен... Я получил угрозу от этого старого козла, Шанкарачарья Пури. Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, как сожжение живой женщины может вызвать дожди над Хайдебадом, он потребовал, чтобы правительство арестовало меня, потому что я привез в Индию СПИД. Он просто гений глупости.

Это единственный лагерь в целом мире, где каждый должен представить тест, что он не болен СПИДом. Как я мог завезти в Индию СПИД? Такую чушь нельзя терпеть, и я сказал ему: если он хочет спорить со мной, ему придется представить отрицательный тест на СПИД, иначе его не пустят в лагерь.

Он отказался представить тест. Почему он боится? Этот страх говорит о многом. На самом деле, СПИД появился в мире благодаря монахам всех религий, которые проповедуют целибат. Целибат автоматически ведет людей к извращениям. Если он действительно заинтересован, он должен получить справку – не только он сам, но и все священники его большого храма в Пури. При этом выяснится, что большинство из них – гомосексуалисты, потому что целибат – настолько противоестественное состояние, что неизбежно поворачивает вашу жизненную энергию в сторону какого-нибудь извращения.

Только сегодня у одного священника в Пуне обнаружили СПИД. Хитрый, как и все священники, он сдавал кровь под чужим именем, под чужим адресом. Но Национальный биологический институт смог опознать одного человека, и это был священник. Еще сорок шесть человек тоже больны СПИДом, и это не предел; но все эти сорок шесть человек неправильно указали имена и адреса, и Институт затрудняется найти их.

Я совершенно не боюсь ареста. Я готов оставаться в тюрьме всю свою жизнь – при условии, что все священники и монахи Индии сдадут анализ и смогут доказать, что они не больны СПИДом. Я говорю это с полной уверенностью, потому что знаю психологию гомосексуалистов. СПИД – окончательный результат тысячетлетнего целибата, насажденного людям во имя религии. В Индии среди священников, монахов и джайнов-бхикку будет больше больных СПИДом, чем в любой другой стране.

Если правительству достанет смелости, я рискну провести в тюрьме всю жизнь, но всех этих людей должны проверить. Это единственный лагерь – не только в Индии, но в целом мире, – куда вы не можете войти, не представив отрицательный тест на СПИД. И этот старый дурак говорит, что я привез СПИД в Индию?

Кроме того, он продолжает настаивать на том, что неприкасаемым не нужно ходить в храмы, потому что они – единственные возлюбленные Бога. Если возлюбленный не может войти в храм... либо Бог неправ, либо его любовь – обман, стратегия. По крайней мере, Шанкарачарья, который говорит это, который сам возглавляет один из самых крупных и древних храмов с сотней священников, первым должен ввести хариджанов, неприкасаемых в свой храм.

Если он человек своего слова, он не должен хитрить, говоря, что неприкасаемым не нужно входить в храм, потому что Бог встретит их снаружи. Это странная стратегия. Любовники встречаются интимно, внутри, это особое условие. Но он продолжает настаивать, что хариджанов не должны входить в храмы, и приводит абсолютно нелепую причину: потому что они возлюбленные Бога.

Любой хоть сколько-нибудь разумный человек увидит противоречие. Если они – Божьи люди, их первых должны пускать в храм и приветствовать там. И если они – единственный народ Божий, то именно они, а не брамины, должны быть священниками и шанкарачарьями, ведь Шанкарачарья не говорит, что избранный народ Божий, возлюбленные Бога – брамины.

Этот старик либо невротик, либо псих. Говорят, что псих – это человек, который уверен, что дважды два – пять; а невротик – это тот, кто знает, что дважды два – четыре, но очень беспокоится об этом: “Почему четыре?”

Так что он либо невротик, либо псих – он может выбрать, что ему больше нравится; но он, определенно, нуждается в психиатрическом лечении. Я не прошу правительство арестовать его, я хочу, чтобы правительство его госпитализировало.

Он такой забавный малый, мы с радостью приняли бы его здесь и насладлись всю ночь – это был бы праздник.

Я встречался с ним всего один раз, двадцать лет назад, в Патне, на всемирной конференции индуистов. Мы сидели рядом на трибуне. Увидев его, я подумал: возможно, Чарльз Дарвин был прав. И он доказал это! Когда я начал говорить, я стоял на углу сцены; а он пришел в такую ярость, так разозлился, что попытался вырвать у меня из рук микрофон и упал. Он упал со сцены высотой в двадцать футов и уцелел.

Он был председателем этой конференции и хотел, чтобы я вообще не говорил. Мне пришлось сказать ста тысячам людей, собравшимся на конференцию, что если они хотят, чтобы я говорил, они должны поднять руки – чтобы Шанкарачарья увидел, хотят ли люди меня слушать, или нет. Когда он увидел сто тысяч рук, поднятых за меня, я сказал ему: “Это лишает вас права быть председателем. Теперь ваше мнение неважно. Люди, собравшиеся здесь, хотят слушать меня, а вы можете пойти и спрыгнуть в любой колодец, в какой захотите”.

С тех пор он злится – двадцать лет! Если он приедет сюда, это будет восхитительный миг для всех вас. Но он должен привезти отрицательный тест на СПИД. А он не может этого сделать, потому что даже делать анализ крови ниже его достоинства – такой он эгоист. И эти эгоисты доминировали над человечеством многие века и продолжают доминировать до сих пор.

Вместо того чтобы арестовать его, правительство арестовало двести хариджанов, которые пытались войти в храм Натх Двара. Действия пра-

вительства абсолютно неконституционны. Конституция дает всем равные права. Если правительство хочет соблюдать закон и конституцию, люди, подобные этому Шанкарачарье и священникам Натх Двары, которые запрещают входить хариджанам в храм, должны быть арестованы. Но какая ирония! Эти бедные двести хариджанов арестованы в интересах высших, богатых слоев индийского общества.

Меня просто поражает, что хариджаны до сих пор остаются частью индийского общества. Их эксплуатируют, по меньшей мере, десять тысяч лет; это самая эксплуатируемая и забытая часть человечества. Они должны выйти из индуизма – не нужны никакие “измы”. Они не должны быть индуистами. Это так недостойно – индуистские писания лишают их права даже читать писание; индуистские писания запрещают им молиться в храмах; им запрещено даже касаться индуистов. Даже их тень не должна касаться индуиста; в противном случае, индуист должен омыться, чтобы очиститься.

И, тем не менее, эти бедные люди остаются частью индуистского общества. Вероятно, существует заговор между священниками-индуистами и правительством, что священники защищают свои храмы снаружи, а хариджаны, которые пытались... что плохого они могли сделать? Просто помолиться в храме... и если индуистский храм закрыт для определенной части общества, то эта часть, несомненно, должна оградить себя от такого унижения.

Индуисты поймут свое положение только в том случае, если хариджаны отделятся, потому что они составляют четверть индийского общества и выполняют самую грязную работу. Как только они выйдут из числа индуистов... индуисты сразу поймут – кто тогда будет мыть их туалеты, кто будет убивать и разделывать животных, кто будет делать обувь, кто будет чистить улицы? Вся грязная работа достается хариджанам.

На самом деле, это дает им огромную силу. Никто никогда не говорил им, что работа, которую они выполняют, такова, что, если они перестанут ею заниматься, через семь дней вся Индия провоняет. И пусть брамины моют туалеты, а шанкарачарьи чистят улицы – индуистам хватит семи дней, чтобы получить урок. Они придут к хариджанам и попросят: “Пожалуйста, приходите в наши храмы; без вас наши храмы – не храмы. Очистите наши храмы, войдя в них, иначе все общество окажется в трудном положении”.

Брамины не могут делать такие вещи, так же, как и другие высшие касты индуистов. Только один человек, Гаутама Будда, по-настоящему отвергал кастовую систему. И именно по этой причине буддизму пришлось исчезнуть из Индии.

Другим человеком, отрицавшим кастовую систему, был Махавира; но он был гораздо дипломатичнее Гаутамы Будды. Он отрицал кастовую систему, но продолжал использовать хариджанов в тех же целях, что и остальные индуисты. Именно по этой причине джайнизм стал небольшой

религией, ограниченной только деловыми кругами. Они не могли быть браминами; брамины не приняли бы их. Они не могли быть воинами, вторым по высоте классом, и не хотели быть хариджанами, четвертым классом – так что оставался только третий класс, деловые люди. Джайнизм пошел на компромисс, и поэтому я называю его религией трусов; они не могут существовать самостоятельно, им приходится зависеть от индуистов. Будда был абсолютно бескомпромиссен. Пока он был жив, люди собирались вокруг него, и его личная харизма... Но как только он умер, его людей стали резать, убивать или вынуждать становиться шудрами. Большинство шудр, неприкасаемых, ведут свое происхождение от последователей Будды.

В индуизме невозможно перейти в другой класс. Если вы хотите войти в индуизм, вам придется стать шудрой. Только четвертый класс открыт, высшие классы закрыты. Мне неприятно говорить, что джайнизм превратился в религию трусов, но если вы действительно отличаетесь от индуистов и не верите в кастовую систему, вы не должны ею пользоваться. Вы должны найти своих башмачников; вы должны найти чистильщиков туалетов в своей среде. Без этого вы ничего не значите; вы – просто тень индуизма, ваша революция недостаточно сильна. Вы отрицаете кастовую систему только в писаниях, а в жизни ведете себя точно так же, как индуисты.

Поскольку Будда не шел на компромиссы... это одна из причин моего уважения к этому человеку. Человечество едино, и всякого, кто хочет разделить его на тех, кто выше, и тех, кто ниже, следует поместить в психиатрическую клинику. Ему нужен хороший электрический шок, который приведет его в чувство – чтобы он мог увидеть, что дважды два действительно четыре.

Эти сутры некоторым образом связаны с тем, что я говорил сейчас, потому что последователи Будды не смогли жить в Индии, им не позволили там жить. Их либо сжигали, либо вынуждали стать шудрами, либо выгоняли из страны. Но в некотором смысле, нет худа без добра. Буддизм распространился по всей Азии – он пришел в Китай, Монголию, Корею, Тайвань, Японию, Бирму, Таиланд и Шри Ланку; вся Азия стала буддийской благодаря беженцам, покинувшим Индию из страха – они принесли весть Будды. Но это странный, невероятный факт: в Индии, которая гордо продолжает называть себя родиной Гаутамы Будды, буддизм исчез полностью.

Эти истории принадлежат высотам, достигнутым буддизмом вместе с даосизмом в Китае. Гаутама Будда и Лао-цзы были современниками, и это были люди равной озаренности и ясности. Оба они принадлежат универсальному разуму человечества. Поэтому, когда буддийские монахи пришли в Китай, они встретили радушный прием. Между даосизмом и буддизмом не было конфликта. Это необычный исторический факт, такого больше нигде не было. Христиане сражались с мусульманами, мусульма-

не воевали с индуистами, христиане сражались с иудеями – повсюду все так называемые религии конфликтовали. И это не только вербальный конфликт: они убивали друг друга миллионами.

Встреча буддизма и даосизма уникальна, исключительна. Монахи-даосы приняли беженцев-буддистов с большой любовью. И постепенно родилось новое явление, результат встречи буддизма и даосизма: дзен. Эти истории равной степени обладают качествами Гаутамы Будды и Лао-цзы. Два величайших человека, когда-либо жившие на Земле... из их встречи родилась самая значимая и самая благоухающая религиозность. Но это немного сложно понять, потому что и Будда, и Лао-цзы говорили на совершенно другом языке; а встреча их стала еще более сложной. Тем не менее, это огромная радость – проникнуть в эту сложность и найти алмаз, скрытый за этими словами.

Монах спросил Кёгена: “Что такое путь?”

Тот ответил: “Дракон, поющий на сухом дереве”.

Я должен объяснить вам: дракон – это мифологическое животное, он не существует. Но Кёген говорит, что путь – это “дракон, поющий на сухом дереве”. Дерево, которое засохло, и дракон, которого нет – если вы можете понять это, вы нашли путь. Исчезните как эго – подобно этому дракону; и отбросьте все свои мысли – подобно сухому дереву, с которого облетели все листья. И вы найдете свое сердце, поющее песню. Вы найдете путь, который ведет к самому сердцу существования.

В буддизме и даосизме нет никакого Бога. Все религии, которые верят в Бога – ребячество, они несерьезны. Вся вселенная божественна, вопрос только в пробуждении вашей божественности. Путь никуда не уводит вас, путь просто ведет вас к вашему собственному сердцу. Эго – это фикция, как дракон; а ваш ум, ваши мысли должны стать засохшим деревом. Лишь тогда вы можете найти свой жизненный сок, скрытый внутри вас. Это ваша истина, и, обретая ее, вы начинаете петь и танцевать от радости, потому что вы нашли вечное.

Монах сказал: “Я не знаю, о чем ты говоришь”.

Очевидно, монах пытался понять слова; он не мог увидеть, что Кёген не отвечает на его вопрос, а просто символически указывает ответ. Дракон не существует, а дерево не живо.

Кёген сказал: “Если ты не можешь понять это, давай попытаемся по-другому: *ученики глаз черепа*”. Конечно, у черепа нет учеников. Но просто будь скелетом, совершенно тихим, с закрытыми глазами... как будто ты умер – и ты нашел путь: внутри тебя поднимается необычайная осознанность, само существование хлынет на тебя. Оно поет в кукушках, оно цветет в розах, оно расцвело в вас людьми и может расцвести в вас

цветет в розах, оно расцвело в вас людьми и может расцвести в вас буддами.

Поэтому я обращаюсь к вам как моим буддам. Возможно, некоторые из вас могут молниеносно осознать это, а некоторые могут поспать немного дольше.

Но завтра мы снова попытаемся. Если вы пришли сюда, вы попались в сеть. Пока вы не станете буддой, вы не уйдете отсюда. К сожалению, такие места почти полностью исчезли из мира

Позже другой монах спросил Секисо: “Что такое ‘дракон, поющий на сухом дереве’?”

Секисо ответил: “Это существо, исполненное радости”.

Тогда монах спросил: “А что такое ‘ученики глаз черепа’?”

Секисо сказал: “Это одеяние мудрости”.

Эти истории кажутся абсурдными, но это не так. У них совершенно другая логика. Это не аристотелианская логика, разделяющая вещи и создающая диалектику, которая приходит к своей кульминации в работах Карла Маркса по диалектическому материализму.

Гаутама Будда, Лао-цзы и великие мастера буддизма и даосизма не верят в диалектику, они верят в единство. Нет никаких двух, есть только одно. Это одно выражается в миллионах форм; но сокровенная реальность едина.

Секисо говорит:

“Это одеяние мудрости”.

В другой раз монах снова спросил Сосана, что такое дракон, поющий на сухом дереве, и тот ответил: “Пульс не останавливается”.

Замечательный ответ: *“Пульс не останавливается”*. Даже если человек умер, он будет пульсировать где-то еще. Пульс не останавливается. Возможно, здесь он не дышит, но он может дышать где-то еще, в каком-то другом теле, в другой форме. Жизнь – это вечность, она абсолютно не знакома со смертью. Из конца в конец она пульсирует в разных формах, создавая разные песни.

В этом суть всех пробужденных.

“Пульс не останавливается”.

На вопрос об учениках черепа он ответил: “Не совсем сухой”.

Он говорит, что тот мастер любил пошутить. Он ответил на твой глупый вопрос, этого достаточно. Это показывает его сострадание. Он не совсем сухой, иначе он просто отказался бы отвечать.

Все вопросы глупы. Если на них отвечали, то делалось это из любви и сострадания. Но поскольку истину нельзя вместить в слова, приходится ходить вокруг да около. Все эти ответы просто говорят: “Пожалуйста, не задавай словесных вопросов. Призови свой поиск, призови свое молчание, и, не говоря ни слова, ты услышишь это, потому что оно находится внутри тебя – точно так же, как и внутри меня”. Мастер ничего не дает ученику. Наоборот, он забирает у ученика все и оставляет его в полном одиночестве, в абсолютной чистоте, отнимая все ложные идеи, личность, эго, идеологии, теологии. Мастер отнимает всю чушь, но не дает ничего. То, что вы находите, всегда было вашим. Вы не могли видеть это за ложью. Как только ложное понимается как ложное, истина утверждается в абсолютной чистоте и величии.

Монах спросил: “Может ли кто-нибудь услышать поющего дракона?”

Бедный малый все еще цепляется за эту метафору.

Сосан ответил: “Во всем мире нет ни одного человека, который не слышит его”.

Нужно только замолчать. В абсолютном молчании нет ничего, кроме песни – беззвучной песни и недвижимого танца.

Монах спросил, чьи это слова.

Сосан сказал: “Я не знаю, но любой, кто услышит их, потеряет жизнь”.

Пока вы не потеряете свою жизнь, вы не сможете вкусить вселенской жизни. Пока вы не отбросите все оборонительные сооружения между собой и существованием, вы останетесь каплей росы, вы не сможете узнать, что такое быть океаном. Вы останетесь каплей на листе лотоса; но отважьтесь на прыжок, и под этим листом – океан. Когда вы в океане, вы, несомненно, перестанете быть собой, вы станете целым океаном.

Сосан сочинил стихотворение:

*Дракон на сухом дереве
действительно видит Путь.
Глаза черепа окончательно
проясняются.*

*Знание доходит до своего предела,
и нечего сказать.*

Кто может отличить чистое

от нечистого?

Для человека осознания нет ничего чистого и ничего нечистого; есть только реальность и тень реальности, за которую он до сих пор цеплялся.

Однажды монах, не зная, что говорит с мастером, спросил у Бокудзю дорогу к комнате мастера. Бокудзю снял сандалию и ударил его по голове. Монах убежал.

Тогда Бокудзю окликнул его: “Ошо!”, и монах повернул голову.

“Вот дорога”, – сказал Бокудзю, показывая пальцем.

Что произошло в этой истории? Пока вы не потеряете голову, вы не можете найти сердце. Ударить монаха по голове – просто способ сказать: “Пожалуйста, перестань думать”. Кроме мыслей, ничто не препятствует истине. Но монах испугался: “Кажется, это сумасшедший. Я спрашиваю дорогу к комнате мастера, а он бьет меня. Лучше убежать отсюда. Он может сделать что-нибудь похуже”. Поэтому он убежал.

Бокудзю окликнул его: “Ошо!”

“Ошо” – очень почтительное слово. Так называют почти божественных людей. Оно настолько почтительно, что только ученик называет мастера “Ошо”.

Бокудзю крикнул ему вслед: “Ошо!” – это означает: “Не бойся и не сбегай. Это ниже твоего достоинства. Для меня ты заслуживаешь такого же уважения, как сам Будда”. И после этого “Ошо!” он сказал, показывая на свою комнату: “Вот дорога”.

В сегодняшнем мире такой случай невозможен, если вы недостаточно смиренны. Если мастер ударит вас сандалией по голове, вы начнете драться с ним. Вы не подумаете, что это человек, достойный уважения. Он покажется вам ненормальным – вы просто спрашиваете дорогу, а он бьет вас.

Но когда-то существовал другой мир. Бокудзю сделал и то, и другое: сначала он ударил его сандалией по голове, а затем назвал его “Ошо”: “Ты тоже мастер; кого ты ищешь? Если ты ищешь мастера, вот путь. Брось свою голову здесь; будь смиренным, невинным. В молчании, без мыслей ты можешь найти мастера”.

Иккью написал:

*Не принимай близко к сердцу;
истинный путь один,
он такой, каков есть;
их не два, не три.*

Только один.

Стихотворение Дзенгецу:

*Ум, ум, ум – над дорогой.
Здесь, на своей горе, свесив седые волосы,
я лелею ростки бамбука, обсаживая их бережно
веточками сосны.
Воскуря благовония, я открываю книгу:
туман над мостовой.
Отворачивая шторы, я созерцаю:
луна в пруде.
Многие ли из моих старых друзей
знают Путь?*

Дзен придал словам потрясающую красоту.

*Луна в пруде.
Многие ли из моих старых друзей
знают Путь?*

Путь просто превыше ума; просто оставьте ум в стороне.

Здесь мы делаем это каждый день – отодвиньте ум в сторону, и дверь открыта. И внезапно вы во внутреннем пространстве, которое является вашим сокровищем.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Разве не все на Пути – старые друзья и новые, – знаем мы об этом,
или нет?*

Маниша, никакого пути нет. Каждый человек – либо бодрствующий будда, либо спящий. Между сном и бодрствованием нет пути. Каждый день, когда вы просыпаетесь утром... вы когда-нибудь думали, где заканчивается сон и начинается бодрствование? Между сном и бодрствованием нет даже маленького расстояния. То, что верно в обычном мире, верно также и для конечного опыта. Вы – спящие будды. Спящего будду называют бодхисатвой – буддой по сути, буддой в семени. Пусть семя исчезнет в земле, пусть придут дожди – и прорастут зеленые листья, расцветут цветы. Никаких различий нет. Каждый человек либо спит, либо бодрствует.

Вот почему я всех вас называю буддами. Какая разница, если кто-то проснулся сегодня, кто-то – вчера, а кто-то ждет завтра? Буддовость есть – спите вы или бодрствуете. Мы будем и дальше стараться – тянуть тебя за ногу, бить по голове. По сути, любое средство направлено на то, чтобы разбудить вас, сделать действительно бодрствующим, колонной сознания.

Она задала другой вопрос:

*Возлюбленный Ошо,
Ты называешь нас “буддами” – как Бокудзю в этой истории назвал монаха “Ошо”, – чтобы напомнить нам о Пути?*

Не о пути, Маниша – чтобы напомнить вам о вас самих. Путь – всегда долгое путешествие. Никакой путь не нужен. Вы можете бодрствовать прямо здесь, сейчас, не ходя ни по какому пути. Я не говорю о пути, я говорю о пробуждении в этот момент – как молния, как удар грома. И я не думаю, что если вы решите поспать чуть дольше, в этом есть что-то плохое.

Да, Маниша, я всех вас называю буддами в том же смысле, что и Бокудзю, называющий монаха “Ошо”. Я люблю и уважаю вас; бодрствуете вы или спите – это пустяки. Это такие пустяки, что перед медитацией мы немного посмеемся.

– Эй, Донателли, – кричит Риццокола, – задергивай шторы, когда целуешься с женой. Я видел вас прошлой ночью. Я все видел!

– Ха-ха! – смеется Донателли. – Как я над тобой подшутил. Простой ночью меня не было дома!

Большая Берта Балони однажды садится в такси в ночном Нью-Йорке. Проехав немного, она внезапно вспоминает, что забыла кошелек и ей нечем заплатить за проезд. Счетчик показывает десять долларов, когда Берта кричит:

– Эй, мистер шофер, лучше остановитесь! Мне нечем вам заплатить!

– О, все в порядке, – говорит водитель. – Я сверну на эту маленькую улочку, переберусь к вам на заднее сиденье, сниму с вас трусики...

– Погодите! – перебивает миссис Балони. – Мистер, это плохая сделка. Мои трусики стоят всего сорок девять центов!

Брайан Боллуорти – неопытный молодой человек. Он слышал, что верный способ возбудить сексуальное желание в девушке, которая не отвечает на обычные формы ухаживания – это положить ее руку прямо на свой член.

Он едет на свидание, но сестринский поцелуй – это все, что он через час получает в награду за труды. Тогда Брайан решает применить свою новую технику. Он берет руку девушки и кладет ее прямо на свой член. Реакция следует мгновенно. Девушка раздражается длиннейшим потоком ругательств, который он когда-либо слышал. Оглушенный, он пытается возражать, но она не слушает и требует, чтобы он немедленно отвез ее домой.

Когда они подъезжают к дому ее родителей, она снова начинает на него кричать. Наконец, у нее кончается дыхание, и она говорит:

– Ну что, можешь ты что-нибудь мне сказать?

– Да, – морщится от боли Брайан. – Пожалуйста, отпусти!

Теперь, Ниведано... первый удар.

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Никакого движения в теле.

Просто замерзните,
чтобы вы могли войти внутрь себя.

Эта тишина – Ошо,

эта тишина – будда.

Глубже, глубже, глубже.

Чем глубже вы идете, тем более океаничным
становится переживание.

Капля росы скользит с листа лотоса
и исчезает в океане.

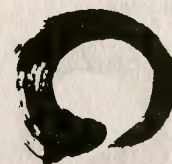
Это наша вечная реальность.

Это наша божественность.

Нет другого Бога, кроме этого переживания.

Нет другой молитвы,
кроме этой невероятной тишины,
этого покоя, этого экстаза.

Сделай его глубже, Ниведано...

Расслабьтесь, как будто вы умерли.

Тело может продолжать дышать, но вы оставайтесь внутри.

Как можно сильнее затяните себя внутрь.

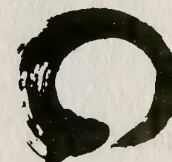
Чем больше вы внутри,
тем больше пробуждается будда.

В самом центре вашего существа
вы испытываете высшее переживание
бытия будды.

Пейте его, пусть оно проникнет в каждую фибру и клетку
вашего тела, вашего ума.

Храните его внутри двадцать четыре часа –
как тихое пламя,
освещающее ваш путь, напоминающее вам,
что вы – цель, а не средство,
Бог, а не преданный,
искомое, а не ищущий.

Ниведано...

Вы все можете вернуться
и несколько секунд просто посидеть как будды,
в своем великолепии,
в своем изяществе.

Блаженна ночь
со столькими буддами,
вдыхающими одну и ту же песню,
слышащими одну и ту же музыку,

чувствующими пульс самой вселенной.
Нет никакой религиозности, кроме этой.
И эта религиозность –
ни христианская,
ни индуистская, ни мусульманская.
Это свобода от всех ограничений,
она не знает предела.
Будьте беспредельными, будьте океаном.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем ли мы праздновать собрание стольких будд?
- Да, Ошо.

15 июля 1988 года

ОБЛАКА НИКОГДА НЕ СУЕЯТСЯ

*Возлюбленный Ошо,
Однажды монах спросил Джошу: "Что такое тело без болезни?"
Джошу сказал: "Тело, сделанное из четырех элементов и пяти скандх".*

*В другой раз Уммон спросил монаха: "Кто ты по профессии?"
Тот ответил: "Я – начальник лазарета".
"Я имел в виду не это! – сказал Уммон. – Есть ли кто-нибудь не больной?"*

"Я не понимаю", – ответил монах.

"Почему ты не можешь понять?" – спросил Уммон.

Монах молчал, и тогда Уммон сказал: "Задай мне тот же вопрос".

Монах спросил Уммона: "Кто такой человек без болезней?"

Уммон показал на ближайшего монаха.

Однажды больной монах в лазарете попросил, чтобы к нему позвали Тодзана. Когда Тодзан пришел, монах сказал ему: "Почему ты не спасешь обычных людей?"

Тодзан спросил у него: "Кто твои родные?"

Монах ответил: "Великая семья икчантика".

Тодзан некоторое время молчал. Затем монах спросил: "Что делать, когда четыре горы сходятся и теснят нас?"

Тодзан сказал: "Я сам вышел из-под семейной крыши".

Монах спросил: "Существует ли относительность или не-относительность?"

Тодзан ответил: "Ни того, ни другого".

Монах спросил: "Куда ты позволишь мне идти?"

"На рисовое поле", – ответил Тодзан.

Монах тяжело вздохнул, сказал "Прощай" и умер сидя.

Тодзан трижды постучал посохом по его голове и сказал: "Ты знал, как умереть, но не знал, как жить".

Когда Сосан был на пороге смерти, он сочинил стихотворение:

Моя дорога – за пределами синего неба;

облака никогда не суетятся.

В этом мире есть дерево без корней;

его желтые листья стелются по ветру.

Сказав это, он скончался.

Маниша, прежде чем войти в эти необыкновенно важные истории, я снова должен ответить этому старому козлу из Пури, Шанкарачарье. Он такой *милый!* Он продолжает изобретать такие вещи, которых вы даже вообразить не можете. Теперь он выступил с идеей, что я каждый день возглавляю в ашраме процессию голых женщин. Как вы думаете, могли бы вы придумать такое?

Что ж, эти семь тысяч человек – свидетели; но кто скажет этому идиоту?..

(Сардар Гурудаял Сингх в задних рядах зала громко смеется).

Я должен послать Сардара, потому что это спор между Пуной и Пури. Только Сардар может убедить его, если три раза стукнет по голове и скажет: “Перестань нести чепуху”.

Второе, что он сказал – что он не может представить отрицательный тест на СПИД, потому что он целибат. Целибат он или нет, если он хочет разговаривать со мной в этом собрании будд, ему придется представить тест. И как раз потому, что он целибат, справка совершенно необходима.

Именно из целибата возник гомосексуализм, а СПИД – окончательный расцвет гомосексуализма. Это очень религиозное явление. Буддийские, христианские, индуистские монахи – родоначальники гомосексуализма. И эти монахи полностью ответственны за то, что принесли в мир СПИД. Причина СПИДа – целибат.

Эта мысль, что я хожу во главе процессии голых женщин, просто доказывает, что он действительно стал индуистским святым, потому что все индуистские писания полны рассказов о том, что когда индуистский святой достигает вершины мудрости, Бог пугается, потому что этот святой может свергнуть его с трона. Поэтому он посылает красивых женщин, чтобы смутить ум мудреца. И, конечно, до сих пор это ему удавалось, потому что Бога никто не сменял.

Но это, несомненно, доказывает одно: что Шанкарачарья Пури – мудрец. Ему начали сниться процессии обнаженных апсар. Апсары – это небесные проститутки. Но зачем мне входить в его сны? Для меня он – хариджан, неприкасаемый.

Это напоминает мне великое прозрение Зигмунда Фрейда: что людям, долгое время соблюдающим целибат, начинают сниться женщины; или, если это женщины, им начинают сниться мужчины. Эта идея о процессии прекрасно подходит для индуистского мудреца. Но я не лидер этой процессии. Возможно, это Свами Агнивеш, который постоянно возглавляет демонстрации хариджанов и который только что заявил, что будет проводить демонстрации в Бихаре, Карнатаке и других штатах. Но Шанкарача-

рья, на самом деле, боится меня, а не Агнивеша. Ему страшен я, потому что Агнивеш принадлежит к той же прогнившей традиции. Они просто играют разные роли, эксплуатируя индуистов. Один эксплуатирует высшие классы, другой – низшие; но цель у них одна. Должно быть, он боится меня, если видит меня в своих снах.

Зигмунд Фрейд открыл, что вы видите сны только если что-то подавляете. Должно быть, он подавляет большой гнев против меня, иначе я бы не снился ему. Но я не отвечаю за его сны, он может видеть во сне все, что хочет.

В Египте был фараон, который объявил всему царству, что если кто-нибудь вторгнется в его сны, на следующее утро этому человеку отрубят голову. Все придворные очень испугались, потому что это очень странно: никто не может войти в чужой сон. Это *его* сон, он проецирует что-то, а потом сваливает ответственность на кого-то другого.

Шанкарачарья, должно быть, видит во сне голых женщин. Но самое странное то, что я возглавляю эту процессию. Он знает, что я буду разоблачать его. Его страх, гнев и подавленный секс, вместе взятые, создают этот сон. Но никто, кроме него, в этом не виноват.

Он выдвинул еще одну новую идею; он всегда выступает с новыми идеями, он такой оригинальный идиот! В целом мире вы не найдете никого, кто сравнился бы с ним. Он пришел к выводу, что мужчины и женщины не равны и не могут быть равны, потому что у них разные сексуальные органы.

Это новый критерий, о котором никогда раньше не слышали. А он когда-нибудь интересовался грудью?

Если гениталии будут решать, кто выше и кто ниже, то женщина должна взять верх, потому что она – мать. Только подумайте: если бы у мужчин и женщин были одинаковые гениталии, как тогда могли бы появиться на свет идиоты вроде Шанкарачарьи Пури? Мир был бы очень скучным – все ходили бы туда-сюда с повисшими сексуальными органами и плакали. Различие между мужчиной и женщиной не означает, что они не равны. Это просто значит, что они разные; они должны отличаться, иначе не было бы воспроизведения. Но только из-за того, что женщины отличаются, вы не можете осуждать их как низших.

Индуизм делал это многие века, так что я не могу винить Шанкарачарью. Он просто повторяет старые прогнившие писания, как попугай, не беспокоясь даже о том, что над ним будут смеяться. Он очень смел, его не волнует, что подумает мировая интеллигенция о нем и о его религии.

Я хочу, чтобы другие семь Шанкарачарий – потому что в Индии восемь Шанкарачарий, в соответствии с восемью направлениями – встретились и свергли этого идиота. Он наносит непоправимый вред их религии, их респектабельности; он делает из индуизма посмешище. Но все эти семь Шанкарачарий хранят молчание. Возможно, они согласны с ним.

Конечно, он опирается на индуистские писания. Поэтому индуизму нужна революция, чтобы избавиться от всей этой чепухи, которой он придерживается тысячи лет: что женщина – низшее существо, что шудра – неприкасаемый; что брамина следует уважать, достоин он этого или нет. Все это мракобесие необходимо выкинуть. Но из-за этих людей, претендующих на то, чтобы стоять во главе религии, миллионы индуистов не могут даже задать вопрос. Поскольку я поднял вопрос против Шанкарачарьи, ко мне начали приходить письма, в которых говорится: “Вы оскорбляете нашего главу”.

У этого человека есть голова? Мог ли я оскорбить человека, у которого нет никакой головы? Это он вызвал меня на дискуссию, но теперь он об этом не говорит. Понимая ситуацию, он перестал говорить о дискуссии – вместо этого он начал просить правительство арестовать меня. Какое преступление я совершил, чтобы меня арестовали? Я только задал вопрос дураку и назвал вещи их именами – это не преступление!

Теперь побудем – одно мгновение – духовными.

Однажды монах спросил Джошу: “Что такое тело без болезни?”

Джошу сказал: “Тело, сделанное из четырех элементов и пяти скандх”.

Этот монах спрашивал: “Есть ли в теле что-нибудь, что не болеет?” – поскольку, что касается тела... оно полно болезней, затем приходит старость, и в конце – смерть.

Джошу отвечает очень тонко. Он говорит, что тело сделано из химических элементов и психики, но за ними стоит некто наблюдающий; что оно сделано из четырех элементов и пяти скандх; и что наблюдатель не подвержен болезням, неподвластен рождению и смерти.

В другой раз Уммон спросил монаха: “Кто ты по профессии?”

Тот ответил: “Я – начальник лазарета”.

“Я имел в виду не это! – сказал Уммон. – Есть ли кто-нибудь не больной?”

“Я не понимаю”, – ответил монах.

“Почему ты не можешь понять?” – спросил Уммон.

Монах молчал, и тогда Уммон сказал: “Задай мне тот же вопрос”.

Монах спросил Уммона: “Кто такой человек без болезней?”

Уммон показал на ближайшего монаха.

Дзен настолько необычен в своих методах и средствах, что до тех пор, пока вы не станете очень тихими и не придете в глубокую медитацию, вы не поймете даже эти простые истории. Когда монах снова спросил: “Кто

такой человек без болезней!”, Уммон, ничего не говоря, указал на ближайшего монаха, спрашивая его: “У тебя тоже есть какой-то вопрос?”

Это означает, что вопрос, заданный тем монахом, не имеет ответа. Внутри вас есть некто, неподвластный болезни; даже когда вы больны, ваше сознание так же здорово и целостно, как всегда. Вы можете быть ребенком, вы можете быть юношей, стариком, вы можете умирать, но ваше сознание остается нетронутым никакими болезнями. И это – ваша реальность, ваше существование.

Задавать ненужные вопросы означает просто напрасно тратить время мастера.

Однажды больной монах в лазарете попросил, чтобы к нему позвали Тодзана. Когда Тодзан пришел, монах сказал ему: “Почему ты не спасаешь обычных людей?”

Тодзан спросил у него: “Кто твои родные?”

Монах ответил: “Великая семья икчантика”.

Это слово, “икчантика”, происходит от санскритского “икантика”. Во времена Гаутама Будды было две школы мыслителей. Школа икантиков верила, что есть только одно сознание, одно существование. “Ик” означает “один”, и от “ик” происходят слова “икант” и “икантика” – они верят только в один космос.

Другая школа называлась “аникант”. Джайнизм относится к этой второй школе; они верили, что есть столько же душ, сколько живых существ. И эти души даже в окончательной реализации сохраняют свою индивидуальность. Гаутама Будда – не икантика.

Это очень трудно понять, пока вы не поймете разницу между личностью и индивидуальностью. Личность будет утрачена. По мере вашего восхождения личность исчезнет, это всего лишь бумажная обертка. Но это не значит, что ваша индивидуальность, ваш центр, исчезнет. Нет – она будет вибрировать вместе с вселенной, она будет танцевать вместе с вселенной, между нею и вселенной не будет барьера; но она останется такой же индивидуальной, какой была всегда.

Чтобы прийти к этой индивидуальности, к этому одиночеству, которая не противопоставлена вселенной, но абсолютно гармонична с ней... В некотором смысле можно сказать, что вы исчезли в океане, или что океан исчез в вас. Но одно несомненно: то, что никаких барьеров больше нет, ничто не разделяет вас. Но это не вопрос обсуждения; это нечто такое, что нужно испытать. Капля росы, падающая в океан – со стороны кажется, что она исчезает, но внутри она остается собой, хотя и теряет все различия, все разграничения, все разделения. Она становится одним с космосом, и все же она *есть*.

Это ощущение бытия в окончательной реализации становится еще более острым и отчетливым. Поэтому, когда монах сказал: “Я происхожу из большой семьи икчантика”, –

Тодзан некоторое время молчал. Затем монах спросил: “Что делать, когда четыре горы сходятся и теснят нас?”

Тодзан сказал: “Я сам вышел из-под семейной крыши”.

Монах спросил: “Существует ли относительность или не-относительность?”

Тодзан ответил: “Ни того, ни другого”.

Монах спросил: “Куда ты позволишь мне идти?” – ты закрываешь мне все двери!

Тодзан был человеком великого понимания. Он сказал: “*На рисовое поле*”.

Монах тяжело вздохнул, сказал “Прощай” и умер сидя.

Тодзан трижды постучал посохом по его голове...

Как раз это должен сделать Сардар Гурудаял Сингх.

Тодзан трижды постучал посохом по его голове и сказал: “Ты знал, как умереть, но не знал, как жить”.

То, что действительно важно – это искусство жить. Если вы знаете, как жить, вы автоматически будете знать, как умереть. Но умения умирать недостаточно; каждый может совершить самоубийство. Есть простые способы покинуть тело.

Даже без помощи яда – в йоге, тантре, дзен есть методы остановить сердце и дыхание. Кому-то это может показаться чудом, но это не путь для разумного человека, это не путь будды. Сначала вы должны научиться правильно жить – осознанно, сознательно, с любовью и состраданием. Ваша жизнь сначала должна стать танцем, который достоин того, чтобы вернуть его существованию. Смерть – мелочь, дело одного мгновения. Вы умрете в долю секунды, а жизнь вечна. Но если вы знаете изящество, красоту, радость и величие жизни, вы умрете радостно, смеясь, потому что знаете: смерть – фикция, величайшая фикция. Ее нет, вы просто меняете дом.

Мне вспомнился мулла Насреддин. Однажды ночью к нему в дом забрался вор. Он спал; но он открыл один глаз, посмотрел на вора и закрыл его. Вор немного испугался: “Странный человек; он открывает глаз, смотрит на меня, но ничего не говорит и абсолютно спокоен!” Так что он быстро собрал все, что мог; а когда он собрался уходить, мулла Насреддин взял одеяло, завернулся в него, потому что ночь была холодная, и пошел за воров.

Вор оглянулся и спросил:

– Что ты делаешь?

Он ответил:

– Ничего; мы же переезжаем. Ты все уносишь, что же мне остается делать? Я иду с тобой.

Просветленный человек просто меняет дом. Когда тело становится слишком старым и вам перестает доставлять радость находиться в старом разваливающемся доме, вы покидаете его. Но вы можете покинуть его либо сознательно, либо бессознательно. Если вы покинете его бессознательно, вы не узнаете, что произошло. Вы откроете глаза в какой-нибудь утробе, не зная, откуда пришли и почему вы оказались здесь. Вы родитесь, но не будете знать, почему родились.

Если вы не можете умереть сознательно, вы не сможете родиться сознательно; это два полюса одной реальности. Человек, который может умереть сознательно, медитативно, либо переходит в другую утробу – если его сознание еще не тотально, – либо движется в бесформенное небо; теперь он больше не в рабстве. Нет никакого рабства, кроме бессознательности.

Когда Сосан был на пороге смерти, он сочинил стихотворение...

Посмотрите на этих странных людей: он собирается умирать и пишет стихи! В дзен стало традицией, что перед смертью вы должны написать стихотворение, чтобы оставить свое озарение для будущих поколений, чтобы показать: вы умираете не бессознательно, что вы знали о приближении смерти. Если вы не знаете, что смерть приближается, как вы можете написать последнее стихотворение?

Он написал:

Моя дорога – за пределами синего неба;

облака никогда не суетятся.

В этом мире есть дерево без корней;

его желтые листья стелются по ветру.

Сказав это, он скончался.

Какая смерть, и какая жизнь!

Сегодня я как раз получил из Европы сообщение о том, что знаменитый астролог, которого почитают почти за пророка, много лет назад объявил дату своей смерти. И вот этот день пришел, и он оказался в большом затруднении. Он совершил самоубийство.

Это не путь дзен. Они не совершают самоубийств, они просто видят, что это тело нуждается в отдыхе, что оно сделало свою работу. Эта жизнь

принесла свои плоды, в этой жизни они испытали все возможное, и теперь пришло время уходить в странствие. Они называют это “облачным странствием” – плыть как облако, без всяких тревог, без направления, не зная, куда ты направляешься, просто наслаждаясь самим движением.

Хайку гласит:

*Если ты не веришь,
взгляни на сентябрь,
взгляни на октябрь –
как желтые листья падают
и заполняют горы и реки.*

Пробужденный человек просто опадает, как сухой лист, когда приходит время. Нет недовольства, цепляния, нет желания продолжать жить в этом теле – есть лишь абсолютная вера, что жизнь продолжается. Но это возможно только если вы вошли в себя и испытали непрерывность существования.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
И жизнь, и смерть мы превращаем в борьбу. Не лучше ли научиться
просто красиво жить, пока живешь, и красиво умирать, когда умираешь?*

Маниша, пока вы не пробудитесь для своего внутреннего существа, это умение недоступно вам – красиво жить, пока живешь, и красиво умереть, умирая. Красота – это тень сознательности. В момент бессознательности вы теряете свою красоту, свое изящество; вы теряете все, что жизнь готова вам дать, потому что вы не готовы принять это.

Мы снова сегодня попытаемся умереть изящно, а потом посмотрим, многие ли вернутся изящно. Некоторые приходят слишком быстро, они просто ждали Ниведано. Кто-то задерживается дольше, наслаждаясь прекрасной смертью, а потом они встают и направляются в кафе, потому что Будда-холл не место для того, чтобы умереть навеки. Это место для того, чтобы жить вечно. Если вы хотите умереть, можете пойти в кафе.

Карузо и его приятель Леонардо, два итальянских сверчка, встречаются в саду. Карузо сильно хромает, и Леонардо замечает, что его член перевязан.

– Что с тобой стряслось? – спрашивает он.

– Прошлой ночью, – говорит Карузо, – мне захотелось заняться любовью. Я надел свой лучший костюм, начистил крылышки и полетел на городские огни.

– Но почему у тебя повязка? – спрашивает сверчок Леонардо.

– Так вот, – продолжает Карузо, – я летел, летел, и вдруг увидел роскошную светлячиху. Я медленно и бесшумно подлетел и прыгнул на нее!

– Ух ты! – восклицает Леонардо. – И что дальше?

– Мамма миа! – кричит Карузо. – Это была не светлячиха, это была чья-то старая сигара!

Устроившись в отеле, отец О’Дилли находит на ночном столике Библию. Пару часов он читает ее, затем выходит из комнаты и направляется в вестибюль, где заводит разговор с хорошенькой молодой дежурной.

Когда она заканчивает работу, они идут в бар, чтобы немного выпить, затем возвращаются в номер О’Дилли; но, когда священник начинает с ней одеваться, у девушки возникают сомнения.

– Вы уверены, что поступаете правильно? – спрашивает она. – Вы же священник!

– Не волнуйся, дорогая, – отвечает он, – так написано в Библии.

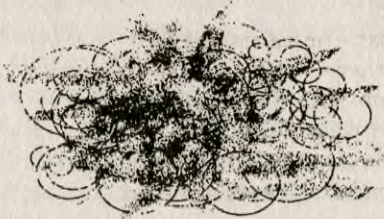
Она верит, и они проводят самую приятную ночь. Утром, собираясь уходить, девушка говорит:

– Знаете, отче, я что-то не припомню то место из Библии, о котором вы говорили ночью. Не могли бы вы показать его мне?

Священник берет с ночного столика Библию, открывает первую страницу и показывает на надпись карандашом внизу: “Дежурная в вестибюле трахается!”

Теперь, Ниведано, дай первый удар...

Ниведано...

Будьте безмолвны, закройте глаза, не двигайтесь,
как будто вас заморозили.
В этой тишине войдите внутрь.
Глубже, глубже, без всякого страха.
Это ваш дом.
Идите вглубь – как молния, как стрела,
летящая к центру.
И чем ближе вы к центру,
тем более вы созвучны существованию.
Это единственная молитва, единственное поклонение.
Когда вы в центре,
ваше сердце бьется в такт со вселенной.
Это и есть смысл жизни.

Глубже, Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя, умрите.
Не беспокойтесь.
Пусть тело продолжает дышать,
оно позаботится о себе, оно знает свое дело.
Сосредоточьте свое сознание внутри.
В этот тихий миг вы становитесь буддами.
Каждый день вы становитесь буддами

и снова забываете.
Хотя бы на этот раз – не забывайте,
потому что, кто знает –
будет ли завтра, или нет.
Идите как можно глубже, не оглядывайтесь.
В полном сознании даже смерть – танец;
без сознательности даже жизнь не ценна.
В этой тишине
расцвели все розы, все лотосы.
В этой тишине проявилось изящество,
любовь, свобода
Эта тишина – источник
всей великой поэзии, искусства, музыки.
Пусть эта тишина станет
вашим двадцатичетырехчасовым присутствием.
Я говорю это, потому что
если это возможно для меня,
почему это невозможно для вас?

Ниведано...

Позови всех будд обратно к жизни,
и посидите несколько секунд молча,
в этой невероятной сокровищнице,
которую вы открыли,
в огромном небе, которое открылось для вас –
синее небо над облаками.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать тысячи будд, собравшихся здесь?
- Да, Ошо.

16 июля 1988 года

ВЕЛИКИЙ ВОПРОС

Возлюбленный Ошо,

Тодзан спросил монаха: “Что самое ужасное в мире?”

“Самое ужасное – это ад”, – ответил монах.

“Нет, – сказал Тодзан. – Самое ужасное – это носить эту мантию, не понимая великого вопроса.”

Затем, обращаясь ко всем собравшимся монахам, Тодзан сказал:

“Покойный мастер Ву Цзы однажды совершил омовение, возжег благовония, сел прямо и сказал своим ученикам: ‘Тело реальности абсолютно неподвижно, хотя создается видимость прихода и ухода. Тысяча мудрецов происходят из одного и того же источника; бесчисленные осознающие, в конечном счете, – одно. Я – мыльный пузырь, который сейчас лопнет; что толку печалиться? Не тревожьте свой ум; просто поддерживайте полную осознанность. Если вы следуете этому наставлению, вы поистине вознаграждаете меня за доброту. Если вы упрямо противитесь тому, что я говорю, вы – не мои ученики’.

В этот момент монах спросил Ву Цзы: ‘Куда ты идешь?’, и Ву Цзы сказал: ‘Никуда’.

Монах спросил: ‘Почему я не вижу?’

Ву Цзы ответил: ‘Это невидимо для глаз’.”

Рассказав этот случай монахам, Тодзан прокомментировал: “Ву Цзы был адептом”.

Маниша, возможно, дзен – единственный путь, который привел тысячи людей к высшей реальности. И, в определенном смысле, он так прост. Всегда были трудные пути, пути самоистязания. Это религии, которые есть не что иное, как мораль; они временны, они не имеют никакого отношения к высшим ценностям существования.

Дзен – не мораль. Он никогда не говорит, что хорошо и что плохо. Он никогда не говорит о святых и грешниках. Он настолько уважает реальность – ничто во всей истории не сравнится с этой почтительностью. Он уважает не только людей, но и этих сверчков, этих кукушек, ворон. В чем бы ни проявлялась жизнь, дзен ощущает ее как одну и ту же жизнь. Он не классифицирует; никто не выше и не ниже – все это лишь разные формы изобильного существования. Оно цветет многими формами, многими цветами; оно танцует множеством способов и во многих формах; но внутри скрывается один и тот же вечный принцип.

Дзен также не относится к категории обычной религии, потому что в нем отсутствует теология, Бог, все эти нелепые вопросы, которые веками не давали людям покоя. Дзен свел всю религиозность к единственной точке внутри вас. Эти истории снова и снова возвращают вас к ней. Помните: высшее внутри вас, а не в уме. Оно за пределами ума, но внутри вас.

Ум – небольшой уголок в вас, небольшой механизм. Он полезен, если вы понимаете, как он работает; но если вы этого не понимаете, он опасен, потому что он имеет тенденцию возобладать над вами, стать хозяином и увести вас на путь власти, денег и престижа. Вы теряетесь в джунглях желаний, стремлений; вы живете с жаждой и умираете с жаждой, в то время как источник всего находится внутри вас.

Дзен отсекает всю эту чепуху. Это двадцатичетырехкратное золото, безо всяких примесей. Это делает его очень простым и, в то же время, очень трудным. Он труден, потому что простое – это самая трудная для понимания вещь в мире. Он прост, потому что от вас вообще не требуется что-то делать. Просто сидите молча, успокоившись внутри себя – и вы пришли в место, которое является вашим домом и всегда было вашим домом. Это само ваше существо.

Помните, в любой из этих историй один и тот же основной принцип.

Тодзан спросил монаха: “Что самое ужасное в мире?”

Конечно, монах не понял вопроса.

Он сказал: “Самое ужасное – это ад”. Это теологический ответ. Но дзен – не теология, его не интересуют ни ад, ни рай. “Что самое ужасное в мире?” – быть ограниченным, быть закрытым, быть в тюрьме, быть закованным в цепи; потерять свободу, радость, блаженство; потерять себя в мирском и забыть священное.

“Нет, – сказал Тодзан. Дело не в аде. – Самое ужасное – это носить эту мантию – одежду ищущего, одежду саньясина, – не понимая великого вопроса.” Сменить одежду очень просто, но дело в трансформации вашего сознания; в дзен это называется “великим вопросом”.

Сменить одежду – обычное дело, это может любой. Но трансформировать сознание, выбросить из внутреннего мира всю темноту и сделать так, чтобы он излучал высшее, абсолютное... Время останавливается, ум становится всего лишь тенью; вы – больше не вы, вы стали вселенной. Пока это не случится, вы страдаете.

Затем, обращаясь ко всем собравшимся монахам, Тодзан сказал:

“Покойный мастер Ву Цзы однажды совершил омовение, возжег благовония, сел прямо и сказал своим ученикам: ‘Тело реальности абсолютно неподвижно, хотя создается видимость прихода и ухода. Тысяча мудрецов происходят из одного и того же источника; бесчисленные осознаю-

щие, в конечном счете, – одно. Я – мыльный пузырь, который сейчас лопнет; что толку печалиться? ”

Он готовился к смерти, он собирался покинуть тело, которым до сих пор пользовался. Это было его последнее послание ученикам: “Не печальтесь, когда меня не будет, это бесполезно”.

“Не тревожьте свой ум; просто поддерживайте полную осознанность. Если вы следуете этому наставлению, вы поистине вознаграждаете меня за доброту. Если вы упрямо противитесь тому, что я говорю, вы – не мои ученики”.

В этот момент монах спросил Ву Цзы: “Куда ты идешь?”, и Ву Цзы сказал: “Никуда”.

Когда вы покидаете тело, есть две возможности: либо ваше сознание входит в другую утробу и снова попадает в тюрьму, либо, если вы полностью осознанны, вы не войдете в другую утробу, вы просто уйдете в безбрежность вселенной. Вы станете одним с океаном реальности. Вот почему Ву Цзы сказал: “Никуда. Я не пойду куда-то. Я просто исчезну, как капля росы исчезает в океане под утренним солнцем”. Она не оставляет адреса, она не оставляет следов. Она просто тихо скатывается в океан, не поднимая никакого шума, и океан остается тем же.

Миллионы будд исчезли в одном и том же океане; но, что касается ухода, то вы никуда не уйдете. Вы останетесь здесь, без тела, абсолютно свободные – никаких границ, никаких пределов, все небо – ваше.

Монах спросил: “Почему я не вижу?”

Ву Цзы ответил: “Это невидимо для глаз”.

Когда сознание покидает тело, вы не можете увидеть это, это невидимо для глаз. Но если вы настоящий ученик, если ваше сердце не закрыто, но полностью открыто, вы почувствуете сильнейшую энергию, высвобождающуюся во вселенную.

Быть рядом с мастером, когда он умирает – огромный опыт, поскольку вы знаете, что в его смерти вы прикасаетесь к вечному. Вы знаете, что никто не умирает, что смерти нет и никогда не будет. Смерть – это точка зрения невежества. Осознанность заполняет все существование.

Монах спросил: “Почему я не вижу?”

Ву Цзы ответил: “Это невидимо для глаза”.

Вы никогда не спрашиваете: “Почему я не могу видеть носом?” У носа есть определенная ограниченность: он может только обонять. Глаза не могут обонять, у них своя ограниченность: они могут только видеть. Глаза

не могут слышать; самая прекрасная музыка бесполезна, если у вас нет ушей, чтобы ее слушать.

Все ваши органы чувств конечны, ограничены; и пока вы недостаточно сознательны, у вас нет такого органа чувств, который может воспринимать сознание. Если вы сознательны, вы, несомненно, увидите этот взрыв, этот свет, потрясающую красоту этого невидимого лотоса, раскрывающего свои лепестки. Но ваши обычные органы чувств здесь не помогут. Поможет только осознанность, которая не относится к глазам или ушам; это совершенно другое измерение – быть осознанным, внутри. Эта осознанность, несомненно, понимает, что происходит, когда кто-то умирает.

Никто не умирает. Энергия, которая называется “душа”, может войти в другое тело – она входит в другое тело, если ее желания остались неисполненными, если ей нужна другая жизнь, чтобы достичь зрелости. Если есть жадность, вожеление, гнев – все, для чего необходимо тело, – она войдет в какую-то утробу.

Но если все исполнено, если вы абсолютно удовлетворены, нет вопроса о другой утробе. Вы просто входите в самую вселенную.

Рассказав этот случай монахам, Тодзан прокомментировал: “Ву Цзы был адептом”.

Адепт – то же самое, что и сиддха: тот, кто пришел. Теперь идти некуда; вы нашли то, что другие ищут. Слово “адепт” – не очень подходящий перевод. В английском языке нет слова, чтобы перевести слово “сиддха”, так же, как нет подходящего перевода для слова “будда”. Оба они – способы выразить одно и то же. “Будда” означает абсолютную осознанность, а “сиддха” – абсолютную удовлетворенность. Они случаются одновременно. Слово “адепт” очень обычно, в нем нет высот и глубин слова “сиддха”.

Но переводить с одного языка на другой трудно, и особенно когда речь идет об опыте, который нелегко укладывается в слова. На Западе никогда не пользовались словом “пробужденный” – ни для Пифагора, ни для Анагора, ни для Сократа, ни для Аристотеля. Это измерение просто не открыто.

Аристотель – великий логический интеллектуал, а Сократ владеет самой отточенной логикой, какую только можно вообразить; но, что касается осознанности, они так же далеки от нее, как все остальные. Они не будды и не сиддхи. В них нет ни абсолютной удовлетворенности, ни абсолютной пробужденности. Они по-прежнему находятся в уме.

Запад никогда не выходил за пределы ума. Он остался внутри ума и его механизма. Он никогда не осмеливался шагнуть в неизвестное. В этом основное различие между западным и восточным подходами. Запад постоянно пытается усовершенствовать ум – сделать его острее, тоньше,

дать ему большее образование. А Восток делает противоположное – отбрасывает ум, находит всевозможные способы отбросить его, чтобы могло открыться запредельное, чтобы вы могли расправить свои крылья.

Слова Тодзана о том, что Ву Цзы был адептом, означают, что он пришел к бытию и узнал, кто он. Теперь тело больше не нужно.

Иккью написал:

*Наш Ум –
без конца,
без начала,
хотя он рождается, хотя умирает –
пустота!*

Помните, слово “ум” – неправильный перевод. Там должно быть слово “сознание”.

*Наше сознание –
без конца,
без начала,
хотя оно рождается, хотя умирает –
пустота!*

Оно пребывает; оно приходит и уходит, но не собирает никакогохлама. Оно остается совершенно пустым, чистым и невинным. Английские переводчики придумали неподходящие приемы для этих стихов. Обычный ум они пишут с маленькой буквы, а для сознания они используют слово “Ум” с большой буквы. Но это очень опасно, потому что люди, привыкшие читать слово “ум”, не потрудятся подумать, почему одно слово написано с маленькой буквы, а другое – с большой. Для них ум – это ум.

Я не могу одобрить такой перевод.

*Наше сознание –
без конца и
без начала...*

И помните, это *наше* сознание – не мое, не ваше. Мы – одно, где-то в глубине; и найти это единство – величайшая радость. Нет ничего экзотичнее, чем найти точку, где сходятся корни всего существующего, самый источник.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Нужно ли любить просветление – “великий вопрос” – ради самого просветления?

Не достаточно ли любить мастера и более всего желать “вознаградить его за доброту”?

Маниша, вы не можете любить просветление, и не можете его ненавидеть. Эти отношения невозможны. Вы можете быть просветленным или не быть просветленным – здесь нет вопроса о любви или не любви. А любить мастера недостаточно, потому что это может стать утешением: вы с мастером, вы любите мастера, что еще нужно? Любовь к мастеру означает только одно: что вы открыты настолько, что мастер может ударить и, словно меч, разрубить все помехи для вашего просветления.

Вы никого не подпустите слишком близко, если не доверяете. Быть с мастером просто означает быть беззащитным; если он отрубит вам голову, вы все равно будете благодарны. А ему приходится отрубать гораздо больше, чем голову. Он должен отсечь всю деятельность вашего ума, должен отсечь все сердечные чувства. Пока мысли и чувство не исчезнут, вы не можете быть полностью безмолвным.

Если вы любите мастера, это не конец; это только начало процесса. Сам мастер – средство. Если вы один, это очень трудно. Но если вы доверяете кому-то – и можете почувствовать, что этот человек прибыл, – вы без страха можете открыть сердце.

Мастер – это чистая любовь, никому конкретно не адресованная. Вы можете открыться мастеру, обнажить себя, не прячась за мыслями, теориями, философиями или религиями. Просто откройтесь и выставьте себя напоказ – со всеми своими ранами, темнотой, страданием, гневом и завистью. Вы можете открыться безбоязненно, потому что мастер не судит. Мастер не судит, он просто любит. И из любви он отсекает все барьеры и оставляет вас в одиночестве, словно пламя. Вы ничего не должны делать: ваше танцующее пламя – достаточная благодарность.

В вашем просветлении мастер снова становится просветленным. С каждым просветленным учеником мастер вновь и вновь становится просветленным – это та чистая радость садовника, когда все его растения начинают цвести. Вы только посмотрите на его глаза: все эти оттенки, все эти цветы, танцующие на ветру, под дождем, под солнцем, – и как долго он ждал! Вы – мой сад. Я буду ждать, когда вы наберетесь мужества; а это мужество означает исчезнуть в земле, потерять себя в полном позволении.

Просветление – не где-то там, вдали. Оно прячется в вашем семени, внутри вас. Вы должны только верить. Если вы верите в себя, мастер не нужен. Но, поскольку общество создало вас так, что вы не верите в себя, вы всегда разделены – делать или не делать, быть или не быть... ваш ум постоянно колеблется. Вам нужно что-то непоколебимое. Это почти что хирургия: вы не можете прооперировать самого себя, это очень трудно, почти невозможно.

Вам нужен кто-то другой, и вы должны ему доверять, потому что он вскрывает вам сердце или мозг – и кто знает, что он за человек. Но обычно вы доверяете хирургу, даже не зная его. Функция мастера гораздо глубже. Нужна очень сознательная любовь и доверие со стороны ученика, потому что мастер сорвет всю вашу личность и разобьет вдребезги все привычки вашего ума, чтобы вывести наружу скрытое пламя во всем его великолепии. Вы не должны любить его. Вы будете радоваться, вы будете танцевать, вы будете петь, вы будете делиться, вы будете любить все, что окружает вас.

Маниша, не нужна даже благодарность; она приходит сама собой. Вместе с просветлением сама собой приходит благодарность. Запад совершенно не понимает, почему на Востоке ученики касаются ног мастера.

Однажды некий человек пришел и хотел коснуться ног Гаутамы Будды; а Будда сказал: “Подожди. Еще не время”.

Тот человек спросил: “Что ты имеешь в виду?”

Будда ответил: “Твои руки пусты. Подожди немного, пока я не увижу, что твои руки исполнены благодарности. Пока в тебе не случилось то, что приносит спонтанную благодарность. Когда это произойдет – без всяких усилий – твоя голова захочет коснуться ног твоего мастера”. Мастер работает без всякой награды. Вы не можете заплатить ему, вы ничего не можете сделать в ответ на то, что произошло с вами благодаря ему. Благодарность – это беспомощное осознание: “Самое большее, я могу коснуться твоих ног”.

Когда Шарипутта, один из величайших учеников Гаутамы Будды, стал просветленным, он даже не коснулся его ног. Он просто коснулся пыли рядом с его ногами.

Будда спросил: “Что ты делаешь?”

Он сказал: “Коснуться твоих ног – это слишком. Достаточно коснуться пыли под твоими ногами”. Шарипутта говорит: несмотря на то, что он стал просветленным, он понимает, что ничего сделать нельзя. Нет способа заплатить за это. Все, что мы можем сделать – это выразить нашу признательность.

Маниша задала другой вопрос:

Возлюбленный Ошо,

Не нужно ли нам довести до сведения Шанкарачарьи Пури, что все эти дожди не связаны с женицами, совершающими самоубийство, как ему бы хотелось, а вызваны тем, что ты посвятил эти беседы облакам?

Его очарованность смертью и твоя любовь к облакам – разве эта разница между его подходом и твоим пониманием не говорит обо всем?

Маниша, это несчастье: все религии мыслят в терминах жертвы – убивать мужчин, женщин, животных в надежде удовлетворить таким об-

разом Бога. Это глупый подход. Разве Бог – людоед, который счастлив, когда вы приносите жертвы? А в жертву приносилось все; даже индуисты, которые постоянно борются за то, чтобы правительство запретило массовый забой коров, многие века приносили этих самых коров в жертву своим богам и богиням.

Боги и богини не едят мяса. Принесенное в жертву, это мясо становится священным, и тогда брамины, приносившие жертву, едят его. Что говорить о коровах: в индуистских Ведах упоминаются *нарарамедх ягны*, в которых приносили в жертву мужчин – молодых красивых юношей, – а затем поедали.

Это настолько примитивная идея – что Бог будет счастлив, если вы приносите в жертву жизнь... жизнь, которая и есть Бога. Вы убиваете жизнь во имя вымышленных богов, которые сами будут принесены в жертву. Вместо того чтобы приносить в жертву этих бедных людей... Нет никаких причин для прихода облаков, но индуистский примитивизм говорит, что бог облаков, Индра, любит жертвы. Поэтому, если вы приносите жертвы, Индра посылает дождевые облака.

К несчастью, даже в нашем веке эта старая идея по-прежнему жива. А она не сработала ни разу. Никого не интересуют доказательства, что богам нет дела до ваших жертв, до ваших молитв. Фактически, им нет до этого дела потому, что *их нет*. В небе нет никого, кто мог бы ответить на ваши молитвы, на ваши жертвы.

То, что поистине божественно, находится внутри вас, и пока вы не найдете его там, вы не найдете его нигде. Я вижу, что эти облака божественны, я вижу, что эти розы божественны – вселенское братство божественных существ. Я вижу вас как будд, но вы можете не принять это, вы можете сказать: “Нет, не сейчас – я должен сходить домой. Пожалуйста, подожди: моя дочь выходит замуж. Мой сын закончил учебу и собирается открыть магазин. Дай мне побыть в невежестве еще несколько дней. Я стану буддой, когда закончу все остальные дела”.

Но эти дела никогда не кончаются. Можете ли вы представить себе такое время, когда у вас не будет никаких забот? Когда приходит смерть, говорите ли вы ей: “Подожди, я должен хотя бы закрыть магазин”, или: “Подожди, я пригласил гостей”? Смерть совершенно не интересуют ваши заботы, а жизнь продолжается как ни в чем не бывало. Небольшая помеха, пылинка – и великое колесо жизни продолжает свое движение.

Здесь нет проблемы. Вы можете быть буддой и спокойно идти домой. Эта идея предлагалась веками: если вы – будда, что станет с вашей женой и детьми? Ни с кем ничего не случится. Вы просто будете более любящим, более сострадательным. Теперь вы поможете своим детям расти по-новому, не обуславливая их. Вы поможете им остаться свободными, чтобы они тоже могли обрести буддовость.

Женщина, которую вы любите... буддовость не означает, что вы должны перестать ее любить. На самом деле, вы никогда раньше не лю-

били. Когда вы станете буддой, ваша любовь будет поистине переполняющей, и не только к вашей жене; любой, кто приблизится к вам, внезапно почувствует ливень любви. Старые примитивные условности мешают вам. В противном случае, не нужно ждать ни секунды.

В любом случае, пока вы не стали буддой... потому что после этого вы, возможно, не будете смеяться. От будд не ждут смеха. Они просто сидят в позе лотоса с закрытыми глазами, без улыбки; а смех – это уж слишком. Так что, прежде чем вы станете буддами, немного смеха.

Сардар Гурудаял Сингх смеется до шутки. Где ты прячешься?

В один прекрасный день в глухом лесу Дубиду, весьма красивый лягушонок, собирается немного прогуляться вокруг пруда. Он чувствует себя превосходно, и дела сегодня идут как нельзя лучше, поэтому он надевает свой сногшибательный белый купальный костюм от Ив Сен-Лорана.

Он выбирается на берег и видит, что погода просто прекрасная. Солнышко мягко светит сквозь ветви высоких сосен. Дубиду глубоко вдыхает свежий воздух и улыбается. Полный жизни, он говорит бегущей мимо лани:

– Я – Бог!

Попрыгав еще немного, он встречает семейство стрекоз. Выпятив грудь, он говорит им:

– Я – Бог!

Вслед за стрекозами ему навстречу попадает утка Дорин. Дубиду делает большие глаза и таинственным голосом говорит ей:

– Я – Бог!

Дорин смотрит на лягушку и спрашивает:

– Что?

Дубиду повторяет:

– Я – Бог!

– Я все утро наблюдаю за тобой, – говорит Дорин. – Ты говоришь это всем. Ты серьезно, или это все твой костюм от Сен-Лорана?

– Я – Бог! – снова говорит Дуби.

– Ну, хватит глупостей, – говорит утка. – Пошел отсюда, ты, смазливый сопляк!

Тут Дуби снимает белый купальный костюм и вытаскивает на свет свой механизм. Дорин изумленно смотрит на него и медленно говорит:

– О мой Бог!

Смешанный экипаж астронавтов приземляется на Марсе и встречает группу дружелюбных марсиан. Они некоторое время болтают, и вскоре разговор переходит на тему воспроизведения. Двое марсиан соглашаются показать, как это делается на Марсе, и астронавты наблюдают с большим интересом.

Марсиане касаются друг друга щупальцами, и почти сразу же у самки спереди вырастает бугорок. Минуту он растет, затем раскрывается, как цветок, и оттуда выпрыгивает маленький марсианин.

После этого марсиане просят показать, как это делается на Земле. Двое добровольцев ложатся на пол и занимаются любовью. Когда люди заканчивают, главный марсианин спрашивает:

– Очень необычно и, должен сказать, очень интересно. Но где же ребенок? Или демонстрация не удалась?

– Мы точно не знаем, – отвечает астронавт. – Если все прошло удачно, через девять месяцев появится ребенок.

– Девять месяцев? – кричит марсианин. – Поразительно! Но если ребенок родится только через девять месяцев, куда же вы так спешили?

Соломон Эйнштейн – владелец крупной компании по производству гвоздей, которая называется “Гвозди Эйнштейна”. Его бизнес процветает, и он решает провести зимний отпуск в Майами. В свое отсутствие он оставляет дела своему сыну Мацо.

И вот, солнечным утром Солли читает за завтраком “Майами Трибьюн”. Он разворачивает газету и видит цветную рекламу, которая занимает целую полосу: Иисус Христос, прибитый ко кресту, а внизу надпись: “Они пользовались гвоздями Эйнштейна!”

Солли бросается к телефону и звонит Мацо.

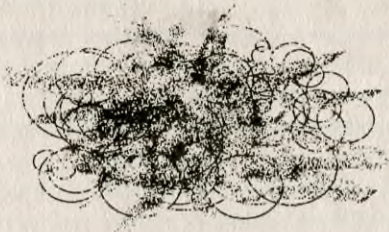
– Идиот! – кричит он. – Никогда больше так не делай!

Мацо уверяет Солли, что он понял, и уговаривает не волноваться: в следующий раз он сделает лучше.

Через два дня Солли сидит на балконе своего роскошного номера с газетой в руках. Он переворачивает страницу, вскрикивает и бросает сигару. На рекламной странице яркими красками нарисован Христос, лежащий на какой-то куче рядом с крестом, а внизу написано: “Им следовало воспользоваться гвоздями Эйнштейна!”

А теперь, Ниведано, первые удары.

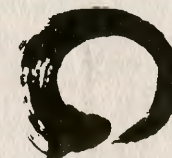

Ниведано...

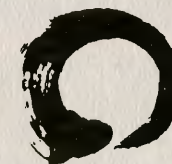
Будьте безмолвны, закройте глаза.
Почувствуйте себя полностью замороженными, никакого движения.
Соберитесь внутри.
Глубже и глубже –
и дом начинает приближаться.
Эта тишина так благословенна.
В этой тишине все вы – будды.
Другой вопрос, что вы снова это забудете.
Помните это, помните это.
Это не имеет ничего общего
с тем, что вы делаете в жизни;
это внутренний свет,
который может оставаться все время,
двадцать четыре часа,
как подспудное течение.
Он изменит всю вашу жизнь,
ее стиль, ее модель, отношение к ней.
Нет другого способа преобразиться,
кроме этого.
Нет никакого пути к вечности,
кроме этого.
В этот миг
вы за пределами жизни и смерти.

Сделай это глубже, Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя.
Почти умрите.
Это поможет вам
еще глубже пойти в себя.
Это вечное странствие.
Этой тишины,
этих безмерно прекрасных мгновений
больше не бывает в жизни,
потому что люди забыли,
как идти внутрь.
Они могут добраться до Луны,
но не могут прийти к себе.
Радуйтесь, что вы – счастливицы,
которые идут
все глубже и глубже.
Этот покой,
это блаженство – ваша природа.
Именно это делает человека буддой.

Ниведано...

Позови всех будд назад.
Посидите несколько секунд
в глубокой благодарности к этому великому существованию.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать всех будд?
- Да, Ошо.

17 июля 1988 года

СКРЫТАЯ ДОРОГА

Возлюбленный Ошо,

Однажды Унго Дойо вошел в зал и процитировал старое высказывание Тодзана: "На самом деле, мучителен не ад. Носить эту мантию, не понимая великого вопроса, гораздо более мучительно".

Обращаясь к своим монахам, Дойо сказал: "Вы уже принадлежите этой традиции. Сто процентов не так далеки от девяности. Вы должны приложить чуть больше энергии. Тогда ваши старейшины не утомятся от вашего нескончаемого путешествия и не отвернутся от монастыря".

Он продолжал: "Древний сказал: 'Если вы желаете справиться с этим вопросом, вы должны пойти и стать на вершине высочайшей горы и ходить по дну глубочайшего моря. Лишь тогда у вас будет некая сила'".

Дойо сказал: "Если вы еще не позаботились о великом вопросе, отныне вы должны ступить на скрытую дорогу".

Монах спросил: "Что почитает аскет?"

Дойо сказал: "То, что недостижимо для ума".

Другой монах спросил: "Какова градация будд и патриархов?"

Дойо сказал: "И те, и другие – ступени".

Третий монах спросил: "Что означает приход Бодхидхармы с Запада?"

Дойо сказал: "Встречу с никем на древней дороге".

Маниша, западный и восточный подходы к пониманию реальности всегда были диаметрально противоположны. Запад верил в тело, во внешний мир, в материю. Из этой веры возникла наука со всеми ее ветвями: физика, химия, медицина. Но основное в ней то, что она отрицает внутреннюю реальность человека.

А Восток сосредоточен, полностью и безусловно, на поиске внутреннего: "Кто обитает внутри меня?" Тело всегда считалось только домом или одеждой, которую вы носите. Вы – не одежда и не тело, вы – даже не ум. Что остается? – абсолютная тишина. В этой тишине рождались вершины сознания – такие, как Гаутама Будда; и эти вершины не закрыты для других. Они доступны вам и любому человеку, который готов совершить небольшой поворот – от внешнего к внутреннему. Эти истории связаны с таким поворотным пунктом.

Однажды Унго Дойо вошел в зал и процитировал старое высказывание Тодзана: "На самом деле, мучителен не ад. Носить эту мантию, не понимая великого вопроса, гораздо более мучительно".

Вы должны понять символы и метафоры дзен. "На самом деле, мучителен не ад", – потому что нет другого ада, кроме как быть снаружи, и нет другогорая, кроме как быть внутри. И ад, и рай – всего лишь метафоры; они не обозначают никакой реальности.

Все религии поднимали столько шума вокруг них. Вся их эксплуатация строится на двух вещах: страхе перед адом и жадности к раю. Какое противоречие: все религии постоянно выступают против страха, против жадности, но все их учение основано на страхе перед адом. Если вы не добродетельны, если вы не верующий, вам уготован вечный ад; вас ждут вечные мучения. Если вы верующий, если вы добродетельный, уважаемый человек, дверирая открыты для вас.

Это противоречие, потому что ад – всего лишь метафора страха, а рай – другая метафора, означающая жадность, вожделение. Дзен не придает им никакого значения.

Вот почему Тодзан говорит: "На самом деле, мучителен не ад". Не беспокойтесь об аде. Настоящее мучение – то, что вы носите робу монахов, саньясинов; вы объявили себя искателями истины, но вы по-прежнему не идете внутрь, вы до сих пор не нашли путь. А ваш внутренний мир не так далеко.

Этот поворот внутрь называется "великим вопросом". "Носить эту мантию, не понимая великого вопроса..." Наука пытается понять только материю – а как насчет великого вопроса? Как насчет самого ученого? Возможно, Альберт Эйнштейн открыл великие вещи, касающиеся материи, но как насчет самого себя? Он совершенно ничего не знает. Он никогда даже не задумывался о том, что есть другая вселенная, которая ждет исследования – и это реальная вселенная. Внешнее будет утеряно, когда вы умрете, но внутреннее будет продолжаться. Внутреннее – это ваше последнее странствие. Поэтому правильно назвать его великим вопросом – великой и последней задачей.

Согласно Тодзану, самое мучительное – это то, что ваш рай так близок, и все же вы продолжаете упускать его. Ваша буддовость – только вопрос открывания глаз. Если вы можете стать чуть более сознательными, чуть более бдительными, вы вступите в безвременную реальность существования. Ее великолепие безмерно – у него нет ни начала, ни конца.

Это самое болезненное для того, кто осознал собственное существо: он видит страдания миллионов людей. Что есть в мире, кроме страдания, несчастья, боли? Каждое удовольствие оборачивается болью, и вся ваша радость так поверхностна – не глубже поверхности кожи. Одно единственное слово, сказанное против вас, может разрушить ее – такова глубина вашей радости.

Что такое ваши богатства? Они будут отняты у вас. Чем вы владеете? Вы пришли в мир нагими, и нагими вы уйдете из него. Если вы не ищете того, кто приходит и уходит, а просто вовлечены в несущественное – это величайшее мучение, которое только возможно. Жить – и все же упустить источник жизни; жить только на поверхности, никогда не входя в глубины своего существа и не восходя на высоты своего сознания; оставаться только в мирском – это самое мучительное состояние, согласно восточному подходу. И я абсолютно согласен с ним.

Обращаясь к своим монахам, Дойо сказал: “Вы уже принадлежите этой традиции. Сто процентов не так далеки от девяноста”.

Вы уже на девяносто процентов будда; и сто процентов не так далеко. Но помните одно: даже девяносто девять процентов – недостаточно близко. Даже девяносто девять и девять десятых процента все равно будут на расстоянии. Вы должны на сто процентов быть здесь и сейчас, в самом центре своего существа; и внутри вас внезапно возникает новое, свежее, вечное сознание, которое не знает никакой боли, никакой смерти; оно не знает ни начала, ни конца. Ваш потенциал расцвел в лотос.

Наверное, вы видели статуи Гаутамы Будды: он сидит на лотосе. Этот лотос символизирует окончательный расцвет сознания во всех его потенциальных возможностях.

“Сто процентов не так далеки от девяноста. Вы должны вложить чуть больше энергии. Тогда ваши старейшины не утомятся от вашего нескончаемого путешествия и не отвернутся от монастыря”.

Есть тибетская поговорка, которая гласит, что сто человек пускаются на поиски истины и, возможно, лишь один найдет ее. Девяносто девять теряются где-то на пути. Либо они начинают заниматься другими делами, либо сбиваются с дороги. Есть тысячи способов заблудиться и только один путь прийти к себе.

Всего один дюйм в сторону – и вы заблудились; вы не найдете себя. Каждая мысль пытается увести вас с дороги. Каждое чувство, каждое ощущение... все качества вашего ума – враги в том, что касается вашего центра, потому что все они тянут вас вперед, наружу: “Добейся успеха, престижа, добейся власти”. А ваше внутреннее существо голодает. Вы продолжаете вливать свою энергию во внешний мир, который не является вашим настоящим домом, а ваше реальное существо голодает внутри, оно ждет сотни жизней. Оно надеется, что однажды вы повернете назад, удивляясь, сколько же времени вы упустили.

Мне вспомнился один великий король, который любил искусство стрельбы из лука. Он сам был адептом, мастером стрельбы. Он проезжал через деревню; и на каждом дереве он видел стрелу, вонзившуюся прямо

в центр круга. Он не мог поверить своим глазам: какой великий мастер живет в этой деревне!

Он остановил свою колесницу и спросил людей: “Кто это мастер-лучник?” Они засмеялись и сказали: “Не беспокойся о нем; это деревенский дурак”.

Король возразил: “Кто бы он ни был, он великий лучник”.

Жители деревни сказали: “Ты не знаешь его стратегии. Сначала он пускает стрелу, а потом чертит вокруг нее круг”. Конечно, у него стопроцентное попадание, он никогда не промахивается.

Во внутреннем мире вы никого не можете обмануть таким образом. Вы узнаете свой центр, а потом просто становитесь сиянием и ароматом, танцем в самом себе. Если вы не знаете его, вы можете притворяться, что счастливы, но все это лицемерие.

Вы когда-нибудь думали обо всех этих историях, которые заканчиваются свадьбой героя и героини, и последняя фраза – “И после этого они жили счастливо”? После этого! В каждом рассказе... вы не найдете ни одного рассказа, в котором бы не было “И после этого они жили счастливо”; но об этом лучше не говорить, потому что “после этого” начинается ад. Все удовольствия заканчиваются до свадьбы; к концу медового месяца все кончено. Вы будете счастливым человеком, если вашей любви хватит на медовый месяц: две недели – это уже слишком много! Две недели вместе, исследуя одну и ту же географию...

(Сардар Гурудаял Сингх сердечно смеется, его смех подхватывают остальные.)

Смотрите! Вы не можете обмануть Сардара. Он действительно славный малый. Он пережил много медовых месяцев; он смеется не от невежества – он знает это!

Человеку надоедает. Требовать от людей быть вместе больше двух недель – абсолютно негуманно, потому что дальше начинаются несчастье и страдание; и все церкви и религии закрепляют эти мучения навсегда. Ведь если нет несчастья и страданий, кто пойдет в церкви? Мужчины, которых вы встречаете в церкви – это те, кто страдает и спрашивает Бога: “Почему ты так жесток ко мне? Не мог бы ты отдать эту женщину кому-нибудь другому?”

Старый еврей умирал на дороге после аварии. Католический священник, проходящий мимо, из великого католического милосердия подошел к старику и сказал:

– Помни о Боге, его единородном сыне Иисусе Христе и Святом Духе. Еврей открыл глаза и сказал:

– Хотя бы когда я умираю, не задавайте мне загадок. Довольно одной смерти – не мучайте меня загадками. Бог, едиnorodный Сын и Святой Дух?

Священник возразил:

– Вы молились – я видел, как шевелятся ваши губы.

Он ответил:

– Да, я молюсь. Я говорю: “Боже, четыре тысячи лет мы были твоим избранным народом и страдали достаточно. Теперь ты должен избрать кого-нибудь другого”.

Каждый человек больше страдает от своих друзей, чем от врагов, потому что никто не женится на врагах. Брак – это контракт между потенциальными врагами. За две недели все станет ясно. Но потом религии заставляют людей оставаться вместе: “Страдайте, будьте несчастными и молитесь Богу”. Но, между прочим, Бога нет, так что все ваши молитвы улетают в пустое небо – отвечать некому.

Но все люди в мире живут в страданиях; и они сами выбрали эти страдания.

В Индии есть древняя притча об одном очень богатом человеке, очень удачливом; он был так богат, что даже королю приходилось занимать у него деньги. У него было все, что только возможно, но он всегда был очень печален и несчастен, всегда ходил с вытянутым лицом. Каждый день к нему приходил молодой человек с почтой – он всегда был счастлив. У него ничего не было для счастья – и это было проблемой для богатого человека. Этот бедняк получал одну рупию в день. В те дни рупия была настоящей рупией. Слово “рупия” означает “золото”. Одной рупии в день хватало, чтобы жить счастливо. Этот бедный человек не был бедным – он жил так радостно, что среди ночи играл на своей флейте.

Богачу это не давало покоя, потому что у этого малого не было ничего, кроме рупии в день. “Почему он всегда так счастлив: улыбается, смеется, играет на флейте, поет, танцует?” Этот бедный человек жил рядом, в маленькой комнате, которую сдавал ему богач.

Богач спросил своего друга, такого же богача: “Что может быть причиной того, что этот бедный человек так счастлив?”

Его друг сказал: “Я дам тебе ответ”. И ночью этот бедняк внезапно проснулся. Кто-то сбросил с крыши сумку, в которой лежало девяносто девять рупий. Это был последний день его счастья. Теперь он начал думать: “Как мне сэкономить деньги, чтобы их было хотя бы сто?” Он никогда об этом не заботился – одной рупии в день было достаточно, чтобы жить так богато, как он хотел. Но теперь у него было больше, чем он мог потратить в день; он должен экономить. Когда набралась сотня, желание возросло, разгорелось. Если он будет продолжать копить, скоро у него будет двести, триста, четыреста рупий. И чем больше становилось денег,

тем более несчастным он становился, постоянно думая о них. Песня исчезла, танец исчез; флейты больше не было слышно.

Однажды, когда он принес почту, богач спросил его: “Что с тобой случилось? Ты больше не кажешься счастливым. Произошло какое-нибудь несчастье?”

Он сказал: “Да, случилось несчастье. Кто-то бросил мне в дом девяносто девять рупий, и с тех пор я перестал спать, потому что появилось желание иметь больше и больше”.

Как только у вас появляется желание иметь больше – чего угодно – жизнь превращается в страдание. Это могут быть знания, деньги, власть; это может быть любое желание, но вы будете становиться все более и более печальным. Это такой сложный мир...

Премьер-министр приехал посмотреть на психиатрическую больницу, и главный врач рассказывает ему о каждом пациенте. Один из них сидит на полу – он плачет, и плачет, и бьется головой о стену.

Премьер-министр спрашивает:

– В чем дело? Что случилось с этим беднягой?

Врач объясняет:

– Он любил женщину, но не мог на ней жениться. Он так страдает!

В следующей палате другой человек делает то же самое – бьется головой о стену и рвет на себе волосы. Премьер-министр спрашивает:

– Что с ним случилось?

Главный врач смеется и говорит:

– Он женился на той самой женщине.

Страдание неизбежно – женились вы на этой женщине или нет, занимаетесь ли вы той профессией или этой. Везде вы будете несчастны, потому что вы всегда хотите большего, а жизнь мимолетна. Смерть приближается с каждым мгновением, а вы не достигли своей цели.

Снаружи нет ничего, кроме страдания. Мы стараемся надевать маски, мы стараемся улыбаться, но на самом деле хотим плакать.

Фридрих Ницше написал буквально следующее: “Не обманывайтесь моими улыбками; я улыбаюсь только когда хочу скрыть слезы. Я не хочу выставлять свои раны на всеобщее обозрение – это так унижительно”.

И это становится еще мучительнее, когда видишь, как близко дверь вашего рая – вы носите ее. Суфийская история ясно говорит об этом:

Мулла Насреддин нес дверь своего дома. Кто-то спросил:

– Что ты делаешь?

Он ответил:

– Иду по делу в другой город.

Его спросили:

– Но зачем ты несешь дверь?

Он сказал:

– Ты ничего не понимаешь. Если в моем доме нет двери, как может войти вор? Я всегда ношу дверь с собой.

Это суфийский способ сказать, что дверь вашего рая – не где-то за облаками; она внутри вас. И никто, кроме вас, не может в нее войти.

Он продолжал: “Древний сказал: ‘Если вы желаете справиться с этим вопросом, вы должны пойти и стать на вершине высочайшей горы и ходить по дну глубочайшего моря. Лишь тогда у вас будет некая сила’”.

Это кажется противоречием: как вы можете быть на вершине высочайшей горы и, одновременно, в глубине глубочайшего океана? Но во внутреннем мире это не противоречие, потому что внутри высочайшая точка вашего сознания является также и глубочайшей. Оно высоко, как Эверест, и глубоко, как Тихий океан; это и то, и другое. И пока вы не найдете это, у вас нет никакой силы; вы – всего лишь жалкое создание. У вас нет даже вас самих – что говорить о силе?

Дойо сказал: “Если вы еще не позаботились о великом вопросе, отныне вы должны ступить на скрытую дорогу”.

Конечно, это скрытая дорога, потому что она не внешняя, она не похожа на шоссе; это ваша личная тропинка внутри, по которой никто никогда не ходил. Вы прокладываете ее сами тогда, когда движетесь внутрь; это не готовая дорога, потому что никто другой не может войти внутрь вас, только вы можете пойти туда. Но это вопрос всего лишь одного единственного шага; это не такое далекое путешествие. В тот момент, когда вы закрываете глаза и начинаете смотреть внутрь, вы внезапно удивлены: это именно то, что вы искали много жизней, и оно скрыто внутри вас. Это скрытая дорога, но она не длинная – всего один шаг.

Монах спросил: “Что почитает аскет?”

Дойо сказал: “То, что недостижимо для человеческого сознания”.

Должно быть, вы слышали определение аскета. Дзен их не принимает, но в других религиях аскет – это тот, кто мучает себя, принося в жертву, чтобы получить Божие благословение; он становится жертвенным агнцем. Он голодает, морит себя голодом, бьет свое тело; он остается нагим зимой и летом. Под аскетом подразумевается человек, который в поисках Бога жертвует своим телом и телесными удовольствиями.

В дзен совершенно другой подход, потому что аскетизм такого рода – просто психическое заболевание, он не имеет никакого отношения к религии. Даже если Бог есть, сделают ли его счастливым ваши мучения? Му-

чая себя, вы просто доказываете, что вы – мазохист, что вам нравится самоистязание.

Говорят, что самый удачный брак – это брак между мазохистом и садистом. Садист – это человек, который любит мучить, а мазохист – тот, кто любит, когда его мучают; это самый лучший брак. Но в этом мире трудно найти совершенство; это случается очень редко.

Все религии учили людей психическому нездоровью. Дзен не имеет ничего общего с психической болезнью, потому что он не эксплуатирует вашу болезнь – он делится радостью, и это приводит вас к целостности и здоровью.

Он даже слово “аскет” определяет как “то, что недостижимо для ума” – то, что за пределами ума, куда не может пройти мысль – только чистая тишина, покой. В этой тишине, в этом медитативном состоянии вы обретаете свое собственное внутреннее сокровище.

Другой монах спросил: “Какова грация будд и патриархов?”

Наш ум всегда мыслит категориями, иерархиями, бюрократией: кто выше, кто ниже. Но в тот момент, когда вы превосходите ум, вы превосходите также эту тенденцию классифицировать. Тогда, назовете ли вы человека, вышедшего за пределы, буддой, просветленным, или пробужденным... Вы можете назвать его “мастер” или “патриарх”, – но их сознание не отличается. Все они сделали одну вещь: они оставили свой ум и тело позади и полностью центрировались внутри, неподвижно. Это величайшее блаженство, возможное для человека. В этот момент вы становитесь буддой, богом, самим собой.

Помните различие: другие религии пытаются молиться Богу; дзен пытается открыть Бога внутри вас.

Нет другого Бога, кроме вашего чистого сознания; и ваше чистое сознание не принадлежит вам; это просто сознание. Оно охватывает любое другое сознание, оно объединено с универсальным сознанием. Вы исчезаете как капля росы – океан остается. Но это исчезновение в океане – такое блаженство, это единственное блаженство, которое есть.

Третий монах спросил: “Что означает приход Бодхидхармы с Запада?”

Это традиционные дзенские вопросы.

Дойо сказал: “Встречу с никем на древней дороге”.

Тысячи раз разные мастера по-разному отвечали на эти вопросы, но они всегда освещали их по-новому. Дойо привносит новое, необычайное откровение: что Бодхидхарма пришел в Китай из Индии, но он хотел встретить никого: он хотел встретить человека, чье эго умерло, который больше не был личностью, а только присутствием, ароматом. Вот что зна-

чит "встреча с никем на древней дороге". Все будды ходили в поисках тех, кто готов исчезнуть в океане.

Именно это мы и делаем здесь: всеми возможными способами пытаемся отложить в сторону ум, данный обществом, и вынести нашу невинность – дар природы, и исчезнуть в тишине неба и деревьев.

Если ваши мысли прекращаются, вы прекращаетесь; и то, что остается – это божественный танец сознания.

Хакуин написал небольшое стихотворение:

Ты достигнешь великой пустоты не раньше,

чем потеряешь и тело, и ум.

Небеса и ад – солома.

Царство Будды, обиталище демонов – руины.

Слушай: соловей во весь голос

поет серенаду снегу.

Смотри: черепаха с мечом

карабкается на фонарь.

Ты должен желать великого покоя,

готовясь носить белые четки.

Эти маленькие стихотворения подчеркивают одно: что вы должны быть настолько восприимчивыми, чтобы вся жизнь стала музыкой, поэзией. Тогда все будет выглядеть по-другому: зелень будет зеленее, роза – розовее. Это та же песня, но с новым смыслом, новым значением; то же зеркало, но на нем больше не оседает пыль.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Я не чувствую мучения в том, чтобы быть учеником и не понимать просветления, но помню ад тех времен, когда я была закрыта для тебя.

Фактически, мне кажется, я вообще могу понимать что-либо только в твоём контексте, Мастер. Ты – мой критерий, пробный камень. Это нормально?

Маниша, абсолютно нормально – не только для тебя, но для каждого будды, присутствующего здесь. Эти семь тысяч будд находятся здесь только для того, чтобы проснуться, и для того, чтобы видеть мое пробуждение как критерий.

Прежде чем мы войдем в наши внутренние двери, немного смеха будет полезно, чтобы стереть пыль и очистить ваш ум.

Двое сумасшедших, Гунский и Нацо, стоят на лугу, принадлежащем больнице, в молчании созерцая прекрасный закат. Гунский восторженно говорит:

– Ух ты!

– Да, – отвечает Нацо. – Правда: ух ты, вот это да!

Через некоторое время Нацо поворачивается к Гунскому и говорит:

– Представляешь, какую кучу денег эти ребята тратят на такие зрелища – и они не могут дать нам три доллара, чтобы посмотреть на горилл в зоопарке!

Генри и Моррис вместе держат магазинчик в Нью-Йорке. Как-то летом Генри впервые в жизни едет на охоту. Когда он возвращается в магазин, Моррис сгорает от нетерпения услышать, как это было.

– Ну, – начинает Генри, – я пошел в лес с проводником, но ты же меня знаешь – через пять минут я заблудился. Я долго бродил по лесу, не зная, где я, как вдруг наткнулся на самого большого медведя, какого ты когда-нибудь видел. Я развернулся и побежал со всех ног, но медведь бежал быстрее.

Я уже чувствовал на своей шее его дыхание, когда он поскользнулся и упал. Я продолжал бежать, но медведь снова догнал меня. Он уже почти схватил меня, но вдруг снова поскользнулся и упал. Я побежал туда, где деревья были реже – медведь гнался за мной по пятам, – увидел остальных охотников и стал кричать. Как раз здесь медведь снова поскользнулся и упал, и моему проводнику удалось подстрелить его.

– Вот это да! – говорит Моррис. – Вот это история! Ты очень смелый человек. Если бы я был на твоём месте, я бы обосрался!

– Пошевели мозгами, Моррис, – говорит Генри. – А на чем же, ты думаешь, скользил медведь?

Разочарованный молодой человек сидит на карнизе сорокового этажа и грозит прыгнуть. Полиция уговаривает его вернуться в безопасное место, но он, похоже, решил совершить самоубийство. Из ближайшей церкви вызывают священника, и он спешит туда.

– Подумай, мой сын, – убеждает он молодого человека. – Подумай о матери и отце, которые любят тебя.

– Они не любят меня, – кричит он. – Я прыгаю!

– Нет, подожди! – умоляет священник. – Подумай о женщине, которая тебя любит!

– Никто меня не любит! Я прыгаю! – кричит он в ответ.

– Но подумай, – не унимается священник. – Подумай об Иисусе, Марии и Иосифе, которые любят тебя!

– Иисусе, Марии и Иосифе? – кричит молодой человек. – Кто они, черт возьми, такие?

Священник бросает Библию и кричит:

– Прыгай, прыгай, еврей проклятый!

Теперь, Ниведано... ударь как следует, и все сойдут с ума.

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.
Почувствуйте, как будто ваше тело заморожено.
Соберите энергию внутри.
Идите по этому древнему пути
к своему центру.
Глубже, глубже, глубже;
и когда вы идете глубже,
вы начинаете чувствовать
совершенно иное измерение,
открывающееся внутри вас.
Это и есть великий вопрос,
дверь в царство Божие.
Бог – внутри вас.
Кроме него,
нигде нет никакого Бога.

Сделай это абсолютно ясным, Ниведано...

Расслабьтесь. Отпустите себя.
Совершенно умрите
в том, что касается вашего тела и ума.
Просто почувствуйте запредельное; это ваш дом.
Это запредельное открывает
лотос вашего существа.
Это запредельное делает вас
буддой.
Как молния –
внезапно вы перестаете быть обычным,
вы становитесь священной горой.
Одновременно
на вершине огромной горы
и в глубине великого океана...
там, где они встречаются –
ваш центр.
Это центр циклона.

Ниведано...

Позови всех будд назад.
Посидите несколько мгновений,
чтобы осознать и запомнить, где вы были.
Соберите радость,
блаженство, экстаз,
чтобы это стало частью вашего существа,
двадцать четыре часа в сутки.
Что бы вы ни делали –
носите ли вы воду из колодца или рубите дрова –
вы – будда.
Быть буддой – удел
каждого человека.

Упустить это действительно больно.
Обрести это – значит быть благословенным.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать всех будд, присутствующих здесь?
- Да, Ошо.

18 июля 1988 года

ЖИЗНЬ – НЕ СЛОВАРЬ

Возлюбленный Ошо,

Когда Ганто уходил от Токусана, Токусан спросил: “Куда ты идешь?”

Ганто сказал: “Теперь я покидаю тебя, мастер, и спускаюсь с горы”.

Токусан спросил: “А что дальше?”

Ганто сказал: “Я не забуду тебя, мастер”.

“Из какой добродетели ты говоришь это?” – поинтересовался Токусан.

Ганто сказал: “Слышал ли ты, что когда знание монаха равно знанию его учителя, он обладает меньше чем половиной добродетели учителя; и лишь тогда, когда его знание превосходит знание учителя, он готов к передаче?”

Токусан сказал: “Так и есть, так и есть. Хорошенько охраняй это сам”.

Маниша, прежде чем обсуждать эти истории, лежащие передо мной, мне нужно сказать несколько неотложных вещей.

Первое: Верховный суд выгнал из дома в Бомбее одного из моих самых близких и древних врагов, экс-премьер-министра Морарджи Десаи. В его возрасте – ему, должно быть, за девяносто... Он двадцать два года незаконно занимал этот дом, “Океана” на Марина-драйв. Когда он был у власти, хозяин дома ничего не мог сделать, но теперь он больше не у власти. Средства массовой информации полны его причитаний: “Меня сделали бездомным”.

Мне хочется пригласить его к себе в ашрам, с двумя условиями. Во-первых, он должен сдать анализ на СПИД и представить отрицательный результат. Во-вторых, он должен бросить старую грязную привычку пить собственную мочу – здесь это запрещено. Он может привезти сюда свою прялку, это невинное занятие; и мы не будем его просить делать что-либо еще – он может крутить свою прялку днем и ночью. Мы предоставим ему все условия, несмотря на то, что, когда он был у власти, он постоянно старался уничтожить этот ашрам, не зная, что в конце концов только ашрам предоставит ему дом.

Жизнь делает странные повороты.

Второе: все прогрессивные и разумные газеты и журналы во всей Индии поддерживают мои высказывания против Шанкарачарьи Пури. Однако некоторые индуистские шовинисты критиковали меня, и я должен им ответить.

Один из критических материалов появился во многих газетах – его написал человек по фамилии Шарма. Смешно, когда люди не понимают даже значения собственной фамилии. “Шарма” происходит от “шарман” – это название низшего класса браминов, которые резали коров в религиозных ритуалах. “Шарман” означает “мясник”. И все же люди продолжают писать под именем Шарма, не зная, что заявляют свое мясничество и безобразную насильственность своих предков.

Он написал, что я не должен требовать от Шанкарачарьи негативный тест на СПИД, потому что он целибат. Откуда он знает? То, что он – религиозный лидер, не означает, что у него не может быть СПИДа. В действительности, возможность СПИДа у него даже больше, потому что он целибат и религиозный лидер – больше, чем это возможно в любой другой профессии.

Сейчас это известно всему миру: среди священников есть гомосексуалисты, и многие из них больны СПИДом. Мы ни для кого не можем сделать исключение. Фактически, Шанкарачарья Пури сам объявил себя хариджаном. Согласно его писаниям, он не должен входить ни в один храм – включая его собственный. А если он входит в какой-либо храм, это означает, что хариджаны могут входить в любой храм страны.

Людей обманывали... что, просто изменив имя... Все индуистские писания называют их шудрами – неприкасаемыми, – но теперь они вдруг стали хариджанами – “возлюбленными Бога”. А если они – возлюбленные Бога, кто тогда все остальные побочные дети – пять миллиардов людей, живущих в мире? И только возлюбленным Бога запрещено входить в храмы, а всем остальным можно?

Религия и политика были величайшим бедствием для человечества. Ни один политик не выступил против заявлений Шанкарачарьи, потому что они боятся: если хариджаны отделятся от индуистов – хотя индуисты пять тысяч лет отделялись от них... Их не нужно отделять – они *и так* отделены. Политики волнуются не о храме, не о писаниях, а потому, что хариджанам принадлежит четверть голосов. Если они выйдут из паствы индуистов, эти политики окажутся не у власти.

Они хранят полное молчание по такому важному вопросу и вместо того, чтобы арестовать священников, которые помешали хариджанам войти в Натх Двару, арестовали этих хариджанов. И, тем не менее, эти политики и священники хотят, чтобы хариджаны оставались частью индуистского общества.

Есть предел всему. Это слишком – слишком бесчеловечно! Они не могут читать индуистские писания. Они не могут касаться индуистов – даже своей тенью. Они не могут оставаться в городе – они должны жить за его пределами. Они не могут войти ни в один храм. На каком основании их называют индуистами?

А этот малый, Шарма, обвиняет меня в том, что я создаю разделение. Я не создаю разделение, Шарма; это ты и твои предки держат хариджанов

отделенными. Я пытаюсь впустить их в храмы. И если вы хотите, чтобы они были частью вашей политики, забудьте свои писания и пустите их в храмы.

Даже такой человек, как махатма Ганди, лгал. Хотя он и написал автобиографию, которая называется “Мои эксперименты с истиной”, он, очевидно, не знает истину; он все еще экспериментирует. А тем временем он использует столько лжи. Он обещал, что первым президентом после того, как уйдут англичане, будет хариджан – и не просто хариджан, а женщина-хариджан. Но когда Британская Империя исчезла, человек, ставший президентом, был не хариджаном и не женщиной. Человек, который стал премьер-министром... Вся власть перешла в руки тех же эксплуататоров, многие века угнетавших страну. От англичан она попала в руки старых эксплуататоров – и Индия остается в рабстве.

Поскольку я говорю правду, это задевает.

Каждый вечер и каждое утро махатма Ганди молился: “Бог один. Вы можете называть его Рамой, можете называть его Аллахом”. Но это делалось лишь для того, чтобы держать индуистов и мусульман вместе, по политическим причинам. Он никогда не упоминал Коран; он всегда ссылаясь на Гиту и называл Гиту своей матерью. Хотя он уже умер, я хочу, чтобы это было записано: в таком случае, Коран должен быть его отцом.

Его старший сын, Харидас, женился на мусульманке и принял мусульманство. Для махатмы Ганди это был настоящий экзамен на честность, искренность – и он его не выдержал. Он сказал своей жене: “Харидас больше не может входить в мой дом. Я не хочу видеть его даже когда умру”. В Индии есть традиция: когда человек умирает, его старший сын зажигает погребальный костер. Гнев Ганди был так велик, что он распорядился, чтобы Харидасу не позволили даже подойти к погребальному костру. Он будет мертв, но его гнев... а весь мир считает, что он был человеком мира; весь мир считает его махатмой, “великой душой” – какая чужь!

Он говорил, что страна разделится на Индию и Пакистан только через его труп. Но страну разделили с его согласия, и он совершенно забыл, что постоянно повторял: “Пока я жив, страна не будет разделена”. Именно он несет ответственность за разделение страны.

Также именно он дал неприкасаемым имя “хариджаны”. Но сам он никогда не пытался вернуть хариджанам их человеческое достоинство, потому что не мог обидеть высшие индуистские касты. Возможно, хариджаны – наиболее длительно эксплуатируемая группа людей в мире; они крайне угнетены. Но даже премьер-министр Индии Раджив Ганди не выступил против Шанкарачарьи. На самом деле, он пойдет и коснется его ног, чтобы получить голоса индуистов высших каст. Эти двести хариджанов не могли быть арестованы без ведома Раджива. Будет хорошо, если Шанкарачарье хватит смелости приехать сюда. Раджив тоже приглашается – потому что политики и священники являются причиной нищеты и

рабства этой страны. Но они заинтересованы только в своей власти. Я не политик, но они, по-видимому, очень боятся меня.

Это странная история, но даже индийцам, приходящим в ашрам, приходится иметь дело с полицией; и эти полицейские присланы из Дели, из центрального управления. У индийцев спрашивают паспорта – в их собственной стране. Это противоречит конституции; это противоречит свободе передвижения – вы должны носить с собой паспорт в собственной стране! Я никогда не слышал, чтобы где-нибудь в мире была такая глупость; но Индия поистине гениальна по части глупостей.

Странно: при своей крайней нищете Индия каждый год тратит сто девяносто миллионов долларов на рекламу, приглашающую туристов из других стран. А с другой стороны, когда мои люди приезжают сюда, им не дают покоя. А мои люди ежедневно приносят экономике Пуны десять миллионов рупий. Если бы правительство имело хоть какой-то разум, вместо семи тысяч людей здесь было бы сто тысяч саньясинов со всего мира. Я хотел, чтобы Пуна была столицей мира. Но из-за этих идиотов...

Радживу прекрасно известно, что именно я предложил Индире Ганди подготовить его в премьер-министры. Он мстит мне, потому что знает об этом. Он боялся, и Индира сказала мне: “Что я могу сделать? Попытайся убедить его. Он не хочет оставлять свою работу” – он работал летчиком в Индийских Авиалиниях.

И теперь, когда он – премьер-министр... Когда он был простым летчиком, он снова и снова просился приехать сюда ко мне за советом. А теперь, когда он обладает властью, через индийских послов во всем мире он старается отказать в визе всем, кто едет в Пуну. Пуна стала моей личной собственностью!

Я хочу, чтобы весь мир знал: если людям мешают приехать в Пуну, то ни один турист не должен приезжать в Индию. Тогда пусть они несут убытки, и закройте ваш Отдел по туризму – все министерство бессмысленно. Они делают противоречивые вещи: они приглашают людей посмотреть реликвии Аджанты и Эллары, и сейчас они очень настойчиво зазывают буддистов из Японии приехать в Бодхгаю, где Будда стал просветленным. Но они мешают людям приезжать сюда, где Будда по-прежнему жив! Он не просто жив – он готов сообщить то же сознание каждому, кто восприимчив. Бодхгайя ничего не значит, это просто могила.

Я хочу, чтобы мои саньясины знали, что они не должны занимать в индийских посольствах оборонительную позицию. Дайте им ясно понять: “Ваше правительство приглашает нас – все эти рекламные плакаты и объявления на телевидении, радио, в газетах, – кто вы такие, чтобы мешать нам?”

Сотни людей были отправлены обратно из аэропортов Индии по подозрению в том, что они могут быть моими саньясинами. Возможно, многие не знали даже моего имени. Некоторым из саньясинов, которые приехали сюда, пришлось говорить, что они вообще не знают обо мне. “Вы

хотите, чтобы мы знали что-то об Ошо до приезда в Индию?” Им пришлось обещать, что они не поедут к Ошо. Что это за страх? Это боязнь истины – потому что политика – это профессия лжи, так же, как и священничество.

Мы должны бороться против всех священников и всех политиков во всем мире. Это вопрос сохранения свободы на земле.

Маниша принесла сутру:

*Возлюбленный Ошо,
Когда Ганто уходил от Токусана, Токусан спросил: “Куда ты идешь?”*

Ганто сказал: “Теперь я покидаю тебя, мастер, и спускаюсь с горы”.
Токусан спросил: “А что дальше?”

Ганто сказал: “Я не забуду тебя, мастер”.

“Из какой добродетели ты говоришь это?” – поинтересовался Токусан.

Ганто сказал: “Слышал ли ты, что когда знание монаха равно знанию его учителя, он обладает меньше чем половиной добродетели учителя; и лишь тогда, когда его знание превосходит знание учителя, он готов к трансформации?”

Токусан сказал: “Так и есть, так и есть. Хорошенько охраняй это сам”.

При переводе всегда теряется самое важное. Токусан – великий мастер. Ганто был студентом, даже не учеником, потому что ученик никогда не покидает мастера. Ученик почти становится частью самого существа мастера. Возникает невидимая связь между двумя сердцами. Они танцуют вместе.

Но Ганто, должно быть, был всего лишь студентом, собирающим знания – у этого мастера, у того мастера. Он не осознавал даже разницу между учителем и мастером – так же, как разницу между учеником и студентом. Студента интересуют знания, ученик сосредоточен на существе – он хочет быть на высочайшем пике своих потенциальных возможностей. Он не хочет носить на спине ненужные писания, он хочет, чтобы внутри его существа расцвел лотос. Ученик – не студент. Ученик – любящий. Студент только собирает знания.

Токусан спросил: “Куда ты идешь? Если ты настоящий ученик, не нужно ни уходить, ни приходить, потому что ты нашел катализатор, который преобразит твое существо. Но если ты уходишь, я могу, по крайней мере, спросить, куда”. Токусан из чистого сострадания говорит Ганто: “Пожалуйста, пойми: уходя отсюда, ты уходишь от самого себя. По чистой случайности ты подошел очень близко к взрыву – куда же ты идешь?”

Вот-вот придет весна – и ты уходишь? Цветы готовы распуститься во всей своей красоте – а ты уходишь? Куда ты идешь?”

Ганто не понял. Студент очень беден в том, что касается экзистенциального опыта.

Ганто сказал: “Теперь я покидаю тебя, мастер, и спускаюсь с горы”.

Ему неизвестна разница между мастером и учителем; он не имеет права называть Токусана “мастер”. В словаре это означает одно и то же, но жизнь – не словарь. Мастер – это тот, кто может передать вам свое существо, кто может – одним своим присутствием – создать ситуацию, в которой вы станете огнем. Учитель может только рассуждать о том, что говорится в писаниях. Мастер – это присутствие, тишина. Даже в своих словах он пытается помочь вам двигаться к бессловесному.

Но Ганто был в полном замешательстве. Он сказал: *“Теперь я покидаю тебя, мастер...”*

Если бы я был на месте Токусана, я попросил бы Сардара Гурудаяла Сингха позаботиться об этом Ганто и стукнуть его три раза. Он не может пользоваться словом “мастер” – он делает его синонимом учителя.

“... и спускаюсь с горы”.

Токусан спросил: “А что дальше?”

Что ты будешь делать внизу? Куда ты уходишь отсюда?

Ганто сказал: “Я не забуду тебя, мастер”.

Дело не в этом. Ученик носит мастера в своем сердце, а не в памяти. Он несет то же пламя внутри, а не в мыслях.

Ганто сказал: “Я не забуду тебя, мастер”.

Снова и снова – становится все яснее, что он просто студент. Тодзан спросил его:

“Из какой добродетели ты говоришь это?”

Он говорит: “Ты даже не знаешь меня. На каком основании ты говоришь, что не забудешь меня? Как ты можешь забыть того, кого не знаешь? Прежде чем забывать, нужно хотя бы знать. Из какой добродетели ты говоришь это?”

Ганто сказал, – это цитата из древнего буддийского писания: “Слышал ли ты, что когда знание монаха равно знанию его учителя, он обла-

дает меньше чем половиной добродетели учителя; и лишь тогда, когда его знание превосходит знание учителя, он готов к передаче?”

Он не понимает, о чем говорит. В буддийском писании эта фраза не имеет никакого отношения к информации; она имеет отношение к истинному знанию. При переводе слова меняют оттенки. Истинное знание экзистенциально, а знания – только память. Даже у компьютера есть знания, потому что есть память. Запоминая писания, вы не доказываете своей разумности, вы доказываете лишь то, что вы – хороший компьютер.

В писании действительно говорится: “Если знание ученика составляет половину знания его мастера, он также обладает половиной добродетельности мастера. Но если его знание превосходит знание учителя – лишь тогда он готов для передачи”.

В переводе все переворачивается с ног на голову. Вы не можете превзойти знание мастера, потому что мастер, в высшем смысле, не знает ничего. Как вы можете превзойти ничто – вы думаете, есть такая возможность? Можно превзойти нечто, но ничто превзойти нельзя. Ничто огромно и безгранично – как вы можете превзойти его?

Но Токусан – один из самых сострадательных учителей. Вместо того чтобы стукнуть Ганто, он просто говорит из сострадания: “Да. Это так, так и есть. Хорошенько охраняй это сам. Я больше не несу за тебя ответственность, теперь ты сам по себе, будь начеку”. Фактически, он говорит: “Больше я не забочусь о тебе. Ты разрушаешь все мосты между нами. О чем бы ты ни думал, что бы ни понял – охраняй это как следует и будь самостоятелен”.

Ни один мастер не может никого заставить стать просветленным. Ни один мастер не может создать оковы для ученика. Ни один мастер не скажет: “Оставайся со мной”. Только сердце ученика хочет остаться. Это не приказ со стороны мастера, это любовь со стороны ученика. Это великая любовь, “великий вопрос”. Вы можете это понять, потому что вы не студенты и это не университет. Это просто собрание ищущих, которые влюбились в мастера, которые поняли глубиной сердца, что это их место.

Но это не приказ. С моей стороны, вы абсолютно свободны. Если здесь никого не будет, я все равно буду приходить каждый вечер поговорить с бамбуком. Это ваше решение – быть здесь или не быть. Но Токусан сострадательен, когда говорит: “Если ты уходишь, будь начеку. Очень легко заблудиться. Ты ничего не понял”.

Хайку Борю:

*Облако над лотосом –
оно тоже
становится буддой.*

Я люблю это хайку, оно особенно подходит к этой серии.

*Облако над лотосом –
оно тоже
становится буддой.*

Быть буддой – право каждого. Если вы не заявляете это право, это только ваша вина. Осознайте это, живите этим – и вы внезапно будете удивлены: все в вашей жизни изменилось с момента осознания, что ваше внутреннее существо – уже будда, уже пробужденный. Но вас это не заботит.

Английское слово “невежество” (ignorance) прекрасно, но не в том смысле, в котором оно обычно понимается. Для меня оно означает игнорирование вашей буддовости. Это и есть невежество, единственное невежество. Игнорировать собственную буддовость – единственное невежество; знание буддовости – единственное знание.

Стихотворение Сайгё гласит:

*Я не знаю, что это;
но от радости
капают слезы.*

Как раз сегодня Лила прислала мне вопрос: “Люди, делающие третью стадию медитации ‘Мистическая Роза’ – ‘наблюдатель на холме’ – у многих из них без всяких причин появляются слезы. Что с этим делать?”

Лила, ничего с этим делать не нужно. Это просто прекрасно. Это не слезы боли. Это молчаливые слезы благодарности. Это просто цветы, они льются к ногам самого существования. Радуйтесь этим слезам. Запомните слова Сайгё – великого мастера:

*Я не знаю, что это;
но от радости
капают слезы.*

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо, Непревзойденный,
Согласен ли ты, что твои ученики самоутверждаются лишь тогда,
когда превосходят тебя? Или все, что нам нужно – это превзойти самих
себя?*

Маниша, как только ты превосходишь себя... нет ни тебя, ни меня. Когда ученик превосходит себя, это великая встреча сознаний – так же, как во время встречи любовников, на более низком уровне, происходит встреча тел. Мастер и ученик встречаются на высочайшем уровне – как чистые сознания, как два облака, сливающиеся друг с другом. Дело не в

том, чтобы превзойти мастера, потому что, когда вы превзошли себя, вы не найдете ни мастера, ни ученика. Вы найдете только чистое сознание, которое едино.

Прежде чем мы войдем в это единое сознание, немного смеха – чтобы чуть-чуть облегчить путешествие.

Старая миссис Батхед и миссис Куч сидят на балконе своего горного отеля.

– О Боже! – восклицает миссис Батхед. – Посмотри на этого мальчика. Ты когда-нибудь видела такой длинный крючковатый нос? И такой огромный кривой рот? Смотри – он к тому же косоглазый!

– Это мой сын, – говорит миссис Куч.

– Что ты говоришь! – говорит миссис Батхед. – Все это ему удивительно идет!

Ковальский и Нурдский выходят из бара, бредут к фонарному столбу, расстегивают штаны и начинают писать. К ним подходит полицейский и говорит:

– Эй, вы! Засовывайте обратно свои штуки и прекратите это безобразие. Вы что, думаете, что вы в Индии?

Два поляка послушно застегивают штаны. Но, когда полицейский уходит, Ковальский начинает смеяться.

– Что тут смешного? – спрашивает Нурдский.

– Я обманул этого копа, – говорит Ковальский. – Я сунул его обратно, но не перестал писать!

Джемина и Бейла сидят на веранде.

– Ты слыхала, что миссис Беррипетч родила четверню? – говорит Джемина.

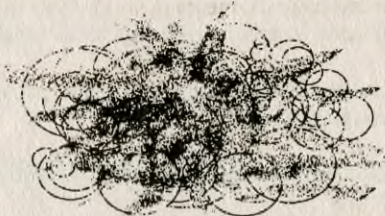
– А что это такое, черт возьми? – спрашивает Бейла.

– Тупица! Это когда у тебя рождается четверо детей сразу. И я слышала, что такое случается только один раз из шестидесяти тысяч!

– Господи Иисусе! – восклицает Бейла. – Когда же, черт возьми, эта женщина успевает работать по дому?

А теперь – несколько минут нормальности в этом ненормальном мире. Ниведано, дай первый удар, и все сойдут с ума.

Ниведано...

Будьте безмолвны.
Закройте глаза.
Пусть ваше тело станет словно замороженным,
никакого движения.
Соберите свое сознание внутри.
Глубже и глубже,
без всякого страха,
потому что это ваше собственное небо,
и нет никаких облаков, никаких преград.
Просто летите, как стрела, только внутрь и внутрь.
В этот момент вы – будда.
Помните это, охраняйте это,
потому что это – ваше высшее сокровище.
Это ваша высота, это ваша глубина.
Это вы в своей вечности.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя.
Умрите, чтобы вы могли почувствовать контраст
между телом и сознанием.
Тело – только временный дом,
караван-сарай, остановка на ночлег.
Утром мы должны отправиться в путь.

Но сознание – вечное паломничество,
путешествие без начала
и без конца.

Это путешествие, полное танцев,
песен, музыки и поэзии,
праздничное путешествие,
праздник без всяких причин.

Просто быть – достаточно.

В этот миг вы делаете это место
самым святым в мире.

Столько будд,
столько людей,
центрированных в своем существе –
сад, полный роз.

Пейте это глубже.

Это сок вашего бессмертия.

Ниведано... позови всех будд назад.

Посидите несколько мгновений,
вспоминая,
радуясь,
запоминая, где вы были.
Будьте начеку двадцать четыре часа.
Оставайтесь буддой –
бдительным, осознанным, сочным
и таким блаженным, что даже другие
смогут ощутить ваше блаженство.

- О'кей, Маниша?

- Да, Ошо.

- Можем мы праздновать встречу стольких будд?

- Да, Ошо.

ПУСТЬ МЕНЯ ЗОВУТ СТРАННИКОМ

Возлюбленный Ошо,

Когда Мёсю был монахом, он обратился к мастеру Эмё в Сайдзё с вопросом: "Что является входом для студента?"

Эмё сказал: "Иди сюда!"

Как только Мёсю подошел, Эмё схватил его и оттолкнул со словами: "Для тебя здесь нет входа!"

Когда Мёсю поднялся, у него внезапно возникло сомнение, и он не мог избавиться от него день и ночь.

Эмё втайне знал, что Мёсю был сосудом дхармы, поэтому он и выставил его из храма под предлогом, что он нарушил правила.

Мёсю не чувствовал обиды и, неизвестный никому, снял маленькую комнату недалеко от монастыря и скрылся в ней. В течение шести лет он никак не заявлял о себе – просто день и ночь сидел лицом к стене. Его медитация непрерывно оттачивалась, пока он не дошел до того, что забыл о сне и пище.

Однажды, когда он стоял за коровьим загоном, с ним случилось внезапное озарение; он немедленно пошел в жилище настоятеля с полным обрядом.

Эмё крикнул ему: "Кто дал тебе разрешение войти в храм?"

Мёсю сказал: "Смотри, вход открыт настеежь".

Эмё засмеялся и сказал: "Вор взломал мою дверь!" – и поклонился.

Впоследствии Мёсю стал служить Эмё, с каждым днем все глубже погружаясь в тайну.

Позже Мёсю начал учить сам, и вскоре его слава распространилась повсюду; его учительское кресло никогда не окружало менее тысячи человек.

Однажды, почувствовав легкое нездоровье, он ударил в барабан, чтобы созвать общину. Когда все собрались, мастер сказал: "Мое учение пришло к концу, и я оставляю вам наследство". Затем он поднял свой посох, крикнул один раз "Квац!" и умер стоя.

Маниша, эти истории принадлежат другому измерению, совершенно забытому миром. Это совершенно другой язык, другое понимание, другой способ открытия тайн существования. В этих простых историях вы увидите мир, который мы потеряли и который хотим создать снова. Этот человек, достигший высочайших пиков сознания в далеком прошлом – этот человек нужен снова, чтобы вся глупость этого мира – его политиков, его

священников – могли исчезнуть, и мир снова мог с наслаждением танцевать и радоваться в любви.

Я счастлив, что здесь собрались подходящие люди; иначе эти истории не имели бы никакого смысла – потому что вы ищете ту же дверь, и все вы едины в этом поиске, погруженные в глубокую тишину. Только это молчание может понять, потому что из этого молчания и возникли эти истории; их источник – тишина. Облака – свидетели, бамбук – свидетель; вы в своем молчании – свидетели. Это ваши истории. Поэтому не думайте, что вы читаете какой-то вымысел. Это просто намек, чтобы показать вам путь к собственному существу.

Человек крайне незначителен, его жизнь не имеет смысла, его любовь тщетна, если он не осознает, кто обитает *внутри*. Конечно, тело – не вы, и ум тоже; есть что-то еще – свидетель и ума, и тела. Все искусство мастера заключается в том, чтобы разбудить этого свидетеля, а это истории о великих мастерах.

Когда Мёсю был монахом, он обратился к мастеру Эмё в Сайдзё, где был его монастырь, с вопросом: "Что является входом для студента?"

Неверно задавать такой вопрос мастеру. Мастер не теряет свое время со студентами. Его жизнь – последняя; он не вернется. Его время драгоценнее, чем время любого другого человека. Тот, кто слеп, рождается снова; бессознательный человек войдет в другую утробу – существование очень милосердно, оно дает вам бесчисленные шансы стать буддой, – но тем, кто стал пробужденным, не нужна другая жизнь, не нужно входить в другую утробу. Они могут плыть, как белое облако.

Вспомните Басё: Облако над лотосом...

И эта тишина...

Этот танец дождя вокруг вас, и радость вашего сердца... и эта тишина, эта прохлада...

Вы – не студенты; студент заинтересован только в накоплении информации. Запомните эти два слова: информация и трансформация. Студент ищет больше информации, собирает больше знаний. Этот мир с огромным уважением относится к учености.

Ученик выбирает полностью противоположное направление; он не хочет знать, он хочет *быть*. Ему не нужно собирать знания; ему нужны глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать – он желает абсолютной чувствительности. Другими словами, он хочет, чтобы все его существо стало пламенем осознания. В этом пламени сгорит весь мусор, и вы выйдете двадцатичетырехкаратным золотом. Это и есть ваша природа в ее высшей чистоте.

Мёсю с самого начала задает неверный вопрос: "Что является входом для студента?" Для студента не существует входа. Встреча мастера и студента невозможна. Мастер будет говорить с высоты Гималаев, а сту-

дент будет бродить по какому-то шоссе. Разница даже больше, потому что язык вершин – совсем другой.

Эмё сказал... Посмотрите, вот он – другой язык. С точки зрения современного образования, логики или интеллекта это не ответ на вопрос, но дзен абсолютно не интересуется ваша логика, ваши Аристотели.

Эмё сказал: “Иди сюда!”

Не задавай глупых вопросов – *“Иди сюда!* Вот дверь. Не спрашивай о входе; двери всегда открыты – фактически, никаких дверей нет”.

Я рассказывал вам о женщине-суфии, мистике Рабии Аль-Адавии. Она – редкая женщина в том смысле, что очень немногие женщины достигли такой высоты. Она относится к категории будд. Естественно, ее считали немного не в себе, немного эксцентричной, слегка ненормальной.

Она ходила по одной дороге и каждый день видела, как один суфий, Хасан – позднее он стал великим мастером – молится рядом с лестницей мечети. Однажды Рабия остановилась посмотреть, что этот человек там делал. Она услышала, как Хасан говорит: “Боже, сколько я должен ждать – когда же ты откроешь мне дверь?”

Рабия стукнула Хасана по голове и сказала: “Идиот! Дверь всегда открыта; на самом деле, двери нет – просто войди! Не теряй время, сидя на дороге... люди начали думать, что ты великий святой. Войди внутрь!”

Эта женщина была такой убедительной, что Хасан закрыл глаза и перестал молиться; он вошел внутрь. Рабия хлопнула его по спине и сказала: “Это правильный путь; просто иди внутрь. Я не могу оставаться здесь, у меня есть другие дела”.

Вечером Хасан пришел к Рабии, чтобы коснуться ее ног, и сказал: “Если бы ты не сказал мне, что нет никаких врат, никаких дверей, я так бы и молился многие века: ‘Открой дверь!’”

Эмё не ответил на вопрос разумно, но экзистенциально он ответил. Это только для тех, кто может оставить ум в стороне. Он сказал: *“Иди сюда!”*

Как только Мёсю подошел...

Мёсю не понял, что значит “иди сюда”. Он подумал, что мастер хочет, чтобы он подошел ближе. Мастер употребил слово “сюда”, чтобы сказать: “В этот момент”, “Будь здесь!” А он подумал: “Возможно, он просит меня подойти поближе”.

Как только Мёсю подошел, Эмё схватил его и оттолкнул со словами: “Для тебя здесь нет входа!”

Кажется, что это жестоко; но мастер оттолкнул его из чистой любви, потому что он не просил его физически приблизиться – он звал его присутствовать *здесь* духовно, а Мёсю понял его совершенно неправильно. Для студента нет входа.

Когда Мёсю поднялся, у него внезапно возникло сомнение, и он не мог избавиться от него день и ночь.

Эмё тайне знал, что Мёсю был сосудом дхармы...

Мастер с самого первого момента знает, можете ли вы быть сосудом, можете ли вы быть вестником, можете ли вы быть самой вестью – есть эта возможность или нет. Он толкнул его только потому, что знал: в нем есть этот потенциал. Но если он обладает этим потенциалом, ему придется доказать это; он должен пройти через испытание огнем.

Эмё знал, что этот вопрошающий был сосудом дхармы, что он мог стать пламенем – вы подумаете, что по этой причине он должен был принять его, приветствовать с радостью. Но именно поэтому он выгнал его из храма под предлогом, что он нарушил правила. Все правила устанавливает мастер, они произвольны; это всего лишь экзамен: достоин ли этот человек того любви и доверия мастера.

Мёсю не чувствовал обиды...

Это абсолютно верный знак, что он – тот человек; любой другой почувствовал бы обиду. Если вас оттолкнули, вышвырнули из храма и сказали, что вы не можете в него входить... обычный человек обидится. Но Мёсю не чувствовал ни сожаления, ни обиды. Напротив, именно потому, что мастер оттолкнул его, он понял, что как раз здесь он и должен оставаться. Что бы ни случилось, каковы бы ни были последствия, он не должен оставлять это место. Если нельзя остаться в храме, он будет жить где-нибудь рядом и ждать надлежащего момента. Возможно, он еще не созрел.

В этом разница между студентом и учеником. Студент почувствовал бы обиду, гнев; он ушел бы в гневе, чтобы никогда не возвращаться. Ученик не винит мастера, а понимает, что, возможно, он еще недостаточно зрелый – он пришел раньше времени.

Мёсю не чувствовал обиды и, неизвестный никому, снял маленькую комнату недалеко от монастыря и скрывается в ней. В течение шести лет он никак не заявлял о себе – просто день и ночь сидел лицом к стене. Его медитация непрерывно оттачивалась, пока он не дошел до того, что забыл о сне и пище.

Однажды, когда он стоял за коровьим загоном, с ним случилось внезапное озарение; он немедленно пошел в жилище настоятеля с полным обрядом.

Танцуя, он вошел в храм.

Эмё крикнул ему: "Кто дал тебе разрешение войти в храм?"

Мёсю сказал: "Смотри, вход открыт настезь".

Ему понадобилось шесть лет, чтобы понять слово "сюда". Все распросы, вся увлеченность просто исчезли. Нынешний человек очень беден по сравнению с Мёсю. За шесть лет постоянной медитации он расцвел. Он сам стал авторитетом.

Танцуя, празднуя, он вошел в храм.

Мастер Эмё крикнул ему: "Кто дал тебе разрешение войти в храм?"

Мёсю сказал: "Смотри, вход открыт настезь".

Эмё засмеялся и сказал: "Вор взломал мою дверь!"

Очень любовные слова. Говорят, пока ученик не смел как вор, он не может войти в сердце мастера – это почти воровство.

Эмё засмеялся и сказал: "Вор взломал мою дверь!" – такова была красота этих старых дней, – и поклонился, – этому чуду: Мёсю понял, что значит "быть здесь" и понял также, что нет никакого входа, никакой двери.

Позже Мёсю начал учить сам, и вскоре его слава распространилась повсюду; его учительское кресло никогда не окружало менее тысячи человек.

Однажды, почувствовав легкое нездоровье, он ударил в барабан, чтобы созвать общину. Когда все собрались, мастер сказал: "Мое учение пришло к концу, и я оставляю вам наследство". Затем он поднял свой посох, крикнул один раз "Квац!" и умер стоя.

Человек, который понимает жизнь, автоматически понимает смерть. Человек, который живет тотально, знает: когда смерть постучит в дверь, он будет готов к новому путешествию.

Он умер стоя, с посохом в руке. Может быть, только он один умер так, показывая, что готовится в новое путешествие.

Басё написал:

Пусть меня зовут

странником;
первые дожди.

Пришли первые дожди. Забудьте мое имя, потому что все наши имена – не что иное, как надписи на песке. Придут первые дожди, и имена исчезнут.

Басё говорит: "Пусть меня зовут просто странником". Больше будет отождествляться с транспортом, на котором вы ездите. Вы можете быть в машине, можете быть в повозке, запряженной волами, вы можете быть в автобусе, поезде или самолете. Неважно, на чем вы едете: вы – странник. Тысячи раз, на многих станциях вы меняли средство передвижения. Во множестве форм вы появлялись в мире – то деревом, то розой, то орлом.

Восточная ясность, рождающаяся из просветления, не верит в эволюцию в том смысле, как ее понимает Чарльз Дарвин. Для нее все живущее в существовании – равно. Вы не выше розового куста. Но есть идиоты вроде Шанкарачарья Пури, который думает, что брамины выше всех. И дело не только в нем.

На днях я получил письмо от другого идиота. Я притягиваю идиотов. Они не приезжают сюда, но зато постоянно пишут письма; им не хватает смелости приехать сюда. Он написал мне... это свами из старой индуистской традиции. Он из того же храма, что и Шанкарачарья Пури и был его секретарем; он очень хорошо образован, закончил аспирантуру и получил докторскую степень, но это не имеет значения.

Он пишет мне: "Ваше утверждение, что мужчины и женщины равны, не соответствует писаниям". Кого волнуют ваши писания? Я даже во сне не упоминал ваши писания. Все, что я хочу – чтобы все их сожгли.

Он говорит, основываясь на писании, что женщины – это земля, а у земли сорок качеств; и что у мужчины сто восемьдесят качеств. И, конечно, поскольку это написано в писании, в его глазах здесь нет никакого повода для дискуссии. Но по-моему, это значит, что лучше бы Шанкарачарья Пури совершил самоубийство, чтобы в Хайдерабаде пошли дожди – потому что у него сто восемьдесят качеств. У бедных женщин всего сорок качеств – она всего лишь прах. Так что зачем убивать женщину, какую-то кучу земли, и жечь ее на погребальном костре?

Именно это и сделали хариджаны Хайдерабада – они сожгли изображение Шанкарачарья. Но дождь не пошел. Сжигать изображения или фотографии бесполезно – поймите настоящего старого козла.

И я говорю: даже тогда облака не слушают. Сюда они приходят послушать без приглашения. Они знают, что здесь находятся люди, которые любят их танец, их песню. Следует заметить, что в прошлом все время года были четко фиксированы. В определенный день начинались дож-

ди, в определенный день приходило лето, в определенный день начиналась зима. В Индии только три времени года; они разделены поровну – по четыре месяца на каждое. И так было тысячи лет без всяких перемен.

Конечно, люди, жившие на этой земле, обладали некоторой синхронностью с природой. Они танцевали и пели, когда приходили первые дожди. Точно так же, как танцуют павлины в разноцветных одеждах, танцевали люди, когда приходили первые дожди – чтобы приветствовать их: от них зависела их жизнь. Без них жизни не было. Люди приветствовали каждое время года; все праздники в Индии были посвящены временам года – это была совершенно иная математика.

Басё прямо говорит: “Пусть меня запомнят просто как путешественника. Я остановился в вашем караван-сарая на ночь. Спасибо – но не забывайте мое имя”. Эти люди, в которых нет желания, чтобы их помнили, принадлежат другому сознанию.

Бусон, другой дзенский поэт, пишет:

*Вспышка молнии!
Звук капли,
падающей с бамбука.*

Жизнь не ограничена вами.
Это не ваша монополия.

*Вспышка молнии!
Звук капли...*

Вы можете сейчас услышать звук капель, падающих с бамбука. Все это – одна жизнь; видеть ее – значит иметь подлинные глаза, чувствовать ее – значит иметь настоящее сердце.

Моя работа здесь направлена на то, чтобы установить эту синхронность между вами и молнией, каплями росы и бамбуком. Все это существование пульсирует одним сердцем; нет вопроса о том, что ниже и что выше. Чарльз Дарвин, вероятно, не понял этого. Ничто не эволюционирует; есть только странники, переходящие из одного караван-сарая в другой, наслаждаясь вечным паломничеством.

Маниша спросила:

Что значит служить? Служим ли мы тебе? Разве, на самом деле, не мастер служит ученикам – как это символически показал Иисус, умыв

перед смертью ноги ученикам, и как ты каждый вечер омываешь нас своим присутствием прежде, чем мы умрем и воскреснем?

Маниша, понять слово “служить” будет трудно. Ученик служит в том смысле, что он отбрасывает всю свою защиту, что жизнь мастера становится его собственной жизнью – он заботится о мастере, готовит ему пищу. Но на Западе не понимают, что такое служение мастеру. Запад знает только одно: что такое платить педагогу. Деньги – единственное, что студент дает учителю.

В восточном контексте деньгам нет места. Служить мастеру просто означает создавать ему как можно больший комфорт – оставаться рядом с ним, бдительно, не беспокоя его, быть просто тенью, которая не издает ни звука. Не предполагается, чтобы учителю служили в этом смысле. Учитель – слуга, ему следует платить. Все учителя в мире – они могут быть знаменитыми профессорами в университетах – всего лишь слуги.

Ученик служит учителю своей любовью, а не деньгами; своим вниманием, бдительностью, заботой, постоянным наблюдением, чтобы у мастера не было никаких трудностей. А мастер, конечно, со своей стороны, служит ученикам – отдавая все свое сердце, открывая двери всех тайн. Он отдает то, что нашел, ничего не требуя взамен. Это взаимная любовь. Мастер любит всех – он и *есть* любовь. Ученик должен научиться любить этот оплот любви, излучающий свою любовь во всех направлениях.

Но не вмешивайте в этот вопрос Иисуса, потому что он никогда не был мастером. Он объявлял себя сыном Бога. Все мастера на Востоке просто посмеялись бы – сын Бога? Во-первых, Бога нет. Во-вторых, откуда взялся этот сын? Для восточных мастеров сама идея Бога – это фикция, а фикции не размножаются, они верят в контроль над рождаемостью.

Иисус – просто психически больной, страдающий от того, что психологи называют мегаломанией: когда человек кажется себе слишком великим, слишком значительным и монополизирует все. Единственный рожденный сын – даже ни одной сестры!

На самом деле, если вы посмотрите на всю эту историю, которой придерживаются христиане, то Бог окажется, самое большое, дядей, а не отцом; ведь это святой дух сделал бедную Непорочную Марию беременной. А вы по-прежнему называете его “святым” – этого преступника. Если он святой, то множество людей могли бы наслаждаться святостью. Это было бы очень просто: не нужно молиться, не нужно ходить в церковь – найди бедную девушку, сделай ее беременной, и твое имя будет напечатано во всех газетах: “Святой Дух такой-то и такой-то”. Что это за святость?

Одна глупость на другой... Христиане говорят, что святой дух не отделен от отца. Так кто же он – репродуктивный орган Бога? Насколько я

могу понять эту историю, святой дух – это сексуальное приспособление Бога; и из этого прелюбодеяния родился Иисус.

Маниша, ты не должна приносить всю эту чушь. Он не был мастером, и у него не было никаких учеников. Эти двенадцать, который крутились вокруг него и которых христиане называют апостолами... На днях в свет вышло сообщение об исследовании христианских миссионеров, где задается вопрос, не был ли Иисус гомосексуалистом; иначе, почему его окружали только двенадцать мужчин? Это порождает вопросы, конечно. Это похоже на компанию геев.

Маниша, я как-нибудь выскажу то, что думаю об Иисусе, во всех подробностях. Не вмешивай этого беднягу в свои вопросы, когда мы обсуждаем очень важные вещи.

Другое исследование, сделанное христианами, показывает, что Иисуса никогда не было, что это только мифология. Георгий Гурджиев говорил, что это была древняя драма – вся история Иисуса, – и что эта драма мало-помалу стала реальностью. По мнению Георгия Гурджиева, никакого Иисуса не было.

А теперь, когда обнаружилось, что даже христианские миссионеры болеют СПИДом, они обличают Иисуса – что он, должно быть, был гомосексуалистом. Это странная идея – что обет безбрачия не исключает гомосексуализма, что целибат просто означает, что вы не должны вступать в гетеросексуальные отношения. Теперь сами христианские архиепископы открыто говорят, что целибат не запрещает гомосексуализма. И гомосексуализм стал такой силой, что даже политики боятся говорить что-нибудь против.

Два года я был постоянной темой обсуждения в голландском парламенте – следует ли им пускать меня в Голландию. Я даже не говорил этим идиотам, что хочу приехать в Голландию. И причиной их настойчивого нежелания пускать меня было то, что я выступал против гомосексуализма. Можете ли вы поверить, что весь голландский парламент – гомосексуалисты? Или, возможно, они боятся потерять огромное число голосов гомосексуалистов; иначе в чем проблема? Я никогда не думал, что мне запретят въезд на почве гомосексуализма.

Гомосексуализм сейчас – почти религия. И гомосексуалисты считают себя более прогрессивными, чем гетеросексуалы, потому что они вышли за пределы природы, за пределы биологии. Великий прогресс! И они набирают все больше и больше силы.

Теперь они сами говорят, что, если сам Бог не был целибатом, почему этого требуют от христианских священников? Это логично. Правда, Бог нарушил свой целибат всего один раз, но нужно же дать, по крайней мере, один шанс каждому священнику.

Не приноси таких вещей, Маниша. Меня уже осудили во всем мире; меня осудят еще больше, если ты будешь приносить такое, потому что я буду говорить только правду.

Она задала другой вопрос:

Возлюбленный Ошо,

Выделяются ли во время медитации какие-то химические вещества – подобно тому, как это происходит, когда занимаешься любовью? Кажется, что это похоже.

Нет, Маниша – абсолютно нет. Медитация просто означает выход за пределы химии и физики, выход за пределы тела и ума. Она не имеет ничего общего с химическими веществами. Эта идея была увековечена очень умными людьми, такими, как Олдос Хаксли, который считал, что через ЛСД, химикат вы можете достичь просветления.

Сейчас на мировом рынке, подпольном рынке, можно достать химическое вещество под названием “экстаз”. Примите его, и как минимум шесть часов вы будете в экстазе. Но эти люди просто эксплуатируют великое желание, великое стремление, “великий вопрос”.

Экстаз – не химия; это глубокое понимание, осознанность; а осознанность не состоит из химикатов. Иначе все было бы очень легко: вы просто идете в больницу, вам делают укол, и вы становитесь буддой. Зачем напрасно беспокоить меня?

Здесь это может занять годы – каждый день вы будете становиться буддой и каждый день падать. Мне приходится будить вас, потому что сам я должен идти спать. Я могу оставить всех вас в могиле, но это опасно. Кто-то может умереть по-настоящему, и вы не будете знать, что делать.

Некоторые люди умирают, и их духи начинают бродить. Я должен присутствовать здесь, и я оставляю Сардара Гурудаяла Сингха бдительным и живым, чтобы дух – святой или не святой – не мог сюда войти. Бедному Гурудаялу Сингху приходится ждать у дверей, чтобы не пускать духов. Он не позволит ни одному духу войти сюда снаружи; и он также не выпустит отсюда ни одного духа – “Возвращайся назад в свое тело!” Некоторые стараются войти в чужое тело. Так что я вынужден ждать, пока Ниведано не даст мне сигнал, что все духи на своих местах.

Прежде чем вы войдете в свою смерть... потому что без этого вы не сможете осознать контраст жизни; вы не сможете увидеть пламя, если вас не окружает тьма. Днем вы не видите звезд – вы думаете, они исчезают? Они здесь, но из-за яркого солнца вы не видите их. Солнечные лучи мешают вам видеть звезды.

И я слышал... Нирвано говорил, что я начал носить солнечные очки потому, что впереди – блестящее будущее.

Перед тем, как наступит блестящее будущее, давайте немного посмеемся.

Пэдди приходит в себя в больнице после того, как день провел без сознания. Все его тело перебинтовано. Он смутно припоминает, что был в баре с Сином, и они начали спорить. Дальше – пустота.

Через несколько дней Пэдди разматывают настолько, что он может кое-как доковылять до бара. Син сидит там на своем обычном месте.

– Что, черт возьми, случилось? – спрашивает Пэдди. – Помнится, я начал драться с тобой, а потом очнулся в больнице!

– А, – машет рукой Син, – это японское карате.

Пэдди понимающе кивает и с трудом выбирается из бара.

Через десять минут Син допивает свой стакан и собирается уходить. Он выходит за дверь и делает один шаг. Следующее, что он понимает – это то, что он находится в больнице, весь в гипсе.

Через несколько недель он на костылях бредет в бар. Пэдди, как всегда, там.

– Что случилось? – стонет Син. – Я вышел из бара, а очнулся в больнице!

– О, – говорит Пэдди. – Это тоже из Японии. Моя “тойота”!

Пэдди решает заняться боксом и несколько недель тренируется. Но в первом же раунде своего первого боя он летит на пол от сокрушающего удара.

Рефери начинает отсчитывать нокаут, а Пэдди пробует встать.

– Лежи до восьми! – кричит его менеджер.

– Хорошо, – удивленно соглашается Пэдди, – а сколько сейчас времени?

Джеяджит Самоза, торговец презервативами из Пуны, садится на автобус. За ним тянется хвост из пятнадцати детишек. В автобусе дети начинают носиться туда-сюда, прыгают на сиденьях, берут чужие вещи, выпрашивают милостыню и, в конце концов, создают невообразимый хаос.

Старая бабушка Брахмачапатти наклоняется и спрашивает:

– Мистер Самоза, все эти чудовища – ваши?

– Конечно, нет, – отвечает Самоза. – Я продаю резинки, а это все – рекламации!

Ниведано, пришло время...

Ниведано...

Будьте безмолвны.
Закройте глаза.
Почувствуйте, будто ваше тело замерзло.
Войдите внутрь.
Нет никаких ворот – это открытое пространство.
Глубже, глубже,
без всякого страха.
Это ваше пространство, ваша территория.
Вы никого не встретите на пути,
кроме самих себя.

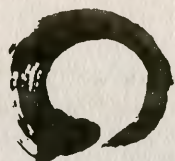
Ниведано...

Расслабьтесь. Отпустите себя. Умрите.
Забудьте весь мир

и центрируйтесь внутри.
Это место, из которого рождаются все будды.
Пейте его глубже.
Пейте его тотально.
Дайте себе пропитаться сознанием.

Ниведано...

Вернитесь,
но не забудьте этот опыт.
Посидите как будды,
хотя бы несколько минут.
Просто радуйтесь этой тишине
и танцу дождя.
Храните это сознание двадцать четыре часа,
как подспудное течение,
и каждый ваш поступок будет нести изящество,
новую радость, спонтанность,
переполняющую любовь.
Не нужно оставаться каплей;
ваш удел – быть океаном.
Не нужно оставаться телом;
ваш удел – быть буддой,
просто чистым сознанием.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать всех будд под дождем?
- Да, Ошо.

20 июля 1988 года

ЧЕЛОВЕК ОПЫТА ЗАБЫВАЕТ О ЖЕЛАНИИ ОСУЖДАТЬ

Возлюбленный Ошо,

Кассан и Ёдзан разговаривали, прогуливаясь. Ёдзан сказал: "Если бы в пределах круга жизни и смерти не было Будды, не было бы и круга жизни и смерти".

Кассан возразил: "Если бы Будда находился внутри круга жизни и смерти, не было бы никаких заблуждений относительно жизни и смерти".

Их спор заходил все дальше и дальше, и ему не было конца – так что они решили спросить Дайбай. Кассан сказал ему: "Какая из этих двух точек зрения ближе?"

Дайбай ответил: "Одна близка, другая далека".

"Какая из них близка?" – спросил Кассан.

"Уходи и спроси меня завтра", – ответил Дайбай.

На следующий день Кассан снова пришел и задал тот же вопрос. Дайбай сказал: "Близкий не спрашивает. Спрашивает тот, кто далек".

Позже Кассан сказал: "В то время, когда я был с Дайбаем, я потерял свой глаз Будды".

В другой раз Хоген спросил Якудзю: "Где обитель Будды?"

Якудзю ответил: "Определенного места нет".

Хоген возразил: "Если это Абсолютный Будда, разве у него может не быть определенного, особого места?"

Якудзю сказал: "Если бы было особое место, это не был бы Абсолютный Будда".

Хоген согласился.

В другое время монах спросил Кёзея: "Что значит 'Багават в десяти направлениях – это одна дорога к нирване'?"

Кёзей сказал: "В доме нет двух хозяев".

Маниша, в мире, полном безумия, вам немногим посчастливилось обсуждать великий вопрос внутреннего путешествия. Эти истории содержат в себе так много, хотя они так коротки. Это подобно тому, как капля вмещает весь океан. Фактически, она действительно вмещает весь океан, потому что у них одинаковый вкус.

Эти истории не только для того, чтобы слушать, но для того, чтобы проживать их от мгновения к мгновению. Когда я буду идти в них, вы также идите в себя. Такова стратегия дзен, приводящая неосознанность к осознанию.

Кассан и Ёдзан разговаривали, прогуливаясь. Ёдзан сказал: "Если бы в пределах круга жизни и смерти не было Будды, не было бы и круга жизни и смерти".

Прекрасное утверждение. Если бы в жизни и смерти не было бы сознания, буддовости, не было бы никакой жизни и смерти. Это абсолютно и категорически верно. Наше рождение – это рождение будды, и наша жизнь – это жизнь будды, помним мы об этом или нет. И наша смерть будет смертью будды. Но помните: хотя на экране кажется, что есть начало и конец, существование не ограничено рамкой; это не окно, оно не огорожено смертью и жизнью. Будда внутри вас просто приходит из вечности, словно прохладный ветерок, и проходит через ваше сердце – снова в вечность. Снаружи может показаться, что кто-то рождается, кто-то умирает. Изнутри, если вы осознанны, ничто не рождается и ничто не умирает. Меняются только формы, но центр всех наших проявлений всегда остается прежним.

Ощутить этот центр – вот вся задача медитации, потому что, если вы узнали его, вы расслабились; вы не можете быть несчастным. Даже если вы пытаетесь, вы не можете быть напряженным, не можете злиться, жадничать, не можете жаждать власти. Когда вы узнаете свой центр, вы достигаете вершин, до которых далеко даже облакам. Вы коснулись синевы пустого пространства. Этого путешественника Кассан и Ёдзан называли "Буддой".

Кассан возразил: "Если бы Будда находился внутри круга жизни и смерти, не было бы никаких заблуждений относительно жизни и смерти".

Правильно, но не совсем. В этом нет ничего неверного, но говорить "не было бы никаких заблуждений относительно жизни и смерти" не обязательно. Когда вы пробуждаетесь для буддовости, все ложное исчезает, подобно тому как исчезает тьма, когда вы вносите лампу в темную комнату. Вы не говорите, что тьма ушла, потому что ничто не уходит. На самом деле, тьмы вообще не было; было только отсутствие – отсутствие света. В тот момент, когда вы вносите свет – конечно, отсутствие света не может оставаться. Ничто не ушло, просто вошел свет. Когда будда пробуждается в вас, это не значит, что заблуждения, тьма или галлюцинации исчезают. Ваш будда бодрствует, и повсюду – без конца – есть лишь сознание и ничего более.

Их спор заходил все дальше и дальше, и ему не было конца – так что они решили спросить Дайбая – который был знаменитым мастером. Кассан сказал ему: "Какая из этих двух точек зрения ближе?" – кто ближе, кто больше соответствует бессловесному опыту?

Дайбай ответил: "Одна близка, другая далека".

"Какая из них близка?" – спросил Кассан.

"Уходи и спроси меня завтра", – ответил Дайбай.

На следующий день Кассан снова пришел и задал тот же вопрос.

Дайбай сказал: "Близкий не спрашивает. Спрашивает тот, кто далек".

Какие великие слова: "Ты спрашиваешь только потому, что не знаешь. Ты спрашиваешь только потому, что это не твой опыт. Тот, кто спрашивает, не знаком с истиной. Это не его опыт, он просто повторяет сутры, писания. Где тот, другой, с кем ты спорил? Он не пришел с вопросами, потому что он знает.

Знание приносит тишину, в которой не возникает никаких вопросов, потому что вопрос – это другое название сомнения. Тот, кто знает, просто знает: это так. Тот другой не вернулся, чтобы спросить – должно быть, он близок к истине. Он знает – так зачем же ему беспокоить мастера? Ты пришел – это доказательство того, что ты не знаешь; ты очень далеко".

Позже Кассан сказал: "В то время, когда я был с Дайбаем, я потерял свой глаз Будды".

Он имеет в виду, что, будучи с Дайбаем, мастером, он потерял все свои знания, разум, ум – он потерял все, включая глаз Будды. Он привык думать, что знает. Он привык думать, что обладает глазом Будды.

Глаз Будды – то же самое, что подразумевается под "третьим глазом": это символ взгляда внутрь. Ваши два глаза раскрыты наружу; между ними есть точка, из которой вы смотрите внутрь. Эта точка символически называется третьим глазом. Помните, это только метафора.

Чтобы быть с мастером, совершенно необходимо потерять ум; быть таким невинным, чтобы не возникало никаких вопросов; быть полным удивления, а не знаний; быть самим доверием и любовью, а не спрашивающим.

В другой раз Хоген спросил Якудзю: "Где обитель Будды?"

Якудзю ответил: "Определенного места нет".

Должно быть, Хоген был очень интеллектуальным человеком. Он сказал:

“Если это Абсолютный Будда, разве у него может не быть определенного, особого места?”

Якудзю сказал: *“Если бы было особое место, это не был бы Абсолютный Будда”.*

Быть в конкретном месте означает быть узником. Иметь адрес – значит быть ограниченным. Иметь имя – значит иметь рамки. А само слово “будда” означает быть неограниченным, беспредельным, выходящим из берегов, быть всей вселенной. У него не может быть определенного места.

Но Хоген был не просто интеллектуалом, потому что впоследствии он сам стал великим мастером.

Выслушав это, Хоген согласился. Но это все еще согласие, это не осознание. Соглашаться со мной – одно, переживать со мной – совсем другое. Согласие от ума, переживание – от запредельного, где меня больше нет и вас больше нет – только цветение чистой тишины.

Двое пробужденных не могут находиться в одной комнате по той простой причине, что два пробужденных сознания немедленно растворяются друг в друге.

В другое время монах спросил Кёзея: “Что значит ‘Багават в десяти направлениях – это одна дорога к нирване’?”

Вы должны сначала значение слова “Багават”. Вы называете меня Багваном. Слово “Багван” происходит от слова “Багават”, которое означает “благословенный”, “блаженный”. Когда кто-то достигает такой благословенности, чистое качество Багавата обретает форму. Эту форму мы на Востоке называли “Багван”. Здесь нет ничего общего с Богом. Тот, кто переводит слово “Багаван” как “Бог”, полностью ошибаются. Багван связан с Багаватом – бесконечным сознанием.

Когда вы раскрываетесь для высшего, оно немедленно вливается в вас. Вы больше не обычный человек – вы трансцендировали. Ваше озарение стало озарением всего существования. Вы больше не отделены – вы обрели корни. В противном случае, обычно все живут без корней, не зная, откуда их сердце получает энергию, не зная, кто дышит в них, не зная жизненного сока, который бежит в них. А в тот момент, когда этот жизненный сок уйдет, от вас останется пустая оболочка, труп.

Это не тело, это не ум – это нечто трансцендентальное по отношению ко всякой двойственности; это называется Багават – *“Багават в десяти направлениях”.*

Обычно люди говорят о четырех направлениях. Но кто-то понял, что между каждыми двумя направлениями возможно еще одно. Итак: север, юг, восток, запад – это общеизвестные, общепринятые направления. Затем, есть еще четыре – по одному между каждыми двумя. Люди философского склада приняли эти восемь направлений; но десять направлений

включают кое-что еще, потому что одно направление должно идти вглубь – ни на юг, ни на север, ни в одном из этих восьми. И еще одно направление должно идти вверх, по вертикали; оно тоже не входит в число восьми направлений. Эти два направления – высота Эвереста и глубина Тихого океана – на самом деле, направления духовные. Остальные восемь – географические.

Эти два направления не имеют отношения к географии. Это ваше внутреннее переживание высот и глубин, и они неотделимы друг от друга. Рядом с каждой большой горой есть большая долина. Долина и гора всегда вместе. Ваше внутреннее существо, когда оно открывается, сначала чувствует два направления: высоту, глубину. А затем, постепенно, по мере того, как вы привыкаете к новому положению, вы начинаете смотреть вокруг, распространяясь также в остальных восьми направлениях. Багават *и есть* десять направлений... хотя и говорят, что это *“одна дорога к нирване”.*

Кёзею кажется, что это противоречие: одна дорога и десять направлений?... Конечно, это противоречие, но только для тех, кто лишь думает об этом. Те, кто испытал, знают, что дорога одна – это дорога высоты и глубины. И когда вы достигли точки, где ваша высота и глубина встречаются, затем вы можете смотреть по сторонам, до самой периферии вселенной. Тогда ваше сознание начинает раскрываться во всех десяти направлениях; но дорога была одна.

Кёзей сказал: “В доме нет двух хозяев”.

Такого не может быть. Вы приносите два ничто – они станут одним: что будет разделять их? Между двумя ничто не поставишь забора. Между двумя нулями... как вы сделаете их двумя? Они прыгнут друг в друга и станут одним. Как только кто-то становится просветленным, когда в истории просветления прибавляется еще один человек, он просто исчезает в океане. Просветление просто означает потерю номера, потерю личности, это, “я” – вы становитесь частью потрясающего бытия.

Кассан сказал своим монахам:

Найдите меня в верхушках

сотен травинок.

Узнайте Принца

на шумном рынке!

Это были последние слова Кассана перед смертью: “Теперь вы не сможете найти меня здесь, в этом теле; но не печальтесь – *Найдите меня в верхушках сотен травинок”.*

Просто смотрите – молчаливо и глубоко – и вы найдете своего мастера повсюду. Все существование будет залито вашим мастером. И, конеч-

но, когда мастер умирает, он делает всю вселенную священной для своих учеников. Они будут касаться его в камнях, они будут видеть в цветах его оттенки, в радуге – его красоту. Ученик так глубоко погружается в сознание мастера, что когда сознание мастера распространяется на все существование, ученик может, по меньшей мере, увидеть это. Вот почему в дзен ученики танцуют, когда умирает мастер; они превращают это в праздник, потому что их мастер свободен от всех ограничений тела и ума. Эта свобода их мастера указывает на их собственную свободу. Эту свободу следует почтить и отметить праздником, песнями и танцами.

Маниша задала один вопрос:

Возлюбленный Ошо,

Наша жизнь здесь, рядом с тобой, и жизнь людей в мире абсолютно несопоставимы – наша тишина и их безумие. Какова связь между тем, что происходит здесь и там?

Маниша, разница очень невелика, незначительна. Те, кто не здесь – спящие будды. Те, кто здесь – только просыпаются. Там – ночь, и люди крепко спят, похрапывая.

Здесь, в этот миг глубины, тишины, вы бодрствуете – вот и вся разница. Какая разница между тем, когда вы ночью идете спать, и тем, когда утром вы просыпаетесь? Это та же самая разница – те, кто там, не ниже, и вы не выше оттого, что вы здесь. Они просто решили послать еще немного; а вам надоело спать, и вы хотите проснуться. Это выбор каждого человека.

Что касается будды, он будет ждать вас вечно. Когда бы вы ни выбрали направить взгляд внутрь, вы найдете его. Он здесь – в вашем сне, в ваших сновидениях, в вашей нормальности и ненормальности. Он – сама ваша жизнь. Так что даже в ненормальном человеке столько же буддовости, сколько в пробужденном, просветленном. Их качество не отличается. Единственное небольшое отличие в том, что один осознал себя, а другой откладывает.

Но это не значит, что нужно осуждать тех людей как грешников, как это всегда делали религии. Осуждение, как таковое, – нерелигиозное отношение. Человек – не святой и не грешник; просто некоторые люди спят, а некоторые проснулись. У спящих есть свои радости, сны, кошмары. У тех, кто пробудился, есть свое блаженство, экстаз. Проснувшийся человек не может осуждать спящего, он может только сострадать.

Именно поэтому я говорю вам, что все ваши религии совершали большой грех, осуждая людей. Я никого не могу осуждать, потому что знаю, кто вы. Спите вы или бодрствуете – это ваше дело; но я знаю, что то же сознание, которое во мне, вибрирует и внутри вас.

Какое имеет значение, если вы спите, пьете чай или курите сигареты? Эти глупости не могут уничтожить вашу буддовость. Но именно это всегда говорили религии: “Не делай того, не делай этого”. И люди, которые говорят это, просто цитируют писания; это не их личный опыт.

Человек опыта совершенно забывает о желании осуждать. Его сострадание огромно. Его любовь бесконечна. Он знает, что мы – творения вечности; поэтому, какая разница?.. В неделе всего семь дней. Кто-то решил проснуться в понедельник, а кто-то – в воскресенье. Больше никакой разницы нет. В моем представлении, есть только два класса: некоторые люди спят, некоторые бодрствуют. Но в основе своей они состоят из одной и той же материи, которую мы называем буддовостью, и каждый свободен продолжать сон или проснуться.

Мастер действует, самое большее, как будильник на ночном столике. Часы не осуждают вас; они просто напоминают вам: пора, уже утро. Если вы решите вернуться на другой бок и накрыться одеялом, это ваше дело – часы это совершенно не интересуется. Они сделали свое дело, они дали вам понять, что уже утро и пришло время встать. Но вы свободны; если вы сегодня хотите встать попозже – возможно, вчера вы были на вечеринке... ну и что? Просто не храпите. Сон – это нормально, но храп абсолютно невыносим для других спящих.

Был один необычный случай. Однажды ночью я ехал в поезде, и в купе было четыре спальных полки. Это невероятно, но люди на трех полках выглядели совершенно одинаково. Позже я узнал, что они – тройняшки; и их храп... Я изо всех сил старался помнить, что весь мир – майя, иллюзия. Но они храпели так, что не помогала никакая философия. Они храпели так гармонично... Сначала храпел один, а двое других молчали. Затем второй отвечал, погромче. А потом вступал третий... и так по кругу.

Посреди ночи, когда мне окончательно надоела эта музыка, пришлось что-то делать. Я начал храпеть наяву. Я разбудил всех троих. Они спустились и уставились на меня, а поскольку мои глаза были открыты, они испугались. Они спросили:

– В чем дело? Ты не спишь, но храпишь так громко.

Я сказал:

– Если вы не перестанете храпеть, я буду делать это упражнение всю ночь.

Они попросили:

– Хотя бы закрой глаза, потому что это заставляет дрожать наши сердца.

Я сказал:

– Получите урок. Я ждал не один час. Прекратите эту симфонию!

Они ответили:

– Что мы можем поделать? Мы – тройняшки, и поэтому то, что делает один, делают и другие. У нас одинаковые привычки – в том числе храпеть! Мы бессильны.

Я сказал:

– Тогда запомните: я буду храпеть с открытыми глазами так громко, что не уснете ни вы, ни люди в соседнем купе.

Они сказали:

– Лучше мы не будем спать и что-нибудь почитаем. Делай что хочешь, но, пожалуйста, только не это – не храпи с открытыми глазами. Либо закрой глаза и храпи – к этому мы привыкли; либо, если не хочешь храпеть, можешь открыть глаза и делать что угодно – все, что захочешь. Мы постараемся не храпеть, но ты понимаешь, что мы бессильны? Во сне человек забывает обо всех своих решениях.

Я сказал:

– Знаю, но я устал. Я двадцать четыре часа в дороге, а вы только начали путешествие. Сядьте и почитайте что-нибудь.

Я дал им книги со словами:

– Можете читать эти книги, и дайте мне поспать. И помните: если кто-нибудь начнет храпеть, я сделаю что-нибудь похуже. Это было самое простое.

Беднягам всю ночь пришлось читать книги, которых они совершенно не понимали.

Утром, проснувшись, я сказал:

– Теперь можете спать. Я иду в ванную. Храпите, сколько хотите – вволю! Пока я буду умываться... я буду делать это как можно дольше. Наслаждайтесь своим храпом!

Но в этом не было осуждения. Я наслаждался невероятно. Это было утомительно, но и весело.

Маниша, никогда не попадайся в ловушку старого религиозного подхода. Религии всегда осуждали людей за такие мелочи – и, тем не менее, они говорят о сострадании! А люди, которые делают эти мелочи, делают их только потому, что не осознают самих себя; и они устали, им скучно. От скуки кто-то становится алкоголиком; от скуки кто-то начинает употреблять наркотики; от скуки люди совершают самоубийство. Но всем им нужно сострадание тех, кто пробудился.

Это место для того, чтобы быть сознательным; и вместе с сознанием приходит сострадание, а не осуждение. Вы должны разделить свою любовь со всем миром – ливень любви на весь мир. Может быть, ваша радость, ваш танец, ваше сознание разбудит то же самое в тех, кто спит. А это великая радость – разбудить будду.

Я получаю необычайное удовольствие от того, что бужу вас. До последнего вдоха я не перестану приставать к вам. Что такое, по-вашему, все эти беседы? Просто приставание!

Перед тем, как я начну приставать к вам, немного смеха, чтобы те, кто спит, проснулись. Смех – просто стратегия, потому что, когда все смеются, вы не можете спать. Было бы чудом, если бы вы смогли спать, когда смеется семь тысяч человек.

Ковальский сидит на кухне и читает газету. Его жена Ольга малопомалу приходит в отчаяние.

– Эй, Ковальский, – говорит она, – ты не сводишь меня в зоопарк?

– Нет, дорогая, – отвечает Ковальский. Все, кто хочет посмотреть на тебя, могут прийти сюда.

Мистер Смит не совсем здоров и идет к доктору Боунсу, чтобы сдать кое-какие анализы. На следующий день его жена приходит за результатами. У Боунса очень озабоченный вид.

– Боюсь, миссис Смит, произошла небольшая путаница. Вчера к нам приходили два мистера Смита; у одного из них – полная потеря памяти, а у другого – СПИД; и я не знаю, какой из анализов принадлежит вашему мужу.

– Боже мой! – кричит миссис Смит. – Как же мне это выяснить?

– Просто, – говорит Боунс. – Пошлите мужа погулять, и, если он вернется, не трахайтесь с ним!

Ольга Ковальская в полном отчаянии приходит к врачу.

– Вы должны помочь мне, доктор! – кричит она. – У меня двенадцать детей, и мне становится плохо от одной мысли о том, что придется заботиться еще об одном маленьком чудовище. Что мне делать?

– Что ж, – говорит доктор, – вы пробовали предохраняться?

– Не могу, – отвечает Ольга. – Мой муж – строгий католик. Но если мне придется растить еще одного ребенка, я сойду с ума!

– Хорошо, – говорит доктор. – У меня есть новый метод. Стопроцентной гарантии нет, но если хотите, можно попробовать.

– Все что угодно, – кричит Ольга. – Я сделаю все!

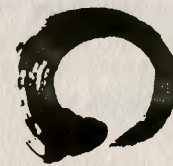
Врач удаляет Ольгину матку и имплантирует ей матку обезьяны. Операция проходит успешно, и врач просит Ольгу прийти на осмотр через несколько месяцев.

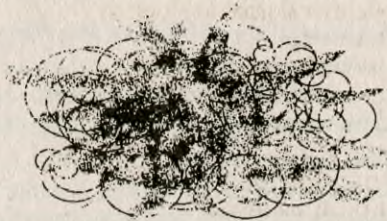
Когда Ольга приходит, доктор спрашивает:

– Ну, как дела?

– Отлично, – отвечает Ольга. – Они вылезают на свет, прыгают на дерево, и поминай, как звали!

А теперь время пришло... Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны, закройте глаза.
Почувствуйте, словно ваше тело замерзло,
чтобы вы могли сконцентрировать
свою жизненную энергию, свое сознание
внутри.
В этой тишине вы вступаете в другое измерение:
измерение своего внутреннего пространства.
Это необъятный проход во внутреннее небо.
Расправьте крылья без всякого страха,
потому вы не встретите на этом пути никого,
кроме себя.
Благословен этот вечер.
Так много будд, и все они исчезли
в одном сознании.
В Будда-холле
больше не семь тысяч человек,
но одна тишина, одно блаженство,
одна буддовость.

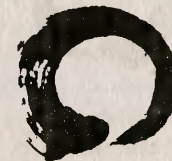
Сделай это яснее и глубже, Ниведано...

Расслабьтесь.
Отпустите тело, как будто вы умерли,

чтобы жизненная энергия могла полностью
сконцентрировать в центре.
Это источник; это начало и конец.
В этой тишине расцветают тысячи роз.
В этой тишине тысячи лотосов
раскрыли свои лепестки.
Продолжая углубляться внутрь,
вы найдете бессмертный элемент,
который переходит от тела к телу,
от формы к форме,
но сам по себе вечен.

Ниведано...

Вернитесь.
Посидите несколько мгновений,
вспоминая этот опыт,
потому что этот опыт
должен стать подспудным течением
в течение двадцати четырех часов –
день за днем.
Тогда нет рождения и нет смерти;
вы нашли этого странника,
это вечного паломника.

В основе своей религия связана именно с этим –
не с какой-либо церковью,
храмом, мечетью или синагогой.
Ее интересует ваше пробуждение
для высшего потенциала.
Это делает вас радостным,
сострадательным, любящим,
наслаждающимся своей свободой
и никогда не посягающим
на чужую свободу.
Это даст вам достоинство
и потрясающее чувство благодарности целому.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать встречу стольких будд?
- Да, Ошо.

21 июля 1988 года

ВСЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЖДЕТ НАДЛЕЖАЩЕГО МОМЕНТА

Возлюбленный Ошо,

Однажды Эдзё, что означает "Одинокое Облако", обратился к дзенскому мастеру Догэну. Догэн процитировал выражение: "Один волосок пробивает несметное число дыр", чтобы испытать его. Эдзё доверился Догэну и сдался ему. У него больше не было желания идти куда-либо, поэтому он сменил робу и остался там.

Вскоре Догэн пошел в другое место, и Эдзё отправился с ним. Однажды, выставляя свою чашу, он внезапно достиг просветления и тут же с полным обрядом вошел в комнату Догэна.

Догэн спросил его: "Что ты понял?"

Эдзё сказал: "Я не спрашиваю об одном волоске; что такое несметное число дыр?"

Догэн рассмеялся и сказал: "Пробиты".

Эдзё поклонился. Позже он попросил у Догэна позволения служить ему, заботясь об его одежде и чаше.

Маниша, прежде чем мы войдем в мир дзен, мне необходимо сказать несколько важных вещей относительно этой страны, ее политиков и священников.

По-видимому, никого не интересуют реальные проблемы страны, ее настоящего и будущего. Всех интересуют сущие пустяки. Священники волнуются о том, что неприкасаемые не должны входить в храмы, как будто это что-то очень важное для существования человечества.

Друзья из Дели сообщили мне, что город выглядит, будто там война или идут приготовления к войне. Раджив Ганди, премьер-министр, окружил свой дом автоматами и мешками с песком, за которыми прячутся автоматчики. Эти автоматы и мешки с песком находятся не только возле его дома – куда бы он ни ехал, они окружают его. Идет ли он в клуб, или в парламент – всюду одно и то же. Кажется, у него паранойя.

И ни один политик не задал вопроса: "Что это значит? Это же военные меры! Чего вы так боитесь? Вы можете иметь телохранителя, это нормально, но это не значит, что нужно заполнить весь город автоматами. Вы что, намерены убить тысячи людей?"

Очевидно, он чего-то очень боится. И его волнует только его собственная жизнь. Но я хочу, чтобы вся страна знала ту правду, которой избегают все политики и священники. Священники заботятся о том, чтобы не

резали коров, как будто это проблема; что неприкасаемые не должны входить в храмы, как будто это разрешит все проблемы.

"Уорлд Бэнк Рекорд" сообщил, что к рубежу веков пятьдесят четыре процента неграмотных людей будут проживать в Индии.

Также к этому времени шестьдесят процентов индийских женщин не будут ходить в школу, семьдесят пять тысяч деревень – я повторяю: семьдесят пять тысяч деревень – останутся без воды, и сорок процентов населения Индии будут жить за чертой бедности.

По самым консервативным оценкам, население Индии в предстоящие двадцать лет возрастет до одного миллиарда. Но я подозреваю, что более нейтральные обозреватели скажут, что оно возрастет вдвое по сравнению с сегодняшним. Когда Индия освободилась, ее население составляло всего четыреста миллионов человек. И всего за сорок лет... сегодня в Индии девяносто миллионов. Пятьсот миллионов за сорок лет – оно выросло больше, чем в два раза.

Наверное, будет точнее сказать, что к концу этого века в Индии будет не миллиард человек, а миллиард и восемьсот миллионов – вдвое больше людей, чем сегодня.

Но никого это не заботит. Политики боятся, потому что шанкарачарьи против контроля над рождаемостью, джайнские ачарьи тоже. И они боятся, потому что, если они заговорят о контроле над рождаемостью, их осудят за то, что они учат страну аморальности. Но без контроля над рождаемостью – очень строго контроля – выхода нет.

Кажется, это никого не интересует. Каждый беспокоится о том, чтобы стать главой кабинета министров, или войти в кабинет министров, или стать еще каким-нибудь начальником. Кажется, никого... сможете ли вы остаться нормальным человеком, когда рядом с вами будет умирать полстраны? Пятьсот миллионов умирающих – вся страна станет кладбищем!

Но, по-видимому, таково внутренне присущее качество человеческого ума – он всегда уходит от реальных проблем и занимается пустяками. Для разрешения серьезных проблем нужны мужество и ум; зная об этом, гораздо лучше о них вообще не говорить, держать людей в неведении о том, с чем им скоро придется столкнуться. Пусть они борются за глупости – должен ли такой-то штат оставаться разделенным или не разделенным, должен ли такой-то район принадлежать тому штату или другому.

Сорок лет назад Индийская конституция провозгласила, что хинди должен быть национальным языком; но в течение сорока лет им не удалось это осуществить. И я говорю, что им это не удастся даже за четыре тысячи лет. Но в конституции эта запись останется, потому что никто не станет рисковать сказать что-нибудь.

В Индии тридцать языков. Хинди – преобладающий, и его понимают даже иноязычные народы; но что касается того, чтобы сделать его национальным языком, то это вызывает протест со стороны остальных двадцати

девяти языков. Если их рассматривать вместе, хинди останется в меньшинстве.

Бывали бунты по таким глупым поводам... В Мадрасе вы не можете написать вывеску для магазина или ресторана ни на каком другом языке, кроме тамильского. В тех местах, где вывески были написаны на хинди — на железнодорожных вокзалах, на автобусах — их сжигали, их пришлось заменить. А поезд следует через много станций; вы хотите, чтобы указатели на всех вагонах меняли на границах каждого штата? Когда поезд въезжает в Гуджарат, табличка должна быть на гуджарати, а когда он едет по Махараштре, табличка должна быть на маратхи? — а потом он приезжает в Каранатаку, а оттуда — в Тамил Наду; поезд проезжает через всю страну.

Это такой пустяк. Тысячи людей были убиты, потому что они оказывали сопротивление — они не меняли вывески; их дома сожгли.

А совсем недавно в законодательном собрании был большой шум, потому что на свет выплыло столько фактов, свидетельствующих против полиции: что они намного опередили многих преступников. В Северной Индии полицейские сжигали целые деревни хариджанов, насиловали их женщин, уводили их дочерей и продавали их за пятьдесят, самое большее — за сто рупий.

Даже в этом штате, в Махараштре, за каждым преступлением проследивается рука полиции. Создается впечатление, что полиция защищает преступников, потому что преступники платят — эти преступные взятки! И, конечно, страдают только бедные, потому что их никто не будет слушать, из голос не имеет никакого веса.

Они находятся в таком бедственном положении... вчера Анандо читала о двух районах в Махараштре, где каждый мужчина не менее десяти раз менял жену. Такое ощущение, что жена — это просто модель машины; как только у него появляются деньги, он покупает новую жену — за пятьдесят, шестьдесят, самое большее, за сто рупий, — и продает старую жену. Он пользовался старой женой целый год, этого довольно.

В школах и университетах нас учат, что это великая цивилизация — а женщин продают, словно скот! Исследования, которые проводились в этих двух районах, показали, что почти каждый мужчина, по меньшей мере, десять раз менял жену. А что происходит с детьми? Восемь из десяти умирают, потому что мать продана, и куплена новая женщина, которой нет дела до этих детей. К семи годам почти восемьдесят процентов этих детей погибает.

Это реальные проблемы, а не политические игры! Особенно сейчас, когда война все ближе и ближе с каждым днем. Ирак и Иран вот уже восемь лет непрерывно сражаются, и там уже около миллиона убитых. Оба государства — мусульманские, но из-за небольшой разницы в теологии... как это ни смешно, но даже через тысячу четыреста лет после Мухаммеда из-за этой ничтожной разницы убивают миллионы людей.

Это различие возникло из-за того, что у Мухаммеда были сын и дочь; ясное дело, если есть дочь, то будет и зять. Этот зять был гораздо умнее и способнее. Сын Мухаммеда не отличался большим умом и способностями, но, по традиции, он был преемником Мухаммеда. Так что это разделение возникло на свежей могиле Мухаммеда. Кто-то остался верен традиции, согласно которой преемником должен быть старший сын, а другие сказали: “Это глупо, учитывая ситуацию. У нас есть лучшая альтернатива; и он такой близкий родственник — зять!”

Это разногласие породило две секты мусульман, и они постоянно убивают друг друга. Чего вы добиваетесь, убивая друг друга — неужели таким образом вы можете решить, кто был настоящим преемником? И какая разница, какое имеет значение, кто был преемником?

Такой пустяк... Два дня назад они пришли к соглашению о прекращении огня. А через два часа Ирак вновь был атакован. Перемирие осталось в силе всего два часа, под контролем Объединенных Наций — но много ли может сделать ООН? У нее нет собственной армии, у нее нет собственной власти; самое большее, она может послать наблюдателей, но что они могут сделать? Они могут наблюдать, и, в худшем случае, их убьют в бою.

Все крупные страны заинтересованы в том, чтобы повсюду продолжались мелкие войны, потому что это — их рынок. Наука все время совершенствует оружие уничтожения; каждый год появляется новое оружие. Что вы будете делать со старым оружием, которое скапливали многие годы? Теперь оно стало абсолютно бесполезным — а вы потратили столько денег! Почти семьдесят процентов дохода каждой большой нации уходит на создание армии, оружия уничтожения, на ядерное оружие. Им необходимо, чтобы малые нации вели войны, потому что они покупают старое, устаревшее оружие.

Странная экономика. Если бы все войны прекратились, Америка немедленно потеряла бы всю свою власть; доллар упал бы безнадежно, потому что он полностью потерял бы рынок сбыта. Это великолепный сговор, замечательное сотрудничество с Советским Союзом. Советский Союз продолжает снабжать старым оружием одну сторону, а другая сторона получает оружие от Америки. И Америка, и Советский Союз имеют великолепный рынок сбыта.

Это кажется невероятным, но со времен Второй мировой войны произошло около трехсот войн. Это были маленькие войны, потому что они были *нужны* большим нациям. Войны — их рынок; иначе они потеряют все деньги, вложенные в устаревшее вооружение.

Было так странно, что Америка несколько дней назад атаковала Иран. Это было не только странно, но и бесчеловечно, ведь вместо того, чтобы атаковать Иран, они напали на гражданский самолет, в котором находилось сто девяносто человек. И теперь они говорят, что не смогли его определить. Среди этих людей было почти пятьдесят детей и около двадцати

грудных младенцев, стариков и старух. Никого из них война не интересовала; они просто путешествовали в самолете, который принадлежал Ирану.

И в этой войне с Ираном, которая продолжалась всего два дня, Америке пришлось отступить – по очень странной причине. Америка продала свое старое оружие – не Ирану непосредственно, а Египту; Египет же продал оружие Ирану. Это старое оружие – солдаты прекрасно умели пользоваться им. Но американские солдаты совершенно не были знакомы с новейшими компьютерными технологиями: стоит только легонько нажать не ту кнопку, и вы взорветесь. Через два дня Америке пришлось отступить по очень странной причине: их оружие превосходило оружие Ирана, но они не умели им пользоваться.

Между тем, скопившееся старое оружие нужно продавать. Кто-то где-то должен воевать. Станный исторический факт, что люди считают Советский Союз и Америку врагами. Они – враги только на поверхности, а, по сути, они партнеры. Обе страны пользуются этим рынком, одна – с одной стороны, другая – с другой, и обе страны заинтересованы в продолжении войны.

И Америка, и Советский Союз посылали в Афганистан оружие и войска. Кажется, вся земля – просто рынок для нескольких идиотов, у которых скопилось ненужное оружие.

И никого не волнуют реальные проблемы. Используя те семьдесят процентов энергии, которые уходят на вооружение, мы можем сделать всю эту землю более живой, здоровой, более разумной, более удобной во всех отношениях. Наука привела нас к такому историческому моменту, когда эту планету можно превратить в рай; но вместо того, чтобы превратить ее в рай, все наши политики и священники стараются обратить ее в адский огонь. И, возможно, даже адский огонь не будет ядерным; это будет привычное древесное пламя.

До сих пор считалось, что Индия относится к третьему миру. Теперь “Уорлд Бэнк” говорит, что Индия опустилась до четвертого мира. И она будет опускаться все ниже и ниже, потому что люди, стоящие у власти, ничего не смыслят в экономике, им неведомы человечность и сочувствие.

Вся страна и весь мир должны осознать ситуацию, которая вскоре наступит. Когда это случится, будет слишком поздно делать что-либо; а сейчас есть еще очень слабая возможность, что дело может обернуться к лучшему.

Я должен говорить об этом, потому что эта страна подарила миру новое измерение; она дала рождение буддам, высочайшим пикам сознания. Она заслуживает некоторого уважения в том смысле, что многие мистики этой страны смогли войти в самые удивительные области человеческого сознания и оставили ключи, намеки, следы, указывающие путь.

Остальной мир остался материалистичным; но современная Индия перестала быть той Индией, в которой родился Будда. Теперь она мате-

риалистичнее любой другой страны. И причина этого – триста лет английского господства, которое уничтожило все, что создал индийский ген, и насадило материалистическое образование.

Вы не поверите, но в Индии делали самую лучшую одежду в мире – особенно там, где сегодня находится Бангладеш. Они умели делать такой тонкий материал, что куском его можно было покрыть целого слона, и этот кусок проходил через сквозь маленькое кольцо с вашего пальца. Солдаты Британской Империи отрубили руки тысячам людей только потому, что они были настолько искусны, что фабричная одежда из Манчестера не выдерживала никакого сравнения. Это ремесло веками передавалось из поколения в поколение; но, чтобы продавать английскую одежду в Индии, нужно было отрубить этим людям руки.

Какая бесчеловечность! Вместо уважения к этим ремесленникам их просто уничтожили. И так было не впервые; вы не будете знать об этом, потому что о таких вещах не говорят – тех, кто говорит об этом, осуждают. Тадж Махал строился тридцать лет, и все это время там непрерывно работало почти десять тысяч ремесленников. Поколения менялись; на смену дедам приходили внуки. А когда он был закончен, могульский император Шах Джихан отрубил руки десяти тысячам человек. Такова была их награда за то, что они создали Тадж Махал. Им отрубили руки, чтобы они не могли построить второй Тадж Махал – чтобы он оставался уникальным чудом архитектуры.

Такое впечатление, что мы живем в абсолютно ненормальном мире. Хотя бы *вы сами* станьте нормальными – и существует только одна нормальность, которая рождается из вашей осознанности – и распространяйте ее по всему миру. Быть может, эта маленькая коммуна из семи тысяч человек еще сможет спасти мир, потому что вы приехали со всего мира. Просто осознайте свою ответственность. Если вы сможете стать вестью... но не миссионерами – это грязное и уродливое слово. Станьте вестью; само ваше существо будет излучать медитацию, ваше молчание будет казаться человеческих сердец, как прохладный ветерок.

Эти истории происходили в совершенно другой атмосфере. Человек достигал звезд; но Западу оказалось подвластно остановить это, потому что Восток никогда не был готов к борьбе, к насилию. Поэтому западные завоеватели – англичане, французы, португальцы, испанцы, русские – распространились по всему Востоку без всякой борьбы. Восток никогда не думал о борьбе, он думал о медитации; он думал: если вы завоевали себя, какой смысл завоевывать других?

Так что это была прекрасная возможность для любых разбойников, потому что я не могу считать этих людей – испанцев, португальцев, англичан, французов, всех, кто занимался расширением своих политических и экономических империй – не кем иным, как грабителями. Но, как ни странно, они стали героями, их имена написаны золотом.

Премьер-министр Греции Андреас Папандреу, который несет ответственность за мою незаконную высылку из Греции, сказал, что мое присутствие было опасным для морали страны. А теперь стало известно, что он обвиняется в супружеской неверности, и его жена возбудила дело против него, потому что он ей неверен – и этот человек говорит о морали.

А Генеральный прокурор Америки, Эдд Мисс, который сказал, что они были вынуждены уничтожить коммуну Раджнишпурам в Орегоне, обвиняется в сотнях преступлений. Он говорил, что хочет заставить Багвана замолчать. Теперь ему пришлось уйти в отставку, его почти заставили уйти в отставку. Отставка – всего лишь шоу, его просто вышвырнули. Теперь он, должно быть, знает, кого заставили замолчать.

Это какое-то чудо, что весь Орегон, который мы поместили на карту мира... если бы не мы, кто бы узнал об Орегоне? Там не родился Сократ и не был распят Иисус, там не было ни Лао-цзы, ни Конфуция. Университет Орегона провел исследования, которые показали, что интеллект орегонцев составляет всего половину интеллекта людей с ранчо Раджниша. Ментальный возраст орегонцев – семь лет, а ментальный возраст людей из коммуны, которую они уничтожили – четырнадцать.

Так всегда бывает – камни убивают розы. Но у природы свои пути. В настоящее время весь Орегон страдает от засухи – кроме ранчо Раджниша, которое они разрушили, и где собираются все дождевые облака. Друзья присылали мне фотографии. Когда я впервые приехал туда, там была пустыня. Там очень долго была пустыня; эта земля продавалась сорок лет, и никто не хотел ее покупать – что вы будете делать с пустыней? – хотя ее было много, сто двадцать шесть квадратных миль. А мои люди смогли превратить ее в оазис – через огромный труд, любовь, танец. Мы некоторым образом сроднились с этой землей. И облака, несомненно, доказали, что лучше уж они прольются над этой пустыней. Странная связь: существование всегда поддерживает невинных, хотя и с опозданием.

Однажды Эдзё, что означает “Одинокое Облако”, обратился к дзенскому мастеру Догэну. Догэн процитировал выражение: “Один волосок пробивает несметное число дыр”, чтобы испытать его. Эдзё доверился Догэну и сдался ему. У него больше не было желания идти куда-либо, поэтому он сменил робу и остался там.

Не странно ли, что эта серия посвящена облакам, а это история об Эдзё, что означает “облако” – и не просто облака, но “одинокое облако”? В одиноком облаке есть красота – оно сияет на солнце, свободно двигаясь.

Догэн был одним из известных дзенских мастеров.

Догэн процитировал Эдзё выражение: “Один волосок пробивает несметное число дыр”...

Любой другой спросил бы, что это значит. Эдзё тоже был полон желания спросить, но вот как ведет себя ученик.

...чтобы испытать его. Эдзё доверился Догэну... – поскольку прежде, чем задать вопрос мастеру, вы должны быть готовы получить ответ. Это процесс, абсолютно отличный от того, как вас учили в ваших школах, колледжах и университетах. В дзен вы можете задать вопрос лишь тогда, когда готовы получить ответ. Так что сначала очиститесь.

Он остался с Догэном – он доверился Догэну и сдался ему.

Это слово, “сдача, капитуляция” – одно из очень трудных, потому что на Западе оно означает унижение: сдаются армии, капитулируют государства; это неправильное толкование. В восточных языках оно не имеет никакого отношения к капитуляции армий или государств; оно означает, что вы посмотрели в глаза мастера, вы ощутили его присутствие, вы коснулись его сердца. Ничто не говорится, но он переполняет вас. Вы были просто чужим, странником, а он распахнул все свое сердце. Вы благодарно склоняетесь перед ним.

Это просто жест, символизирующий, что вы готовы к восприятию, что вы не будете сопротивляться, вы будете доверять; что это не будет отношения между преподавателем и студентом. “Я хочу быть учеником, я ищу мастера, и в вас я почувствовал свежесть, прохладный ветерок, сияние. Хотя мне многое нужно спросить, я сдаюсь.”

Точно так же вы сдаетесь хирургу; вы не спрашиваете, какой у него характер, что он за человек.

Я знал одного знаменитого хирурга в Нагпуре. Я никогда не видел большего лицемера; но он действительно был великолепным хирургом. Даже когда он состарился, врачи из самых дальних уголков страны приезжали посмотреть, как он оперирует. Его руки творили чудеса. Найти нужную точку в мозге – он был нейрохирургом – не рядовое явление. А чтобы вырезать что-либо из мозга, нужна непоколебимая рука. Если рука дрогнет, хотя бы слегка заколеблется, вы можете вырезать много других нервных окончаний, потому что мозг – почти что Токио, так нет пустого пространства.

Миллиард клеток... вы должны быть очень осторожны, потому что даже одна удаленная клетка вызовет изменение в теле. Все ваше тело контролируется этим миллиардом клеток; поэтому нужно удалить только ту клеточку, которая вас беспокоит. Для этого требуется величайшее мастерство.

Он действительно умел это делать, но он был обманщиком, мошенником. Его гонорары были очень высокими; только самые богатые люди могли позволить себе лечиться у него. А он вскрывал кому-нибудь мозг и после этого требовал с родственников, которые ждали снаружи – а пациент лежал на столе со вскрытым мозгом – еще несколько тысяч рупий, потому что проблема оказалась гораздо сложнее, чем он думал.

Они всегда давали ему больше, чем нужно. Естественно, что в такой ситуации им приходилось сказать “да” – неважно, могли ли они себе это позволить; даже если им приходилось продать свои дома и саму свою жизнь.

Я как-то был у него, пользуясь близким знакомством. Я сказал:

– Это абсолютно негуманно. Если ты хочешь получить десять тысяч рупий, так и скажи. Но это эксплуатация в чистом виде: ты просишь пять тысяч, а потом ты выходишь и требуешь еще пять.

Он ответил:

– Это неважно; ты не знаешь, как я жаден. Если я потребую десять тысяч в самом начале, это ничего не изменит; в середине операции я потребую еще десять. Я обязательно потребую еще в середине, потому что это самый подходящий момент: они не могут сказать “нет”.

Я сказал:

– А ты вообще знаешь что-нибудь о человечности?

Он сказал:

– Деньги – это бог; люди не могут сказать это прямо, а я могу. Я использую любую возможность заработать как можно больше. Это как дойная корова; я буду доить ее до последней капли.

Я сказал ему:

– Ты учился на Западе, в самых знаменитых медицинских институтах, но это не значит, что ты должен полностью забыть восточную мудрость, что человек – высшая ценность.

Он ответил:

– В этом я не могу с тобой согласиться. Я согласен с тобой во всем, но не говори мне о деньгах.

И я знаю, что так обстоит не только с ним – почти все люди пали так низко, что для них в жизни не существует ничего, кроме денег. Вы можете купить кого угодно – продаются премьер-министры, президенты. Вы можете купить кого угодно – вы просто должны заплатить достаточно денег.

Эти истории относятся к тем временам, когда человек обладал чувством собственного достоинства и искал свой внутренний источник.

У него больше не было желания идти куда-либо... – когда вы нашли мастера, желание идти куда-либо исчезает – поэтому он сменил робу и остался там. Он надел робу ученика Догэна.

Вскоре Догэн пошел в другое место, и Эдзё отправился с ним. Однажды, выставляя свою чашу, он внезапно достиг просветления, и тут же с полным обрядом вошел в комнату Догэна.

Немного трудно понять это выражение: “вошел с полным обрядом”. Это излучение внутреннего света – нечто новое в глазах, новое изящество

в движениях... когда человек становится просветленным, он перестает быть прежним, он просто становится празднованием.

Догэн спросил его: “Что ты понял?”

“Почему ты выглядишь так торжественно? Почему ты внезапно стал праздником света, что случилось?”

Эдзё сказал: “Я не спрашиваю об одном волоске; что такое несметное число дыр?”

Много лет назад, когда Эдзё только что пришел, Догэн процитировал это выражение; он ждал так долго.

Мы разучились ждать; это почти совсем забытое пространство. И, вместе с тем, это наше величайшее сокровище: уметь ждать надлежащего момента. Все существование ждет надлежащего момента. Даже деревья знают это: когда пора цвести, когда пора сбросить листья и стоять нагими под небом. В своей наготе они по-прежнему прекрасны, ожидая новой листвы в полной уверенности, что старое ушло и вскоре придет новое – вырастут новые листья. Мы разучились ждать, мы хотим всего как можно скорее. Это величайшая потеря для человечества.

Когда он впервые вошел в храм Догэна... Теперь прошли годы – он ждал, медитировал, оставался безмолвным, наблюдая мастера и следуя повсюду. Он стал тенью, он полностью сдался и никогда не задавал вопросов. На это нужно обратить внимание: он никогда не спрашивал, хотя у него был вопрос – он ждал. Он знал, что мастер знает; мастер знал, что у него есть некий вопрос, и, когда настанет время, он задаст его.

И это время пришло. Есть такие моменты, понять которые мы совершенно не в состоянии из-за нашего современного образования. Мы не можем понять, как *однажды, выставляя свою чашу, он внезапно достиг просветления*; мы не можем понять этого. Современное образование не дает нам ключа к разгадке. Нет никаких причин, почему он стал просветленным; но просветление не есть нечто видимое – это его ожидание, молчаливое, не вопрошающее, в глубоком доверии, созрело. Чаша не была его причиной. Это нечто внутреннее – это подобно маленькому ребенку, растущему в утробе матери.

В тишине и ожидании что-то внутри вас растет – ваше подлинное существо. И однажды оно делает прыжок и становится пламенем, и вся ваша личность полностью разрушена, вы – новый человек. И этот новый человек знает, что такое праздник; этот новый человек знает соки вечной жизни.

Немедленно после просветления он пришел – празднично, с полным обрядом, празднично, исполненный достоинства. Он впервые узнал о своей божественности, впервые узнал, что он вечен, впервые он стал частью

мистерии целого. Розы расцвели. Он вошел, сопровождаемый новым ветром, новым ароматом, празднично. Догэн спросил: “Что случилось?”

В этот момент он подумал, что пришло время задать вопрос. Он долго ждал, он заслужил... Он сказал:

“Я не спрашиваю об одном волоске”.

Почему он не спрашивает об одном волоске? Потому что теперь он увидел сам этот волосок. Я назвал это алмазной молнией; подобно копью, осознание входит в ваше существо.

Дзен метафорически называет это “один волосок”. Это очень тонко, очень быстро, очень внезапно; в какой-то миг вы умираете и рождаетесь снова. Он сказал:

“Я не спрашиваю об одном волоске, – это я понял; – но что такое не-сметное число дыр? Об этом я еще не догадался”.

Догэн рассмеялся и сказал: “Пробиты”.

Мало-помалу ты осознаешь это, потому что твое копьё уже пробило все эти дыры; но это произошло слишком неожиданно, так что ты не можешь видеть все слои своего ума, личности, мыслей, эмоций. Все они пробиты. В тебе столько дыр. Подожди немного, и ты поймешь.

Эдзё поклонился – снова. Сначала он поклонился, доверяя, теперь он поклонился, зная. Его доверие не было напрасным, он поверил тем самым ногам, он был рядом с нужным человеком.

Эдзё поклонился. Позже он попросил у Догэна позволения служить ему, заботясь об его одежде и чаше.

Это показывает смирение просветленного. Обычно люди думают, что просветленный должен стать чем-то особенным, почти недостижимым. Это не так. Если вы найдете кого-то, кто притворяется кем-то особенным, стоящим выше вас, можете быть уверены, что он ничего не знает. Просветление, пробуждение для вашего собственного существа есть также пробуждение для всех. Просветленный человек становится абсолютно смиренным, никем.

Я столько раз слышал – с самого детства – от всех старших, от отца, дядей, других родственников: “Если ты будешь продолжать в том же духе, ты кончишь никем”. Конечно, они имели в виду не совсем то, но я действительно кончил тем, что стал никем. Сами того не зная, они говорили правду.

Вы здесь для того, чтобы учиться стать ничем, никем.

Стихотворение гласит:

Удар молнии

*раскрывает венец над головой,
выявляя подлинного человека.*

Другое стихотворение:

Слова, слова, слова;

танец дождя и снежинок.

Тишина, тишина, тишина;

оглушительный раскат грома.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Этот “один волосок” и есть алмазная молния?

Да, Маниша. То, что проникает до самого сокровенного ядра – это и есть один волосок, алмазная молния, потому что это преобразует вас для вечности. Это дает вам блаженство, величайшее из возможных. Это делает вас единым, созвучным всему существованию. Нет другой религии, кроме этого маленького волоска, этой алмазной молнии. В наших медитациях мы ждем только этого раската грома, этой молнии, которая разбудит вас, сделает вас сознательными, осознающими за пределами ваших костей и мозга.

Вы – необъятная вселенная сознания.

Она задала еще один вопрос:

Возлюбленный Ошо,

Что это за моменты, когда ты смеешься, которые так трогают меня и заставляют чувствовать такую переполненность любовью к тебе?

Маниша, это мгновения, когда тебя касается молния. Это необычайно тонкие мгновения, вот почему они назвали это “волоском”. Мне не над чем смеяться, внутри меня нет никого, кто мог бы смеяться, не существует ситуации, достаточно абсурдной, чтобы заставить меня смеяться. Но для того, чтобы составить вам компанию, чтобы не быть посторонним, я иногда смеюсь – с разрешения всех будд, присутствующих здесь.

Папа-поляк собирается полетать по Польше на вертолете, чтобы встретиться со своим народом. Ему впервые в жизни предстоит покинуть Варшаву на борту новенького вертолета.

Он подходит к судну, преклоняет колена и благословляет его; затем поднимается по трапу, садится в кресло, осматривается и, повернувшись к пилоту, спрашивает:

– Вам жарко?

– Нет, – отвечает пилот.

Тогда папа поворачивается ко второму пилоту и спрашивает:

– А вам?

– Нет, не жарко, – отвечает второй пилот.

– Так, – говорит Папа-поляк и смотри наверх, – тогда почему бы нам не выключить вентилятор?

Пэдди и Симус сидят в баре “Старые ведьмы”, обсуждая своих жен

– Я не говорю со своей женой уже несколько недель, – говорит Симус.

– Правда? – удивляется Пэдди. – В чем дело, вы поссорились?

– Нет, черт возьми, – отвечает Симус. – Я просто боюсь ее перебивать!

Тайная Вечеря. Все закончили ужин, и официант приносит Иисусу счет.

– О небеса, – говорит Иисус, – я не могу это оплатить! – и передает счет Петру.

– Святая макрель! – говорит Петр, передавая счет Марку.

– Господи, спаси нас! – говорит Марк, передавая счет Симону.

Счет переходит из рук в руки, пока не попадает Иуде.

– Святой Моисей! – кричит Иуда. – Откуда, к чертям, я возьму эти тридцать серебрянников?

В четыре часа утра пьяница по имени Орвилл, пошатываясь, подходит к ночлежке Бауэри с криком: “Я Иисус Христос! Я Иисус Христос!”

Все, кто спал, просыпаются.

– Я Иисус Христос! – снова кричит пьяница.

– Заткнись! Успокойся! – доносится из ночлежки.

– Говорю вам: я Иисус Христос! – повторяет Орвилл раздраженно. – Если вы не верите мне, спуститесь вниз, и я вам докажу!

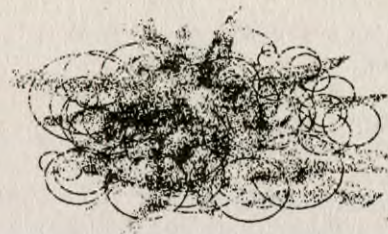
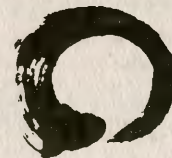
Несколько пьяниц, услышав Орвилла, поднимаются и идут за ним к закрытому бару. Там они начинают кричать и стучаться в дверь. Хозяин бара, живущий на втором этаже, слышит шум и спускается.

– Слушайте, – невнятно говорит Орвилл пьяницам, – этот парень – мой свидетель.

Хозяин бара открывает дверь, смотрит на старого пьяницу Орвилла и говорит:

– Господи Иисусе, это опять ты?

А теперь, Ниведано, первый удар...

Ниведано...

Будьте безмолвны, закройте глаза.
Почувствуйте, как будто вас заморозили,
соберите свое сознание внутри.
Глубже и глубже,
потому что алмазная молния
проходит через самую глубокую точку,
пронзая все слои невежества,
которые вы накопили
за миллионы жизней.
Велик этот миг,
в который
семь тысяч будд
объединяются в одном центре.

Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя.
Умрите, чтобы вы могли понять
абсолютно ясно – по контрасту –
свою живую сторону.
Эта тишина, этот покой, это центрирование –
язык, к несчастью,
совершенно забытый человечеством.
Утоните в его свете,
его любви, музыке, танце.
Осознавайте это двадцать четыре часа в сутки,
что бы вы ни делали,
и каждый ваш поступок будет добродетельным.
Ваше молчание будет песней,
ваши действия будут вашим приношением.
Что бы вы ни делали,
если вы можете помнить этот центр,
это – приношение сущему.
Вы можете принести что-то в дар сущему,
только если вы – будда,
пробужденный, свободный,
дарящий весь экстаз,
который вмещают небеса.

Ниведано...

Теперь вернитесь,
посидите несколько секунд,
чтобы запомнить
этот опыт,
это пространство,
через которое вы прошли.
Помните:
вы – будда.
Быть буддой – ваше прирожденное право.
Быть чем угодно другим – значит заблуждаться.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать столько будд, собравшихся вместе?
- Да, Ошо.

22 июля 1988 года

ЭТО САМО СОБОЙ РАЗУМЕЕТСЯ

Возлюбленный Ошо,

Однажды, когда мастер Кейдзан встал посреди зала, чтобы говорить, монах по имени Гадзан вышел из собрания и спросил: "Почему трудно говорить о месте, куда не проникает даже дыхание?"

Кейдзан сказал: "Даже говорить об этом не значит сказать это".

Гадзан испытал мгновенное озарение, но, когда он уже почти открыл рот, Кейдзан сказал: "Неверно".

Получив выговор, Гадзан удалился. После этого его решимость возпарилась высоко над решимостью обычных людей.

Однажды ночью, наслаждаясь луной вместе с Гадзаном, Кейдзан спросил: "Знаешь ли ты, что есть две луны?"

Гадзан ответил: "Нет".

Кейдзан сказал: "Если ты не знаешь о том, что есть две луны, ты – не саженец в традиции До".

В этот миг решимость Гадзана еще более окрепла, и многие годы он просидел со скрещенными ногами, подобно железному столбу.

Как-то раз, когда Кейдзан проходил через зал, он сказал, цитируя Се-кито: "Иногда хорошо, когда Он поднимает брови и моргает; иногда хорошо, когда Он не поднимает брови и не моргает".

Услышав эти слова, Гадзан испытал великое просветление. С полным обрядом он выразил свое понимание. Кейдзан согласился с ним.

Маниша, говорить о дзен – возможно, самое трудное занятие в мире, потому что это значит говорить что-то о том, что абсолютно невыразимо. Но каждый мастер приходит к точке, где он должен решить, говорить ему что-либо или молчать. Даже Гаутама Будда, когда стал просветленным, семь дней не говорил ни слова, поскольку не мог найти способа рассказать о том, что нашел.

Для этого опыта не существует слов. И что бы вы ни сказали о нем, это немедленно становится неверным. Как только внутренний опыт находит внешнее выражение, что-то умирает. Живого танца больше нет; пульсации больше нет.

Семь дней после просветления Гаутаму Будду убеждали говорить. Он очень возражал против этого. Он говорил: "Во-первых, о том, что я нашел, говорить невозможно. Самое большее, я могу указывать – подобно пальцу, который показывает на луну; но он ничего не говорит о луне. Опасность в том, что несознательные люди могут начать цепляться за палец вместо того, чтобы смотреть на луну; именно это случилось почти во

всех религиях. Они держатся за свои писания, свои священные писания. Это только пальцы, указующие на луну – где луна? Все смотрят в свои священные писания.

Во-вторых, – сказал Гаутама Будда, – даже если мне удастся каким-то образом найти способ выразить невыразимое, можно на девяносто девять процентов гарантировать, что это поймут неправильно.

А в-третьих, – сказал он, – даже если я захочу говорить даже для этого одного процента разумных – людей сердца, открытых, не закрытых... Нет никаких гарантий, что они не поймут меня неправильно. А как только я скажу что-либо, я больше не хозяин этому. Это принадлежит мне только тогда, когда я молчу”.

Его аргументы убедительны. И люди, убеждавшие его говорить, чувствовали: то, что он говорит, верно; но нужно любым способом убедить его говорить. Это большая редкость, чтобы человек пришел к такому высочайшему пику сознания, и, если он будет молчать, он не обогатит человечество. Он мог пролить свое благословение на все человечество; он мог привести весь мир в глубокую тишину, в которой расцветает понимание. Нельзя терять ни одного шанса, а будда – это великая возможность трансформации всего мира.

Поэтому они настаивали: “Твои доводы абсолютно правильны, мы согласны с тобой. Единственное, что мы хотим сказать тебе: если один человек из миллиона достигает таких высот, таких глубин... даже если он понят неправильно, это неважно. По крайней мере, один процент, возможно, поймет его – а это очень много, когда речь идет о человечестве. Ты не можешь отрицать, что этот один процент – великая возможность, которая возникла в тебе. Возможно, есть несколько людей, которые стоят на грани пробуждения – небольшой толчок, и они могут взойти на ту же высоту, стать такими же пробужденными, как и ты. И даже если ты попадешь мимо цели, что в этом плохого? Люди были несознательными, они останутся такими же. Но ты должен быть сострадательным – хотя бы ради того процента, который ты признаешь”.

Из сострадания Будда согласился. И все получилось так, как он говорил. Очень немногие люди поняли его, но те, кто понял, преобразились; с ними произошла метаморфоза. Их существо стало излучать новый свет; аура новой энергии стала сопровождать их, словно прохладный ветерок. Но миллионы поняли неправильно, интерпретировали неправильно, и вы видите результат. После смерти Гаутамы Будды на земле, где он родился, не было ни одного будды, потому что массы исказили все своим невежеством, неразборчивостью и осуждением. Тридцать две школы после смерти Гаутамы Будды толковали все по-своему и боролись между собой. А индийское священство – брамины – не упустили своего шанса.

Священник всегда боится пробужденного, потому что пробужденный может уничтожить всю их профессию. Иисуса распяли не обычные люди;

он был распят самыми учеными раввинами и высшими иудейскими священниками Иерусалима – они настаивали на распятии Иисуса.

Священники Индии были против Гаутамы Будды; причина та же. Священник эксплуатирует народ, который ничего не знает, во имя Бога, во имя духовности, о которой тот не имеет никакого представления. Но когда приходит человек, от которого исходит сияние его опыта, священник пугается. Это не вопрос спора, вы не можете спорить с буддой – само его присутствие убедительно. Ему не нужно говорить ни слова. Если даже он произносит какие-то слова, они нужны только для того, чтобы вести вас в бессловесное. Он говорит, чтобы вы могли замолчать. Его слова – только средство.

Эти истории невероятно красивы и очень символичны – они показывают, какими различными способами работает мастер с разными учениками. Иногда они бывают удачными; но, даже если они помогают разбудить хотя бы одного человека, это больше, чем можно ожидать. Этот опыт настолько ценен, настолько очевиден и сокровенен, что нисколько не интересует обычное человечество. Они вовлечены в повседневность, в вещи, которые, в конечном итоге, ничего не значат. Единственное, в чем есть высший смысл – это переживание вашего внутреннего существа.

Эти истории связаны с внутренней сферой человечества. Вы не найдете в них логики, но найдете любовь. Вы не найдете в них ничего такого, чего ищут и желают люди в мире, но найдете нечто превосходящее это: великое блаженство, покой, что превыше понимания, благословение, что становится самым вашим дыханием, самым вашим пульсом. Все это происходит благодаря медитации. Дзен – другое название медитации.

Однажды, когда мастер Кейдзан встал посреди зала, чтобы говорить, монах по имени Гадзан вышел из собрания и спросил: “Почему трудно говорить о месте, куда не проникает даже дыхание?”

Он спрашивает: “Почему трудно войти в собственное пространство, куда не может проникнуть даже наше дыхание?” Ваше сознание не дышит. Его жизнь не зависит от дыхания или сердцебиения; оно – сама жизнь. Оно не зависит ни от каких причин. В этом его свобода и его вечность.

Вопрос был совершенно правильным; но на такие вопросы нелегко ответить.

Кейдзан сказал: “Даже говорить об этом не значит сказать это”.

“Я могу говорить об этом, но должен напомнить тебе, что об этом ничего нельзя сказать.”

Это всегда остается за пределами слов. В некотором общем смысле, как только слово слетает с ваших губ, оно теряет смысл. В ваши уши попадают слова, которые забыли о том, что они несут какой-то смысл. Это пустые оболочки; конечно, они адресованы вам, но внутри ничего нет.

Кейдзан сказал: "Даже говорить об этом не значит сказать это".

Гадзан испытал мгновенное озарение, но, когда он уже почти открыл рот, Кейдзан сказал: "Неверно".

Мастер видит, что ученик коснулся внутреннего пространства, потому что это такая революция, что вы не можете скрыть ее – она сияет. Но, по старой привычке, Гадзан собирался сказать что-то, и мастер крикнул на него: "Неверно! Что бы ты ни сказал, это не то. Ты имеешь это, но не говори. Тебе повезло обладать этим, но не давай ему исказиться. Ты слишком молод для внутреннего мира. Позволь всему устроиться".

Получив выговор, Гадзан удалился. После этого его решимость возпарилла высоко над решимостью обычных людей.

Он увидел проблеск, но также увидел, что мастер не хочет, чтобы он сказал даже одно слово до тех пор, пока истина не пропитала все его существо, пока он не будет заполнен ею, как дождевое облако, готовое пролиться дождем. До этого он должен хранить молчание и не торопиться.

Он начал медитировать, сидя в молчании, ожидая момента, когда этот небольшой проблеск станет великой реализацией.

Однажды ночью, наслаждаясь луной вместе с Гадзаном, Кейдзан спросил: "Знаешь ли ты, что есть две луны?"

Гадзан ответил: "Нет".

Это нечто необычайно важное. То, что он увидел в этот день, было просто отражением луны, а отражение луны – это отражение, но не луна.

Наслаждаясь полной луной, мастер спросил Гадзана:

"Знаешь ли ты, что есть две луны?"

Гадзан ответил: "Нет".

Кейдзан сказал: "Если ты не знаешь о том, что есть две луны, ты – не саженец в традиции До".

Вы должны понять это: в тихом пространстве вы можете получить отражение реальности. Если ваша тишина глубока и в ней нет ни малейшей ряби, полная луна отразится в ней; но не обманывайтесь отражением. Отражение должно указывать на луну. Это отражение в озере вашего сознания – просто веха в вечном путешествии к самой луне.

В жизни искателя есть много моментов, когда он думает, что прибыл. Величайшая функция мастера состоит в том, чтобы ударить ученика в эти моменты, потому что впереди гораздо больше.

Я рассказывал вам суфийскую историю: дровосек, очень старый, бедный и одинокий, приходил в лес, где под огромным раскидистым деревом поставил свою скромную хижину мистик. Дровосек приходил каждый день, но он мог вынести из леса ровно столько дерева, сколько ему было нужно, чтобы обеспечить себе дневное пропитание. Он был стар, носить дрова ему было трудно.

Но мир и атмосфера этой истории совершенно иные. Хотя ему не было дела до мистика – сидел ли он там с закрытыми глазами, находился ли внутри хижины или уходил куда-нибудь – он каждый день, приходя и уходя, касался ступеней лестницы, ведущей в хижину.

Однажды мистик сказал: "Ты так стар, и теперь эта работа не подходит тебе. Почему бы тебе не пройти немного дальше?"

Бедный человек спросил: "Немного дальше? Что я получу там?"

Мистик сказал: "Чуть дальше находятся залежи меди. Если ты вынесешь немного меди, ты обеспечишь себя, по меньшей мере, на семь дней вместо одного".

Дровосек ушел, пораженный. Через некоторое время он вернулся, чтобы поблагодарить мастера: "Я никогда не пошел бы дальше, если бы ты не сказал мне. Боже мой! Я всю жизнь рубил дрова, не подозревая, что рядом лежит медь".

Мастер засмеялся и сказал: "Не останавливайся; пройди еще немного дальше".

Он спросил: "Зачем?"

Мастер объяснил: "Чуть дальше находятся залежи серебра".

И так далее... Каждый раз мастер говорил: "Нет; пройди чуть дальше, и ты найдешь нечто еще более ценное".

Когда он нашел алмазы, он пришел к мастеру, коснулся его ног и сказал: "Я в растерянности: ты знаешь все тайны леса, но никогда никуда не ходишь".

Мастер сказал: "Я прошел еще немного вперед. Для меня идти к алмазам означает идти назад".

Бедного дровосека внезапно озарил свет. Он выбросил все свои алмазы и сказал: "Алмазы меня больше не интересуют. Есть что-то высшее, и ты знаешь его; познакомь меня с ним, потому что жизнь коротка и как знать, увидим ли мы завтра солнце. Я не уйду от этой двери до тех пор, пока ты не откроешь мне запредельное".

Мастер сказал: "Все это время я надеялся, что однажды ты спросишь – и этот день пришел. Бросив алмазы, ты очистил свой цепляющийся ум. Ты готов отвесть нечто нематериальное".

Однажды ночью, наслаждаясь луной вместе с Гадзаном, Кейдзан спросил: "Знаешь ли ты, что есть две луны?"

Гадзан ответил: "Нет".

Кейдзан сказал: "Если ты не знаешь о том, что есть две луны, ты – не саженец..."

Ты – не семя будды и не можешь быть моим преемником. Все это время я надеялся, что ты – потенциальный будда, как и любой человек. И ты пришел сюда не для того, чтобы покинуть это место до того, как ты станешь буддой.

В этот миг решимость Гадзана еще более окрепла, и многие годы он просидел со скрещенными ногами, подобно железному столбу.

Как-то раз, когда Кейдзан проходил через зал, он сказал, цитируя Секито: "Иногда хорошо, когда Он поднимает брови и моргает; иногда хорошо, когда Он не поднимает брови и не моргает".

Услышав эти слова, Гадзан испытал великое просветление. С полным обрядом он выразил свое понимание. Кейдзан согласился с ним.

Да, это немного сложно. Почему в какой-то момент... любой может прочесть слова Секито. Это не значит, что, прочитав их, вы станете просветленным. В них нет ничего особенного. Он просто говорит, что волноваться не о чем: иногда человек спит, а иногда бодрствует. Даже буддистность не должна становиться проблемой; она должна быть спонтанной. Она придет в свое время, как приходит весна с тысячами цветов.

Все, что вам нужно – просто научиться ждать; а медитация – другое название молчаливого, терпеливого ожидания надлежащего момента. В нужный момент все – даже то, что может показаться абсурдом для посторонних, что с точки зрения логики может не иметь никакого смысла...

Лао-цзы сидел под деревом, когда, кружась, упал сухой лист; и, наблюдая, как этот лист падает с дерева, он стал просветленным. Что ж, вы можете сидеть под деревом и наблюдать, как падают тысячи листьев, и придете домой таким же идиотом, каким были раньше, потому что падающие листья не имеют никакого отношения к просветлению. Лао-цзы медитировал под этим деревом, и его медитация была готова... малейшая возможность, чтобы внутренний лотос открылся – и взорвется невероятное переживание.

Что случилось с тем листом? Он падал с такой грацией и красотой, хотя и был мертв. Вскоре он исчезнет в земле, из которой пришел. Внезапно в уме Лао-цзы, как молния, вспыхнуло необычайное осознание: наше сознание тоже исходит из источника, как и этот лист; оно проявляется и вновь возвращается в непроявленное. Наше сознание пришло из вечного

источника; однажды оно вновь вернется к своему истоку. Не нужно искать снаружи; все, что несет какое-то значение, находится внутри.

Говорят, что он несколько дней сидел под деревом с закрытыми глазами. Ученики смеялись над ним: "Никто не слышал, чтобы кто-то стал просветленным, увидев падающий лист". Но если вы обратитесь к истории просветления, бывают странные ситуации...

О Махавире говорят, что он стал просветленным в позе, которая хорошо известна в Индии. Она называется позой доярки – как будто кто-то сидит с горшком и доит корову. Я не знаю, что делал Махавира, какую корову он доил; в писаниях ничего не говорится. Но он стал просветленным в этой позе. Это не значит, что вы должны идти и покупать корову. Каждый просветленный становился просветленным своим уникальным способом.

Когда вы становитесь просветленным, только мастер может узнать это. Для этого нужен аналогичный опыт. Другие почти слепы; они никогда не видели такого света. Они могут верить, но не могут узнать. Одно определено: когда кто-то становится просветленным, немедленно рождается торжественный, праздничный стиль. Человек становится праздником, он становится творческим, он становится песней, танцем. Его жизнь перестает быть несчастьем, страданием. На самом деле, даже если просветленный пытается почувствовать, что такое несчастье, чтобы попробовать его, у него ничего не получится.

Я очень старался – сидя в постели посреди ночи... "Давай попробуем немного несчастья. Весь мир страдает; в этом должно быть что-то замечательное". Я пытался так и эдак, с этой стороны и с той – ничего не получалось! Я смеялся, один, глубокой ночью: "Боже мой – какая бедность! Я не могу ни страдать, ни быть несчастным – никакой жизни! Все живут такой великой жизнью; я – самый бедный из людей". Однако, много раз потерпев неудачу, я отбросил эту мысль. Если бы я знал раньше, я не стал бы просветленным. Так что должен предупредить вас. Не упрекайте меня потом, не спрашивайте: "Зачем ты сделал меня просветленным?" – потому что вы лишитесь всех несчастий, всего страдания, всех великих трагедий.

У одной женщины-мистика, Миры, есть прекрасная песня, в которой говорится: "Если бы я знала раньше, я ходила бы из дома в дом и уговаривала людей не достигать этих вершин. Эти вершины опасны – они оставляют вас совершенно нагим!"

Но в этой песне она танцует и показывает, что она – одна из самых благословенных женщин в мире. Она просто шутит, говоря, что если бы знала раньше, она ходила бы из дома в дом, уговаривая людей не становиться просветленными.

Я согласен с ней. Я тоже совершенно ничего не знал об этом прежде, чем это произошло. Вот почему я называю это алмазной молнией. Вы не знаете, когда молния ударит в ваше сердце и преобразит вас.

Если вы слишком любите несчастье, пожалуйста, никогда не медитируйте, потому что я страдал – столько вещей просто исчезли! Осталось только чистое пространство, такой тихое и священное. Но все остальное ушло. Если вы готовы потерять свое несчастье, свое страдание, свои трагедии – тогда медитируйте. Иначе вы будете сердиться на меня; я предупреждаю вас.

Дзенское стихотворение гласит:

*Проявить наконец
зрелость духа.*

Для просветленного человека все остальные – просто недоразвившиеся; они не повзрослели. Все становятся старше, но это не означает, что все становятся взрослыми. Старение – другое направление, горизонтальное; от колыбели до кладбища – напрямую! Не нужно спрашивать кого-то, где находится кладбище – вы попадете туда. А все остальные в полной готовности. Как только вы перестанете дышать, никто не будет ждать; они тут же отнесут вас на кладбище.

Но взрослеть – это совершенно другое измерение: оно вертикально. Оно не имеет ничего общего с возрастом. Оно не имеет никакого отношения ко времени. Оно связано со зрелостью, интегрированностью, центрированностью.

Хайку Чора говорит:

*Наблюдаю луну:
если смотреть на нее – прячется за облаками;
не смотришь – ярко сияет.*

Дзен необычайно поэтично выражает невыразимое. Чора говорит: если вы смотрите на луну, ее скроют облака, потому что само желание смотреть на нее создает облака. Когда вы полны желаний, вы окружены облаками. Как только вы ничего не хотите – не хотите даже открывать глаза – все облака исчезают, и луна сияет в пустом и тихом небе.

Другой дзенский поэт:

*То и дело облака приходят –
давая человеку отдохнуть
от созерцания луны.*

В мире дзен есть несколько символов, который особенно любимы поэтами, художниками, мистиками. Вы вновь и вновь встретите бамбук, потому что бамбуку присуще качество дзен: внутри он пуст. Внутри ничего нет; и благодаря этой пустоте бамбук может стать флейтой. Благодаря этой пустоте из него может родиться песня. Каждый бамбук способен

стать флейтой. По этим странным причинам некоторые вещи стали настоящими символами дзен: луна, потому что она отражается в озере, в океане, в реке. Есть одна луна и миллионы отражений; одно сознание и миллионы проявлений.

Поэтому, когда вы читаете дзен, помните: его символы имеют не обычное словарное значение; им присуще особое качество. Часто используются облака; вы встретите множество упоминаний. Вся эта серия посвящена облакам, потому что облака – это символ в дзен, символ свободы: у них нет корней, их ничто не связывает, они вольны двигаться в любом направлении, без карты и путеводителя – но с каким достоинством, с какой радостью! Облако постоянно движется с востока на запад, с запада на восток. Все небо – его территория; оно не знает границ.

По определенным причинам дзен нашел несколько символов. Вы должны понимать их соответственно.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Что такое “зрелость духа”?*

Просто пробуждение к вашему ничто. В этом и состоит трудность: зрелость никогда не принесет вам мысль о ничто. Но пока вы не коснетесь своего внутреннего пространства, которое и есть ничто – такое же тихое и пустое, как небо... это ваше внутреннее небо. Когда вы обосновываетесь в своем внутреннем небе, вы обрели дом, и в вашем поведении, в ваших поступках появляется зрелость. Тогда все, что бы вы ни делали, несет изящество. Тогда все, что бы вы ни делали, несет в себе поэзию. Вы живете поэзией; ваша походка становится танцем, ваше молчание становится музыкой.

Зрелость означает, что вы пришли домой. Вы больше не ребенок, который должен расти – вы выросли. Вы коснулись вершины своего потенциала. Впервые вас, в некотором смысле, нет, и вы есть. Вас нет для старых мыслей, воображения, вас нет в вашем старом понимании себя. Все это было пустой тратой времени. Теперь в вас возникает нечто новое, абсолютно новое и девственное, и оно превращает всю вашу жизнь в радость. Вы становитесь чужим для несчастного мира. Вы не создаете несчастья ни для себя, ни для других. Вы живете в полной свободе, совершенно не считаясь с тем, что скажут другие.

Люди, которые всегда принимают в расчет других и их мнение, незрелые. Они зависят от мнения других; они ничего не могут делать подлинно, спонтанно, искренно. Они не могут сказать то, что хотят, они говорят то, что хотят услышать другие.

Ваши политики говорят то, что вы хотите услышать. Они обещают вам то, чего вы хотите. Они прекрасно знают, что не могут выполнить эти обещания, и даже не собираются их исполнять. Но если они скажут честно и прямо, какова ситуация, и дадут вам ясно понять, что многое из того, что вы просите, невозможно, что это невозможно сделать, их лишат власти. Вы не выберете честного политика.

Это очень странный мир. Это почти сумасшедший дом. Если в этом сумасшедшем доме вы станете бдительными и начнете осознавать свое существо, вы благословенны.

Прежде чем мы войдем в этот безумный мир, чтобы посмотреть, что происходит снаружи...

Старый отец Пуппер умирает, не оставляя в наследство ничего, кроме неоплаченных счетов. Когда оплачены доктора, больницы и все прочее, денег на похороны бедняги уже не остается. Матушка Пуппер решает отправиться в город и обойти всех тех, кто знал старого священника, чтобы попросить их помочь организовать самые скромные похороны. Оказывается, что это совсем не просто, и после многих часов бесплодных хождений она набирает всего лишь жалкий доллар.

В полной растерянности она оглядывается по сторонам, но, по видимому, она обошла уже всех. Вдруг она замечает незнакомого человека, сидящего на автобусной остановке. Невероятно, но это оказывается Свами Дева Кокос.

Матушка усталым дрожащим голосом обращается к нему:

– Не могли бы вы дать мне доллар на похороны священника?

Кокос вскакивает с места, достает кошелек и дает ей деньги со словами:

– Леди, вот вам пять долларов. Идите и похороните пятерых!

Вилма, дочь ветеринара, пишет письмо домой, в котором жалуется на большие расстояния между университетскими зданиями и просит прислать денег на велосипед. Но, пока шли деньги, она передумала и купила вместо велосипеда маленького ослика.

Через несколько недель Вилма замечает, что у ее осла выпали почти все волосы. Надеясь, что ее отец должен знать, как это лечить, она пишет: “У моей обезьянки выпадают волосы – что мне делать?”

Отец присылает ей срочную телеграмму: “Продавай велосипед!”

Мо, Лэрри и Керли, три польских интеллектуала, и их друзья-евреи, Мацо, Бегель и Гручо, едут одним поездом из Варшавы в Женеву.

На вокзале в Варшаве поляки покупают себе три билета. К их удивлению, евреи покупают всего один билет.

– Парни, почему вы купили всего один билет? – спрашивает Мо-поляк.

– Смотри и учись, – отвечает Мацо.

Они садятся в поезд и отправляются в путь. Перед приходом контролера три еврея берут свой единственный билет и запираются в туалете. Контролер компостирует три билета поляков и подходит к двери в туалет. Он стучит и говорит:

– Билет, пожалуйста.

Дверь туалета слегка приоткрывается, и оттуда протягивается рука с билетом. Контролер компостирует билет и проходит дальше.

На поляков это производит колоссальное впечатление.

На обратном пути в Варшаву три поляка и три еврея снова оказываются в одном поезде. На этот раз поляки покупают только один билет и замечают, что евреи вообще не купили ни одного.

Перед приходом контролера все поляки мчатся в туалет и запираются там. Тогда Мацо, Бегель и Гручо идут во второй туалет, но, прежде чем войти туда, Гручо стучит полякам и говорит: “Билет, пожалуйста!”

Джимми сбился с пути в пустыне. Он блуждает два дня, умирая от жажды, пока, наконец, не приходит к воротам женского монастыря. Он знает, что монахини едва ли впустят его, потому что он мужчина, и перепрыгивает через стену. Внутри монастыря он находит ванную и пьет там, сколько его душе угодно. Затем он решает принять душ.

Он снимает одежду и вдруг слышит, как приближаются две монашки. Они входят в душевую. Джимми, голый, прыгает за занавеску.

Когда две монахини входят внутрь, одна из них замечает член Джимми, торчащий из-за занавеси.

– Что это? – удивляется она.

– Не знаю, – отвечает другая и тянет эту штуку.

Быстро сориентировавшись, Джимми бросает кусок мыла.

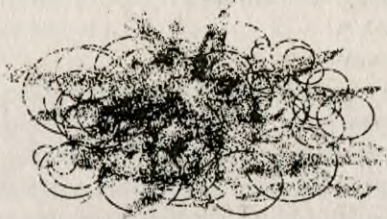
– Смотри! – кричит монахиня. – Это мыльный автомат!

Вторая монахиня тоже тянет, и Джимми бросает второй кусок мыла. Затем первая монахиня снова тянет, но у Джимми больше нет мыла. Она берет его еще раз, потом еще и еще.

Внезапно она поворачивается к своей подружке и кричит:

– Смотри! Шампунь!

А теперь, Ниведано, первый удар.

Ниведано...

Будьте безмолвны.
Закройте глаза.
Почувствуйте, что ваше тело полностью замерзло;
никакого движения,
чтобы вся ваша энергия,
вся ваша жизненная сила
могла центрироваться внутри.
Все глубже и глубже.
В глубочайшей точке
вы – будда.
Эта тишина, этот вечер – благословенны,
потому что столь многие из вас коснулись –
впервые –
собственной реальности,
собственной вечности.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь. Отпустите себя. Умрите.
Абсолютно центрируйтесь внутри.
Да, это именно будда,
которого вы искали многие века.
Почувствуйте это глубоко,
испейте это глубоко.
Пусть это сознание заполнит
все ваше бытие.
Придет день, когда это начнет освещать
все вокруг вас.
Это – праздничный день.

Ниведано...

Вернитесь,
и несколько секунд посидите тихо,
вспоминая свой опыт.
Он каждый день должен становиться глубже,
основательнее.
Он должен стать подводным течением
вашей повседневной жизни
Пробудившийся или спящий,
вы – будда.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать семь тысяч будд, собравшихся вместе?
- Да, Ошо.

23 июля 1988 года

СТРАННИКИ В НЕБЕ СВОБОДЫ

Возлюбленный Ошо,

Однажды Хакуган сказал Якусану, читавшему писание: "Ты должен перестать дурачить людей".

Сворачивая свиток, Якусан спросил: "Какое сейчас время дня?"

Хакуган ответил: "Полдень".

Тогда Якусан сказал: "Все тот же шаблон".

Хакуган ответил: "У меня вообще ничего нет", – на что Якусан сказал: "Ты слишком великолепен".

Хакуган прокомментировал: "Я просто такой. А как насчет тебя?"

Якусан сказал: "Я хромаю кое-как; неуклюжий на сто ладов и неловкий на тысячу, я все же иду по этому пути".

В другой раз Якусан спросил монаха: "Откуда ты пришел?"

"С Южного озера", – ответил монах.

"Вышло ли оно из берегов?" – спросил Якусан.

"Еще нет", – ответил монах.

Тогда Якусан сказал: "Столько дождей, а озеро еще не наполнилось?"

Монах ничего не ответил.

Эти маленькие истории – самое дорогое сокровище. Никакой другой язык, никакая другая религия не достигла такого тонкого понимания – что небольшая история, совершенно голая, неприукрашенная, может стать указателем высшей истины.

Дзенские истории – не простое чтение. В них нет никакой литературной ценности. Их нужно не читать, а переживать; это единственный способ понять их. Интеллект здесь абсолютно не нужен. Нужна только невинность; нужны не знания, а смирение, которое знает: "Я ничего не знаю".

Если вы понимаете, что не знаете ничего, эти маленькие диалоги между дзенскими мастерами становятся необычайно значительными; но вы должны слушать не ушами, а сердцем, не умом, а своим безмолвным существом. Сообщается нечто очень важное. Будьте внимательны.

Однажды Хакуган сказал Якусану, читавшему писание: "Ты должен перестать дурачить людей".

Нет ничего смелее дзен. Были такие дзенские мастера, которые сжигали священные писания, были дзенские монахи, которые сжигали даже деревянные статуи Гаутамы Будды, потому что ночью было холодно.

Хакуган говорит Якусану:

"Ты должен перестать дурачить людей".

Все ваши так называемые образованные интеллектуалы, пандиты, равнины дурачат людей, потому что увлечь людей писаниями означает увести их от самих себя. Вы не найдете себя в писаниях. Вы должны прийти внутрь, оставив все писания, философии и религии снаружи, какими бы правильными они ни казались, какой бы рациональной и последовательной ни была их логика. Логика не может утолить вашей жажды, ее источник отличается от источника любви.

Логика рождается в вашем уме; любовь рождается в сердце. Но любовь, рожденная в сердце, похожа на воздух Пуны – грязный, совершенно отравленный. Пуна по загрязненности занимает четвертое место среди городов мира. Умственная любовь – пустое слово, в сердечной любви есть немного жизни, но она очень искалеченная. К сожалению, вы не заканчиваетесь в сердце, дорога лежит немного дальше.

Есть другой вид любви; только для того, чтобы отличать их, мы будем называть ее состраданием. Это любовь без желания обладать, любовь без желания власти, любовь, которая хочет просто поделиться своим блаженством, изяществом, радостью и ничего не требует взамен.

Вы можете понять эти истории только из своей любви. Поэтому, когда я читаю, слушайте самым центром своего существа... и я никогда не учил вас ничему другому, кроме попадания в центр. С этого момента я хотел бы, чтобы вы во время моего чтения были не просто слушателями, но медитирующими. Эти цветы вечности распускаются в абсолютной тишине.

Якусан растерялся, потому что это было священное писание. А Хакуган, известный как великий мастер, велел ему прекратить дурачить людей: "Выбрось эти писания. Все твои знания, в действительности – ничто; поскольку ты не знаешь этого сам, ты просто живешь за счет заимствованной теологии, философии, религии. Ты можешь говорить как будда, ты можешь даже в точности цитировать каждое слово Будды, но если ты сам не будда, ты обманываешь людей".

Это напоминает мне последний день жизни Гаутамы Будды на земле. Была ночь полнолуния. Странное совпадение: он родился в полнолуние, в полнолуние стал просветленным и умер в полнолуние. Какая прекрасная, гармоничная жизнь с одинаковым началом, серединой и концом!

Он умер, но у него были тысячи учеников, и проблема состояла в том, что он не оставил никаких записей. Ученики беспокоились о будущем: ведь люди никогда не узнают той великой высоты, на которую поднялся Гаутама Будда, глубины сознания, которой он коснулся. Нужно было за-

писать каждое слово, произнесенное им за сорок два года, для грядущих поколений.

Но это было сложно. Он говорил в течение сорока двух лет, и единственным человеком, который присутствовал при этом все время, был Ананда. Другие ученики были с ним время от времени; иногда уходили проповедовать, иногда оставались с Буддой – особенно в сезон дождей, когда передвигаться было затруднительно. Но никто не оставался с Гаутамой Буддой все время, кроме Ананды. У Ананды была невероятная память, но проблема была в том, что он сам не был просветленным.

Триста просветленных учеников пришли в зал собраний, но каждый говорил: “Я слышал кое-что, но не могу говорить обо всем его учении, я не был с ним все то время, которое он учил”. Эти триста были просветленными, и они сказали: “Мы можем сказать, каково наше впечатление, но если вы хотите знать слова Гаутамы Будды, вам придется впустить Ананду, который сидит за дверью, на лестнице”. Его не пустили в зал, потому что он еще не был просветленным.

А сам Ананда не был готов произнести ни слова, пока не станет просветленным, потому что не хотел профанировать или неправильно толковать слова Будды. Он знал, что в нем полно человеческого несовершенства. “Вам придется подождать, я сделаю все, что в моих силах. Я мог бы стать просветленным раньше вас, потому что пришел в самом начале, но, к несчастью, я воспринимал Гаутаму Будду как нечто само собой разумеющееся. К тому же, я был его двоюродным братом, старшим братом, так что никогда в глубине души не чувствовал... Я касался его ног, но знал, что я – старший брат. Я слушал его, но помнил, что в обычной жизни он должен был слушаться меня, поскольку я старше.

Прошло сорок два года, и я постоянно был с ним, день за днем, но я упустил его. Я помню каждое слово, произнесенное им, потому что я знал, что никто не был с ним все время, и однажды это окажется нужным. Я должен записать все это, но сейчас в моих глазах только слезы – вам придется подождать.”

Триста просветленных ждали двадцать четыре часа, пока Ананда в слезах сидел на лестнице перед залом собраний. Он забыл о еде, он не пил, он забыл обо всем мире. И после непрерывного сорокадвухлетнего настаивания на быть внутри он впервые попытался сделать это. Он все время слышал это, он вновь и вновь слышал это, он слышал это столько раз, что это почти превратилось в общее место; он уже знал, когда Гаутама Будда скажет: “Идите внутрь”.

Но теперь Гаутамы Будды не было, и ему пришлось пойти внутрь, иначе все учение было бы потеряно. Он был единственным вместилищем учения. И через двадцать четыре часа он стал просветленным. Это была необычайная концентрация. Он сидел на лестнице, полный решимости: “Либо я стану просветленным, либо вам придется сжечь мой труп. Я не двинусь с этого места”.

При такой тотальности и интенсивности невозможно избежать просветления. И, как только он стал просветленным, его слезы изменили свое качество. Все его существо стало сияющим, и триста просветленных учеников начали танцевать; они открыли дверь и приняли Ананду. Они сказали: “Без тебя мир никогда не узнал бы, что за человек был Гаутама Будда”.

По этой причине все писания – это воспоминания Ананды. Все буддийские писания начинаются так: “Я слышал...” Какое смиренное начало: Ананда не мог сказать больше, потому что в то время, когда он слышал это, он не был просветленным. Теперь он знает, что то, что он слышал, было правильным, но в то время он только слышал, он еще не пережил этого.

Вы здесь. Мне бы не хотелось, чтобы вы оказались в положении Ананды. Я хотел бы, чтобы вы могли сказать: “Да, это так” – чтобы вы не просто слышали, но пережили это.

Писания мертвы, и ученые, посвятившие свою жизнь чтению и толкованию писаний, не только теряют свою жизнь – они дурачат миллионы людей. Они продолжают учить, не зная, чему учат. Они подобны слепым, которые учат о свете, слепым, которые говорят о красоте полной луны, слепым, которые говорят о розах и их насыщенном цвете. Но, поскольку все остальные слепы, никто не мешает им.

Это был редкий случай: просветленный, Хакуган, проходил мимо, когда Якусан читал писания. Проходя мимо, он сказал:

“Ты должен перестать дурачить людей”.

Сворачивая свиток, Якусан спросил: “Какое сейчас время дня?”

Хакуган ответил...

Таковы тонкости мира дзен. Это был вопрос-испытание. Якусан был выдающимся ученым, он не мог оставить Хакугана, не проверив, был ли тот просветленным, или он просто унижал его словами: “Перестань дурачить людей”. Он спросил: “Какое сейчас время дня?”

Простой вопрос, подумаете вы; но это не простой вопрос, потому что знающим медитацию известно, что ум исчезает, а вместе с умом исчезает и время. Время – проекция ума. Без ума нет времени. Есть вечность, есть этот момент, но вы не можете сказать, что такое этот момент.

Если бы Хакуган тоже был ученым, он попался бы на этом вопросе. Но он был мастером. Он ответил: “*Полдень*”. – Этот момент – полдень.

Тогда Якусан сказал: “Все тот же шаблон”.

Он имеет в виду шаблон прошлого, настоящего и будущего; он говорит Хакугану, что его слово “полдень” подразумевает, что было утро и будет вечер – значит, время все еще есть.

Вот почему он говорит: *“Все тот же шаблон – все то же разделение на утро, день, вечер, полдень, ночь и день. Твой ум полон разделений. Когда нет ума, нет и разделения”*.

Хакуган отвечает, что у него нет ничего:

“У меня вообще ничего нет”, – на что Якусан сказал: “Ты слишком великолепен”.

В любом другом контексте может показаться, что Якусан хвалит его, говоря: *“Ты слишком великолепен”*, но в дзен это не похвала, это очень тонкое осуждение: *“Ты по-прежнему большой интеллект, не приходящийся мастером”*.

Хакуган прокомментировал: “Я просто такой. А как насчет тебя?”

Он не возражает. Напротив, он просто соглашается: *“Такова моя реальность, я – просто этот невежественный человек. Я не претендую на то, чтобы быть просветленным, я ни на что не претендую, я не претендую даже на то, чтобы быть ничем. Как насчет тебя?”*

Якусан сказал: “Я хромаю кое-как; неуклюжий на сто ладов и неловкий на тысячу, я все же иду по этому пути”.

Он не готов отбросить свои писания, но он не эгоист, он принимает самого себя: *“Я хромаю кое-как; неуклюжий на сто ладов и неловкий на тысячу, я все же иду по этому пути”*.

В другой раз Якусан спросил монаха: “Откуда ты пришел?”

“С Южного озера”, – ответил монах.

“Вышло ли оно из берегов?” – спросил Якусан.

“Еще нет”, – ответил монах.

Тогда Якусан сказал: “Столько дождей, а озеро еще не наполнилось?”

Монах ничего не ответил.

Что он может сказать? Это правда: столько дождей, а озеро не наполнилось.

Это символические выражения. Мастер изливает на тебя больше, чем ты можешь вместить, а ты даже не полон; что говорить о переполненности?

Быть учеником – это великая возможность принять постоянно изливающийся дождь милосердия и опыта мастера. Пока вы не начнете становиться озером, выходящим из берегов, вы не выполнили домашнего задания. Вы потеряли время, вы упустили ценнейшую возможность.

Якусан был прав, спрашивая: *“Столько дождей, а озеро еще не наполнилось?”*

Бедному монаху нечего было ответить. Но даже в его молчании есть огромная благодарность.

Есть диалоги Сократа, Платона, Аристотеля; в настоящее время Мартин Бубер дал новую жизнь философии Сократа, главный пункт которой – диалог. Но Мартин Бубер не понимал – и не мог понимать, поскольку он жил всего несколько лет назад – что его диалоги остались тем же, чем были двадцать пять веков назад диалоги Сократа.

Перед вами диалоги другого типа; в них нет явной логики, но внутри них содержатся великие прозрения.

Поэт написал:

*Бездумные облака
уходят из горных ущелий;
вода наполняет щели и переливается через край.*

В другом стихотворении говорится:

*Облака, не думая,
уходят прочь из горных ущелий;
птицы, устав летать,
хотят вернуться домой.*

Это о вас.

Облака без всякого ума покидают горные ущелья; птицы стремятся домой отдохнуть.

У облаков нет путевода, у них нет расписания, нет карты; они – странники в небе свободы. Человек дзен подобен облаку, птице своим стремлением добраться до высшего дома.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
“Столько дождей, а озеро еще не наполнилось.”*

Из-за чего мы постоянно пропускаем воду и теряем все, что получаем?

Маниша, дело не в том, что что-то вытекает из вас, вы действительно огромные озера, и вы готовы и восприимчивы, но нужно некоторое время, чтобы вы наполнились. Этого дождя для вас недостаточно; ваше сознание – такое необъятное озеро, что даже такой сильный ливень исчезает в нем.

Так что не расстраивайтесь. Радуйтесь дождю; и чем больше вы радуетесь, тем сильнее он будет. Чем больше вы радуетесь, тем больше облаков почувствуют себя желанными. Танцуйте под дождем, и придет время – не нужно никуда спешить – когда вы наполнитесь, и не просто наполнитесь, вы будете переполнены. Все, что вам нужно – это ждать, молча ждать, не волнуясь даже о том, наполнится ли ваше озеро когда-нибудь. Я говорю вам: оно обязательно наполнится, если вы будете ждать.

Время ожидания зависит от вашей интенсивности. Если эта интенсивность очень велика, оно может выйти из берегов в этот самый момент; если интенсивность невелика, прохладна – вы просто надеетесь, что когда-нибудь, возможно, в какой-нибудь жизни вы тоже станете буддой...

Ваши священники обманывали вас, постоянно повторяя, что стать буддой нелегко, вы не можете стать буддой прямо сейчас – для этого нужно время, нужны многие жизни, чтобы достичь зрелости.

В действительности, из этого родилась вся концепция реинкарнации. На Западе никто не думает о просветлении, этой жизни было довольно; купить дом, машину, сад, завести детей, занять хорошее положение – чего еще желать? Одной жизни – хорошей, уважаемой, почетной – вполне достаточно, даже больше чем достаточно.

На самом деле, после тридцати пяти лет, если вы достаточно разумны, вы начнете уставать. До тридцати пяти, если вы еще ребенок, вы можете влюбляться. А если вы волей случая родились в Калифорнии... там люди до семидесяти лет влюбляются и охлаждаются.

Это странное явление происходит только в Калифорнии. Люди влюбляются везде, но охлаждаются только в Калифорнии – это особенность тамошнего климата. Однако все влюбленные неизбежно охлаждаются – в Калифорнии или не в Калифорнии. Каждый день я вижу здесь... сегодня я говорю, что это чья-то подруга, а завтра подруги меняются. Одни и те же друзья, одни и те же подруги – почему бы не поменяться?

(С задних рядов зала доносится громкий утробный смех.)

Заметьте, Сардар Гурудаял Сингх никогда не смеется без веской причины. Он стареет, но по-прежнему остается романтиком. Я не выхожу из

комнаты, но всегда интересуюсь, что поделывает Сардар Гурудаял Сингх. И я всегда в курсе, что он сменил подружку.

Получать новый опыт, новую территорию для исследования абсолютно нормально. Но если вы достаточно разумны, вам вскоре это надоест; география одна и та же – немного волос здесь, немного там, а вы были таким глупцом, щипая эти волосы! Рано или поздно человек взрослеет. И если вы не можете повзрослеть здесь, вы не повзрослеете нигде, потому что здесь вам предоставлена лучшая в мире возможность. Меня осуждают именно из-за нее.

Когда вы устаете от мира, приходит время пробудиться; мир – ваш сон. Именно заинтересованность мирским не позволяет вашему озеру наполниться буддостью.

А теперь посмотрите на Авирбхаву, которая сидит здесь. Несколько дней назад она отказалась от мысли о покупках – она величайшая покупательница в мире. Каждые две – три недели она испытывает непреодолимое желание отправиться за покупками – в Сингапур, Бангкок, Лондон, куда угодно; скажите только слово, и она готова отправиться в путь. Но я надеюсь, что она повзрослеет и отбросит всю эту чепуху; ведь что ходьба по магазинам? – собирание хлама.

Я знаю, что каждый из вас собирает хлам. Мне постоянно приходится принимать от вас разный хлам, так что я знаю, что вы собираете. Не входя в ваши комнаты, я знаю, что вы собираете, потому что вы не подарите мне то, что не считаете самым лучшим. А потом я отдаю этот хлам другим. Что мне остается делать? Ведь человеку нужно какое-то пространство, чтобы спать, сидеть...

Смотрите, Авирбхава начинает думать о Бангкоке. Бангкок – очень опасное место. Там можно купить всевозможный хлам по самым бросовым ценам, а Авирбхава хватается все. Она хватается все, что можно, а страдаю, в конце концов, я.

Никогда в жизни я не ходил по магазинам; у меня не было такой возможности, у меня не было ни времени, ни пространства. Но так много людей делают покупки за меня. Они даже присылают мне по почте весь тот хлам, который считают ценным.

Но я надеюсь, даже Авирбхава избавится от этого. Если у тебя возникает такое желание, сходи в наш бутик. Этот бутик предназначен как раз для того, чтобы удовлетворить это желание. Это не торговый центр, он нужен только для того, чтобы вы могли избавиться от желания покупать. Просто подождите немного.

Маниша, все вы станете такими же просветленными, какими всегда были все люди. Люди не могут представить, что в этой крохотной жизни они смогут найти время для медитации, потому что им проповедовали ложную идею медитации – что вы должны каждый день в определенное

время повторять определенные мантры; а потом, по милости Божией – если он будет так добр, а не в результате вашего усилия, – вы можете достичь реализации. Но для этого одной маленькой жизни недостаточно. Поэтому люди идут в храм и, как вы видите, очень быстро оттуда выходят.

В нашей деревне, прямо напротив моего дома, была прекрасная кондитерская. Ее хозяин был немного глуховат, и я пользовался этим, потому что ему нужно было кричать прямо в ухо, тогда он слышал. Я приходил и кричал ему: “Дядюшка, тетя зовет вас”.

Они жили в этом доме вдвоем, а дом был длинный, и он знал, что верить мне не стоит, потому что, если он уйдет, я возьму несколько сладостей. Но ее он тоже боялся; она была опасная женщина – если она позвала, вы должны явиться. Я говорил: “Идите, иначе у вас будут неприятности. Вы не верите мне из-за нескольких конфет? Я посмотрю за вашей лавкой, идите!”

И как только он уходил, я закрывал дверь, наслаждался всем, чем мне хотелось, а он стучал изнутри: “Открой дверь!”

Я никогда не бывал ни в каком другом магазине, кроме этого... Но он любил меня, потому что я открывал дверь и говорил ему: “Не волнуйтесь, покупателей не было. Я сидел здесь и смотрел, чтобы в магазин не зашла собака или какое-нибудь другое животное”.

А он отвечал: “Ты очень хороший мальчик”.

Когда я в последний раз ездил в деревню – он стал совсем старым, теперь он уже умер, – я зашел в магазинчик, и он сказал мне:

– Твоя тетя умерла.

Я сказал:

– Какая большая потеря для меня!

Он спросил:

– Что ты имеешь в виду?

Я сказал:

– Впрочем, я все равно не живу здесь больше, а иначе это была бы большая потеря.

Старик всегда все понимал, но он интересовался, сколько конфет я съедал. И когда жена спрашивала: “Ты опять пришел?”, – он говорил: “Но ты же звала”.

Она говорила: “Это уже слишком. Я тебе уже говорила: если ты мне понадобишься, я приду сама. Не слушай никого; должно быть, это снова тот мальчишка”.

Я сказал:

– Теперь старушка мертва, и я даже не могу сказать тебе: “Дядя, тебя зовет тетя”.

Со слезами на глазах он сказал:

– Я никогда не говорил тебе, но я знал, что ты воровал конфеты; я никогда не верил, что моя жена зовет меня, потому что она знает, что я глух; я уходил просто для того, чтобы дать тебе шанс.

Я спросил:

– Ты знал?

Он сказал:

– Ты обманывал меня каждый день, и каждый день одинаково: “Тетя зовет”. В конце концов, выдержав одну – две атаки жены, я перестал ходить внутрь, я стоял за дверью, чтобы ты мог делать все, что хочешь. Какой ущерб ты мог причинить? А потом я стучал в дверь. Ты думаешь, я ничего не знал? Я знал даже то, что несколько конфет лежит у тебя в карманах.

В детстве у меня было много карманов; тогда они были мне нужны, но с тех пор...

Я вспомнил этого старика, но никогда я не заходил ни в какой другой магазин, кроме этого – к несчастью, я стал просветленным.

Псих Мелвин и его приятель Фруткейк закусывают в столовой психиатрической лечебницы. Внезапно Псих Мелвин наклоняется и шепчет:

– Я собираюсь сбежать отсюда!

– Правда? А как? – спрашивает Фруткейк.

– Я сбегу через замочную скважину! – с энтузиазмом отвечает Мелвин.

Через несколько минут Мелвин возвращается, потирая огромный багровый синяк на лбу.

– Что случилось? – спрашивает Фруткейк.

– Охранники узнали о моем плане, – печально говорит Мелвин. – Они оставили ключ в замке!

Кухня Белого Дома. Шеф-повар и его помощник жарят лук. Заливаясь слезами, шеф-повар говорит:

– Знаешь, Бог дал нам этот овощ, чтобы заставить нас плакать.

– Да, пожалуй, – отвечает помощник, промокая глаза.

В это время через кухню проходит президент Рональд в нижнем белье и шляпе.

– И знаешь, – продолжает шеф-повар, указывая на президента, – Бог дал нам *этот* овощ, чтобы заставить нас смеяться!

Раннее утро в психбольнице. Дежурная сестра обходит палаты, проверяя, все ли правильно оделись. В палате Джорджа она замечает, что он надел правый ботинок на левую ногу, а левый – на правую.

– Послушай, Джордж, – ласково говорит она, – ты надел ботинки не на те ноги, дорогой.

Через полчаса она возвращается и видит, что у Джорджа та же проблема.

– Джордж, дорогой, – говорит она, – почему ты не надел ботинки на правильные ноги?

– Я пытался! – кричит Джордж. – Я искал везде, но не нашел своих других ног!

Новый священник, отец Фингер, так нервничает на своей первой мессе, что даже говорит с трудом. Перед вторым появлением на кафедре он спрашивает у более опытного отца Фунгуса, как расслабиться.

– Это просто, – говорит Фунгус. – В следующий раз налей в свой графин немного водки. Потягивай ее, и все пойдет как по маслу.

В следующее воскресенье отец Фингер выливает в графин для воды полную бутылку водки и потихоньку пьет ее, восхваляя Господа. Он чувствует себя великолепно.

Вернувшись домой, он находит записку отца Фунгуса:

“Первое. В следующий раз потягивай, а не заглывай.

Второе. Заповедей десять, а не двенадцать.

Третье. Апостолов двенадцать, а не десять.

Четвертое. Мы не называем крест “большое Т”.

Пятое. Рекомендуемая благодарственная молитва перед едой – не “Раб-даб-дуби, спасибо за ужин – Йя-хуу!”

Шестое. Не стоит называть Тайную вечерю “классной вечеринкой с Иисусом и парнями”.

Седьмое. Давид сразил Голиафа, а не “вышиб из него дерьмо”.

Восьмое. Отца, Сына и Святого Духа не стоит называть “большой папа, сынок и привидение”.

Девятое. Всегда следует говорить “Непорочная Мария”, а не “Мэри с черри”.

Десятое. Хотя папа у нас и из Польши, мы не называем его ни “Папаполяк”, ни “поляк-дурачок”!

Что ж, Ниведано, сейчас подходящее время...

Ниведано...

Будьте безмолвны,
закройте глаза.
Почувствуйте тело полностью замерзшим –
никакого движения,
просто оставайтесь центрированными внутри.
Это центрирование делает вас буддой,
это центрирование –
утроба всех будд.
Глубже, глубже и глубже,
как стрела,
как алмазная молния,
которая проникает
в самое ядро вашего существа;
и вы узнаете это пространство,
это небо,
бесконечную вечность вашего существа.
Быть буддой просто означает
быть полностью расцветшим лотосом,
лотосом сознания.

Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя.
Просто умрите,
но продолжайте держаться центра.
Этот центр – ваша вечность,
он не знает смерти,
он знает лишь блаженный танец,
который длится и длится.
Все ваше окружение празднует.
Это драгоценнейший дар,
который может дать вам существование.

Ниведано...

Вернитесь,
посидите несколько мгновений,
радуясь тому, что вы пережили,
припоминая этот опыт,
чтобы он мог стать пламенем,
горящим двадцать четыре часа
в самые темные времена вашей жизни.
Даже в смерти вы найдете его –
танцующее пламя.
Для будды
нет смерти,
есть только жизнь,
жизнь,
и вечный танец.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать собрание семи тысяч будд?
- Да, Ошо.

24 июля 1988 года

СЕГОДНЯ ПТИЦА РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Возлюбленный Ошо,

Однажды, когда Тодзан путешествовал с другим монахом, они увидели ботву от овощей, плывущую по реке вниз, в долину. Тодзан сказал: "Если в этих высоких горах никого нет, откуда здесь эта ботва? Если мы пойдем вверх по течению, мы должны встретить путника, остановившегося там".

Преодолев несколько миль по густому кустарнику, они неожиданно увидели истощенного человека очень странного вида. Это был мастер Рюдзан, что означает "Горный Дракон"; также он был известен как Иньшань, что означает "скрытый в горах". Тодзан и второй монах опустили свои узелки и приветствовали Рюдзана.

Затем Рюдзан сказал: "В этих горах нет дороги – как вы пришли сюда?"

Тодзан ответил: "Оставим вопрос о том, что нет дороги – где ты вошел?"

Рюдзан сказал: "Я не ходил ни по облакам, ни по воде".

Тогда Тодзан спросил: "Давно ты живешь на этой горе?"

Рюдзан сказал: "Зимы, весны и годы не касаются ее".

Тодзан спросил: "Кто был раньше – ты или эта гора?"

Рюдзан ответил: "Не знаю".

Тодзан спросил: "Почему?"

Рюдзан сказал: "Я не приходил ни с небесных сфер, ни из мира людей".

Тодзан спросил: "Какую же истину ты осознал, что привела тебя сюда, на эту гору?"

Рюдзан сказал: "Я видел, как два глиняных быка подрались, отправились в океан, и до сих пор о них нет никаких вестей".

Тодзан впервые с огромным уважением поклонился Рюдзану. Затем он спросил его: "Кто гость, обитающий внутри хозяина?"

Рюдзан сказал: "Голубая гора покрыта белыми облаками".

Тодзан спросил: "Кто хозяин, обитающий внутри хозяина?"

Рюдзан ответил: "Он никогда не выходит за дверь".

Тогда Тодзан спросил: "Насколько далеки хозяин и гость?"

Рюдзан сказал: "Волны на реке".

Затем Тодзан спросил: "Когда гость и хозяин встречаются, что говорятся?"

Рюдзан сказал: "Свежий ветерок проносится мимо белой луны".

Тодзан попрощался и ушел.

Маниша, это последняя история в этой серии, и ты выбрала очень красивый, важный и многозначительный для каждого искателя диалог. Это слова великого мастера, поэтому вы должны быть очень тихими, чтобы понять их – тихими настолько, что вас словно и нет. Вы можете сидеть тихо, как Гаутама Будда, но ваш ум продолжает плести странные и ненужные мысли. И эти мысли мешают вам понять, что мы пытаемся делать. Это не пустая лекция, это совместный поиск вашего внутреннего существа.

Вчера, когда я говорил вам о непреодолимом желании покупать – в этот самый момент Авирбхава думала, куда бы ей отправиться. И в уме она думала: "Ошо упомянул Бангкок, Сингапур, Гонконг, Лондон – ну хорошо, поеду в Лос-Анджелес". Сначала она собиралась в Бангкок, но поскольку я отверг эти места... Вы хотите, чтобы я назвал все места в мире? Но вы не бросите ходить по магазинам.

Вопрос не в Бангкоке, Сингапуре или Гонконге; вопрос в том, что ваш ум постоянно... Она сидит здесь и думает о Лос-Анджелесе. И это не только ее ситуация. Почти все находятся в такой ситуации; все собираются в Лос-Анджелес – в разные Лос-Анджелесы.

Никто не находится полностью здесь, потому что в тот момент, когда вы полностью здесь, вы исчезаете, и вместо вас появляется будда. Вы обнаружите, что исчезаете, словно облако, и новый образ, новый золотой образ чистого сознания начнет возникать в вас, как горный пик. Каждый момент тишины – это единственный момент, когда вы живете.

За семьдесят лет жизни вы только семь минут можете прожить как будда – этого достаточно. Но, к несчастью, даже за семьдесят лет вы не можете выкроить эти семь минут. Ум все вертится и вертится, как заевшая пластинка, повторяя одно и то же. Ум не может быть оригинальным, он умеет только повторять. Вы видели жующего буйвола? Именно этим занимается ум. Но любое пережевывание есть не что иное, как жевательная резинка; это глупость. Даже бамбук смеется. Он знает, что, хотя каждый думает, что он молчит, в глубине он сидит на вулкане.

Эта история может стать силой, преображающей вашу жизнь. Эти несколько минут здесь могут превратить вас в нового человека. Нужно сделать совсем немного: сказать уму, чтобы он заткнулся, и быть достаточно сильным, чтобы не вовлекаться и не идентифицироваться с процессом мышления. Это стало нашей привычкой. Мы почти забыли, что родились без всякого мышления. Все мысли есть не что иное, как пыль, осевшая на

вас за то время, когда вы росли, и эта пыль не дает вам увидеть самих себя.

Эти истории – быстрый и очень эффективный способ удалить пыль, очистить зеркало, чтобы вы могли увидеть свое изначальное лицо. Это лицо, данное вам существованием, а не лицо и личность, навязанные вам обществом. Помните это: ваша личность навязана вам другими. С самыми добрыми намерениями ваши родители, ваше общество, учителя старались, чтобы вы не были собой – вы должны быть кем-то другим. И они обеспечили вас идеалом – кем именно вам следует быть.

Но, к несчастью, это невозможно; вы не можете быть никем другим, кроме того, кем предопределило вам быть сущее. Однако вы можете упустить свою судьбу. Вы не можете прожить чужую жизнь, но можете упустить свою. И сделать это очень просто: попытайтесь быть кем-то другим, и мало-помалу личность, фальшивая маска, которая не есть вы – которая состоит из ожиданий других – возникнет и покроет вашу невинность. А невинность – ваше единственное сокровище, сама ваша вечность, ваша бессмертная жизнь.

Однажды, когда Тодзан путешествовал с другим монахом, они увидели ботву от овощей, плывущую по реке вниз, в долину. Тодзан сказал: "Если в этих высоких горах никого нет, откуда здесь эта ботва? Если мы пойдем вверх по течению, мы должны встретить путника, остановившегося там".

Преодолев несколько миль по густому кустарнику, они неожиданно увидели истощенного человека очень странного вида. Это был мастер Рюдзан, что означает "Горный Дракон"; также он был известен как Иньшань, что означает "скрытый в горах".

... Потому что он жил в горах, далеко от людей – просто сидел и ничего не делал. Эти тихие горы...

Если вы ничего не делаете, как долго ваш ум будет упорствовать, думая об устаревших вещах, которые вас больше не касаются? С течением времени мысли становятся все тоньше, и наступает момент, когда вы просто есть, без всяких мыслей. Момент, когда вы приходите к очищению, раскрытию своего сознания – самый драгоценный, потому что это ваша скрытая природа. Это ваше величие, ваш танец, радость, ваша свобода. Стоит вам войти в это, и уже невозможно быть несчастным, напряженным, невозможно испытывать боль – вы просто ушли от всего того, что было вашими постоянными спутниками.

В своих ответах Рюдзан показывает великое понимание.

Тодзан и второй монах опустили свои узелки и приветствовали Рюдзана.

Затем Рюдзан сказал: “В этих горах нет дороги – как вы пришли сюда?”

Тодзан ответил: “Оставим вопрос о том, что нет дороги – где ты вошел?”

Да, это замечательные диалоги; в них больше не говорится об обычных дорогах. Вопрос Рюдзана не связан с обычной дорогой, но на первый взгляд кажется, будто он спрашивает: “В этих горах нет дороги – как вы пришли сюда?” Тодзан сам был мастером. Любой на его месте совершил бы ошибку; он не понял бы истинного смысла – что в нашем существе есть место, к которому не ведут никакие дороги – и все же вы можете попасть туда, без всякого транспорта, без дороги, без путеводителя, без карты. Внутри нашего существа есть точка, которой мы можем достичь потому, что мы уже там – нам не нужно идти. Мы должны просто устранить наши мысли и воображение, отбросить все фальшивое и просто оставаться в глубоком одиночестве.

Тодзан точно понял, что Рюдзан не говорит об обычных дорогах. Он сказал: “Оставим вопрос о том, что нет дороги – где ты вошел? Мы можем поговорить о дороге позже. В это мгновение... если ты можешь войти здесь, почему мы не можем войти здесь – оставив в стороне тот факт, что дороги нет?” Он очень ясно показывает свое понимание дзен: если ты можешь достичь здесь, без всякого пути, почему мы не можем достичь? Он говорит такие важные слова, что их можно переводить сотнями способов с тысячью скрытых значений.

Это значит, что если один человек может стать буддой, своим качеством будды он провозглашает буддовость всех. Его качество будды означает, что человек обладает способностью быть буддой. Стали вы буддой или нет, не в этом дело; но вам ясно показали ваш потенциал – таков удел каждого человеческого сознания.

Рюдзан сказал: “Я не ходил ни по облакам, ни по воде”.

Тогда Тодзан спросил: “Давно ты живешь на этой горе?”

Он оставил эту тему, потому что ответ Рюдзана ясно показывает, что невозможно сказать... все, что он может сказать – это то, что он не ходил по облакам или воде. Дороги нет, но он пришел.

Тогда Тодзан спросил: “Давно ты живешь на этой горе?”

Рюдзан сказал: “Зимы, весны и годы не касаются ее”.

Сознание не измеряется временем. В своем глубочайшем существе вы всегда были здесь и всегда останетесь здесь; вы никогда не уходите отсюда. Все остальное движется вокруг вас; весь мир движется, все звезды движутся. Нет ничего неподвижного, кроме вашего сознания. Но ваше сознание – это центр циклона. Оно просто остается здесь.

Ответ Рюдзана так хорош: “Зимы, весны и годы не касаются ее”. Это за пределами времени, так что смена времен года и лет... не задавая глупых вопросов.

Тодзан спросил: “Кто был раньше – ты или эта гора?” Первую его атаку отразили, но он снова пытается привнести время и сделать это так, чтобы Рюдзан попался. Он спросил: “Кто был раньше – ты или эта гора?”

Рюдзан ответил: “Не знаю, кто был раньше. Я живу здесь, не задумываясь ни о горе, ни о лесе, ни о том, кто пришел первым, а кто – вторым”.

Этот вопрос постоянно задавали все теологи и философы: кто был первым? Библия говорит, что в начале было Слово – оно было первым, а потом появился Бог. Но посмотрите на эту глупость: тот, кто написал это, немедленно добавляет, что Бог и Слово едины, потому что сразу возникает вопрос: если никого не было, как могло появиться Слово? Нужно, чтобы кто-нибудь сказал его. Но если вы поставите Бога первым, вопрос останется прежним... это обсуждалось веками. Дзен никогда не решал этот вопрос старым способом, в словах вроде “бог”, “творение”...

Если Бог был, откуда он пришел? Он должен был существовать всегда. По меньшей мере, это абсолютно ясно: он не мог прийти ниоткуда, потому что творение еще не началось. Это было утро понедельника. Где он был прошлой ночью? Вчера? И что он делал целую вечность? Ведь он создал весь мир за шесть дней. На седьмой он взял отпуск и до сих пор из него не возвращался. Странный выходной... такой длинный? Да и закончить все это существование за шесть дней не представляется возможным.

Однажды я собирался путешествовать и сказал своему портному: “Ты знаешь, что я очень щепетилен в одежде. Все должно быть готово в субботу к вечеру, без малейшего изъяна; у тебя в запасе целая неделя”.

Он посмотрел не меня – очень старый человек, прекрасный старик – и сказал: “Прежде чем требовать, чтобы я закончил твою одежду за шесть дней, посмотри на этот мир, что с ним произошло. Бог за шесть дней создал этот хаос, а ты просишь меня... Если что-то будет не так, не говори мне ничего. За шесть дней я не смогу сделать это; тебе придется найти Бога, чтобы он сшил тебе одежду”.

Он был очень религиозным человеком. Он сказал: “Именно из-за этих шести дней мир постоянно находится в беспорядке. Он хаотичен, ненор-

мален, и ответственность лежит на Боге, потому что он так и не пришел в свой офис в понедельник”.

Тот же вопрос задают атеисты: “По какой причине Бог в определенный момент решил создать мир? Почему не днем раньше или не днем позже? Должна быть какая-то причина, иначе Бог просто капризный эксцентрик. Он создал весь этот хаос безо всякой причины”.

Если вы хотите, чтобы Бог был рационален, вы должны ответить. Христиане, например, умудрились даже высчитать годы, дни, время, тот момент, когда Он создал мир. Это произошло точно за четыре тысячи лет до Иисуса Христа, или за шесть тысяч лет до нашего времени. Какая глупость. Мы нашли города, которым семь тысяч лет – в Мохенджо-даро и Харappe. В Гималаях найдены скелеты животных, которым девяносто тысяч лет. И это просто смешно; когда на это обратили внимание – что шесть тысяч лет очень мало, и как вы объясните существование девяностотысячелетних скелетов? – один великий христианский мыслитель выдвинул идею, что Бог создал скелет, который *кажется* таким старым, будто ему девяносто тысяч лет, чтобы испытать нашу веру.

Если вы начинаете с одной глупости, вы закончите другой. Зачем ему испытывать веру людей? В его власти создать людей, которые могут верить или не верить. Но все религии противоречивы.

Бог создал человека, но все религии восхваляют celibat; они не разрешают человеку размножаться, нести жизнь. Бог – первый преступник, в том смысле, что Он начал этот мир. И еще Он преступник потому, что вложил внутрь вас гормональную систему, которая заставляет вас размножаться. Если бы Он был против размножения, если бы Он был за celibat, как проповедуют все религии, Он не должен был создавать эти гормоны.

Все было очень просто. Но сейчас психологи, биологи и физиологи стоят перед большой проблемой, потому что поняли, что даже у убийцы есть определенная модель в мозге, и эта модель создана не им; он с ней родился. Он не мог не стать убийцей. У человека, совершающего самоубийство, эта тенденция заложена в самой его химической природе. Если кто-то несет за это ответственность, то это Бог.

И больше того, зачем было нужно нарушать покой этой вселенной... эти тихие звезды? Зачем было нужно создавать Адольфа Гитлера, Рональда Рейгана и Иосифа Сталина? Эти бедняги – тоже создания Бога. Если Бог создал все, он должен за все нести ответственность: за Тамерлана, за Чингисхана, за Надир-шаха – за всех этих убийц. Чингисхан один уничтожил сорок миллионов человек, а Адольф Гитлер убил тридцать миллионов. Их химическая структура заставляла их убивать и убивать.

Сегодня Нилам принесла картинку из газеты – фотографию убийцы, который был святым и священником. Он добавлял яд в прасад. В каждом

индуистском храме вам дают прасад как дар Бога, в виде каких-нибудь сладостей. Он отравлял прасад. Одиннадцать человек умерли неопровержимо, и он признался, что жертв могло быть больше. И он совершенно не скрывает этот факт. Его приговорили к повешению и спросили, есть ли у него последнее желание. Это традиция – спрашивать человека перед смертью, есть ли у него какое-нибудь желание. Он сказал: “У меня есть лишь одно желание. Я хочу, чтобы меня показали по телевизору”. И его показали по телевизору. Может быть, только ради того, чтобы его показали... глубокое желание стать знаменитостью.

У него не было никаких объяснений. Он не мог дать никаких объяснений, потому что эти люди не были его врагами, они ему поклонялись. Они почитали его как святого, но он не становился известным – а в нем было это закоренелое желание, жажда власти. Все политики, которые гонятся за властью... в действительности, они не несут за это ответственности. Почему Бог создал такое человечество, которое заинтересовано только в смерти и разрушении?

Это, определенно, доказывает, что нет никакого Бога, который создал этот мир. Более рационально, более логично принять, что все было здесь от вечности. Не было первых, и не было вторых.

Иисус постоянно говорил: “Я – последний еврейский пророк, проповеданный в Ветхом Завете. Я пришел; я тот, о ком пророчествовал Ветхий Завет”.

Евреи рассердились. Они не могли смириться с тем, что бедный, необразованный сын плотника, который ничего не знает, провозглашает себя единственным рожденным сыном Божиим. Ведь никто не видел Бога.

В каждом сумасшедшем доме вы можете найти людей, объявляющих себя Богом. Даже на детекторе лжи... психологи не могли в это поверить. Сумасшедший говорил, что он – Бог, поэтому они пытались убедить его быть благоразумным: “Вы просто человек”.

Он сказал: “Не пытайтесь меня переубедить”.

Тогда они проверили его на детекторе лжи. И, поскольку психологи постоянно донимали его одним и тем же вопросом: “Кто вы?”, он в конце концов решил, что если его спросят еще раз, он скажет: “Я не Бог”.

И когда он был подсоединен к детектору лжи... Это похоже на кардиограмму; когда человек что-то говорит, машина чертит график. Если он говорит правду, график симметричный. Как только он говорит ложь, в графике происходит резкий сдвиг. Точно так же, как в вашем сердце происходит маленький толчок, когда вы лжете, в линии происходит сдвиг. Когда его спросили: “Вы Бог?”, он сказал: “Нет!” И детектор лжи показал, что он лжет. Он *был* Богом!

Итак, что делать? Это так глубоко... Бедняга, он сам говорил: “Нет”, но детектор лжи не слушает, что вы говорите; он слышит ваше сердце.

Даже когда он говорит: “Я не Бог”, он знает, что он *Бог* – его сердце знает. График не прерывается; он продолжается.

Когда Уинстон Черчилль был премьер-министром, в сумасшедших домах Англии было, по меньшей мере, двенадцать Уинстонов Черчиллей. Когда Джавахарлал Неру был премьер-министром, было множество других Джавахарлалов; но среди них был один очень редкий экземпляр, он находился в сумасшедшем доме в Агре. После трех лет постоянного лечения он в конце концов расслабился и сказал: “Хорошо, я не Джавахарлал. Конечно! Отпустите меня. Не донимайте меня больше”.

Случайно – это было простое совпадение – Джавахарлал был в том городе и собирался посетить бедных сумасшедших. Управляющий подумал, что будет хорошо, если Джавахарлал выпустит человека, который выздоровел. Они наблюдали его, и он вел себя совершенно нормально. Так что Джавахарлал пожал сумасшедшему руку и сказал: “Поздравляю. Я очень рад, что вы выздоровели”.

Этот человек посмотрел на Джавахарлала и сказал: “Не волнуйтесь; если они три года будут делать с вами то же, что делали со мной, вы тоже вылечитесь. Вы забудете, что вы были Джавахарлалом Неру. Я сам был им”.

Сколько возникло религий с разными представлениями о Боге. Никого не интересует, где находится Бог. И они многие века убивали друг друга только потому, что *их* представления о Боге верны. Идея была гораздо важнее, чем миллионы жизней!

Мусульмане убивают, иудеи убивают, христиане убивают – потому что *их* идея верна! И даже одна религия разделяется внутри на разные ветви, потому что такова жажда власти.

Мартин Лютер хотел быть папой, но не видел никакой возможности стать им. Это очень тайные выборы; и сначала вы должны пройти сан священника, чтобы стать епископом, затем из епископа вы должны стать кардиналом. Во всем мире всего лишь двести кардиналов, и когда придется выбирать папу, все они приезжают в Ватикан. Их запирают в особом месте, где находятся двести маленьких келий. Каждый из них должен сесть в своей келье и написать имя какого-нибудь кардинала – только кардинал может стать папой. И он не может рекламировать себя, как политики; он не может ходить от кельи к келье, говоря людям: “Помните, не забудьте...” Никакой пропаганды.

И, поскольку Мартин Лютер не видел никакой возможности стать папой, он заявил, что папа и вообще весь католицизм ошиблись; это не было настоящим христианством. Настоящее христианство – это то, что он говорил. И это создало разделение; христианство разделилось надвое, а Мартин Лютер стал первосвященником протестантов.

Разница ничтожна. Но протестанты и католики много лет убивали друг друга. Это случалось с каждой религией, и это продолжает происходить во имя Бога.

Дзен не говорит о Боге. Это единственный религиозный феномен, в котором нет Бога, молитвы; и все же дзен достиг высочайших пиков, недоступных ни одной другой религии в мире.

Этот вопрос: “*Кто был раньше – ты или эта гора?*” – задавали также и Иисусу. “Если ты считаешь себя сыном Бога, был ли ты прежде Авраама, праотца евреев? Был ли ты прежде него? Если ты сын Божий, ты должен был быть.”

Иисус сказал: “Да, я был прежде Авраама”.

В этом разница между другими религиями и дзен. Когда Тодзан спросил: “*Кто был раньше – ты или эта гора?*”,

Рюдзан ответил: “Не знаю”.

Только человек великого понимания и осознанности может сказать невинно: “*Я не знаю*”.

Тодзан спросил: “Почему?”

Рюдзан сказал: “Я не приходил ни с небесных сфер, ни из мира людей”.

Я не пришел от богов – с небесных сфер – и не приходил из мира людей. Мое сознание не имеет обозначений, категорий, оно просто универсально. Я действительно не приходил ниоткуда, я был здесь.

Тодзан спросил: “Какую же истину ты осознал, что привела тебя сюда, на эту гору?”

Рюдзан сказал: “Я видел, как два глиняных быка подрались, отправились в океан, и до сих пор о них нет никаких вестей”.

Он говорит, очень символически: “Я видел среди людей, как люди сражались за глиняных быков”. Что такое ваши боги, как не глиняные быки? Видя, как все сражаются из-за мыслей, идей, писаний, статуй и храмов, Рюдзан сказал: “Видя это... и они до сих пор не унялись. Я не слышал о них никаких новостей”.

Тодзан впервые с огромным уважением поклонился Рюдзану, видя, что его нельзя обмануть никакими противоречиями, что его нельзя заставить сказать вещи, о которых не следует говорить. Он знает; вот почему он говорит: “Я не знаю”.

Обычно люди, которые ничего не знают, непрестанно похваляются своей мудростью. Все ваши шанкарачарьи и все ваши папы – среди них нет ни одного просветленного, но они – религиозные лидеры. Какие наставления могут дать эти люди? Они продолжают отравлять людские умы.

Но Рюдзан, человек, обладающий достоинством и мужеством, чтобы сказать: “Я не знаю”, показывает свою невинность, свою детскую чистоту. Это заставило Тодзана поклониться Рюдзану с глубоким почтением.

Затем он спросил его: “Кто гость, обитающий внутри хозяина?”

Это традиционные дзенские вопросы, которые решают, действительно ли это мастер или просто учитель, действительно ли это человек осознания или просто человек, набравшийся знаний от других, из писаний.

“Кто гость, обитающий внутри хозяина?”

Рюдзан сказал: “Голубая гора покрыта белыми облаками”.

Белые облака – гости. Голубая гора – хозяин, потому что она останется, а белые облака придут и уйдут. То, что приходит и уходит – гость, а то, что остается – хозяин. Но он говорит это в очень красивом поэтическом стиле. Дзен – это чистая поэзия: “Голубая гора покрыта белыми облаками”.

Тодзан спросил: “Кто хозяин, обитающий внутри хозяина?”

Это другой традиционный вопрос.

Рюдзан отвечает очень красиво. Он говорит:

“Он никогда не выходит за дверь”.

Хозяин никогда не выходит за дверь. То, что выходит наружу – это ум; он ходит повсюду, в Бангкок... куда ты сейчас отправилась, в Лос-Анжелес? Это ум уходит, но Авирбхава остается здесь. В тебе, в каждом человеке сознание всегда остается внутри; оно никогда не выходит за дверь. Ум путешествует по миру. В тот миг, когда ум прекращает путешествовать, вы приходите к великому пониманию: вы не тот, кто путешествовал. Вы – тот, кто не двигался ни на дюйм, кто всегда находится внутри вас в глубочайшем центре и никогда не покидает это место.

В наших медитациях мы ищем хозяина. Мы все стали гостями и ушли слишком далеко от собственного существа. В медитациях мы пытаемся вернуться и позволить гостю раствориться в хозяине. В тот момент, когда

вы входите в свое внутреннее пространство, происходит ослепительная вспышка света. Вы больше не человек; вы стали буддой. Вы стали чистой осознанностью, безбрежной, безграничной.

Ответ Рюдзана так красив:

“Он никогда не выходит за дверь”.

Тогда Тодзан спросил: “Насколько далеки хозяин и гость?”

Рюдзан сказал: “Волны на реке”.

Наверное, он был великим мастером, обладающим огромным пониманием. Он говорит: на реке есть волны; эти волны – гости. А когда волны исчезли, гость исчез в хозяине. Река остается; волны приходят и уходят.

Рюдзан сказал: “Волны на реке”.

Затем Тодзан спросил: “Когда гость и хозяин встречаются, что говорится?”

Рюдзан сказал: “Свежий ветерок проносится мимо белой луны”.

Ничего не говорится. “Свежий ветерок проносится мимо белой луны.”

Просто возникает невероятная красота, блаженство, благословение. Ничто не говорится, даже “привет”.

Тодзан попрощался и ушел.

Якудзю написал:

Над облаками, покрывающими вершины,

в истоке своем река холодна.

Если ты хочешь увидеть,

поднимись на вершушку горы.

Если ты хочешь увидеть, ты должен подняться на вершину горы. Если ты хочешь увидеть, тебе придется достичь высшей точки своего сознания.

Другой дзенский поэт:

Долгие годы птица в клетке...

Сегодня летит вслед за облаком.

Эти маленькие стихотворения побеждают великие писания других религий. Как красиво они говорят все, что нужно сказать!

*Долгие годы... возможно, множество рождений –
Птица в клетке...
Сегодня летит вслед за облаком.*

Свобода – высшая цель. Все мы живем в клетках, не только клетках тела и ума, но и в клетках всякого рода идей, предрассудков. Пока мы не отбросим все эти клетки, не разобьем, не сожжем их и не станем свободными – как птица на крыле, летящая вслед за облаками – мы не узнаем всего, что возможно. Мы не узнаем своего предназначения. Мы не сможем осознать радость, высшее переживание истины.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Должна ли я вслед за Иисусом отбросить Ницше? Ничего не могу поделать – я представляю Ницше в горах вместе с Рюдзаном, поскольку он считал горы местом, чтобы проверить все, что было “отлучено моралью”.*

И то, что говорил Ницше в своих книгах, звучит так, что это вполне могло быть сказано в эти вечера с тобой:

“Тот, кто умеет дышать воздухом этих бесед, знает, что это воздух вершин, здоровый воздух. Нужно быть сделанным для него; иначе есть немалая опасность простудиться”.

Маниша, ты не должна отбрасывать Ницше или Иисуса – тебе нужно только отбросить себя. То, что ты отбросишь Ницше, не поможет. Теперь ты будешь носиться с новой идеей: “Я отбросила Ницше, я отбросила Иисуса, я отбросила Кришну, я отбросила...”

Но я здесь, и эти люди – не твои пути. Ты сама – единственная тюрьма, единственная клетка. Отбрось свое “я”, и вместе с твоим “я” будет отброшено все остальное. А то, что останется, будет просто прохладным ветерком, овевающим белую луну.

Прежде чем мы отправимся на поиски хозяина, чтобы сделать гостя немного легче, не таким тяжелым, не таким серьезным... Потому что это мое абсолютное и категорическое убеждение: серьезный никогда не достигнет хозяина. Только несерьезный, игривый ребенок может достичь внутреннего. Серьезный всегда остается снаружи. Чем больше серьезности, тем больше дистанция. Я хочу научить вас любить и смеяться, чтобы вы смогли войти в хозяина.

Нэнси Рейган серьезно больна, и Рональд посылает за доктором. Доктор мчится в комнату больной и через минуту выходит с просьбой принести клещи. Рейган озадачен, но не решается задавать лишних вопросов и находит клещи.

Еще через минуту врач высовывается из двери и спрашивает: “У вас есть молоток?” Еще более озадаченный Рейган устремляется на поиски молотка и приносит его. Через пять минут доктор выходит голый по пояс, по его телу струится пот. Он спрашивает: “А топор есть?”

Рейган не выдерживает.

– Ради Бога! – кричит он. – Сначала вы просите клещи, потом молоток, а теперь топор. Что, черт побери, вы делаете с Нэнси?

– Пока ничего, – отвечает доктор. – Я не могу открыть саквоаж!

Француз, американец и Ковальский едут охотиться на медведя. В первый же вечер француз возвращается в лагерь с огромным медведем. Его товарищи спрашивают, как ему удалось его поймать.

– Просто, – отвечает француз. – Я увидел следы. Я пошел по ним. И – ба-бах! Я застрелил медведя!

На следующих вечер американец приходит в лагерь с огромным медведем.

– Я увидел следы, как француз, – сказал он. – Я пошел по ним. И – ба-бах! Медведь – мой.

На третий вечер чуть живой Ковальский приползает в лагерь, весь исцарапанный и окровавленный.

– Что с тобой случилось? – спрашивают его охотники.

– Я увидел следы, – стонет Ковальский. – Я пошел по ним. И – ба-бах! Меня сбил поезд! (В англ. языке – игра слов: track означает и “след”, и “колея, рельсовый путь”.)

Рональд и Нэнси Рейган принимают в Белом доме арабского нефтяного миллионера принца Абдуллу.

После того, как принцу показали его комнату, он звонит Рональду и говорит:

– Эй, Ронни, пришли мне проститутку!

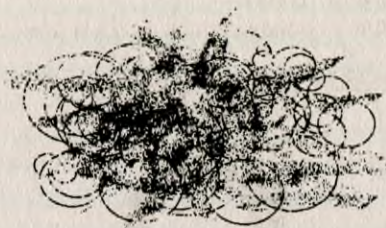
Нэнси слышит это. Она шокирована и требует, чтобы Рональд вышвырнул его из дома, но Ронни боится. Тогда она кричит:

– Тогда я вышвырну этого ублюдка!

Через несколько минут Рональд слышит крики, проклятия и звуки ломающейся мебели. Наконец, принц Абдулла заходит в кабинет Рональда. Его лицо исцарапано, а рубашка изодрана в клочья.

– Ну и ну! – говорит принц. – Что за упрямую старую ведьму ты мне прислал! Но я ее все равно трахнул!

А теперь, Ниведано, ударь...

Ниведано...

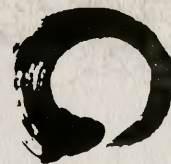

Будьте безмолвны, закройте глаза,
почувствуйте, что ваше тело замерзло.
Пусть гость пойдет навстречу хозяину.
Ваш внутренний центр недалеко –
всего лишь один шаг.
Не бойтесь, вы входите
в свой собственный дом.
Вы забыли путь,
вы забыли язык,
вы были снаружи достаточно долго.
Птица была в клетке
много, много лет, но сегодня
птица расправляет свои крылья
и свободно летит во внутреннее небо,
которое и есть ваш истинный дом.
В этой тишине вы – будда.
Помните это.
Пусть память об этом следует за вами, как тень,

весь день.

Мало-помалу она станет
вашим дыханием, вашим пульсом.
Будде не нужно поклоняться,
буддой нужно стать.
Нет никакого поклонения, никакой молитвы, кроме этого.
Вам не нужны никакие священники,
вам не нужны писания,
вам не нужно состоять ни в какой религиозной организации,
вы должны просто быть собой –
безмолвно, спокойно обосновавшись в своем доме.

Сделай это более ясным и прозрачным,
Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя, как будто тело отброшено,
ум забыт.
Есть только запредельное,
только легкий ветерок, овевающий белую луну.
Вы – благословенные на этой земле,
в это мгновение.
В этой тишине, в этот момент, здесь и сейчас,
вы становитесь невинными;
вы можете сказать: “Я не знаю”.
Вы становитесь такими благодарными, что вся ваша жизнь
становится простой благодарностью,
благодарностью целому –
рекам, горам, океану, облакам,
просто благодарностью без объекта.
Это – экзистенциальное послание дзен,
это – алмазная молния.
Вы пришли домой.
Гость встречается с хозяином.

Ниведано...

Вернитесь, но не теряйте
то, что вы испытали, запомните это.
Несколько секунд посидите как будда,
напоминая себе
о пространстве, которого вы коснулись,
о лотосах, которые распустились в вас,
о небесах, которые стали вашим домом.
Радуйтесь этому, и тогда этот миг
станет вашей вечностью.
Кроме этого опыта, нет иного Бога,
нет иной религии.
Тот, кто знает, пришел домой,
он расцвел тысячью способами,
потому что каждый должен расцвести
собственным уникальным способом.

- О'кей, Маниша?
- Да, Ошо.
- Можем мы праздновать так много будд?
- Да, Ошо.

МА-ЦЗЫ: ПУСТОЕ ЗЕРКАЛО

*Посвящается Свами Сардару Гурудаялу Сингху - единственному человеку в
мире, который смеется еще до того, как шутка произнесена.*

Вот это доверие!

ЗЕРКАЛО

Наш возлюбленный Учитель!

Когда Нангаку впервые увидел Ма-цзы, он сразу же интуитивно признал его сосудом дхармы.

Нангаку пришел к Ма-цзы в его келью, где тот медитировал, и спросил его:

– Что Ваше Почтение стремится достичь, практикуя сидение в медитации?

– Достичь состояния будды, – ответил Ма-цзы.

Тогда Нангаку поднял кусок кирпича и начал шлифовать его об скалу перед кельей Ма-цзы.

– Для чего ты шлифуешь кирпич? – спросил Ма-цзы.

– Я хочу превратить его в зеркало.

Позабавленный этим, Ма-цзы сказал:

– Как можешь ты надеяться отполировать кусок кирпича так, чтобы он стал зеркалом?

– Если кусок кирпича не может превратиться в зеркало, то как ты можешь высидеть из себя будду?

– Что же я тогда должен делать? – спросил Ма-цзы.

Нангаку ответил так:

– Погрузи сундук на повозку, запряженную быком. Если повозка не сможет сдвинуться, кого будешь ты погонять кнутом: повозку или быка?

Ма-цзы не произнес ни слова.

– Сидя в медитации, стремишься ли ты имитировать позу Будды, или ты хочешь изучить сидение дзен? – спросил Нангаку. – Если первое, то у Будды не было постоянной фиксированной позы; если второе, то дзен не состоит в сидении или лежании. Дхарма существует вечно, но никогда не обитает в чем-либо конкретно. Поэтому ты не должен ни привязываться к какой-то одной ее части, ни отказываться от других частей. Сидение в позе Будды – это убийство Будды. Если ты привязан к какой-то одной позе, то это значит, что ты не понял сущностного принципа.

Маниша, мы начинаем новую серию бесед: “Ма-цзы: пустое зеркало”. Ма-цзы также известен под именем Басо, но я не использую это имя, чтобы не путать его с японцем Басе – великим мистическим поэтом дзен, которому будет посвящена следующая серия наших бесед. К тому же для Ма-цзы это имя подходит больше, чем его более популярное имя Басо.

Прежде чем обсуждать сутры, настоятельно необходимо сообщить некоторые биографические данные о Ма-цзы, поскольку он мало известен миру. Он – один из тех несчастных гениев, которых мир любыми путями стремится игнорировать, забыть о том, что они когда-либо существовали. Одна только мысль о том, что такие люди существуют, всегда сильно ранит эго толпы. Это приносило вред всем гениям, потому что само существование гениев низводит вас до человека второго сорта. Каждый просветленный Учитель служит доказательством того, что вы живете во тьме, и что вы должны трансформировать свою тьму в жизнь и свет.

Это выглядит как некая великая задача – это не так, но это кажется великой задачей – трансформировать вашу слепоту в ясность восприятия, трансформировать вашу темноту в прекрасный утренний свет. Это простая вещь, может быть, простейшая вещь в мире, но именно потому, что она проста, она не доходит до ума. Ум склонен к великим вещам. Желание, скрытое за каждым движением ума – быть чем-то особым. Но, в действительности, вы можете стать чем-то особенным только особыми достижениями.

Проблема же с дзеном состоит в том, что он стремится к тому, чтобы вы были не особыми, а, наоборот, предельно простыми. Он выступает против самих желаний ума. Эти желания – не какой-то мелкий феномен – это миллионлетние желания, которые каждый несет на себе через множество жизней. Ум не может понять, почему нужно быть простым, если можно быть особенным, почему нужно быть смиренным, если вы можете быть сильным. Ум отягощен, это тяжкий груз прошлого. А когда ум видит человека смиренного, простого, естественного, будду, он сразу же осуждает его, потому что такой человек выступает против всех построений человеческого ума.

И, в некотором смысле, ум прав. Чтобы стать буддой, вы отбросите ум полностью, вы должны будете стать пустым зеркалом.

Ма-цзы родился в Китае в 709 году. Он был наиболее заметной фигурой в истории дзена после шестого патриарха Эно. Эно говорил Нангаку, которому потом было суждено стать учителем Ма-цзы, о пророчестве, согласно которому Нангаку будет иметь ученика, подобного горячей молотой лошади и попирающего весь мир. В имени Ма-цзы “Ма” по-китайски означает “лошадь”.

В детстве Ма-цзы вступил в местный монастырь; еще не достигнув и двадцатилетнего возраста, он стал давшим обет монахом.

Он родился гением, о нем были даже пророчества у других учителей дзена, – что он не будет восприниматься как некое законченное явление, что у него будет возможность стать великим Учителем, – и пророчества исполнились.

Иногда бывает, что Учитель, глядя на ребенка, еще не испорченного влиянием общества, видит его потенциальную чистоту. И вот что другой великий Учитель, Эно, сказал Нангаку.

Эно был шестым патриархом, шестым великим Учителем после Бодхидхармы. Он сказал Нангаку: “Этот ребенок станет великим Учителем, заботясь о нем”. И действительно, Ма-цзы стал не только великим Учителем, но и вторым наиболее важным Учителем после самого Эно. Пророчество Эно исполнилось даже в большей степени, чем тот ожидал. Ма-цзы проявил себя еще более великим Учителем, чем было предсказано пророчеством.

Но его странная судьба заключается в том, что он не известен миру. Возможно, потому, что он слишком опередил свое время; возможно, потому, что он был далек от заурядности толпы; может быть, потому, что его путь обучения был настолько тонок, что обычный ум был не способен постичь его.

Какой бы ни была эта причина, мы воскрешаем имя Ма-цзы и хотим, чтобы он занял в истории сознания то место, которое по праву ему принадлежит.

Перейдем к истории, которую привела Маниша:

Когда Нангаку впервые увидел Ма-цзы, он сразу же интуитивно признал его сосудом дхармы.

Учитель – это ясность и прозрачность, и он видит вещи, которые вам невидимы. Ваша потенциальность – это нечто очень скрытое, невидимое, это тайна вашего бытия. Но для Учителя это открытая книга, и он может читать ее. Иметь такого Учителя, который может увидеть вашу потенциальность и может помочь вам расти – в соответствии с вашей потенциальностью, а не в соответствии с его идеологией, – это величайшее благо, которое только может быть.

Когда Нангаку впервые увидел Ма-цзы, он сразу же интуитивно признал его сосудом дхармы.

Это метафора. Слова “сосуд дхармы” должны говорить о том, что он станет присутствием, которое будет посылать вокруг себя как бы некое излучение. Люди будут приходить за тысячи миль, притягиваемые неведомой силой, подобной земному притяжению, не зная даже, почему и зачем они были притянуты к некой личности. Они поймут что-то только тогда, когда достигнут этого человека: почувствуют его энергию, утолят свою жажду. Тогда они поймут, что некая тонкая сила притянула их к этому человеку для того, чтобы их предназначение исполнилось.

Так, несколько дней назад я узнал, что деревья могут чувствовать воду. Ученый, который изучал это явление, был поражен таким фактом: деревья росли в безводной местности, и только в семидесяти метрах проходила водопроводная труба. Деревья тянули свои корни к трубе, постепенно разрушая ее и получая влагу. Ученый был озадачен – как дерево смогло узнать о водопроводной трубе, расположенной в семидесяти метрах, и тянуть свои корни именно к трубе, а не в другом направлении?

Дерево не может жить без воды. Несомненно, у него должна быть какая-то особая чувствительность, особое знание о том, где искать воду, даже если вода – внутри трубы, расположенной на расстоянии двести футов.

Такая же ситуация и с вами, если, конечно, ваши поиски истины искренни, а не вызваны просто любопытством. Однажды вы начинаете притягиваться к некому месту за тысячи миль от вас, где ваша жажда сможет утолиться. Существование создает жажду только после того, как оно создало воду для утоления жажды. Если есть ученики, искатели и жаждущие истины, то существование сделает так, что они найдут учителя, который сможет увидеть в них их возможное будущее и сможет помочь им быть самим собой.

Учитель не имеет идеологии, учитель – это не миссионер, он не программирует вас. Наоборот, он депрограммирует вас, убирая прочь ваши идеологии, ваши предубеждения, ваш ум таким образом, что чистая пустота вашего бытия начинает расти.

Настоящие Учителя исчезли, весь мир этих прекрасных поисков истины стал воспоминанием. Иногда кто-то думает, что, наверное, все эти будды, давно исчезнувшие из нашего обыденного мира, – просто игра воображения.

Но смысл вашего пребывания здесь – возродить эту драгоценную жажду, вернуть в мир огонь поиска истины – и я пытаюсь подходить с разных сторон, используя различные подходы к истине, в надежде на то, что нечто в вас сможет сработать, и откроются двери, которые были закрыты годами, столетиями.

Нангаку пришел к Ма-цзы в его келью, где тот медитировал, и спросил его:

– Что Ваше Почтение стремится достичь, практикуя сидение в медитации?

Заметьте это: Нангаку был уже признанный Учитель, а Ма-цзы – молодой ученик, но Нангаку обратился к нему “Ваше Почтение”. Для Учителя в вашем настоящем видимо ваше будущее. Видя вас, он знает, что однажды вы сможете стать буддой. И неважно, займет это несколько дней, несколько лет или несколько жизней. Потому-то Нангаку и обратился к ученику “Ваше Почтение”, что мог видеть его потенциальную возможность стать буддой.

Это напоминает мне историю о том, как Гаутама Будда в своей прошлой жизни, когда он еще не был буддой, услышал о великом Учителе, достигшем просветления. Он отправился посмотреть на этого Учителя – просто из любопытства, чтобы выяснить, что такое просветление и как оно изменяет человека.

Он прикоснулся к ногам этого человека, хотя совершенно не собирался делать этого; но когда Гаутама вошел в энергетическое поле этого Учителя, то вдруг спонтанно, без намерения, коснулся его ног. Гаутама удивился, почему он коснулся ног этого человека, ведь он пришел совсем не для того, чтобы стать учеником. Но все пространство, вся атмосфера вокруг... И что-то в его сердце начало бить, как колокол – возможно именно то, что без всякого сознательного намерения привело его в дом того человека.

Совершенно бессознательно он коснулся ног этого человека. Это было чудом для Гаутамы, потому что он никогда не касался чьих-либо ног. Он не был человеком веры, а был просто любящим поспорить юношей. Это был странный поступок, но еще более странным было то, что когда он стоял перед Учителем, тот коснулся его ног.

Гаутама спросил: “Что ты делаешь? Во-первых, я не имел ни мысли, ни намерения коснуться твоих ног, – но это случилось. Я просто наблюдал, как это случилось помимо меня. А сейчас ты касаешься моих ног! Но я никто, я не знаю даже азбуки просветления и пришел я сюда просто из любопытства”.

Учитель сказал: “Ты можешь и не знать, что содержится в твоём семени, но я знаю это. Я могу видеть, что однажды ты станешь буддой.”

Вчера и я не был буддой, сегодня я будда. Сегодня ты не будда, завтра ты будешь буддой. Разница во времени не имеет никакого значения”.

Нангаку спросил Ма-цзы, медитировавшего в своей келье:

– Что Ваше Почтение стремится достичь, практикуя сидение в медитации?

– Достичь состояния будды, – ответил Ма-цзы.

Ясно, что буддовость не может быть достигнута – она есть всегда, это уже ваша природа. Если вы будете пытаться достичь ее, вы упустите ее. Вам нужно просто расслабиться и заглянуть внутрь самого себя – будда всегда там во всем своем абсолютном великолепии.

Использование слова “достигать” означает, что что-то должно быть сделано, что вы должны идти куда-то. В этом – возможность неудачи. Вы можете достичь цели, но можете и не достичь. Сама идея “достижения” – от внешнего, объективного мира, мира богатства, славы, власти...

Но буддовость – это не достижение, это просто воспоминание – как будто вы позабыли что-то и вдруг в безмолвном расслабленном состоянии вы вспоминаете это.

Я думаю, каждому из вас знакомо ощущение, когда вы знаете, что что-то знаете, и кажется, что это – уже на кончике языка, но вы не можете вспомнить. Тогда начинает расти странное ощущение. Вы знаете чье-то имя – вы абсолютно уверены, что знаете это, вы можете закрыть глаза и увидеть этого человека, и имя его уже на кончике языка, – но вы не можете вспомнить.

Это очень странное чувство: вы знаете нечто, и знаете, что знаете – и все равно не можете выразить, и чем больше вы стараетесь, тем более трудным это кажется.

Причина в том, что каждая попытка делает ваш ум напряженным, а чем более он напряжен, тем больше он становится закрытым. Что нужно делать в таком случае? Пойдите в сад и начните обкапывать или поливать растения. Забудьте об этом человеке, имя которого сидит у вас на кончике языка. Выплюньте его и займитесь чем-то простым – например, поливкой роз. Пока вы будете поливать розы, ум начнет расслабляться. Закрытость начнет раскрываться и внезапно, из ниоткуда, имя всплывет на поверхность.

Пока вы предпринимали попытки, это было невозможно. Но когда вы отбросили попытки достижения чего-то, когда вы просто отбросили саму идею достижения чего-то, тогда оно само приходит вам в руки.

Точно так же – быть буддой.

Все, чему я вас учу – это не философия; это не может быть названо даже учением. Я просто помогаю вам расслабиться в такой точке, где вы сможете вспомнить то, что полностью забыли.

Это воспоминание заставит вас осознать свою буддовость.

Такое воспоминание не может быть названо “достижением”, потому что буддовость всегда внутри вас, следовательно, и слово “достижение” не подходит. Но отнесемся со снисхождением к ответу Ма-цзы. Он не знает точно, что такое буддовость, он просто чувствует, что это нечто, что может быть найдено, это нечто, что упущено в его жизни, что может придать ей смысл и значительность.

Употребленное им слово “будда” просто означает, что он ищет осознанности. Но поскольку он не знает, что то, что он ищет – внутри него, то для него представляется возможным употреблять слово “достижение”. Но хотя он и употребил неверное слово, его стремление является правильным, и ему простительно это, потому что он еще только ищущий, он пока еще не Учитель.

Тогда Нангаку поднял кусок кирпича и начал шлифовать его об скалу перед кельей Ма-цзы.

– Для чего ты шлифуешь кирпич? – спросил Ма-цзы.

Этот отрывок дает вам возможность хоть немного почувствовать, как учителя дзен были неповторимы в попытках пробудить учеников. Это

спонтанный путь, хотя и странный, потому что никто не делал этого ни до того, ни после. Только Нангаку делал это...

– Для чего ты шлифуешь кирпич? – спросил Ма-цзы.

– Я хочу превратить его в зеркало.

Позабавленный этим, Ма-цзы сказал:

– Как можешь ты надеяться отполировать кусок кирпича так, чтобы он стал зеркалом?

– Если кусок кирпича не может превратиться в зеркало, то как ты можешь высидеть из себя будду?

“Как можешь ты, оставаясь собой, сидя здесь в келье, стать буддой? Ни кирпич не может превратиться в зеркало, ни ты не можешь сидением превратиться в будду. Ты можешь принять позу, подобную позе будды – такую же позу лотоса, – но просто сидеть так, как он, еще не значит стать им. Твои попытки так же беспомощны, как и мои попытки сделать из кирпича зеркало”, – вот смысл слов Нангаку.

Он говорит, что вы не сможете стать подобным зеркалу, только лишь шлифуя свой ум. Что вы делаете здесь? Только лишь шлифуете свой ум и пытаетесь сделать из него зеркало. Будда – это просто зеркало, будда просто отражает, он не реагирует. Он всегда пуст, как зеркало. Вещи проходят перед зеркалом и уходят, но на зеркале они не оставляют никакого следа.

– Что же я тогда должен делать? – спросил Ма-цзы.

Нангаку ответил так:

– Погрузи сундук на повозку, запряженную быком. Если повозка не сможет сдвинуться, кого будешь ты погонять кнутом: повозку или быка?

Ма-цзы не произнес ни слова.

– Сидя в медитации, стремишься ли ты имитировать позу Будды, или ты хочешь изучить сидение дзен? – спросил Нангаку. – Если первое, то у Будды не было постоянной фиксированной позы; если второе, то дзен не состоит в сидении или лежании. Дхарма существует вечно, но никогда не обитает в чем-либо конкретно.

Дхарма не имеет специальной формы и специального места; она существует в различных формах. Вы не можете найти ее ни в какой-либо форме, ни в каком-либо теле, ни в какой-либо позе. Вы должны будете заглянуть внутрь. Ее можно обнаружить только в пустоте, потому что пустота не может сидеть, вставать или ложиться. Пустота – это просто пустота, она всегда пуста. Это единственная вещь, которая является вечной – ваше пустое сердце.

Дхарма существует вечно, но никогда не обитает в чем-либо конкретно. Поэтому ты не должен ни привязываться к какой-то одной ее части, ни отказываться от других частей. Сидение в позе Будды – это убийство Будды.

В этом все величие дзен, откровенно называющего вещи своими именами. Нет другой религии, обладающей такой смелостью.

Нангаку говорит Ма-цзы: *Сидение в позе Будды – это убийство Будды.* Не совершайте убийства...

Гаутама Будда говорил своим ученикам перед смертью: “Не делайте моих статуй, потому что это будет неправильно воспринято людьми. Они могут подумать, что если принять такую позу, то можно стать буддой”.

Но кто слушает его? Сегодня статуй Будды больше, чем статуй кого-либо другого. Так, в языках типа арабского, персидского, урду – а мусульмане против статуй – статуя обозначается словом “будт”, а “будт” происходит от “будда”. В санскрите слово “будда” происходит от “буддх” – “быть осознающим”. Из “буддх” очень легко сделать “будт”.

Это произошло потому, что мусульмане прошли мимо большого количества статуй Будды, чем кто-либо другой. Везде, где они проходили, они разрушали статуи. Они разрушили прекрасные произведения искусства. Но быть противником изваяний – это не значит, что вы должны разрушать статуи.

В этом вы можете увидеть, как бессознательный ум бросается из одной крайности в другую. Гаутама Будда говорил: “Не делайте моих статуй, потому что люди могут подумать, что одним только сидением в позе лотоса они могут стать осознанными. Воспринимайте это таким образом: осознание не имеет формы, вы должны обнаружить его внутри себя, но не в статуе Будды. Не отвлекайтесь на внешние формы: человеческий ум таков, что он готов отвлекаться на что угодно и привязываться к чему угодно...”

Я слышал о буддийской монахини, имевшей свою маленькую статую Гаутамы Будды из чистого золота. Она возила статую с собой, когда путешествовала от монастыря к монастырю. Проблема была в том, что каждое утро ей нужно было поклониться статуе Будды, и она должна была воскурять фимиам, но фимиам нельзя было направить, и он шел к другим буддам в храме. Это было очень плохо – ее собственный будда сидел здесь, а фимиам и благовония, которые она приносила в жертву, уплывали к другим буддам.

Это привычная картина – застывшие храмы со многими буддами. А монахиня так сильно привязалась к своей статуе, что это стало для нее проблемой: ее будда и другие будды... Наконец она нашли способ сделать так, чтобы ее фимиам достигал именно ее будды – ведь она приносила благовония в жертву специально своему будде, а другие будды забирали его.

Она взяла маленькую пустую бамбуковую трубку и держала ее в своей курительнице благовоний так, чтобы направлять аромат через пустотелый бамбук прямо к носу своего собственного будды.

Но тогда возникла другая проблема: нос ее будды быстро закоптился. Монахиня была шокирована – золотой Будда, прекрасный золотой Будда – с черным носом, как негр. Конечно, это никуда не годилось.

Она стала расспрашивать старых монахов: “Что делать? Ведь если убрать бамбук, то кто его знает, куда пойдут благовония? Они пойдут ко всяким другим буддам, но я же воскуриваю их именно для своего будды. Но из-за этого бамбука нос и часть лица будды закоптились. Что мне делать?”

Монах, которого она расспрашивала, рассмеялся и сказал: “Ты глупа, женщина. Неужели ты не понимаешь такой простой вещи, что все будды – это одно и то же, это статуи одной и той же личности. Ты привязалась к своему будде, но ведь суть учения Будды – непривязанность ни к чему.

Это совершенно верно. Будда показал, что всякая привязанность делает нас загрязненными. Остерегайся этого! Пойди к золотых дел мастеру, и он сможет почистить и отполировать твоего будду. Но в будущем думай лучше о настоящем Будде! Никакого идола! Даже того, до которого дошли воскуриваемые тобой благовония, которые он, может быть, и заслужил! Все были бы счастливы, если бы их жертвоприношения доходили до кого-нибудь, но все эти статуи изображают одну и ту же личность”.

Буддисты, последователи Будды, не услышали его последних слов: “Не делайте моих статуй. Пусть меня представляют бесформенным. Только аромат, а не цветок”.

И это другая крайность. Мухаммед был против статуй, потому что если вы поклоняетесь статуе... Это камень, а поклонение камню – препятствие для поклонения Богу. А все препятствия должны быть устранены.

Это, конечно, хорошо, что кто-то был готов убирать эти препятствия, но мусульмане стали устранять другое – вся их история стала историей разрушения статуй, и они забыли о Боге.

Не поклонением статуям и не разрушением статуй вы можете достичь состояния будды – вам нужно идти внутрь, вовне нет ничего, что может дать вам вечное, предельное, истину, которая сможет удовлетворить вашу жажду.

Сидение в позе Будды – это убийство Будды. Если ты привязан к какой-то одной позе, то это значит, что ты не понял сущностного принципа.

Сущностный принцип никогда не бывает объективным. Он – ваша субъективность. Сущностный принцип не имеет формы. Он – абсолютная пустота, это зеркало, оно только отражает и не делает никакой оценки – хорошее или плохое, прекрасное или уродливое.

Ци Синь писал так:

*Я обладаю потенциальностью,
которая видна проблесками.*

*Тот, кто не понял этого,
не может быть назван монахом.*

Это относится к вам точно так же, как это относилось к ученикам Ци Синя. Я обладаю потенциальностью, которая видна проблесками. Это не какое-то далекое от вас явление. Просто закройте глаза и безмолвно смотрите внутрь, и оно – здесь. Оно здесь вечно, ждущее вас, ждущее, когда вы вернетесь домой.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Учитель!
Являемся ли все мы, десять тысяч будд, потенциальными сосудами дхармы?*

Маниша, если говорить о потенциальных сосудах дхармы, то никто не может быть исключением. Все вы, как и каждый будда, имеете некоторый потенциал, некоторые высочайшие пики сознания. Вам нужно идти внутрь себя и найти ваши сокровища. Вовне же вы – нищие, каждый из вас не более чем нищий.

Александр Македонский пришел в Индию через три столетия после того, как Будда умер. Он хотел встретить какого-нибудь Учителя. Имя и слава Будды достигли далеких берегов – даже Греции и Афин. Учителем Александра был Аристотель, отец западной логики. Аристотель говорил ему: “Ты пойдешь завоевывать мир. Ты должен достичь Индии. Я не прошу, чтобы ты привез мне оттуда подарок – лучше встретить там просветленного Учителя. Я много слышал о том, что там есть такие, но мне это казалось невозможным. Кроме того, поскольку я логик, я не могу допустить что-либо, пока оно не будет рационально обосновано, с аргументами и доказательствами!”

Возвращаясь, Александр вспомнил, что он должен был встретить Учителя. Он расспросил людей, и они сказали ему: “Это очень трудно. Даже если бы ты нашел Учителя, мы не думаем, что ему было бы приятно отправиться с тобой в Грецию”.

На это Александр ответил: “Не беспокойтесь об этом. Если бы я захотел взять Гималаи в Грецию, то я и это смог бы сделать”.

Наконец он нашел Учителя. Многие люди говорили: “Да, этот человек, живущий голым на той стороне реки – несомненно, достигший”. Александр добрался до этого человека и, вынув меч, сказал: “Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Тебе будет обеспечен царственный прием, и все возможности будут предоставлены тебе. Ты будешь гостем царя, и тебе не нужно будет беспокоиться ни о чем. Я хочу, чтобы ты отправился со мной в Грецию, потому что мой Учитель хотел бы увидеть просветленного.

Старик засмеялся и сказал: “Во-первых, спрячь свой меч в ножны. Таким способом ты не встретишь Учителя. И слезь с коня!”

Александр никогда не слышал таких властных слов, да еще от голого человека, у которого не было ничего. А человек сказал: “Ты мог завоевать весь мир, но тебя остановил нищий. А сейчас ты спрашиваешь меня пойти

с тобой. Однако я пришел к точке, где нет движения. Я не пойду никуда, потому что я никогда никуда не хожу. Я всегда здесь и теперь. Время остановилось. Ум остановился...”

Александр очень рассердился. Он сказал: “Я отрублю тебе голову, если ты не пойдешь со мной”.

“Это хорошая мысль, – ответил старик. – Ты можешь забрать мою голову, потому что меня ты взять не можешь. Н запомни, если ты отрубишь мою голову и будешь наблюдать, как она падает на землю, я тоже буду свидетелем этого. Свидетельствование – вот мой секрет. Передай это своему Учителю – и можешь забирать мою голову”. Довольно трудно, однако, забрать голову у человека, который ничего не боится.

Александр сказал: “Я уйду без Учителя”, на что старик ответил ему: “Передай своему Учителю, что просветление не есть нечто такое, что можно принести извне. Ты не можешь привезти его откуда-то – ты можешь только достичь его сам. Отбрось всю логику, всю рациональность, весь ум и иди внутрь так глубоко, как сможешь. В конце своих поисков ты найдешь будду. Идти же с тобой в Грецию мне совершенно бесполезно. Я, может быть, и не отказывался бы, потому что мне все равно, где находится, – но, видя меня, видишь ли ты во мне просветление? И будет ли твой Учитель способен увидеть во мне просветление? Чтобы увидеть просветленного, тебе самому нужно хоть немного пережить опыт просветленности, медитативности. Впрочем, я не думаю, что медитация сможет войти в сознание людей Запада”.

Странно, но даже сегодня, двадцать четыре столетия спустя после Александра, медитация осталась чисто восточной идеей. Она сохранилась только на Востоке, где люди стремятся к внутреннему.

Я же пытаюсь распространить этот огонь по всему миру, разрушить различия между Востоком и Западом, которые были созданы искусственно. Все вы возьмете огонь медитации и унесете в свои страны. Просто начните, а потом этот огонь уже превратится в огромное пламя.

Нет другого пути, кроме медитации, чтобы узнать свою сущность – в ее чистоте, в ее совершенной непорочности, подобную чистому зеркалу. Все вы сосуды дхармы, основного принципа. Вы можете узнать его в себе, вы можете не узнать его. Все вы несете это, все вы беременны этим; а дадите вы этому родиться или нет – это уже другое дело. Просто расслабьтесь, немного взгляните внутрь – и двери необъятной потенциальности приоткроются. Вы больше не нищие, без завоевания мира вы овладеете всей Вселенной.

Овладейте только своей сущностью!

Дожди пришли, чтобы услышать ваш смех. *(Громкий знакомый смех раздается в дальней части аудитории).* А Сардар Гурудаял Сингх уже начал...

Трое детей саньясинов встретились в ашраме и начали разговаривать.

– Знаете, – сказал мальчик из Германии, – мой дядя священник, и все люди называют его “Святой отец”.

– Это что, – сказал мальчик из Японии, – мой дедушка – учитель дзен, и даже император касается его ног.

– Это все, ребята, ерунда, – сказал мальчик из Штатов, – моя мать весит триста фунтов, и когда она идет по улице, люди, взглянув на нее, восклицают “Мой Бог!”

У папаша Фигнера были некоторые проблемы с шестнадцатилетней блондинкой и полицией. Он немедленно обратился к своему адвокату, Борису Бабблбрейну.

– Если ты выиграешь дело, – сказал Фингер, – я дам тебе тысячу долларов.

– О’кей! – сказал Бабблбрейн, – найди свидетелей!

Среди своих дружков папаша Фингер нашел себе в свидетели двух старых алкоголиков и одну сумасшедшую старуху; свидетели рассказали нужную историю, и Фингер выиграл дело.

– Я выиграл твое дело, – сказал Бабблбрейн, – как насчет тысячи долларов?

– О’кей! – сказал папаша Фингер, – только найди свидетелей!

На изысканном коктейле в Голливуде шейх Али Баба, баснословно богатый нефтяной миллионер, встретил Бренду Бабблбрейн и безумно влюбился в нее.

Шейх обратился к ее мужу Борису, адвокату, и, отведя его в тихий угол, сказал:

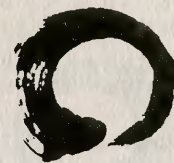
– Я должен переспать с вашей женой. В качестве компенсации я дам столько золота, сколько она весит.

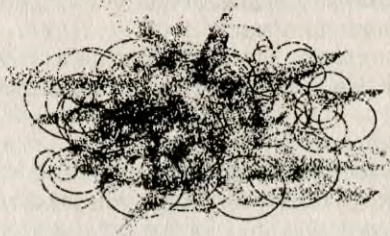
Борис поколебался, а потом сказал, что ему нужно несколько дней.

– Вы хотите обдумать, стоит ли это делать? – спросил обеспокоенный Али Баба.

– Нет-нет! – воскликнул Борис, – я просто хочу откормить ее, чтобы она весила побольше!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвными.
Пусть ваше тело полностью застынет.
Закройте глаза и посмотрите внутрь себя
с такой настойчивостью и тотальностью,
какая только возможна.
Глубже и глубже...
Вы вступаете в то пространство,
которое мы называем "пространством будды".
Этот прекрасный вечер может стать
величайшим радикальным изменением
всей вашей жизни.
Если вы будете достаточно смелыми,
чтобы войти в это пространство – как стрела,
в самый центр вашего бытия,
где вы только свидетель, пустое зеркало...

Ниведано, сделай это более понятным...

Расслабьтесь.
Наблюдайте: тело – это не вы, ум – тоже не вы.
Только наблюдатель, только свидетель – это вы.
Это свидетельство – ваша вечность.
С этим свидетельствованием приходят все экстазы,
все блаженства,

которые существование предлагает вам.
Чем глубже в себя вы погружаетесь,
тем больше становитесь просто наблюдателем –
все более безмолвным, все более умиротворенным.
Это – величайшее событие.
Каждый вечер вы будете погружаться
немного глубже в свою буддовость.
Осмотрите это пустое пространство внутри себя.
Когда вы вернетесь
из этого внутреннего путешествия,
вам нужно будет помнить об этом пространстве
все двадцать четыре часа в сутки.

Ниведано...

Возвращайтесь назад – но возвращайтесь как будды:
умиротворенными, безмолвными, изящными,
полными блаженства.
Присядьте на несколько минут,
будучи просто как зеркало,
вспоминая свой внутренний мир,
собирая эти переживания так,
чтобы они стали как бы скрыто присутствующими
в вашей повседневной жизни.
Я не хочу, чтобы кто-либо бежал от жизни,
я бы хотел сделать жизнь для всех более богатой,
более блаженной, более экстатичной.
Я весь – для жизни,
потому что для меня только жизнь – это Бог.
"Будда" – другое название для жизни.

- О'кей, Маниша?
- Да, возлюбленный Учитель!
- Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?
- Да, возлюбленный Учитель!

ПОСЕЯННОЕ СЕМЯ

Наш возлюбленный Учитель!

После первых наставлений о значении дхармы, полученных от учителя Нангаку, у Ма-цзы появилось такое чувство, как будто он испил изысканнейшего нектара. Склонившись перед учителем, Ма-цзы спросил:

– Что должен делать человек, чтобы войти в гармонию с самадхи без формы?

Учитель ответил:

– Когда ты культивируешь путь внутреннего покоя, это подобно посеянному семени. Когда я излагаю тебе сущность дхармы, это подобно небесному ливню. Если ты восприимчив к учению, тебе суждено видеть Дао.

Ма-цзы снова спросил:

– Но если Дао за пределами цвета и формы, то как его можно увидеть?

Учитель сказал:

– Глаз дхармы твоего внутреннего духа способен воспринимать Дао. Так же и с бесформенным самадхи.

– Есть ли это все еще деяние и недеяние? – спросил Ма-цзы.

На это Учитель ответил:

– Если некто видит Дао с точки зрения деяния и недеяния или собирания и разбрасывания, то он не видит Дао по-настоящему. Слушай мою гатху:

*“Основание не-ума
содержит много семян,
которые все прорастут,
когда придут небесные ливни.*

*Цветок самадхи
за пределами цвета и формы.*

*Какие могут быть
еще перемены?”*

Когда эти слова были произнесены, Ма-цзы достиг истинного просветления, и его ум вышел за пределы мира явлений. Он сопровождал своего учителя целых десять лет, погружаясь за это время в медитацию все глубже и глубже.

Маниша, сам по себе великий учитель Нангаку работал на еще более великого учителя – Ма-цзы, который тогда еще был только семенем, держащим в себе великого будду.

Вы – тоже будды. Это ваше дело, если вы решили оставаться закрытыми. Тогда вы никогда не познаете свою предельную сущность как природу будды. Немного смелости, немного открытости, немного убрать оболочку семени – и будда начинает прорасти в вас.

Вы не можете обвинять климат – дожди пришли. Облака проникают даже в эту аудиторию, они проходят перед моими глазами. Облака столь плотны... но, странное дело: чем ближе облака, тем более напуганными становятся семена. Страх перед неизвестным, страх перед... ведь никто не знает, что случится с ним вовне. Будучи же скрытыми в скорлупе, семена чувствуют себя более защищенными, в большей безопасности.

Следуя пути дзен, вам предстоит изучить эти важнейшие слова: открытость, радость небезопасности – ведь зов неведомого постоянно пригласает вас. Это путь роста.

Большинство людей, которых Вильгельм Райх назвал “маленькими человечками”, так и умирает, оставаясь “маленькими человечками”, хотя их судьба вовсе не в том, чтобы быть такими. Райх был совершенно прав в отношении толпы, называя свою книгу “Слушай, маленький человечек”. Но он абсолютно заблуждался в том, что не смог увидеть скрытого в “маленьком человечке” величайшего будду.

Он просто осуждал “маленького человечка”, потому что “маленькие люди” осуждали его. Он был гений – не будда, конечно, но интеллектуальный гигант; и он был порицаем толпой. В итоге он был насильно помещен в сумасшедший дом... А он, между тем, говорил очень разумные вещи. Он указал на совершенно новые области, которые должны быть исследованы.

Но все те пугливые люди, страшющиеся неведомого, боящиеся утратить безопасность и опасющиеся за сохранность банковского счета, насильно поместили его в сумасшедший дом. А он не был сумасшедшим. За время пребывания в сумасшедшем доме он написал свои лучшие книги. Для всех было совершенно очевидно, что никакой он не сумасшедший, но политики, толпа и правительство сговорились упрятать его в психбольницу. Они насмеялись над его чрезвычайно ценными открытиями в области энергии человека. Естественно, он был сердит.

Когда он писал книгу “Слушай, маленький человечек”, это не исходило из его сострадания, это было механической реакцией на гнев. Ему причинили явный вред, и он, в конце концов, вполне мог осуждать их. Его книга очень удачна в описании “маленьких людей”. Но сущность “маленького человечка” – зерно, семя, потенциальность – Райх полностью заблуждался в своем гневе.

Он был слишком закрытым, чтобы стать просветленным. Но в своем гневе, в своей реакции он не смог понять ту позицию, с которой публика осуждала его, – сама его гениальность была достаточным поводом для осуждения. Им пришлось распять его, и это должно было пониматься как естественный ход вещей. Но он не смог принять это за естественный ход

вещей, он не смог понять, что подобное случается со всеми гениями, которые приоткрывают двери в бездну неведомого.

И по причине великого облака его гнева он был полностью слеп и не способен увидеть, что и маленький человечек – тоже будда, скрытый в его глубине в виде семени.

Нангаку наставляет Ма-цзы.

После первых наставлений о значении дхармы, полученных от учителя Нангаку, у Ма-цзы появилось такое чувство, как будто он испил изысканнейшего нектара. Склонившись перед учителем, Ма-цзы спросил:

– Что должен делать человек, чтобы войти в гармонию с самадхи без формы?

Первая вещь, которую нужно понять – значение слова “дхарма”. К несчастью, санскритское слово “дхарма”, или слово на языке пали “дхамма”, которое использовал Будда, – было ошибочно переведено теологами как “религия”, а учеными оно переводилось как “закон”, “высший закон”. Самое главное было упущено и теми, и другими.

“Дхарма” – это не религия. Если обратиться к значениям корней слов, то религия – это то, что вас связывает, а дхарма – то, что освобождает. Они абсолютно противоположны друг другу. Дхарма просто означает присущую вам природу. Она не описана в священных писаниях, и никто не сможет рассказать вам, какова ваша дхарма. Вам предстоит найти ее самим. Это величайшее достояние, даруемое индивиду существованием: что вы не должны жить заимствованным знанием. Живящий источник бытия струится совсем рядом. Почему бы вам не испить из него, утоляя свою жажду?

Ма-цзы говорит, что после того, как он понял учение о дхарме, у него было чувство, что он испил изысканнейшего нектара. Чем глубже вы погружаетесь в медитацию, тем больше вы приходите к вечному течению источника вашей жизни. Это чистый нектар, потому что он провозглашает ваше бессмертие, вашу вечность; он провозглашает, что смерти никогда не было и что она никогда не случится ни с кем. Человек просто сменит дом – он перейдет в другую форму или, может быть, в бесформенное существование.

Утверждение Ма-цзы о том, что он почувствовал, что испил изысканнейший нектар, показывает всю масштабность его постижения. Ведь он был еще так молод и неопытен в медитации. Впрочем, для вашей реализации возраст не имеет никакого значения. Это также не означает и то, что, достигнув старости, вам легче будет стать буддой. Наоборот, чем старше вы становитесь, тем труднее для вас становится отбрасывать ваши жизненные привычки, концепции и идеологию.

Всего два года назад папа-поляк посетил Индию, и для него было полной неожиданностью увидеть, что те бедняки и сироты, которые обратились в христианство, делают в своих церквях то же самое, что они делали до обращения – возжигают фимиам и приносят цветы в жертву Иисусу Христу. Папа не мог поверить, что священники в христианских церквях делают то же самое, что люди раньше делали в своих индуистских храмах. Вместо Кришны стал Христос, а все остальное осталось без изменения.

Священники сказали папе, что они были вынуждены пойти на уступки и компромиссы, потому что эти люди не воспринимают религии без цветов и благовоний, и папа признал, что для индийских христиан это нормально.

Когда вы стареете, вашу идеологию и убеждения изменить уже очень трудно, потому что они становятся затвердевшими. Когда старый человек становится твердым, то и все вокруг него становится твердым. Для проникновения в свою потенциальность лучшие условия возникают в детстве или в юности. Но весьма вероятно, что детство будет испорчено родителями и священниками.

Подлинная религиозность должна возлагать свои надежды на юность, потому что в юности есть некое бунтарство, что естественно для нее. В юности человек может восставать против всего без всякого чувства вины. Он может освободить свое сердце от старых писаний и мертвых изваяний, вызов неведомого волнует его сердце. Он хочет принять этот величайший в жизни вызов – позволить своему семени раскрыться неведомым небесам и ветрам, солнцу и дождю; он никогда не знает, что может произойти.

И нет никого, кто руководил бы семенем, и нет никаких инструкций, которые это семя могло бы прочесть. Семя рискует, прорастая вонне, и вам нужно было бы понимать, что риск этот немалый. Риск, равный риску смерти. Только тогда, когда семя умирает в почве, ростки потенциальности начинают пробиваться из него. Возможно, оно станет розой. Возможно, лотосом или другим цветком. Не в том дело. Дело в самом цветении, а не в названии цветка, дикий цветок так же прекрасен, как и самая драгоценная роза. Они братья, они на одном пути, который им обоим предстоит пройти к их цветению. Оба они наслаждаются радостью роста, оба они видят своими собственными глазами то, что было скрыто в их семени. Оба они предпринимаяют в одинаковой мере рискованные приключения.

Фактически, это смерть и воскресение. Семя умирает, а потом воскресает во множестве цветов, плодов, новых семян. Было же сказано, что одно единственное семя сможет сделать всю землю зеленой. Само растение не обладает такой потенциальностью, но это растение даст тысячи семян, а эти семена принесут тысячи новых семян.

Так одно семя может заполнить зеленью всю землю. Такая огромная потенциальная возможность в малом семени! И вы – живые, сознающие семена. Внутри вас есть вещь, наиболее драгоценная во всем существова-

нии, и это – сознание. Семя слепо пробивается из темноты, однако находит свой путь. Вы же сознательны. У вас есть немного света, но вы не сдвигаетесь из своего состояния, оставаясь “маленьким человечком”. Фактически, вы ненавидите всех тех, кто ушел к другому берегу, потому что их уход осуждает и вас, и вы понимаете, что не можете достичь исполнения своей собственной судьбы.

Склонившись перед учителем, Ма-цзы спросил:

– *Что должен делать человек, чтобы войти в гармонию с самадхи без формы?*

Учитель должен был бы сказать ему, что пока в абсолютном безмолвии вы не войдете в гармонию с существованием, вы не познаете дхарму – саму суть жизни и существования. То, что Ма-цзы спрашивает об этом – это нормально для честного искателя. Он преисполняется любви к сказанному учителем, он чувствует это как изысканнейший нектар, но он еще не верит этому. Остаются вещи, которые должны еще быть поняты. Вопрос Ма-цзы – это не вопрос ученика, это вопрос человека, который может стать Учителем.

– *Что должен делать человек, чтобы войти в гармонию с самадхи без формы?*

Он обрубает все лишние вопросы и переходит сразу к единственному существенному вопросу: как достигать самадхи без формы.

Самадхи – прекрасное в своем значении санскритское слово. Оно происходит от корня, означающего отсутствие вопросов и ответов, когда ваше безмолвие так глубоко, что у него нет вопросов. Эта непорочность, в которой остается только безмолвие, и называется самадхи. В самадхи вы находитесь в гармонии с пульсацией Вселенной. Только в самадхи можете вы стать единым с целым. Другого пути нет.

То, что мы каждый день делаем, называя “медитацией”, – движение к самадхи. Медитация – начало, а самадхи – конец. Вопрос Ма-цзы – вопрос потенциального будды. Он не спрашивает о второстепенном, а только о самом существенном.

Учитель ответил:

– *Когда ты культивируешь путь внутреннего покоя, это подобно посеянному семени. Когда я излагаю тебе сущность дхармы, это подобно небесному ливню. Если ты восприимчив к учению, тебе суждено видеть Дао.*

Дао по-китайски то же самое, что мы называем самадхи. Японцы называют это сатори, а китайцы – Дао. Может быть, Дао – лучшее из этих

выражений, потому что оно не является частью языка. Оно просто означает невыразимое, о чем вы можете знать, но не можете сказать; что-то, что вы можете переживать, но не можете объяснить. Это нечто, что вы можете выразить в танце, в песне, но вы совершенно не можете подобрать какое-то отдельное слово, передающее это. Вы можете быть этим; вы можете быть выразителем Дао, но вы не сможете сказать, что же есть то, выразителем чего вы являетесь.

Ма-цзы снова спросил:

– *Но если Дао за пределами цвета и формы, то как его можно увидеть?*

Вам нужно понять этот диалог очень глубоко, потому что он даст вам правильное указание на то, для чего это спрашивается. Есть тысячи вещей, о которых можно спрашивать, но сущностных вещей всего несколько, и если вы не начнете спрашивать о вещах сущностных, вы не придете к истине.

Поскольку Нангаку упомянул Дао, Ма-цзы немедленно спросил: “Если Дао за пределами цвета и формы, то как его можно увидеть?” – вы говорите, что, войдя в самадхи, вы увидите Дао”.

Учитель сказал:

– *Глаз дхармы твоего внутреннего духа способен воспринимать Дао. Так же и с бесформенным самадхи.*

Именно по этой причине Восток дал концепцию третьего глаза. Два наших глаза способны видеть только форму и цвет, но они не способны видеть бесцветное и бесформенное. Для бесформенного и бесцветного они слепы.

В самадхи вы закрываете глаза, и тогда новый способ восприятия, метафорически называемый “третьим глазом”, начинает проявляться в вас. Это новый способ восприятия, который может видеть то, что не могут видеть ваши внешние чувства.

“Глаз дхармы” – “третий глаз” вашего внутреннего духа, и он способен воспринимать Дао. Когда в медитации я говорю вам: “Идите глубже, смотрите глубже”, я пытаюсь любым путем открыть ваш бездействующий “третий глаз”.

Ма-цзы еще спросил: *Есть ли это все еще деяние и недеяние?*

Можем ли мы делать что-то внутри? Можем ли мы создать будду внутри? Это очень глубокий вопрос.

На это Учитель ответил:

– Если некто видит Дао с точки зрения деяния и недеяния или соби-
рания и разбрасывания, то он не видит Дао по-настоящему. Слушай мою
гатху.

Он имеет в виду то, что если говорить о вашем внутреннем мире, то
ваш будда уже находится здесь. Вам не нужно его создавать. Все, что
могло бы быть, уже присутствует в вашем внутреннем мире.

Я вспоминаю русского ученого Кирлиана, который привнес новое ви-
дение в объективную науку; значение этого видения неизмеримо. Он был
великим фотографом и все время работал над усовершенствованием своих
оптических стекол. Вся его идея заключалась в том, что если имеется что-
то, скрытое в семени в виде потенциальной возможности, то, по-
видимому, при помощи некоторых совершенных линз можно получить
фотографию этой потенциальной возможности.

Это была очень странная идея, но и ученые, и мистики, и философы, и
поэты – все немного сумасшедшие. Все пытались переубедить его: “Не
занимайся этой чепухой, как можно увидеть розу в ее семени?”

Он отвечал: “Если это должно быть, то оно должно присутствовать в
семени тем или иным образом – наши глаза, по-видимому, не в состоянии
видеть этого”. И он в конце концов добился успеха. Ему удалось создать
линзы, которые могли сделать фотографию того, что должно случиться в
будущем. Он мог положить перед камерой семя и получить фотографию
цветка розы.

А затем он должен был ждать, пока семя не умрет в почве – и это яв-
ляется одним из чудес современного гения, потому что, когда появлялась
реальная роза, она была точно такой же, как на фотографии. Он поймал
будущее в свои сети.

Он пришел к убеждению, что раз это верно для семени, то это может
быть использовано и для много другого. Фотография Кирлиана, напри-
мер, в настоящее время широко используется в больницах России. Люди
приходят просто проверить, посмотреть, есть ли какая-то возможность
для них заболеть в будущем.

Сейчас, после его смерти, его стекла были еще больше усовершенст-
вованы; над этим работала целая школа фотографии Кирлиана. Они могли
видеть, как минимум, на шесть месяцев вперед. Если вам предстояло за-
болеть в течение следующих шести месяцев, то фотография показывала
это – что через шесть месяцев у вас будет рак. Другого способа устано-
вить это не существует, но мы можем уже лечить болезнь, хотя она еще не
наблюдается в явном виде. Мы можем лечить людей до того, как они за-
болеют.

То, что мы видим нашими глазами, – это не все. Даже во внешнем ми-
ре наши глаза имеют ограничения. Фотография Кирлиана расширила воз-
можности наших глаз во внешнем мире. Таким же образом и третий глаз
может открыть вам ваш внутренний мир, давая вам всю вашу потенци-

альность во всей ее полноте. Вам не нужно ничего с ней делать – вам
нужно просто видеть ее. Будда – это не что-то сделанное, нужно просто
вспомнить будду в себе.

Нангаку сказал: “Слушай мою гатху”.

Это древний способ. “Гатха” – стихотворение. “То, что я мог выразить
прозой, я уже сказал. Теперь слушай стихи. Нечто, что я не смог выразить
в прозе, я выскажу в стихах”.

*“Основание не-ума
содержит много семян,
которые все прорастут,
когда придут небесные ливни”.*

Они пришли, и сейчас вам самое время принять вызов.

*“Цветок самадхи
за пределами цвета и формы.
Какие могут быть
еще перемены?”*

*Когда эти слова были произнесены, Ма-цзы достиг истинного про-
светления, и его ум вышел за пределы всех явлений. Он сопровождал сво-
его учителя целых десять лет, погружаясь за это время в медитацию все
глубже и глубже.*

Канзан писал:

*В моем доме есть пещера,
и в этой пещере – совсем ничего:
чистая и восхитительная пустота,
сияющая светом,
подобным солнцу.
Миски овощей хватит
для этого старого тела,
рваная одежда прикроет
эту призрачную оболочку.
Пусть тысячи святых появятся
передо мной – я несу в себе
будду небесной истины!*

Однажды вы посмотрите в свою внутреннюю пещеру и найдете там
свет, жизнь, самый источник вашего бытия, о котором так называемые
святые не знали ничего. Святые – просто моралисты, которые следуют
определенной системе веры, но истины у них нет. Если же у вас есть ис-
тина, то даже тысячи святых будут значить меньше, чем ваш будда. Будда
– это высшее и не заимствованное. Вы открыли его в себе.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

Мне нравится выражение: "Сделай один шаг в сторону Аллаха, и он пробежит тысячу шагов к тебе".

Мне кажется, что это намек на то, что восприятие не совершенно пассивно, а требует некоторого соучастия.

Даже чтобы получить цветок, не должен ли человек раскрыть руку? Или я снова на неверном пути?

Да, Маниша, ты снова на неверном пути. Это высказывание – "Сделай один шаг к Аллаху, и он пробежит тысячу шагов к тебе" – пришло к нам от мусульман.

Но в мире дзен нет Аллаха, и если ты глубоко проникнешь в свою внутреннюю природу, тебе будет достаточно одного шага, чтобы стать Аллахом. Не к кому устремляться. Наоборот, ты приходишь к неподвижности. Просто один шаг внутрь... То, что говорят мусульмане, относится к некоему Богу вне нас – к которому вы делаете один шаг, и он устремляется к вам навстречу. Но такого Бога не существует и ваш шаг напрасен! Лучше сберечь усилия для того, чтобы сделать шаг внутрь. И в то мгновение, когда вы делаете шаг внутрь, вы становитесь Аллахом. В мире дзен утверждения такого типа совершенно неприемлемы.

Сейчас пришли облака, причем с удивительным напором. В этом году в Пуне будет наводнение, даже и без совершения самоубийства Шанкарачарьей. Просто смеха десяти тысяч будд достаточно, чтобы призвать тучи со всего мира. Им не нужны ни паспорта, ни визы. Им не нужно проходить никакой таможни. Они – свободные будды, летящие в небе, и когда они увидят собравшихся вместе десять тысяч будд, то естественно, что они устремятся сюда – особенно в то время, когда я начну рассказывать вам анекдоты.

Где там Сардар Гурудаял Сингх? Только смейся погромче. Эта книга будет посвящена Сардару Гурудаял Сингху – единственному человеку в мире, который смеялся до того, как шутка была рассказана. Вот это доверие! Вам бы всем поучиться у него такому доверию.

Мэгги МакТавиш умерла, оставив вдовцом старого Хамиша. Это было для него таким облегчением, что он устремился в полнейшем возбуждении к мистеру Томбу, владельцу похоронного бюро.

– Во сколько обойдутся похороны моей жены?

– Пятьсот фунтов! – ответил мистер Томб, потирая рук:

– Пять сотен?! – воскликнул Хамиш, сжимая свой кошелек. – Да вы что! А нельзя ли подешевле?

– Хорошо, – ответил мистер Томб. – Самая низкая цена, за которую я могу устроить это – триста фунтов.

– Боже мой! – запричитал Хамиш, отсчитывая деньги. – Я уже почти хочу, чтобы она оказалась живой!

Старый хиппи по прозвищу "Волшебный гриб Мелвин" был занят приготовлением завтрака для своего давнего друга по прозвищу "Буффальский сорняк".

– Эй, чувак, – сказал Мелвин, отойдя от раковины и присев покурить марихуаны, – это самый угарный рецепт, который я когда-либо пробовал.

– Кайфово, чувак! – ответил Буффальский Сорняк, окруженный облаком дыма. – А что за рецепт?

– Это салат, чувак! – сказал Мелвин.

– Ну и что это салат? – ответил Сорняк, – как ты его готовишь?

– Чувак, это очень просто, – сказал Мелвин, – ты режешь листья салата, помидоры, огурцы и морковь, потом ты бросаешь в него немного ЛСД, отходишь и наблюдаешь, как салат перемешивает сам себя!

Дилли и Далли были совершенно одинаковые близнецы, жившие в маленьком городке возле моря.

Дилли женился, а Далли остался холостым и завел себе небольшую гребную лодку.

Однажды жена Дилли умерла, а несколько дней спустя утонула лодка Далли.

Спустя неделю Далли шел по улице и встретил миссис Гудболл, жену епископа. Миссис Гудболл спутала Далли, у которого утонула лодка, с Дилли, у которого умерла жена.

– Мне очень жаль было услышать о вашей ужасной утрате, – сказала миссис Гудболл.

– О, я вам очень благодарен, – ответил Далли, лодочник, – но мне ее совсем не жалко. Она была старая и гнилая с самого начала. У нее была огромная трещина спереди и большая дыра сзади, которые увеличивались каждый раз, когда я ей пользовался. Она воняла гнилой рыбой, и из нее все время сочилась вода. Ее дно было ужасно поцарапано, а когда был ветер, то было небезопасно идти возле нее. На прошлой неделе, – продолжал Далли, – ее взяли напрокат трое, для забавы. Я говорил им, чтобы они аккуратно с ней обращались, но эти идиоты попытались влезть в нее все сразу. Конечно, она раскололась от зада до переда. Сейчас, когда ее нет, я просто счастлив!

Миссис Гудболл упала в обморок.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвными.
 Закройте глаза
 и почувствуйте свое тело полностью застывшим.
 Смотрите внутрь с абсолютной настойчивостью.
 Глубже и глубже, пока вы не достигнете
 самого источника вашего бытия.
 Он очень близок – только один шаг,
 и вы уже будда.
 Какой прекрасный вечер,
 и танцующие дожди наслаждаются в вашей тишине,
 наслаждаются в вашем самадхи.
 Эти будды-тучи
 пришли для вас из такого далека;
 не подведите их.
 Глубже и глубже,
 не нужно бояться.
 Это ваше собственное пространство,
 и это ваше врожденное право:
 быть буддой.
 Пусть для вас станет совершенно ясно,
 что вы – не тело и не ум,
 а просто свидетель.

Ниведано...

Расслабьтесь и просто будьте свидетелем.
 Это свидетельство – другое имя будды.
 Свидетельствование делает вас
 подобным пустому зеркалу,
 отражающему все без отождествления.
 Это – чудо медитации,
 оно даст вам свободу, оно даст вам запредельное.
 Собирайте впечатления, аромат,
 потому что время быстротечно,
 и вы будете призваны назад.
 Вкушайте нектар,
 вечно текущий поток вашей жизни,
 пусть он проникает вглубь, в каждую частицу вас,
 потому что он будет присутствовать
 все двадцать четыре часа вашей жизни.
 Живые или мертвые,
 вы должны остаться буддами.

Ниведано...

Возвращайтесь, но возвращайтесь как будды,
 с самадхи,
 с чувством нектара.
 Присядьте на несколько мгновений,
 чтобы собрать вместе впечатления
 от того места, где вы были,
 от того, чем вы были там.
 Каждый день это будет становиться
 все глубже и глубже.

- О'кей, Маниша?
- Да, возлюбленный Учитель.
- Можем ли мы праздновать будд?
- Да, возлюбленный Учитель.

18 сентября 1988 года

СПЕЛАЯ СЛИВА

Наш возлюбленный Учитель!

Однажды, когда Ма-цзы был на пути домой из Чжун Си, он остановился, чтобы навестить своего старого учителя, Нангаку. Когда Ма-цзы возжег благовония и совершил поклон Нангаку, тот дал ему такое стихотворение:

*“Я советую тебе не идти домой,
Если ты и делаешь это, Дао неподвижно.
И старая женщина,
твоя соседка,
расскажет о твоём младенческом имени”.*

Ма-цзы с почтением принял эти строки и поклялся себе, что он никогда не вернется домой, как бы часто он ни рождался вновь. Он оставался только в пределах Чжун Си, и ученики собирались к нему со всех частей Китая.

Однажды монах по имени Та Мей был в обучении у Ма-цзы. Та Мей спросил учителя:

– Что такое будда?

Ма-цзы ответил:

– Это тот ум, который есть в настоящий момент.

Услышав это, Та Мей достиг полного просветления. Он удалился в горы и находился там больше года, не замечая течения времени. Он видел вокруг себя только горы, которые то становились зелеными, то желтели.

Однажды Ма-цзы послал монаха, чтобы испытать Та Мея. Монах спросил его:

– Когда ты виделся с Ма-цзы, при каких именно его словах ты достиг просветления?

– Когда Ма-цзы сказал: “Этот ум, который есть в настоящий момент – и есть будда”.

– Сейчас его путь другой – сказал монах.

– Каков же он?

– Ма-цзы сейчас говорит, что этот самый ум, который и есть будда – на самом деле, вовсе не ум и не будда, – ответил монах.

– О, этот старый человек! – воскликнул Та Мей, – когда он, наконец, прекратит смущать умы людей! Пусть он продолжает носиться со сво-

им “ни умом – ни буддой”. Я же буду придерживаться прежнего: “Этот ум, который есть в настоящий момент – это и есть будда”.

Когда посланный монах рассказал Ма-цзы об этом диалоге, тот прокомментировал:

– Плод сливы созрел.

Маниша, одна из важнейших вещей, которую вы должны помнить, – это то, что учитель дзен не является философом. Он не рационален. В своей основе он глубоко иррационален и абсурден, но эту абсурдность и противоречивые утверждения он чудесным образом использует для того, чтобы его откровения становились ясными для вас. Сегодня он может сказать что-то одно, а завтра – другое. Если вы привносите в это свой логический ум, вы будете смущены. Но есть множество путей говорить одни и те же вещи. Фактически, даже противоречивость может нести некое откровение.

Это один из великих вкладов дзен: понимание того, что противоречий, в действительности, нет. И малейшая травинка, и величайшая звезда никоим образом не говорят вам о различном. В существовании ничто не является низким или высоким. В нем нет никакой иерархии. А что касается истины, то, по существу, она невыразима. Но если вы хотите выразить невыразимое, тогда вы можете использовать даже противоречивые понятия, чтобы обозначить ими одну и ту же вещь.

Два разных пальца, направленных под двумя разными углами, могут указывать на одну и ту же луну. Ум может найти это трудным для понимания. Фактически, вся работа учителя дзен состоит в том, чтобы сделать вещи настолько трудными для понимания их умом, чтобы вы устали от ума, устали от мышления – и отбросили ум в сторону. И этот момент полноты покоя, когда вы отбрасываете ум в сторону, приводит вас к двери существования.

Вот небольшая история, имеющая глубокий смысл:

Ма-цзы оставался со своим учителем Нангаку более десяти лет.

Оставив его, он стал настоятелем храма Кай Ман в Чжун Си.

В своих проповедях Ма-цзы полностью следовал откровению шестого патриарха, Эно, – в особенности тому, что нет будды вне нашего собственного ума.

Здесь слово “ум” может быть понято как обычный ум, полный мыслей, эмоций, чувств и привязанностей. Но тот же самый ум можно рассматривать как пустоту. Вы можете опустошить его от всех мыслей и эмоций. И в момент, когда ум пуст, нет различия между умом и не-умом. Поэтому не надо смущаться этим противоречием.

Некоторые учителя будут использовать такие слова: “Тот ум, который есть, включает все, даже будду, но при условии, что ум должен быть пустым. Тогда он сам и есть будда”.

Существенно высказывание самого Будды. Он говорил: “Само это тело – будда; сам этот ум – лотосовый рай”. Но впоследствии он также говорил, что вы не тело и не ум. Что он имел в виду в этом противоречии? Просто он говорил, что если вы не отождествляетесь с телом, то то же самое тело в большей мере будда, чем что-либо в мире. Если вы не заполнены мыслями, то этот же самый ум обширен, как все небо. В нем самом не было противоречий, он просто употреблял противоречивые методы, чтобы указать истину.

Эно был тем человеком, который привел Ма-цзы к Нангаку. Эно был очень стар, а Ма-цзы был очень молод, и Эно не мог уже брать на себя ответственность за обучение Ма-цзы медитации. Он передал свой опыт Нангаку, который стал преемником Эно после его смерти. Но путь, которым Эно привел Ма-цзы к Нангаку, был очень знаменательным. “Забьешься об этом молодом человеке, – сказал Эно, – он станет буддой и твоим преемником так же, как ты – мой преемник. Будь очень почтительным и благодарным, так как ты получишь человека, который на грани того, чтобы стать буддой в твоих руках”.

Ма-цзы оставался верным учению Эно, хотя Эно не был его непосредственным учителем. Но Эно видел его потенциальность, его возможность, его невидимое будущее. В то же время Эно знал, что его смерть близка, и взятие на себя ответственности за ученика в такой момент было бы ошибкой: в особенности это касается такого ученика, который требует огромной заботы, будучи на самой грани своего расцветания. Будучи очень старым, Эно справедливо полагал, что будет лучше, если Ма-цзы будет отдан в руки его преемника, Нангаку.

Нангаку же был Учителем в истинном смысле этого слова. Его учение не было простым следованием Эно. В мире дзен нет необходимости, чтобы ученик следовал учителю во всех деталях. Все, что необходимо – чтобы ученик чувствовал присутствие учителя, его фундаментальное постижение. Это не должно оставаться верой ученика учителю, это должно ощущаться непосредственно.

Доктрины и вера – это пустое, иное дело – присутствие учителя и его реализация; и величие того, что приходит с этой реализацией.

Эно никогда не предлагал Нангаку, чтобы тот следовал ему, – Нангаку имел свой собственный подход – но он выбрал Нангаку своим преемником. Это очень странно. Этого не происходило ни в каком другом месте в целом мире – обычно ведь люди выбирали преемников, чтобы те следовали им во всех деталях. Но дзен уникален во всех отношениях. И вопрос не в том, кто кому следует, а в том, что этот человек тоже реализовал себя. Метод, способ, подход может отличаться, но такой человек – постигший, и он может быть преемником.

Но странно то, что хотя Эно передал Нангаку ответственность за посвящение Ма-цзы, тот все равно в основе своей оставался приверженцем учения Эно и его метода определения истины. Эно уловил проблеск будущего Ма-цзы. Нангаку проявил о нем всяческую заботу и помог ему стать просветленным учителем. Но Ма-цзы был очень благодарен Эно и за то, что тот отказался посвящать его, чувствуя приближение своей смерти, и передал его в руки верного человека, который бы заботился о нем – близка была его весна, его расцвет, но Эно уже не мог присутствовать при этом.

Хотя между Ма-цзы и Эно не было отношений учителя и ученика, в своих сердцах они были чем-то очень близки; их сердца начали биться в одном ритме. Учение учителя Ма-цзы, Нангаку, было во многом отличным от учения Эно, в особенности, что касается того, что нет будды вне ума.

Но помните, что когда Эно говорит “ум”, то это нужно понимать как “не-ум”. Это означает “пустой ум”, что и эквивалентно слову “не-ум”. Что остается в пустом уме? Просто чистое пространство. Называть его “пустым умом” или же “не-умом” – это зависит от вашего предпочтения. Оба словосочетания обозначают одно и то же – не в буквальном значении, конечно, а в экзистенциальном переживании.

Однажды, когда Ма-цзы был на пути домой из Чжюан Си, он остановился, чтобы навестить своего старого учителя, Нангаку.

Сейчас Ма-цзы уже сам учитель. Он был в Чжюан Си и возвращается оттуда домой, и он делает остановку, чтобы навестить своего старого учителя Нангаку.

Когда Ма-цзы возжег благовония и совершил поклон Нангаку, тот дал ему такое стихотворение...

Это тоже должно быть понято. Даже если ученик становится просветленным, это не имеет значения, его благодарность становится даже еще полнее. Мысль о том, что Учитель ему уже ни к чему, и в голову не приходит. Нет мыслей типа: “Сейчас я уже равен своему учителю, я переживаю такую же буддовость, как он”, потому что такие мысли – это путь эго. А эго утеряно уже очень давно. Путь же благодарения, путь скромности заключается в понимании того, что хотя я теперь, возможно, и стал буддой, но именно мой учитель указал мне правильный путь, и я навсегда останусь глубоко благодарным ему за это.

Сарипутта, один из главных учеников Будды, став просветленным, пришел к Будде и со слезами на глазах сказал: “Я избегал просветления, но ты продолжал настаивать. Сейчас я просветлен, но мои глаза полны слез, потому что я знаю, что ты отправишь меня прочь от себя, чтобы рас-

пространять огонь. Я понимаю твое сострадание, то, что ты продолжаешь пробуждать тех, кто может стать буддой. Нужна просто небольшая поддержка. Те, кто не ушел от самих себя очень далеко, легко могут быть позваны назад”.

Будда сказал: “Так почему же ты плачешь?”

Он ответил: “Я плачу, потому что теперь я не смогу касаться каждый день твоих ног, что я делал на протяжении двадцати лет”.

Будда сказал: “Сделай так. Возьми с собой карту и запомни, в каком месте я пребываю. Потом кланяйся в этом направлении, касаясь моих ног символически, прикосанием к земле. Потому что, в конце концов, это тело состоит из земли, и однажды оно возвратится в землю. Касаясь так земли, ты не только касаешься моих ног, но и касаешься ног всех будд, которые когда-либо были, и тела которых растворились в земле. Мне кажется, просветленный не должен плакать, да в этом и нет никакой необходимости”.

Сарипутта сказал: “Я не забочусь о том, что подумают люди, но реальность такова, что я заплакал. А, согласно твоему учению, я должен быть спонтанным и естественным. И если ты говоришь ‘не плачь’, то я не могу тебя послушаться, ибо что же делать, если слезы приходят сами собой? Я не могу быть лицемерным и смеяться, если мои глаза полны слез”.

Предание говорит, что Сарипутта, где бы он ни был, каждое утро смотрел на карту, определял, где находится Будда, и кланялся в том направлении, представляя, что он касается ног Будды. Он имел тысячи собственных учеников, и они говорили ему: “Нам кажется, что это неправильно. Ты сам будда, и ты не должен делать поклоны”. Он отвечал им: “Все верно, я сам будда, но я бы не был им, если бы не встретил Гаутаму. Встреча с этим человеком, который переключил что-то во мне, сожгла все ложное и дала мне истину в ее сияющей чистоте и ясности. Я так много должен этому человеку, что нет способа отплатить ему. Все, что я могу делать, – это касаться его ног, даже через такое далекое расстояние”.

Он продолжал делать это до своего последнего вдоха. Перед смертью – а он умер раньше Гаутамы Будды – он сказал ученикам: “Простите меня, что вы не смогли видеть эти невидимые ноги. Дайте же мне коснуться ног учителя в последний раз – он поклонился, слезы потекли из его глаз, и так он и умер в этой позе, уже не распрямившись. Вот это истинная человечность – покорность, преданность, любовь, доверие.

Ма-цзы, посетив своего старого учителя, возжег перед ним благовония, как вы возжигаете их перед статуей будды, и сделал поклон Нангаку. Нангаку дал ему такую гатху, такие стихи:

*“Я советую тебе не идти домой,
Если ты и делаешь это, Дао недвижно.
И старая женщина,
твоя соседка,*

расскажет о твоём младенческом имени”.

Ма-цзы с почтением принял эти строки и поклялся себе, что он никогда не вернется домой, как бы часто он ни рождался вновь. Он оставался только в пределах Чжиан Си, и ученики собирались к нему со всех частей Китая.

Очень странный, но многозначительный совет. Нангаку сказал ему, чтобы он не возвращался домой. Это означало многое – в том числе и то, что сейчас вы бездомны. С того момента, когда вы становитесь просветленным, у вас больше нет дома. Даже ваше тело уже не является домом. Сейчас ваш дом – все существование. Так что этой старой привычки – возвращаться домой – уже нет. Для вас больше нигде нет дома, вы – бездомное облако, летящее в небе в полной свободе, не привязанное ни к чему.

Если ты и делаешь это, Дао недвижно.

Нангаку имел в виду, что даже если Ма-цзы не послушается его и пойдет домой, то Дао, его пустой будда внутри, никогда никуда не идет и неподвижен. Ты просто действующий. Мертвое тело, пустая оболочка куда-то идет, а твоя подлинная сущность неподвижна, она никогда никуда не идет, она всегда здесь и сейчас. И он сказал: “И старая женщина, твоя соседка, расскажет о твоём младенческом имени”.

Детское имя Ма-цзы было Басо. Нангаку, говоря об этом имени, пошутил, что старая женщина, стоящая в дверях соседнего дома, назовет его Басо. Она не захочет признать, что он больше не Басо, что он Ма-цзы, великий Учитель. В глазах жителей дома он тот же самый. Они видели его рождение, его рост, и для них теперь очень трудно будет признать, что он стал буддой. И то, что они будут думать – это оскорбительно для будды.

Ма-цзы с почтением принял эти строки и поклялся себе, что он никогда не вернется домой, как бы часто он ни рождался вновь.

Он говорит, что даже если он родится снова – хотя просветленный никогда не рождается снова, – то и тогда он никогда не вернется домой. Он понял свою бездомность, свое одиночество.

Он оставался только в пределах Чжиан Си, и ученики собирались к нему со всех частей Китая.

Однажды, монах по имени Та Мей был в обучении у Ма-цзы. Та Мей спросил учителя:

– Что такое будда? Ма-цзы ответил:

– Это тот ум, который есть в настоящий момент.

Это было учение Эно, которому он следовал всю жизнь.

Но помните, что обычно ум никогда не бывает в настоящем. Он или в прошлом, или в будущем. В настоящем – ум пуст. Если вам хочется употреблять позитивные выражения, вы можете называть это настоящим умом; если вы хотите употребить негативные выражения, вы можете назвать это не-умом. Истина выражается обоими способами. “Настоящий ум” – это, фактически, и означает “не-ум”. Для тех, кто постиг настоящее, всякий ум исчезает. Ум может быть в прошлом, может быть в будущем, но он никогда не в настоящем. Следовательно, бытие в настоящем – это бытие вне ловушки ума.

Ма-цзы ответил:

– Это тот ум, который есть в настоящий момент.

Услышав это, Та Мей достиг полного просветления. Он удалился в горы и находился там больше года, не замечая течения времени. Он видел вокруг себя только горы, которые то становились зелеными, то желтели.

Однажды Ма-цзы послал монаха, чтобы испытать Та Мейя. Монах спросил его:

– Когда ты виделся с Ма-цзы, при каких именно его словах ты достиг просветления?

– Когда Ма-цзы сказал: “Этот ум, который есть в настоящий момент – и есть будда”.

– Сейчас его путь другой – сказал монах.

– Каков же он?

– Ма-цзы сейчас говорит, что этот самый ум, который и есть будда, – на самом деле, вовсе не ум и не будда, – ответил монах.

На самом деле, этот ум в настоящем – и не будда, и не ум. Сейчас Ма-цзы учит этому пути.

– О, этот старый человек! – воскликнул Та Мей, – когда он, наконец, прекратит смущать умы людей! Пусть он продолжает носить со своим “ни умом – ни буддой”. Я же буду придерживаться прежнего: “Этот ум, который есть в настоящий момент, – это и есть будда”.

Он ясно понял, что Ма-цзы просто изменил свое выражение с позитивного на негативное. Это могло бы смутить, обычного человека, но просветленного это не сможет смутить никогда.

– О, этот старый человек! – воскликнул Та Мей, – когда он, наконец, прекратит смущать умы людей!

Не было нужды что-либо менять в старом совершенном выражении.

Пусть он продолжает носить со своим “ни умом – ни буддой”. Я же буду придерживаться прежнего: “Этот ум, который есть в настоящий момент, – это и есть будда”.

Вы, конечно, можете подумать, что он не согласился с своим учителем, Ма-цзы, но тогда вы ничего не поняли. Он полностью соглашается с ним. Он понимает, что выражение изменено с позитивного на негативное, но оно означает то же самое. Поэтому-то он и говорит, что “пусть этот старый человек делает что хочет, я же буду придерживаться того, что ум в настоящий момент и есть будда”.

Когда посланный монах рассказал Ма-цзы, об этом диалоге, тот прокомментировал:

– Плод сливы созрел.

Ма-цзы прекрасно понимал, что Та Мей стал просветленным. Всякий непросветленный человек был бы смущен, потому что непросветленный ум никогда бы не мог подумать, что позитивное и негативное могут быть одним и тем же, что может быть такое место, где “да” и “нет” не противопоставлены.

Ма-цзы сказал: “Плод сливы созрел”.

“Та Мей” по-китайски означает “большая слива”.

Такуан писал:

Луна не имеет намерения

отбрасывать свою тень куда-либо,

да и пруд не собирается

приютить луну.

Как прозрачны воды Хиросавы!

Монастырь Такуана был возле озера Хиросава. В этом маленьком стихотворении содержится вся суть дзен. *Луна не имеет намерения отбрасывать свою тень куда-либо...*

Думаете ли вы, что луна имеет намерение отбрасывать тень и отражаться в тысячах морей, озер и прудов? У нее нет никакого намерения, никакого желания.

А с другой стороны, *“и пруд не собирается приютить луну...”* Ни у пруда, ни у озера или океана нет желания приютить луну, как нет у них и желания ее отражать. *“Как прозрачны воды Хиросавы!”* Они не взбуждены отражением луны и не потревожены.

Эти строки говорят о том, что нужно жить без намерений, без целей, без желаний достичь чего-либо, без всяких амбиций. Просто живите спон-

спонтанно, от мгновения к мгновению, что бы ни случилось, принимайте это радостно, весело, без всяких жалоб и недовольств.

Даже если придет смерть – пусть приходит. Танцуйте, пойте песню. Такова была традиция дзен. Учитель предполагает – и все так и делали, – что перед смертью он напишет маленькое хокку, содержащее в себе всю суть его учения.

Это признак того, что они полностью осознавали смерть, и что даже перед смертью у них не было никакой печали. Их хокку выражали их радость, их свершение. Без ваших вопросов о чем бы то ни было существование дает вам все.

Человек, живущий намерениями, неизбежно чувствует разочарование, как и человек, живущий надеждами, потому что существование ничего не должно вам. Но если вы живете без намерений и без надежд, тогда вы вдруг чудесным образом обнаруживаете, что все, о чем вы всегда мечтали, – свершается. Луна отражается в озере – озеро никогда не просит ее ни о чем: у луны никогда нет никакого намерения. Существование продолжается спонтанно. Не вносите свои желания, свои амбиции и свои ожидания: все это разрушает спонтанность. Все это создает хаос в вашем уме. Но если нет никаких желаний и намерений, то *“как прозрачны воды Хиросавы!”* Луна отражается, а на воде нет даже зыби. Полная луна – и озеро Хиросава принимает отражение естественно, спонтанно. Если бы оно не отражало, то в нем не было бы и никакого переживания. Луна или не луна – не имеет значения. Озеро Хиросава безмолвно. И таким же должно быть ваше сознание – просто безмолвное озеро.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

Как удивительно было бы, если бы в один из вечеров вы вошли бы в аудиторию Гаутамы Будды и увидели бы перед собой зал пустых зеркал или ряды сочных спелых слив. Вы действительно думаете, что это возможно? Произойдет ли что-то? Или лучше так: “Произойдет ли ничто?”

Маниша, это происходит каждый день. Весь зал полон зеркал и больших слив. Посмотрите на Авирбхаву, танцующую сливу.

Сейчас настало время смеха, а Сардар Гурудаял Сингх сидит сегодня очень близко. Вот серия анекдотов, посвященных ему:

У соблазнительной мисс Виллинг был очень беспокойный сон. Ее сны и реальность были так наполнены сексуальной активностью, что она уже не могла определить, что реально, а что нет. Тогда она обратилась к доктору Филгуду для профессиональной помощи.

Это был ее первый визит к психоаналитику. Филгуд выслушал все о ее проблемах, а потом пустился в туманные объяснения с использованием всякой фрейдистской сексуальной терминологии.

– Погодите-ка минутку, – перебила его мисс Виллинг, – а что такое фаллический символ?

– Фаллический символ, – промолвил Филгуд, – представляет собой фаллос.

– Хорошо, – сказала девушка, – а что такой фаллос?

– Я думаю, – сказал Филгуд, ухмыляясь, – что лучшим способом объяснения будет показать его.

Он встал, расстегнул штаны и вытащил свой аппарат.

– Вот, юная леди, – гордо сказал Филгуд, – вот он, фаллос!

– О, – сказала мисс Виллинг, засмеявшись, – оказывается он точно такой же, как обыкновенный член, только меньше.

Стареющий, обветшалый президент Рональд Рейган ожидает посадки на президентский самолет, который должен перенести его в Европу.

Его личный секретарь Реджинальд, пришедший проводить его, наклонился к нему и прошептал:

– Что вы посоветуете по поводу билля о правах гомосексуалистов (по-английски *Homosexual Bill* – может быть воспринято как “гомосексуальный Билл”)?

– О да, – сказал Рейган. – Скажите ему, что я заплачу ему, когда вернусь.

– Что-то тебя не видно на наших вечеринках, – говорит старый гуляка Мэрвин своему давнему приятелю Пигпену. – Что случилось?

– Я женился, – отвечает Пигпен.

– Черт побери, – говорит Мэрвин. – Что, законное траханье чем-то лучше просто регулярного?

– Оно даже хуже, отвечает Пигпен, – но, по крайней мере, не надо стоять в очереди.

Фергюс и Фанки потерялись в иссушенной солнцем пустыне в самом центре Сахары. Дни и ночи они ползли на четвереньках в поисках воды. Когда их силы почти иссякли, они неожиданно увидели невдалеке человека, стоящего у небольшого прилавка и торгующего чем-то.

Фергюс и Фанки из последних сил поползли к человеку и, приблизившись к нему с высунутыми распухшими языками, стали кричать:

– Воды! Пожалуйста, дайте воды!

– Извините, парни, – ответил торговец. – Я бы дал вам воды, но у меня ее нет. Я продаю галстуки. Не хотите ли купить галстуки, самые элгантные?! Вы их по достоинству оцените!

– Галстуки? – вскрикнул Фанки и упал в обморок.

– Нет, – сказал Фергюс – мы не хотим эти проклятые галстуки. Мы хотим воды!

И двое умирающих от жажды людей потащились дальше.

Тремя днями позже на горизонте неожиданно возникло огромное здание.

Воодушевленные Фергюс и Фанки что было сил поползли к нему. Это было здание очень фешенебельного отеля “Сумасшедшие пески”.

Фергюс подполз к швейцару, одетому в трехцветную униформу и с суровым видом охранявшему вход.

– Воды – прошептал Фергюс дрожащими иссушенными губами, – нам нужно зайти внутрь и добыть воды!

– Я сожалею, сэр, – ответил швейцар, – но боюсь, что без галстуков не смогу вас пропустить.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвными. Закройте глаза.

Чувствуйте тело полностью застывшим.

Смотрите внутрь так глубоко, как это возможно.

Это путь.

В самом конце пути вы – будда.

И путешествие очень коротко – один шаг.

Нужна полная настойчивость и абсолютная честность, чтобы взглянуть прямо в ваше собственное существо.

Это – то зеркало, о котором мы говорим.

Зеркало – это будда.

Это ваша вечная природа.

Глубже и глубже.

Вы будете идти внутрь, пока не найдете себя.

Не надо колебаться.

Страха нет.

Конечно, вы одиноки, но это одиночество –

великое и прекрасное переживание.

На этом пути вы не встретите никого,

кроме самого себя.

Поймите, что вы – просто зеркало,

свидетель вашего тела, ума, свидетель всего.

Ниведано...

Расслабьтесь

и будьте наблюдающим,

свидетельствующим зеркалом, отражающим все.

Ни эти вещи не имеют намерения отражаться,

ни вы не имеете намерения уловить их отражение.

Просто будьте безмолвным озером Хиросава,

и все блаженство – ваше,

и этот вечер станет благословением.

Этот момент станет моментом не-ума,

моментом вне времени,

просто чистотой, неограниченным пространством.

Это ваша свобода.

Если вы не будда, вы не свободны.

Вы не знаете ничего о свободе.

Пусть это переживание проникает вглубь,

в каждую частицу вашего существа,

пропитывая его, увлажняя.

Когда вы вернетесь,

возвращайтесь туманом,

увлажненным вашей природой будды.
Помните это пространство, этот путь,
потому что вам предстоит переносить его наружу
все двадцать четыре часа в сутки,
во всех ваших действиях.

Сидя, стоя, во время ходьбы, во сне
вам нужно оставаться буддой.
Тогда все существование станет экстазом.

Ниведано...

Возвращайтесь,
но возьмите с собой весь свой опыт,
медленно, безмолвно, грациозно.
Присядьте на несколько мгновений,
вспоминая место, в котором вы были,
вспоминая безмолвие и радость
быть просто зеркалом,
необычайную свободу, которая приходит,
когда вы просто зеркало,
не привязанное ни к чему,
не имеющее дома, одинокое.
Вы становитесь Эверестом сознания.

— О'кей, Маниша?

— Да, возлюбленный Учитель.

— Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?

— Да, возлюбленный Учитель.

19 сентября 1988 года

СВЕРНУТЫЙ НОС

Наш возлюбленный Учитель.

Однажды, когда Хьякудзо навещал своего учителя Ма-цзы, над их головами пролетела стая диких гусей.

— Кто это? — спросил Ма-цзы.

— Это дикие гуси, господин, — ответил Хьякудзо.

— Где они? — спросил Учитель.

— Они улетели прочь, господин.

Вдруг Ма-цзы схватил Хьякудзо за нос и сильно дернул. Хьякудзо закричал от боли. Ма-цзы сказал:

— Ты говоришь, что они улетели прочь, но все равно они были здесь с самого начала.

В этот момент Хьякудзо достиг просветления.

На следующий день, во время регулярной встречи, как только Ма-цзы уселся, Хьякудзо начал сворачивать его циновку, по которой учитель обычно сходил с возвышения. Затем Хьякудзо проследовал в комнату Ма-цзы, и тот спросил его:

— Зачем ты свернул циновку сейчас, перед началом моей проповеди?

— Вчера вы, ваше почтение, свернули мне нос, и я почувствовал острую боль, — ответил Хьякудзо.

— К чему ты применил свой ум вчера? — спросил Ма-цзы.

— Сегодня я уже не чувствую боли в носу, — ответил на это ученик.

— Ты глубоко понял вчерашний эпизод, — сказал Учитель.

В другой раз Ма-цзы, сев, как обычно, на скамью для задзен, плюнул на пол.

— Зачем ты плюешься? — спросил его монах.

— Когда я сел сюда, то передо мной оказались горы, реки и весь мир природы. Я плюнул, потому что мне это неприятно.

— Но мир прекрасен! Почему он не нравится тебе? — спросил монах.

— Может быть, для тебя он и прекрасен, но у меня он вызывает отвращение, — ответил Ма-цзы.

— Какого рода это состояние? — спросил монах.

— Это состояние бодхисатвы, — ответил Ма-цзы.

Маниша, это один из самых великих эпизодов за всю историю дзен. Они показывают ваше постижение через ваши поступки. Когда учитель совершает тот или иной поступок, ученик должен реагировать на него спонтанно, не с помощью мышления, а через свое пустое сердце.

Дзен – это великий прием, тысячи приемов, созданные различными мастерами для того, чтобы спровоцировать в вас пробуждение. Читая это, кто-то может подумать, что эти истории – просто анекдоты, истории, головоломки. Но это не так. Эти истории – сообщение, передача, и они передают нечто необычайно ценное.

Однажды, когда Хьякуджо навещал своего учителя Ма-цзы, над их головами пролетела стая диких гусей.

– Кто это? – спросил Ма-цзы.

– Это дикие гуси, господин, – ответил Хьякуджо.

– Где они? – спросил Учитель.

– Они улетели прочь, господин.

Вдруг Ма-цзы схватил Хьякуджо за нос и сильно дернул. Хьякуджо закричал от боли. Ма-цзы сказал:

– Ты говоришь, что они улетели прочь, но все равно они были здесь с самого начала.

В этот момент Хьякуджо достиг просветления.

Для того, кто мыслит обычно, рационально, все это покажется абсурдом. Но для человека, преуспевшего в медитации, это может стать огромным пробуждающим фактором. Вовсе не имеется в виду, что Ма-цзы не знал, что гуси улетели. Не означает это и того, что он не знал, что гуси были здесь. Он спрашивает не для того, чтобы получить ответ на уровне знания. Он спрашивает, чтобы получить непосредственный отклик, который Хьякуджо упустил вначале, когда Ма-цзы спросил его “Кто это?” Конечно, Ма-цзы знал кто это.

Поэтому помните, что это не вопрос о знании какого-либо предмета. Этот-то момент и упустил Хьякуджо. Его ответ – ответ посредством ума, “*Это дикие гуси, господин...*”

Этот ответ мог дать кто угодно. И он не исходил из пустоты сердца, он не исходил от зеркала, отражающего ничто. Он просто... любой ребенок сказал бы это. Ответ правильный, но ответ Хьякуджо не от сердца, а от ума.

– Это дикие гуси, господин, – ответил Хьякуджо.

Здесь он упустил суть. Ему следовало ответить на вопрос спонтанно, без рационального вывода. “*Где они?*” – дает ему еще один шанс учитель. “*Они улетели*” – ответил Хьякуджо.

Он просто функционирует на ментальном уровне.

Вдруг Ма-цзы схватил Хьякуджо за нос и сильно дернул. Хьякуджо закричал от боли. Ма-цзы сказал:

– Ты говоришь, что они улетели прочь, но все равно они были здесь с самого начала.

Куда они могли улететь? Они всегда были здесь, они будут здесь всегда. Слово “здесь” имеет достаточно широкое значение – где бы они ни были, они будут все равно “здесь”. Они не могут выйти из этого “здесь”. Это тот ответ, который Ма-цзы ожидал от Хьякуджо.

Но ему пришлось схватить Хьякуджо за нос и повернуть его, чтобы хоть так пробудить Хьякуджо от чисто умственного функционирования. Но ум смог только породить боль – ум это и есть боль.

Свернув нос Хьякуджо, Ма-цзы причинил этим ему сильную боль, так что тот закричал. Не следует воспринимать эту историю поверхностно. Крик Хьякуджо не был порождением его ума, а исходил от всего его существа. В такой момент учитель мог говорить с ним, потому что теперь он находился в нужном состоянии – от боли его существо пробудилось полностью, все.

Для пробуждения боль имеет огромную ценность, и она использовалась многими учителями для пробуждения своих спящих учеников. А все ваши старые религии, наоборот, утешают ученика и помогают ему: “*Бог далеко на небесах, а на земле все о’кей, так что не стоит беспокоиться!*” Но дзен не стремится утешать вас – он стремится пробудить вас.

Когда Хьякуджо закричал от боли, Ма-цзы не сказал ему ни одного слова сочувствия и не дал никаких объяснений того, почему он свернул ему нос. Наоборот, он сказал: “*Ты говоришь, что они улетели прочь, но все равно они были здесь с самого начала*”.

В этот момент у Хьякуджо не было никаких мыслей, кроме боли – ум был пуст, нос был свернут. Но Ма-цзы не заботился ни о носе, ни о боли – он просто высказывал свое величайшей значимости утверждение: никто и ничто не может уйти отсюда. Ведь “здесь” – столь значимо и огромно; и оно – сейчас. Где бы они ни были, они все равно “здесь”.

Хьякуджо был сейчас как раз в подходящем состоянии, чтобы понять то, что говорит учитель – все равно все всегда здесь. И те дикие гуси были просто поводом, чтобы объяснить Хьякуджо, что ничего не движется, ничего никуда не уходит.

В этот момент Хьякуджо достиг просветления.

Узрев это, осознав вечность и обширность “здесь и сейчас”, он немедленно погрузился в пустоту своего сердца и постиг истину. Слова Ма-цзы внезапно переключили что-то глубоко внутри него. Такое переключение дзен и называет просветлением.

Он стал осознавать свою “здешность” и “теперешность”. А дикие гуси были только поводом...

Такие истории никогда не случались где-либо в другом месте. Они не имеют никаких параллелей и потому так трудно понимаемы. Это то, что случается на пути медитации. Только люди Пути, глубоко входящие в медитацию, в состоянии понять то, что выглядит совершенно абсурдным с точки зрения разума.

Нос не имеет никакого отношения к тому, что было достигнуто; иначе это было бы очень уж просто. Ученик приходит, ему сворачивают нос, он достигает просветления и уходит домой. Но Ма-цзы не стал бы сворачивать нос никакому другому ученику.

Хьякуджо был готов. Это был просто толчок. Он был на той грани, когда что угодно может подтолкнуть его на один единственный шаг внутрь. Это величайшее утверждение: нет никакого времени, нет никакого пространства – здесь является единственно существующим пространством, а сейчас является единственно существующим временем.

И это применимо не только к диким гусям – это применимо к вам, ко всему – великое утверждение и безмолвная наблюдательность. Пробужденный сворачиванием носа, Хьякуджо достиг просветления.

На следующий день, во время регулярной встречи, как только Ма-цзы уселся, Хьякуджо начал сворачивать его циновку, по которой учитель обычно сходил с возвышения. Затем Хьякуджо проследовал в комнату Ма-цзы, и тот спросил его:

- Зачем ты свернул циновку сейчас, перед началом моей проповеди?*
- Вчера вы, ваше почтение, свернули мне нос, и я почувствовал острую боль, – ответил Хьякуджо.*
- К чему ты применил свой ум вчера? – спросил Ма-цзы.*
- Сегодня я уже не чувствую боли в носу, – ответил на это ученик.*
- Ты глубоко понял вчерашний эпизод, – сказал Учитель.*

Этот эпизод более тонок, чем первый. Обычно после того, как учитель дзен заканчивает проповедь, главный ученик сворачивает циновку, на которой сидел учитель, и относит ее в его комнату. Но в этом отрывке Хьякуджо начал сворачивать его циновку, по которой учитель обычно сходил с возвышения. Затем Хьякуджо проследовал в комнату Ма-цзы.

Он не произнес ни единого слова. Хьякуджо сам уже стал просветленным. Вчерашнее переживание... Сейчас он уже соответствует тому пути, по которому идет его учитель. Сворачивая циновку, он говорит: “Сейчас мне уже не нужны никакие проповеди. Все, что мне было нужно, я получил вчера”.

- Зачем ты свернул циновку сейчас, перед началом моей проповеди?*
- Вчера вы, ваше почтение, свернули мне нос, и я почувствовал острую боль, – ответил Хьякуджо.*
- К чему ты применил свой ум вчера? – спросил Ма-цзы.*

– Сегодня я уже не чувствую боли в носу, – ответил на это ученик.

Он говорит: “Я не нуждаюсь ни в каких утешениях. Сегодня я не чувствую в носу никакой боли, и я больше не нуждаюсь ни в каких проповедях. Вчера ты все сказал”.

– Ты глубоко понял вчерашний эпизод, – сказал Учитель.

В другой раз Ма-цзы, сев, как обычно, на скамью для задзен, плюнул на пол.

- Зачем ты плюешься? – спросил его монах.*
- Когда я сел сюда, то передо мной оказались горы, реки и весь мир природы. Я плюнул, потому что мне это неприятно.*
- Но мир прекрасен! Почему он не нравится тебе? – спросил монах.*
- Может быть, для тебя он и прекрасен, но у меня он вызывает отвращение, – ответил Ма-цзы.*
- Какого рода это состояние? – спросил монах.*
- Это состояние бодхисатвы, – ответил Ма-цзы.*

Эта третья часть притчи еще более трудна для понимания. Ма-цзы, плюнувший, сидя на скамье для медитации задзен, вовсе не хотел сказать, что ему действительно неприятны горы, реки и звезды. Он показал ученикам, что не нужно давать ничему оценку, не нужно судить, а просто оставаться безмолвным.

Весь подход дзен в том и состоит, что не нужно давать ничему оценку. Не оценивать, не судить... и ученик, во всяком случае, не должен судить поступки учителя, он должен быть просто свидетелем, он должен просто видеть, что Ма-цзы плюнул. Но Ма-цзы провоцирует его, провоцирует его ум, склонный к оценкам. И монах забывает о том, о чем говорят все учения – не судите, не давайте оценку, просто наблюдайте, особенно за действиями учителя. Не думаете ли вы, что Ма-цзы не понимал, что плевать на скамье для медитации – плохо? Но он хочет, чтобы все оставались невозмутимыми, не дающими оценки, просто наблюдающими, как зеркало.

Если зеркало – наблюдатель, то не думаете же вы, что зеркало могло бы сказать: “Что ты делаешь? Это нехорошо”. Ученик упускает, а это могло бы стать великой возможностью достичь просветления. Помните, что определенные приемы не всегда дают результат. Иногда они не срабатывают.

Учитель предпринимает свои попытки от всего сердца, но ученик может быть не в том пространстве, чтобы правильно понять их. Для человека, имеющего хотя бы небольшой опыт медитации, ясно, что Ма-цзы знал, что, сидя на скамье для медитации, плевать отвратительно, так что задавать вопросы нет необходимости. Возможно, он провоцирует вас, он про-

воцирует ваш судящий ум. А когда судящий ум овладевает вами, тогда наблюдающий ум исчезает. Помните эти два слова – суждение и наблюдение. Вы можете наблюдать только в том случае, если вы не судите.

Но ученик не может не спросить: “Почему ты плюешься?” – и он спрашивает. Он полностью забывает о том, что здесь ему нужно учиться наблюдать, а не оценивать, не судить; в особенности это касается любых поступков учителя.

– Когда я сел сюда, то передо мной оказались горы, реки и весь мир природы. Я плюнул, потому что мне это неприятно.

Однако ученик не может понять этого, потому что на самом деле перед скамьей для задзен не было ни гор, ни рек, ни мира. Объяснение учителя предназначено только для того, чтобы испытать его. Он сказал: *Я плюнул, потому что мне это неприятно.*

Медитативный ученик ударил бы Ма-цзы, он не стал бы спрашивать ничего, – и это вызвало бы только великое одобрение Ма-цзы. И это могло бы стать просветлением ученика. Это не предмет спрашивания, это предмет спонтанного отклика. Очевидно, что Учитель сделал что-то скверное просто для провокации. Если бы ученик дал учителю пощечину, не говоря при этом ничего, тот бы просто засмеялся и благословил ученика, сказав: “Ты понял это”. Но поскольку ученик упустил момент, он сказал ему: *“Я плюнул, потому что мне не нравится это”*.

Он хотел бы, чтобы ученик сказал ему: “Что случилось с твоим не оценивающим умом?” Но ученик полностью забыл про не оценивающий ум, который является самой основой дзен.

– Но мир прекрасен! Почему он не нравится тебе? – спросил монах.

Он начал спорить. С учителем вы не можете спорить, вы можете только спонтанно откликаться. Вы не должны начинать словесные прения, потому что при этом теряется сам учитель и его великое сострадание.

– Но мир прекрасен! Почему он не нравится тебе? – спросил монах.

Он опустил на уровень ума, дискуссии. Но дзен не допускает дискуссий. Это не словесные дебаты. Это – настоящее пробуждение от ума, настоящая свобода от суждений.

– Может быть, для тебя он и прекрасен, но у меня он вызывает отвращение, – ответил Ма-цзы.

Он снова и снова пытается напомнить ученику, что тот должен был бы дать ему пощечину за его суждение, оценку, за то, что он полностью позабыл основы.

– Какого рода это состояние? – спросил монах.

Он продолжает говорить на уровне ума.

– Это состояние бодхисатвы, – ответил Ма-цзы.

Это состояние будды. Здесь нечего больше сказать. Ма-цзы закончил беседу, видя, что этот способ оказался неудачным.

Помните, что метод не всегда бывает удачным, потому что в нем участвуют два человека – учитель, который просветлен, и ученик, который не просветлен. И ученик, вероятнее всего, будет вести себя непросветленным способом, не зная, что сейчас время спонтанных действий не от ума, а от пустого сердца.

Дайо написал в честь богини Каннон:

*Скалы высоки и глубоки ущелья,
воды стремительно падают вниз.
Царство совершенной общности,
новое на каждом месте.
Люди, которые
встречают ее лицом к лицу,
не узнают ее.
Когда же они покинут
свое прибежище иллюзий?*

В существовании каждое мгновение годится для единения, для общности. Нет какого-то особого момента, в который вы можете стать просветленным. Каждое мгновение особое. Каждое мгновение потенциально содержит ваше просветление – прекрасный закат или восход солнца, огромное небо, полное звезд, или просто эта тишина. Каждый момент может быть подходящим, если вы вспомните самого себя как свидетеля – не вовлекающегося ни во что, не отождествляющегося ни с чем, но остающегося просто зеркалом, пустым зеркалом.

Нет такой иллюзии, которая могла бы долго сохраняться перед пустым зеркалом. Все иллюзии исчезают, они остаются только до тех пор, пока вы вовлекаетесь в них.

Дайо спрашивает с великим состраданием: *Когда же они покинут свое прибежище иллюзий?*

В каждый миг наступает время для просветления. В каждое мгновение – подходящий сезон, подходящий климат. Просто вы упускаете это, это становится вашей привычкой – и эту привычку нужно разрушить. Вы должны стать устойчивым, сосредоточенным в текущем мгновении, в центре вашего бытия, просто свидетельствуя, без произнесения отдельных слов оценки, хороших, плохих или прекрасных.

Ничего не нужно говорить – простого свидетельствования достаточно, и все иллюзии исчезнут; исчезнет все ложное.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

История о плевке Ма-цзы ясно показала мне, что все, что вы делаете и говорите, делается только ради ваших учеников.

Мы все разные, и вы говорите разным типам учеников – от танцующих слив до горячей картошки, от немецких каменных голов до смеющихся сардарджи – и вы не бываете никогда другим, кроме как самим собой, как вода, принимающая форму того, в чем она находится, но не утрачивающая свою сущностную природу.

Означает ли это, что когда вы никто, вы можете быть кем угодно?

Маниша, когда ты никто, ты всегда являешься всем. “Никто” и “все” означает одну и ту же вещь. А то, что я называю кого-то из вас горячей картошкой, танцующими сливами, немецкими каменными головами или смеющимися сардарджи – это все только названия. И я знаю, что вы правильно к этому относитесь и правильно поймете меня. То, что я даю вам эти имена, – это из любви и сострадания. Так, например, я назвал Авирбхаву большой спелой сливой. Она поняла это и послала мне воздушный поцелуй. И сегодня она сидит здесь, пряча яйцо.

Авирбхава, давай свое яйцо... неси его.

(Авирбхава кладет большое зеленое яйцо на подиум перед Учителем, разбивает его; два цыпленка выскочили из яйца и запрыгали вокруг поспевающегося Учителя.)

Да, это настоящее яйцо!

А сейчас пришло время Сардарджи. Он сидит все там же, в первом ряду. С самого последнего ряда он перешел на первый.

Будучи в скверном расположении духа, Пэдди отправился к самой лучшей гадалке, мадам Хиппо.

– Ах, – сказала она, заглядывая в свой хрустальный шар, – знаки неблагоприятны.

– Что, действительно? – спросил Пэдди, широко открывая глаза, – и что же они там говорят?

– Да, – подтвердила гадалка, – знаки говорят, что в течение этой недели ваша жена умрет.

Пэдди утер пот с лица и наклонился к гадалке.

– Я знаю, что она умрет, – сказал он. – Я хочу знать другое: поймут ли меня после этого?

В три часа утра Джордж Буш, вице-президент Соединенных Штатов, звонит в министерство юстиции и настаивает на том, что он должен немедленно говорить с верховным судьей.

Наконец слуга решается разбудить того.

– Ну что там случилось? – спрашивает верховный судья.

– Ваша честь! – восклицает Буш, – Рональд и Нэнси Рейган приняли яд в подземном бункере Белого Дома, и они мертвы.

– Правда? – спросил судья, зевая.

– Да! – воскликнул Буш, – даже гробовщик уже здесь и готов положить их в гробы.

– Правда? – сонно говорит судья.

– Да! – кричит Буш, – и дело в том, что я, как вице-президент, хотел бы занять место Рейгана.

– Ну ладно, я не возражаю, – сказал верховный судья, – если гробовщик не против.

Вальтер и Пэгги Сью неожиданно оказались вместе в новом “форде” Вальтера. Он едет так медленно, что это начинает раздражать Пэгги.

– Слушай, – говорит возбужденно Пэгги, – давай поедem быстрее. На каждые дополнительные десять километров скорости я буду снимать с себя что-нибудь из своей одежды!

Вальтер немедленно нажал на акселератор, и с нее слетели туфли. Засмеявшись, Вальтер еще сильнее нажал на газ и снял с нее блузку. Выпучив глаза, Вальтер прижал педаль до самого пола, снимая при этом с Пэгги бюстгальтер, юбку и, наконец, кружевные трусы.

При этом Вальтер пришел в такое возбуждение, что его член застрял в руле, машина потеряла управление, соскочила с дороги и перевернулась. Никто из них не пострадал, но Вальтер застрял, придавленный перевернутой машиной.

– Быстрее, – проговорил он, задыхаясь, – беги за помощью.

Полностью голая и обезумевшая от страха Пэгги не знала, куда бежать. Подняв туфель Вальтера, она прикрыла им свой лобок и бросилась в сторону ближайшего гаража.

Там она натолкнулась на чернокожего Руфуса, который как раз чинил машину.

– Помогите! – обратилась к нему Пэгги, задыхаясь от бега, – мой парень застрял.

Руфус долго смотрел на девушку и на туфель Вальтера на ее лобке, а потом медленно промолвил:

– Знаете леди, если он застрял так далеко, то мы не сможем его вытащить!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Чувствуйте свое тело полностью застывшим.

Идите вглубь со всей вашей энергией, с огромной настойчивостью, так, как будто это последнее мгновение вашей жизни

и вам нужно достичь цели, истока вашего бытия.

Глубже и глубже...

Центр вашей жизни –

это центр всей Вселенной.

Это из центра вашей жизни

существование питает вас.

Просто наблюдайте безмолвно

покой,

немыслимое великолепие вашего бытия.

Когда вы просто наблюдатель –

вы будда;

тот же самый ум, будучи опустошенным,

становится буддой.

Будда – это не что иное, как пустое зеркало.

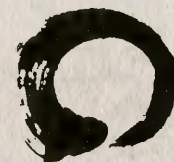
Не оценивайте, не судите,

просто наблюдайте,

свидетельствуйте,

и вы достигнете.

Ниведано...

Расслабьтесь.

Отпустите на волю тело, ум;

оставьте их и будьте наблюдателем.

Тело не ваше,

ум не ваш.

Вы только чистый свидетель.

Это ваша буддовость.

Пребывая в ней, радуйтесь:

впитывайте, вбирайте в себя блаженство,

которое спонтанно хлынет в центр вашего существа.

Этот центр вашего существа постепенно становится

также и вашей периферией.

Медленно, медленно

вы должны вынести будду наружу –

в ваши действиях, в ваши слова,

в ваше безмолвие.

День за днем будда становится

просто вашим сердцебиением.
Этот безмерно прекрасный вечер
станет еще прекраснее
с десятью тысячами будд, которые просто
свидетельствуют.

Вечность существования
всегда здесь,
как дикие гуси.

Вы никогда и не были нигде в другом месте,
вы всегда были здесь и сейчас.

Помните это.

Когда будете возвращаться,
возьмите это воспоминание с собой.

Оно станет самой вашей жизнью,
вашим символом.

Ниведано...

Возвращайтесь, неся будду с собой.
Возвращайтесь как пустое зеркало,
присядьте на несколько секунд как будда –
помнящие то великое переживание,
через которое вы прошли.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Учитель.

– Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?

– Да, возлюбленный Учитель.

20 сентября 1988 года

ПОДОБНО КОРОВЕ

Наш возлюбленный Учитель!

Ма-цзы имел трех выдающихся учеников, которые наслаждались особой близостью с ним. Их имена – Нэн Чжуан, Чжи Цан и Хай Хэй (известный также как Хьякудзо).

Однажды вечером, когда три ученика были с учителем, наслаждаясь созерцанием луны, он спросил их, что они думают о том, как лучше провести сегодняшнюю ночь.

Чжи Цан отвечал первым. Он сказал: "Подходящее время для жертвоприношений".

Хай Хэй сказал: "Хорошее время для совершенствования духовной жизни".

Нэн Чжуан не ответил ничего, а просто удалился, потрясая рукавами.

Ма-цзы повернулся к Чжи Цану и сказал: "Сутры соберутся у Цана". (Он использовал игру слов – "цан" по-китайски означает "корзина" – корзина для сутр, слов Будды.)

Затем он повернулся к Хай Хэйю и сказал: "Дхьяна вернется в море". (Он снова использовал игру слов – "хэй" по-китайски означает море.)

Затем он сказал: "Только Нэн Чжуан сам собой вышел за пределы царства вещей".

В другой раз монах спросил Ма-цзы:

– Что есть будда?

– Ум – это будда, – ответил Ма-цзы.

– А что есть Путь? – спросил тогда монах.

– Не-ум – это Путь, – ответил Ма-цзы.

– Будда и Путь – это что, разные вещи? – спросил монах.

– Будда – это подобно вытягиванию руки. Путь – это подобно сжиманию кулака, – ответил Ма-цзы.

Маниша, прежде чем приступить к разбору сутр, нужно сказать кое-что о самом Ма-цзы, потому что это очень необычно... Ни один учитель дзен не вел себя таким образом, как Ма-цзы, – но это очень символично.

О Ма-цзы говорили, что он выглядел очень странно. Говорили, что он ходил, как корова, а озибался, как тигр. Он мог достать свой нос языком и на ступнях имел два кольца. Его способы обучения были самыми разными. Говорили, что он был инструментом просветления ста тридцати

учеников, каждый из которых, в свою очередь, стал учителем в той местности, где жил.

Очевидно, что этот странный человек – Ма-цзы – вел себя согласно своей собственной спонтанности, не заботясь о чьем бы то ни было мнении. Это нужно понять прежде всего. Только человек огромного мужества может ходить на четвереньках, как корова – человек, ни на йоту не беспокоящийся о мнении других. Он знает истину, и до всего остального ему просто нет дела.

И то, что он ходил как корова, – очень символично. Вы не можете уснуть стоя. Это очень трудно. Вы должны лечь горизонтально, чтобы сила тяготения равномерно распределилась по телу. Когда вы стоите, прислонившись к чему-то, или сидите, сила тяготения будет действовать по-разному на разные части тела. Это нарушает гармонию тела. Но когда вы лежите, вы входите в глубокую гармонию с силой тяготения.

В традиции дзен существует древняя и очень странная притча о том, что звери прекрасно понимают наш язык, но они не говорят и ни одним знаком не обнаруживают, что понимают нас.

Однажды учитель дзен – только учитель дзен и мог это сделать – сказал обезьяне: “Я точно знаю, что ты понимаешь язык, на котором я говорю, но стараешься скрыть это от меня. Мое проникновение в суть вещей говорит мне об этом”.

Обезьяна ответила: “Да, господин. Но, пожалуйста, не говорите об этом никому, потому что я не стану говорить ни с кем, кроме вас. Каждый зверь прекрасно понимает ваш язык, но ни одно животное не хочет, чтобы вы обратили его в рабство. Если кто-нибудь из зверей заговорит, то его тут же заставят делать какую-нибудь работу”.

Эта древняя притча напомнила мне историю о ребенке, который не разговаривал до восьмилетнего возраста. Были использованы все средства, были использованы все тесты. Уши его слышали прекрасно, и у него не было ни одного физического дефекта. Оставалось загадкой только то, почему же он не говорил и не отвечал на вопросы. Наконец его повели к психиатру, – но все бесполезно.

А в один прекрасный день во время завтрака он закричал своей матери: “Мама, а где же соль?” Мать не могла поверить своим ушам – восемь лет ребенок не говорил! Но она была одна в доме, и никто бы ей не поверил.

Она спросила его:

– Почему же ты молчал восемь лет?

– Все было прекрасно до этого момента, – ответил он. – Но сегодня на столе нет соли. А до этого говорить не было никакой необходимости – зачем беспокоиться понапрасну?

– Будешь ли ты теперь говорить и перед другими людьми? – спросила мать.

Он отказался:

– Пусть это будет нашей тайной, не говори никому, все равно подумают, что ты обманываешь. А я же снова буду молчать.

В чем причина того, что животные не разговаривают, что они не развивают свой ум, интеллект? Почему они так удовлетворены – прямо как корова? А причина в том, что они все время в горизонтальном положении. Нет нарушения гармонии. В их физиологии и психологии все сбалансировано, и тяготение не вносит нарушений. Человек же, встав на две ноги, разрушил весь баланс. Его мозг начал развиваться именно потому, что он встал прямо.

То, что прямохождение человека является причиной роста его интеллекта, – научно обоснованный факт. Мозг, находящийся в маленькой голове, – это очень сложное явление, один миллиард мельчайших нервов создает его. И эти нервы почти невидимы. Они нуждаются в очень небольшом количестве кислорода в крови. Чуть больше крови – и это подобно наводнению – прямо как в Бангладеш сейчас, где три четверти суши покрыла вода. У животных не развился большой мозг и не возник ум, потому что приток крови к каждой части их тела одинаков.

А так как человек встал прямо, то его сердцу и легким стало очень трудно работать против тяготения, посылая кровь и кислород к мозгу. До мозга доходило очень немного кислорода, и в этом была причина того, что у человека развились очень тонкие нервные клетки, которые способны мыслить, которые способны даже трансцендировать мышление и создать Будду.

А привычка Ма-цзы ходить на четвереньках подобно корове... Первый скрытый смысл здесь в том, что теперь он – не ум, так же как и животное; что он воссоединился с природой и отбросил свой ум; теперь он в гармонии со Вселенной, не в противостоянии ей, а просто в ее потоке. Второй же скрытый смысл в том, что, так как он отбросил ум, он стал пустотой – и она автоматически переросла в любовь, в сострадание, в скромность, в отсутствие эго. А вы не найдете ни одного животного, подобного корове в простоте, скромности, удовлетворенности... Но все же Ма-цзы смотрит вокруг себя как тигр.

Это – парадоксы дзен. Вы должны быть полностью скромными, как корова, но в то же время вы должны быть столь же мятежны, революционны и бескомпромиссны, как тигр. И хотя Ма-цзы ходит подобно корове, вы можете видеть, что его глаза – глаза тигра; он прыгнет на вас и тут же прикончит! Было ли все это в действительности или все это только символы – трудно сказать. Но об этом говорят все источники.

Он ходил, как корова, поглядывая по сторонам, как тигр. Он мог достать свой нос языком. Очень немногие люди могут это, так же, как только очень немногие люди могут шевелить ушами. Попробуйте пошевелить ушами: они вне вашего контроля – вы не сможете ими двигать.

Я встречал только одного человека – доктора из своей деревни, он ходил вместе со мной в школу и в университет. Это был, наверное, единственный в мире человек, который мог шевелить мочками ушей. Это было чудом, в это трудно было поверить – мочки ушей не имеют нервной системы, поэтому вы не в состоянии управлять ими. Вам нужна система нервов, которая контролировалась бы умом, – но здесь нет никаких нервов, просто мягкая ткань.

Наверное, этот врач – его имя Манохар – имел по ошибке природы нервы в мочках ушей. Другого объяснения нет. В Китае с древности верят, что просто так никто не может достать нос языком. Но в старости вы сможете это сделать по простой причине – выпадут все зубы, и нос с языком станут ближе. В этом нет ничего чудесного.

В Индии существуют поверья, подобные этим, но более значимые. За шесть месяцев до своей смерти вы перестаете видеть кончик своего носа, потому что ваши глаза начинают закатываться. В тот самый момент, когда вы обнаружите, что не можете видеть кончик носа, вы можете быть уверены, что через шесть месяцев умрете, потому что ваши глаза начали закатываться вверх. Вот почему, когда кто-то умирает, ему немедленно закрывают глаза. Глаза закатываются, и остаются видимыми только белки. Поэтому у всех народов глаза принято закрывать немедленно после смерти.

Но всякий человек умирает с открытыми глазами. Никто не может умереть с закрытыми глазами, потому что для того, чтобы закрыть глаза, нужна определенная воля, определенная жизненная энергия. Вы не можете умереть со сжатым кулаком – на это нужна энергия. Вы можете умереть только с открытой ладонью, потому что открытая ладонь расслаблена, и ей не нужна энергия жизни. Точно так же каждый умирает с открытыми глазами. А чтобы не пугать других, старые люди немедленно прикрывают веками глаза умершего. Он может захотеть взглянуть – что происходит вокруг, – но он не сможет поднять веки.

Так что нет ничего удивительного в том, что Ма-цзы мог достать кончик носа языком. Обычно никто не пробует этого, иначе бы вы смогли. Просто ваши зубы – это барьер. Поэтому, если зубы выпадают, – а они однажды выпадут, – то попробуйте, и вы обнаружите, что Ма-цзы не совершил чего-то сверхъестественного, а просто он был очень стар.

В Индии существует поверье, что на ступнях будды, на подошвах ступней, есть два кольца. Это – знак того, что родившийся ребенок превратится в будду. Это не значит, что каждый будда имеет на ступне два таких кольца, но это значит, что ребенок, у которого они есть, непременно станет буддой.

Это не является неизбежным для каждого. Вы можете стать, а можете не становиться – ваш выбор. Но для человека, подобного Ма-цзы, это не вопрос выбора. В прошлой жизни он научился в медитации многому и

был так близок к буддовости, что когда он умирал, было уже предreshено – он станет буддой.

Наверное, Эно увидел эти два кольца на его ступнях, когда он говорил Нангаку: “Этот юноша станет буддой. Я стар, а он просит о посвящении; ты будешь моим наследником, поэтому лучше всего будет, если ты возьмешь на себя заботу о нем с самого начала. Дай ему посвящение и помни, что нужно быть почтительным с ним. Он уже почти будда. Небольшой толчок – и он будет на том берегу”.

Вот история, которую приводит Маниша:

Ма-цзы имел трех выдающихся учеников, которые наслаждались особой близостью с ним. Их имена – Нэн Чжуан, Чжи Цан и Хай Хэй (известный также как Хьякуджо).

Это было почти обязательным для каждого древнего учителя – иметь нескольких особо близких учеников. Учитель мог иметь тысячи учеников, но некоторые становились приближенными. Из этих приближенных учеников выбирался его преемник.

Что же касается меня, то это уже неприемлемо. Никто не будет моим преемником. Сама идея наследничества, преемственности заимствована у королевских семей. Так же, как там старший сын наследовал царство, так и у древних учителей кто-то становился их преемником.

Я же хочу полностью порвать с этой традицией. Я могу быть близок со всеми вами, потому что нет и вопроса о наследовании. Никто не будет моим наследником, я хочу, чтобы каждый стал учителем для самого себя.

Быть наследником немного унижительно. Это противоречит достоинству просветленного. Он не имеет никого, кому бы он наследовал, и никто не будет его наследником. Он – в одиночестве, подобно Эвересту. Никто ему не предшественник, и никто ему не наследник.

И его одиночество – это его откровение всем тем, кто его любит: они тоже должны быть одиночками. В своем одиночестве вы чисты и прекрасны. Это не значит, что вы отрекаетесь от мира. Это просто означает, что вы не должны принадлежать миру. Вы можете оставаться даже на базаре, но только как зеркало, как свидетель, наблюдая все, что бы там ни происходило.

Обычно не понимают, что быть наследником – это значит ущемлять свободу собственной индивидуальности. Это превращает духовный опыт в некое подобие сокровища или царства. Это негативно. Никто не может быть наследником. Каждый должен быть самим собой. Эта независимость и вкус этой независимости настолько значимы, что я хочу показать миру новый тип учителя и новый тип ученика. В своей любви и в своей вере они близки, но они не связаны никоим образом – нет никакой нити, видимой или невидимой. Учитель – сам по себе, а ученик – сам по себе. И

функция учителя – доказать ученику, что быть самим собой – величайшая в мире слава, самое величественное достижение.

Но Ма-цзы стар... часть старого мира. И он имел трех особо приближенных учеников – Нэн Чжуана, Чжи Дана и Хай Хэя (известного также как Хьякуджо). Нэн Чжуан более известен как Нансен. Он занимал особое место в сердце Учителя, но по линии передачи традиции наследником Ма-цзы стал Хьякуджо.

Однажды вечером, когда три ученика были с учителем, наслаждаясь созерцанием луны, он спросил их, что они думают о том, как лучше провести сегодняшнюю ночь.

Чжи Цан отвечал первым. Он сказал: "Подходящее время для жертвоприношений".

Хай Хэй сказал: "Хорошее время для совершенствования духовной жизни".

Нэн Чжуан не ответил ничего, а просто удалился, потрясая рукавами.

Ма-цзы повернулся к Чжи Цану и сказал: "Сутры соберутся у Цана". (Он использовал игру слов – "цан" по-китайски означает "корзина" – корзина для сутр, слов Будды.)

Сутры Будды разделены на три корзины. Ма-цзы сказал Чжи Цану, используя игру слов: "Ты будешь одним из просветленных, кто будет нести сутры Будды. Ты будешь корзиной для сутр Будды. Ты будешь великим ученым". И так оно и было.

Проницательность Учителя, его ясность видения все время, двадцать четыре часа в сутки, одни и те же. Просто делая каламбур из имени человека, он может видеть его насквозь. И он использует даже эту возможность, чтобы указать ученику, что тот станет великим ученым, знатоком писаний.

Затем он повернулся к Хай Хэю и сказал: "Дхьяна вернется в море". (Он снова использовал игру слов – "хэй" по-китайски означает море.)

Хай Хэй сказал, что сейчас подходящее время для духовного роста. А путь духовного роста – это дхьяна, медитация. Китайское имя "Хэй" означает "море". И каждая медитация влечет маленькую реку вашей жизни в великий океан существования, в море. Поэтому Ма-цзы сказал Хай Хэю: "Ты достигнешь моря". И Хай Хэй стал великим просветленным Учителем. Затем Ма-цзы заключил: *Только Нэн Чжуан сам собой вышел за пределы царства вещей.* Нэн Чжуан не ответил. Он просто ушел. Его жест показывает, что разговор о священных писаниях – это неверный путь; так же абсурден и разговор о возвращении духа. Вы не можете возвращать

его – он уже здесь. Поэтому он и не ответил, а затряс рукавами одежды и вышел. Таков был его ответ.

Вы должны понимать, что в дзен даже жест может быть ответом, ответом без слов. Он говорит: "Вот ваши писания и вот ваше культивирование духа – я ухожу. Это не мое место. Я уже будда, и до всего остального мне нет дела. Возращение духа или штудирование сутр – это не по мне. Это для посредственных людей".

В дзенских текстах говорится, что Нэн Чжуан, известный как Нансен, занимал особое место в сердце Учителя. Это был очень красивый человек, великого понимания. Он погружался в медитацию все глубже и наконец стал просветленным Учителем. Все думали, что преемником Ма-цзы станет Нансен, но по линии передачи традиции наследником Ма-цзы стал Хьякуджо.

Это указывает на нечто весьма существенное: не имеет значения, кто ближе вашему сердцу; имеет значение лишь то, кто ближе к истине. Ма-цзы любил Нансена, и все думали, что Нансен станет преемником. Но перед своей смертью Учитель избрал Хьякуджо, потому что этот человек был ближе к истине. Он мог быть не так близок его сердцу, но это не имело значения. Это не личная передача – это универсальное явление. Факел просветления должен быть передан тому, кто ближе к безусловной истине.

В другой раз монах спросил Ма-цзы:

– Что есть будда?

– Ум – это будда, – ответил Ма-цзы.

– А что есть Путь? – спросил тогда монах.

– Не-ум – это Путь, – ответил Ма-цзы.

Ответ странный. Сначала он говорит: "Ум – это Будда". А когда его спрашивают, что есть Путь, он отвечает, что "не-ум есть Путь". Он отменяет ум и делает не-ум путем. Если ум пуст, он становится не-умом. Не-ум – это не другая вещь, это то же самое, что и ум; разница в том, заполнен ум мыслями или пуст. Если он пуст – это не-ум, если полон мыслями – это ум.

Он поступает правильно, отвечая постепенно, потому что резкий ответ может оказаться невоспринятым. Он говорит: "Ум – это Будда", и это звучит утешительно – у вас есть ум и, значит, Будда не так далек.

– А что есть Путь? – спросил тогда монах.

И вот он применяет свой трюк. Он говорит: "Не ум – это Путь". Вы должны освободить ум от всего его содержимого.

– Будда и Путь – это что, разные вещи? – спросил монах.

– Будда – это подобно вытягиванию руки. Путь – это подобно сжатию кулака, – ответил Ма-цзы.

Фактически, разницы нет. Открыта моя ладонь или сжата в кулак – это одна и та же ладонь – разные формы одной и то же вещи. Это очень красивое высказывание – что Будда и Путь почти одно и то же. Как только вы начинаете следовать по пути, вы, шаг за шагом, с каждым днем становитесь буддой. Это подобно созданию скульптуры. Если вы делаете статую Гаутамы Будды, вы не можете создать ее одним ударом. Вы должны будете убирать слой за слоем ненужные куски, придавая мрамору форму Гаутамы Будды.

То же самое вы делаете с самим собой. В каждодневной медитации вы отбрасываете нечто и достигаете более глубоких слоев бытия. Отбрасывая лишние слои, вы делаете проявленной хотя бы часть будды. Медленно-медленно возникает весь будда во всей своей тотальности – и в этот момент вы исчезаете. В этот момент только будда остается в вас, и вы – это будда. Путь, путник и цель – это только разные стадии одного и того же явления.

Трехстишие Иккью:

*Каким же он был озорным парнем –
человеку по имени Шакия!
Многих он озадачил.*

Шакия – это фамильное имя Гаутамы Будды. Иккью говорит, что он был озорным парнем и многие люди были им озадачены.

Это правда. Бесперывно в течение двадцати пяти столетий Гаутама Будда беспокоит и тормозит людей. Я торможу вас каждый вечер – хотите вы быть буддой или нет, но я намерен указывать вам, что вы должны стать буддой.

Иккью говорит это из любви, это – не умаление Будды. Он просто говорит: “Какой озорной парень!” Двадцать пять столетий спустя люди продолжают разгадывать загадку: как стать Буддой. Так долго, как человек будет существовать на земле, это будет продолжать озадачивать людей, потому что, кажется, больше никто на всем небосклоне сознания не в состоянии озадачить человечество более, чем Гаутама Будда. Он настаивает на вашей подлинности, на вашем истинном бытии, он желает вашей тотальной свободы. Ни один человек не любил человечество столь сильно. Ни один человек так не ценил человеческое достоинство, как Гаутама Будда. Он не желает, чтобы вы становились последователями, он хочет, чтобы вы стали буддой.

Все великие религиозные учителя кажутся весьма посредственными по сравнению с Гаутамой Буддой. Они хотят, чтобы вы стали последова-

телем, чтобы вы практиковали определенную религиозную дисциплину; они хотят контролировать ваши дела, вашу мораль, ваш образ жизни. Они делают вас по шаблону и дают вам красивую тюремную камеру.

Будда стоит в одиночестве. Он за тотальную свободу. Не обладая свободой, человек не может познать свою величайшую тайну. Будучи скованным, человек не может распрямить крылья для полета в небе, не может выйти в запредельное. Каждая религия сковывает человека, продолжает удерживать что-то взаперти, не позволяет ему быть в согласии со своим подлинным существом, навязывает ему различные личины – все это они называют религиозным образованием. Будда не дает вам никакого религиозного образования. Он просто хочет, чтобы вы были самим собой. Ни один человек так не любил свободу. Ни один человек так не любил человечество. Он не принимает последователей по той причине, что принять последователей – это разрушить человеческое достоинство. Он принимает только спутников, товарищей по путешествию. Его последний завет: “Если я когда-нибудь вернусь, то вернусь как друг”. “Майтрейя” и означает “друг”.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Учитель!
Кто из нас не хотел бы “наслаждаться особой приближенностью” к
нашему Учителю, занимать особое место в его сердце?
Что означает быть действительно близким вам?*

Маниша, мое сердце пусто. И чем более пустыми становитесь вы, тем ближе вы становитесь мне. Вы будете действительно близки ко мне, когда станете пустым сердцем. Тогда вы окажетесь в той же тональности, в том же танце, в той же музыке. И эта близость не будет той, старой, близостью, о которой мы говорили. Это совершенно иная близость, качественно иная. Я могу не знать вашего имени, вы можете никогда не встречать меня лично, но все же вы сможете быть близки ко мне, потому что я даю близости совершенно новое измерение. Если ваше сердце станет пустым, внезапно вы войдете в гармонию со мной. И такая близость не будет создавать никакой зависти.

Особо приближенные ученики в древней традиции вызывали зависть, даже в присутствии учителя. Если три человека особо приближены к учителю, то вы думаете, остальные не в обиде? Вы думаете, остальные не завидуют? Каждый хочет быть особо приближенным. Это было невозможно в старой традиции, но мое понимание близости таково, что вся Вселенная может быть близка со мной, не вызывая ни у кого зависти.

Вы можете быть близки со мной, потому что это зависит не от меня – это зависит от вас. Опустошите свое сердце – и в этой пустоте сердца вы станете близки ко мне. Вы можете находиться на другой планете – это не

имеет значения. В этом измерении близости нет никаких ограничений, и каждый может быть особо близким со мной.

А теперь – время для серьезных вещей. Сардар Гурудаял Сингх, ты хоть и становишься старше, но ты не бросаешь своей древней привычки!

Пэдди выпил много виски, и теперь ему нужно пройти в туалет. Он поднимается от стойки бара и движется мимо Джорджии Глории, которая сидит одна за столиком в новой макси мини-юбке.

Привлеченный ее длинными и тонкими обнаженными ногами, пьяный Пэдди задевает за ее кресло, спотыкается и падает на пол. Глория вскакивает и встает над ним, пытаясь помочь ему подняться. Пэдди не может не заглянуть ей под юбку.

– Мистер Мэрфи! – восклицает Глория, делая шаг назад, – а я-то думала, что вы настоящий джентльмен!

– Да ладно, Глория, – бормочет Пэдди, – я тоже думал, что ты настоящая блондинка.

Маленький Эрни возвращается домой их кинотеатра.

– Что ты смотрел? – спрашивает его мать.

– Линду Лавлайс в фильме “Глубокое горло”, – отвечает Эрни мимоходом. – Неплохой фильм.

– Боже мой! – восклицает мама Эрни. – Ты смотрел “Глубокое горло”? Но ведь это фильм категории X!

– Ну и что? – сказал Эрни. – Все фильмы одинаковы. В фильмах категории G девочки достаются хорошим парням, в фильмах категории R девочки достаются плохим парням, а в фильмах категории X девочки достаются всем!

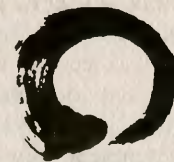
Мойша Финкельштейн зашел в ресторан Рици Глиц и заказал себе роскошный обед с шампанским, закончив его гаванской сигарой. Официант на серебряном подносе приносит счет. Обед стоил Мойше девяносто девять долларов и девяносто девять центов, и он дает официанту столдеровую бумажку.

Через пять минут Мойша сердито подзывает официанта и требует сдачи. Не меняя выражения лица, официант уходит и быстро возвращается с тем же серебряным подносом. На подносе – один пенни и пачка презервативов.

Мойша шокирован и требует объяснений. Официант поднимает голову вверх и говорит:

– Сэр, это традиция нашего ресторана: сделать все, чтобы такие клиенты, как вы, не размножились.

Ниведано...

Ниведано.

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Ощутите свое тело полностью застывшим.

Теперь посмотрите внутрь

с тотальным чувством необходимости,
как будто другого момента уже и не будет.

Только такая настоятельность,
как будто это – последний момент вашей жизни,

позволит вашему видению проникнуть
в ваш жизненный исток,

в вашу вечность,

в вашего будду.

Глубже и глубже, – вы ничего не утратите,
вы отберете потерянное царство.

Вовне вы продолжаете жить во сне,
но внутри вас, в глубочайшем центре –

только наблюдатель,

незамутненный, непривязанный, неотожествленный,
– зеркало самого вашего бытия,

которое просто отражает.

Это зеркало было названо буддой.

И вы все имеете его.
Это – не что-то личное,
это – универсальное.

Чтобы сделать это более ясным, Ниведано...

Расслабьтесь.
Просто позвольте своему телу и своему уму
быть здесь;
но помните, что вы – только наблюдатель.
Вы – не тело и не ум,
но только зеркало,
отражающее без всяких суждений,
чистое отражение луны в озерной воде.
Это – ваша глубочайшая реальность.
Это – само ваше бытие.
Это – за пределами слов,
но не за пределами переживания.
Это – само ваше небо, бездонное и безграничное.
В этот счастливый вечер
десять тысяч будд исчезли
в океаническом осознании,
стали просто чистым сознанием.
Будда-холл превратился в озеро
отражающих сознаний.
Наслаждайтесь этим.
Позвольте этому проникнуть глубоко
в каждую клеточку вашего существа,
так, чтобы медленно, постепенно
каждое ваше действие наполнилось
вашей подлинной природой;
так, чтобы вы были буддой
двадцать четыре часа в сутки.
День, в который вы уже не будете чувствовать
необходимость в медитации,
станет величайшим днем вашей жизни.
Будда не медитирует.

Он есть медитация.
Соберите свое переживание, помните путь –
не-ум это путь –
и помните блаженство и экстаз,
которыми наполнен этот момент.
Аромат всех этих цветов, всех этих роз
останется с вами.

Ниведано...

Возвращайтесь.
Но возвращайтесь как будда,
принося с собой изящество будды.
Сядьте как будда.
В этот момент вы делаете это место святым,
этот вечер – бессмертным,
это мгновение – своей вечностью.
Сатъям, Шивам, Сундарам,
Истина, добро, красота.
Это – ваше подлинное лицо.

– О'кей, Маниша?
– Да, возлюбленный Учитель.
– Можем мы праздновать собрание десяти тысяч будд?
– Да, возлюбленный Учитель.

ОХОТНИК

Наш возлюбленный Учитель!

Ма-цзы был знаменит тем, что он был неисчерпаем в нахождении соответствующих обстоятельствам средств работы со своими учениками. Это показывает и его разговор с Ши Куном, который первоначально был охотником, презирающим сам вид буддийских монахов. Однажды, когда Ши Кун преследовал оленя, он проходил мимо монастыря Ма-цзы. Ма-цзы вышел ему навстречу. Ши Кун спросил, не видел ли он поблизости от монастыря оленя.

– Кто ты? – спросил Ма-цзы.

– Охотник, – ответил Ши Кун.

– А ты знаешь, как стрелять из лука?

– Конечно знаю, – ответил охотник.

– Сколько оленей ты можешь убить одной стрелой? – спросил Ма-цзы.

– Одна стрела может поразить только одного оленя, – ответил Ши Кун.

– В таком случае, ты и понятия не имеешь, как стрелять, – заметил Ма-цзы.

– А Ваше Почтение знает, как стрелять? – спросил охотник.

– Конечно, знаю, – ответил Ма-цзы.

– Сколько оленей одной стрелой можете убить вы?

– Одной стрелой смогу убить все стадо, – ответил учитель.

– Звери ведут себя подобно вам. Зачем убивать все стадо?

– Если ты знаешь это так хорошо, почему ты не застрелишь самого себя? – сказал Ма-цзы.

– Даже если бы я и захотел застрелить себя, то я бы не знал, как это сделать.

В этот момент Ма-цзы заметил:

– Этот парень накапливал клеши неведения миллиарды лет. Сегодня этот процесс внезапно прекратился.

Отбросив свой лук и стрелы, Ши Кун стал монахом и учеником Ма-цзы.

Некоторое время спустя, когда Ши Кун работал на кухне, Ма-цзы спросил его о том, что он делает.

– Присматриваю за быком, – ответил ученик.

– И как ты присматриваешь за ним? – спросил Ма-цзы.

– Как только он возвращается на траву, я безжалостно тяну его за ноздри обратно.

Ответ вызвал большое одобрение учителя, который заметил:

– Ты, определенно, знаешь, как правильно присматривать за быком.

Маниша, есть два типа учителей, не отличающихся между собой в своем внутреннем опыте, но различающихся в выражении, в передаче этого опыта.

Одни просто используют хорошо отработанные старые методы, давшие определенные результаты, другие же – творческие личности, не следующие никаким традиционным методам и способам трансформации человека, но отвечающие на конкретные требования каждой индивидуальности.

Ма-цзы принадлежит ко второй категории очень изобретательных и творческих учителей. Он никогда не повторяется и в каждой ситуации дает новый способ; он функционирует просто как зеркало. И что бы спонтанно ни исходило из пустоты его сердца, он использует это как средство дхаммы.

Этот тип Учителя очень редок – потому что вы не знаете, даст ли метод результат; вы не знаете, каков будет выход. Вы просто доверяете собственному сердцу, верите, что сердце не подведет. Это – безмерное доверие своей просветленности и пробужденности, вера в то, что что бы ни исходило из вашего света, это, без всяких сомнений, приведет к успеху. Поэтому человек, подобный Ма-цзы, имеет огромную свободу.

Другие Учителя имеют тысячи традиционных методов, и они выбирают один из них, но это – мертвый способ, хотя он и кажется более определенным.

Для Ма-цзы успех – не проблема; успех – это последний пункт путешествия. Все учителя первого типа ищут успеха – метод должен дать успех. И так как метод использовался неоднократно и использовался успешно, то зачем искать новый метод? Эти учителя обращают внимание только на завершение, только на успех.

Метод Ма-цзы, его подход – совершенно иной. Он зависит от начала путешествия, от того, откуда вылетает стрела. Если она вылетает из пустого сердца, то об успехе можно не беспокоиться. Для Ма-цзы это не проблема. За свою жизнь он изобрел тысячи методов, предназначенных для тех, кто сталкивался с ним лицом к лицу. И он имел огромный успех.

Но его успех, его неисчерпаемость – это неисчерпаемость пустого зеркала. Он отражает человека так точно, что нет никакой необходимости прибегать к старым методам. Человека, который предстает перед ним, он может вести прямо вперед и создавать ситуацию, в которой произойдет трансформация, в которой нечто будет передано от сердца к сердцу, нечто перенесет свет от одного сердца к другому сердцу.

О нем сказано:

При Ма-цзы дзен приобрел истинно китайский вкус: открытость сердца и отсутствие жесткого контроля. При Ма-цзы прекратились таинственные медитации и отречения для практики задзен в горных пещерах. Основой дзен после Ма-цзы стало не что иное, как аромат интенсивной жизни.

Он свел все к интенсивности поисков, к интенсивности жизни. Интенсивность, насыщенность стала фокусом всего его учения. Сто тридцать последователей Ма-цзы достигли просветления. И просто как пример его работы...

Ма-цзы был знаменит тем, что он был неисчерпаем в нахождении соответствующих обстоятельствам средств работы со своими учениками. Это показывает и его разговор с Ши Куном, который первоначально был охотником, презирающим сам вид буддийских монахов. Однажды, когда Ши Кун преследовал оленя, он проходил мимо монастыря Ма-цзы. Ма-цзы вышел ему навстречу. Ши Кун спросил, не видел ли он поблизости от монастыря оленя.

– Кто ты? – спросил Ма-цзы.

Что-то невпопад. Ши Кун спрашивает об олене, а Ма-цзы меняет всю ситуацию, переводит ее в новое измерение. И в этом его неисчерпаемость.

– Кто ты? – спросил Ма-цзы.

Конечно, это не был ответ на заданный вопрос.

– Охотник, – ответил Ши Кун.

– А ты знаешь, как стрелять из лука?

Он полностью изменил тему беседы.

– А ты знаешь, как стрелять из лука?

– Конечно, знаю, – ответил охотник.

– Сколько оленей ты можешь убить одной стрелой? – спросил Ма-цзы.

– Одна стрела может поразить только одного оленя, – ответил Ши Кун.

– В таком случае, ты и понятия не имеешь, как стрелять, – заметил Ма-цзы.

Видите ли вы сдвиг ситуации? Медленно учитель подводит его к совершенно иным вещам. Ши Кун ведь только спросил: “Не видели ли вы оленя?” Он не пришел в монастырь и не собирался получать посвящение;

он находился здесь не затем, чтобы узнать об истине. Но все это не имеет значения – как только вы встали перед лицом Ма-цзы, вы не можете уйти прежним. Одного только касания воздуха, что вокруг Ма-цзы, достаточно, чтобы произошло изменение.

Он говорит Ши Куна: “В таком случае, ты и понятия не имеешь, как стрелять”.

– В таком случае, ты и понятия не имеешь, как стрелять, – заметил Ма-цзы.

– А Ваше Почтение знает, как стрелять? – спросил охотник.

– Конечно, знаю, – ответил Ма-цзы.

– Сколько оленей одной стрелой можете убить вы?

– Одной стрелой я могу убить все стадо, – ответил учитель.

Теперь вы видите изменения климата? Он забыл и об олене, и об охоте.

– Звери ведут себя подобно вам... Убийство целого стада – это так противоречит жизни – и такой Учитель, как вы...

– Если ты знаешь это так хорошо, почему ты не застрелишь самого себя? – сказал Ма-цзы.

Охота за оленем, чтобы его убить... олень имеет жизнь, и ты имеешь жизнь – зачем заходить так далеко и почему бы тебе не застрелить себя самого? Ты настолько умен, что понимаешь, что все стадо не должно быть умерщвлено. Но если ты понимаешь это – что стадо нельзя истреблять – тогда почему ты хочешь застрелить одного оленя? Принцип остается тем же: не уничтожай чужую жизнь. И если ты намереваешься уничтожить жизнь...

– Если ты знаешь это так хорошо, почему ты не застрелишь самого себя? – сказал Ма-цзы.

Какое имеет значение, чья жизнь будет потеряна – жизнь оленя или твоя собственная жизнь?

– Даже если бы я и захотел застрелить себя, то я бы не знал, как это сделать.

Застрелить себя из лука невозможно. Из ружья – другое дело. Вы можете направить его в сердце – и вас нет! Но стрелой? Необходимо пространство; вы не можете застрелить себя из лука, это за пределами ваших возможностей.

В этот момент Ма-цзы заметил:

– Этот парень накапливал клеша неведения миллиарды лет.

Клеша – санскритское слово, означающее зло, страдание, мучение – самого себя и других.

– Этот парень накапливал клеша неведения миллиарды лет. Сегодня этот процесс внезапно прекратился.

Он не может застрелить себя, но он убивал других в течение всей своей жизни – наверно, многих жизней.

Отбросив свой лук и стрелы, Ши Кун стал монахом и учеником Ма-цзы.

Видите ли вы, что не было использовано никакого метода? Это был не метод, а просто разговор, в котором учитель перевернул всю ситуацию, и охотник вдруг понял, что убивать жизнь – это уродство. До сих пор же он думал, что он – великий охотник. Для того чтобы разрушить его эго охотника, Ма-цзы говорит ему: “Лучший способ доказать себе, что ты охотник – это застрелить самого себя!”

Бедный охотник пришел в состояние полного ступора – потому что вы не можете застрелить себя из лука. В этой тишине, в которой он начал думать, как застрелить самого себя, он забыл об оленях, он забыл, что он охотник. И в этот маленький проблеск безмолвия Ма-цзы вошел в его сердце. Этого не найти в рассказе, это нельзя отразить в словах.

В этот момент полной остановки его ум не мог продолжать функционировать; момент остановки ума – это самый подходящий момент для того, чтобы учитель вошел в самое сердце ученика. Это не требует усилия и участия учителя – это случается само собой, спонтанно. Если возникает промежуток, интервал – тот же свет, та же пробужденность, какая присутствует в учителе, входит в человека, стоящего перед ним.

Охотник не ответил. Он бросил на землю лук и стрелы и припал к ногам Ма-цзы. Он просил посвящения. Он пришел с совершенно иными намерениями, но попал в сети Ма-цзы.

Это нельзя назвать методом, даже самым тонким, но именно в этом Ма-цзы и был неисчерпаем. Он поворачивал любую ситуацию таким неуловимым образом, что человек даже не догадывался о том, что его уносит в новое пространство.

Ши Кун увидел всю ситуацию: он уничтожил жизнь, а уничтожение жизни – абсолютное зло. Внезапно приходит пробуждение и понимание, что теперь время искать – но уже не оленя, а самого себя, источник собственного бытия. Он стал учеником Ма-цзы и начал работать в храме Ма-цзы.

Однажды Ма-цзы спросил его о том, что он делает.

– Присматриваю за быком, – ответил ученик.

Я должен пояснить, что “присматривать за быком” – это не буквально. Это – символика дзен.

Существует десять карт Дао, нечто подобное картам Таро. Эти карты называются “поиски быка”. Бык – символ вашей души, вашей подлинной природы. Поиск души – вот смысл этих карт.

Когда эти карты попали из Китая в Японию, последняя, десятая, была выброшена: по той причине, что нужно было очень большое понимание, чтобы проникнуть в ее смысл. Эти десять карт были созданы по описанию самого Будды.

На первой карте бык убегает в лес. Человек, владелец быка, стоит в растерянности, озираясь вокруг; никаких признаков быка не видно.

На второй карте он находит на земле следы быка и идет по следу.

На третьей – он видит спину быка, прячущегося за большим деревом.

На четвертой – он видит самого быка.

На пятой – он ловит быка за хвост.

На шестой – он борется с быком, стремясь вернуть его домой.

На седьмой – он победитель.

На восьмой – верхом на быке он возвращается домой.

На девятой – бык в стойле, а человек играет на флейте.

Эти девяти из десяти карт были оставлены в колоде. Первоначально в Китае существовало десять карт, описанных еще Буддой. Но для того, чтобы понять десятую карту, действительно нужна сила духа. Даже японские учителя думали, что лучше не связываться с ней, потому что очень трудно заставить людей понять ее значение. Даже Будда говорил: “Я – на девятой карте” – потому что десятая, определенно, трудна.

Десятая показывает человека, безмерно счастливого, потому что он нашел быка, берущего бутылку виски и идущего в кабак.

Да, это нелегко понять – Будда с бутылкой...

Но я не хочу выбрасывать десятую карту, потому что она так же символична, как и остальные. Вы узнали быка как свою собственную природу. Вы познали поиски и устремленность как медитацию. Шаг за шагом вы стали осведомлены о своей внутренней реальности.

Десятая же карта – это та предельная точка, когда вы становитесь опьяненным Вселенной. Бутылка виски – это, конечно же, не в буквальном смысле бутылка, так же как и бык – это не настоящий бык: все это символы.

Те учителя, которые отбросили десятую карту, были слабее, а ее объяснение так просто: как только вы находите свою собственную природу, вы открываете вечный нектар бытия; вы будете опьяненным двадцать четыре часа в сутки, и вам уже не понадобится обыкновенный

алкоголь, вам не нужны никакие наркотики – само ваше тотальное переживание становится наркотиком.

Все вы, так или иначе, чувствуете это после вечерней медитации, когда вы начинаете двигаться по направлению столовой – я наблюдаю это не один вечер – каждый выглядит опьяненным. Некоторые встают раньше, но очень расслабленно: некоторые остаются сидеть полностью опьяненными, вспоминая наконец, что время идти на ужин. Это опьянение...

Кстати, я хочу сказать вам, что это единственная возможность для человека избавиться от всех наркотиков и от алкоголя, потому что наркотики и алкоголь дают очень бедные ощущения по сравнению с той интенсивностью и чистотой опьяненности, которая случается в самом истоке жизни. Ничто не сравнится с этим. Это поднимает вас так высоко, это дает вам столь сильную эйфорию – которая не есть галлюцинация, – и это длится, остается навсегда. Здесь не возникает вопроса о приеме наркотиков во все больших количествах и о привыкании к ним. Вы не нуждаетесь ни в чем – только помнить о своей буддистской достаточности, чтобы жить в повседневной жизни в невообразимом экстазе.

Итак, помните, что “поиски быка” – древняя метафора, обозначающая поиск души. В противном случае, вы не в состоянии будете понять этот рассказ.

– Присматриваю за быком, – ответил ученик.

– И как ты присматриваешь за ним? – спросил Ма-цзы.

– Как только он возвращается на траву, я безжалостно тяну его за ноздри обратно.

Ответ вызвал большое одобрение учителя, который заметил:

– Ты, определенно, знаешь, как правильно присматривать за быком.

Если вы не знаете символизма, то сам по себе рассказ абсурден. Но если вы понимаете его метафоричность... эти маленькие истории несут в себе великую традицию.

Ши Кун ответил: “Как только он возвращается на траву...” Понимаете ли вы? Мы тоже используем слово “трава” для повседневной суеты, для грязи, для примитива, для всего, что вне цивилизации и вне культуры.

Ши Кун говорит: “Как только он возвращается на траву – в обыденность – я безжалостно тащу его за ноздри назад”. Он имеет в виду, что он не позволяет себе увязнуть в траве. Он тянет себя из травы в пространство величественного и священного, в царство внутреннего великолепия.

Если вы понимаете все внутренние связи, то вы поймете и то, почему учитель одобрил ответ.

Ответ вызвал большое одобрение учителя, который заметил:

– Ты, определенно, знаешь, как правильно присматривать за быком.

Сосеки писал:

*Когда учитель без единого слова
поднимает брови,
столбы и стропила,
деревянные балки и верхушки деревьев
начинают улыбаться.*

*Есть другое место для общения от сердца к сердцу:
полная луна и слабый ветер
у полуоткрытого окна.*

Сосеки – известный мистический поэт и учитель. То, что он говорит, в прозе не может быть выражено.

*Когда учитель без единого слова
поднимает брови,
столбы и стропила,
деревянные балки и верхушки деревьев
начинают улыбаться.*

*Есть другое место для общения от сердца к сердцу:
полная луна и слабый ветер
у полуоткрытого окна.*

Просто стоя у полуоткрытого окна... прохладный ветер, и полная луна, и совершенное безмолвие...

Учитель – это дверь во Вселенную; учитель сам по себе – это пустое сердце. Сквозь него вы можете видеть весь мир. С глубокой верой и любовью подойдите ближе к учителю – даже движения его бровей достаточно, чтобы переключить нечто в вас.

*...Столбы и стропила,
деревянные балки и верхушки деревьев
начинают улыбаться.*

Все сущее улыбается в присутствии учителя по той простой причине, что, по крайней мере, часть из нас достигла безусловного выражения своей потенциальности. И учитель – это символ того, что мы тоже можем достичь той же высоты, той же глубины.

Сердце ученика безмерно наслаждается в присутствии учителя – просто в его присутствии. Он может не говорить ни одного слова. Он может оставаться безмолвным, но одно лишь его присутствие уносит вас в иной мир – мир безмолвия и покоя, любви и радости, мир блаженства, о котором вы даже не могли и мечтать.

Маниша задала вопрос:

Наш возлюбленный Учитель.

Наверное, никогда еще не было учителя более неистощимого в нахождении средств работы с учениками, чем вы. Кто еще был бы способен создавать это варево из плутовских анекдотов, серьезных сутр, буйных танцев, механических животных, шуток, тарабарицины и безмолвия, которое вы предлагаете испробовать каждый вечер. В вашем контексте все неким образом ощущается как абсолютно правильное.

Маниша, все и есть абсолютно правильное, просто в моем контексте вы начинаете осознавать это. Это подобно тому, как если бы погасли все огни: эти десять тысяч будд по-прежнему сидели бы здесь, но вы были бы не в состоянии их видеть. Затем фонари включают – и внезапно вы видите десять тысяч человек, сидящих вокруг. Вы не были одиноки в темноте.

Контекст учителя – это просто свет в вашей темноте. Все кажется истинным, все кажется прекрасным, – но это не свет учителя делает все прекрасным. Все прекрасно само по себе, свет нужен для того, чтобы увидеть это.

Если вы найдете свой собственный свет, то контекст учителя не будет необходим. Все усилия учителя и направлены на то, чтобы он стал уже ненужным, чтобы вы нуждались только в самом себе, чтобы ваш собственный свет вспыхнул и засиял, чтобы существование улыбнулось в ответ на улыбку вашего сердца.

Я действительно немного сумасшедший (*знакомый смех Сардарджи раздается из задней части зала*). Погоди, Сардарджи, я еще не рассказал ни одного анекдота, не верь мне настолько!

Я использую все – вот почему я говорю, что эти японские учителя, давшие десять карт, но отбросившие одну из них, не были достаточно мужественны. Они были пронизательны, но не гениальны. Они не могли найти объяснения десятой карте.

А для меня без десятой карты оставшиеся девять бесполезны. Каков смысл поисков самого себя? Весь смысл в том, чтобы стать опьяненным. Десятая карта наиболее существенна, но даже Гаутама Будда был обеспокоен. Хотя он описал десять карт, он сказал: “Я нахожусь на девятой”. Просто для того, чтобы избежать сложности десятой. Бутылка спиртного в руках Будды – это выглядит как-то неправильно. Даже он избегал десятой карты, но я не буду избегать ее.

Во многих странах саньясины хотели сделать мою фотографию с бутылкой виски – для десятой карты. Я сказал: “Это прекрасно – только наполните бутылку кока-колой! Это так просто. На фотографии не будет видно, что это кока-кола, и ваша цель будет достигнута”.

Я только немного сумасшедший, не слишком.

Ты права, никто еще не работал так, как я. И я люблю работать всеми возможными способами, не отрицая ничего. Полное принятие жизни, всех ее поворотов, всех ее путей. Я принимаю жизнь в ее тотальности, и поэтому я могу использовать все как индикатор. И с любой позиции, с любой точки зрения я могу указать вам способы поиска пропавшего быка.

Теперь наконец пришло время Сардарджи.

Перед тем как вы приступите к медитации, к поиску быка, хорошо было бы создать в себе счастливое настроение, не серьезность, а улыбку. Помните, существование улыбается, когда улыбаетесь вы; когда же вы серьезны, вы одиноки. Существованию нет никакого дела до вашей серьезности. Если вы хотите быть со всем миром – просто улыбнитесь и оглянитесь вокруг. Вы увидите улыбающиеся деревья и улыбающиеся цветы. И когда вы наконец войдете в медитацию, вы войдете с улыбающимся сердцем.

Я впервые в истории человечества начал использовать шутки, потому что они прекрасны... и никто еще не использовал их для медитации. А они создают прекрасный настрой вокруг, и вы становитесь достаточно мужественными. Смеющееся сердце мужественнее серьезного. Серьезное сердце сомневается, колеблется, оно дважды все обдумает. Смеющееся сердце – это сердце авантюриста; он просто прыгает, не раздумывая. А медитация – это прыжок в неизвестное.

Отец Фрак, иезуитский миссионер, находясь в Африке, ищет, кого бы обратить в христианство. Он идет через саванну с крестом в руках и библией под мышкой и вдруг сталкивается лицом к лицу с огромным свирепым львом.

Глаза отца Фрака лезут на лоб, и он, будучи почти в обмороке, падает на колени.

“Великий Бог, всемогущий, Царь Царей, всезнающий, всевидящий Отец мира, – восклицает отец Фрак в горячей молитве, – спаси моего благословенного осла!”

Лев внимательно наблюдает за христианином, затем склоняет свою собственную голову и, молитвенно воздевая лапы к небу, мягко рычит: “Великий Бог, всемогущий, Царь зверей и Господь джунглей, пожалуйста, благослови эту бедную пищу, которую я собираюсь съесть”.

Ангела Ангелович, величайшая балетная танцовщица, готовится дать свой последний спектакль.

– Ангела, – говорит Петров, ее менеджер, – на этом спектакле ты должна сделать все, даже невозможное.

Занавес поднимается, Ангела стоит на платформе, высоко приподнятой над сценой, за спиной у нее пара маленьких крылышек. Оркестр играет туш, Ангела бросается в воздух и грациозно приземляется на сцену под громкие аплодисменты.

Немедленно Ангела подпрыгивает и изящно взбирается по веревочной лестнице на еще большую высоту. Оркестр громко играет, Ангела начинает полет. Она пролетает по воздуху и приземляется на кончики пальцев.

Сверху опускается веревка, и под громогласные аплодисменты Ангела поднимается под самую крышу. Раздается дробь барабанов, и устанавливается мертвая тишина.

Ангела прыгает. Она летит, кружась в воздухе, и приземляется в центре сцены в идеальном поперечном шпагате. Публика в истерике.

Наконец занавес закрывается, и публика начинает расходиться по домам. Неподвижная Ангела остается на сцене. Ее ноги все еще широко расставлены в стороны.

– Bravo! Бис! – кричит ее менеджер Петров, идя по сцене и аплодируя.

– Петров, – говорит Ангела, – ты можешь оказать мне любезность?

– Да, дорогая, – отвечает Петров, – после такого представления я готов для тебя на все.

– О'кей, – говорит Ангела, – тогда покачай меня немного – я присосалась.

Посидите немного. До всех дошло?

Где Харидас? Он полярная противоположность Сардарджи. Они большие друзья, и их дружба держится на одном: Сардарджи воспринимает любые шутки, до Харидаса не доходит ничего! И все же он смеется, – а что еще остается делать? Понимание – не для него.

Свами “Божественный-Кокосовый-Орех” стоит в своем бамбуковом домике, наблюдая, как вода подбирается к его лодыжкам. Четыре дня подряд шел дождь, и сегодня все еще льет как из ведра.

Когда вода достигает его колен, Орех вскарабкивается на свой сундук, а когда вода снова поднимается к коленям, он выбирается наружу и забивается на крышу бамбукового домика.

В это время мимо на маленьком плотике проплывает мисс Манго.

– Орех, – кричит она, – давай, прыгай на плот, поехали!

– Нет, спасибо, – отвечает Орех, – я собираюсь просто ожидать здесь и быть свидетелем.

Постепенно вода подбирается и к крыше дома и вновь начинает доставать до его лодыжек. Свами “Ясная-Голова”, групп-лидер, гребет мимо на небольшой шлюпке. Шлюпка пропускает воду, но Ясная-Голова справляется.

– Орех! – кричит он, – давай, быстро плыви отсюда.

– Нет, спасибо, – отвечает Орех. – Я просто жду здесь и свидетельствую.

Через полчаса Орех стоит на крыше по горло в воде. В это время капитан Клиффский и капитан Куртский, знаменитые польские летчики, пролетают мимо на арендованном вертолете.

Капитан Клиффский, видя Ореха, высовывается из окна и кричит:

– Орех, давай на вертолет! Иначе ты утонешь!

Орех кричит в ответ:

– Я просто жду и свидетельствую.

Несколько позже, где-то в просторах Вселенной, Свами “Божественный-Кокосовый-Орех” встречает Ошо Раджниша и обиженно восклицает:

– Я ждал-ждал, я наблюдал, я свидетельствовал, но ты так и не пришел спасти меня!

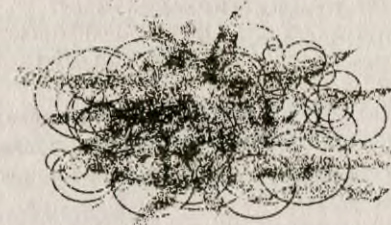
– Боже мой! – говорит Раджниш. – Я посылая тебе две лодки и вертолет!

Рокки Ханк Большой, знаменитый голливудский актер, прогуливаясь в вестибюле фешенебельного отеля “Пьяные пески”, случайно задевает локтем грудь Джорджии Глории.

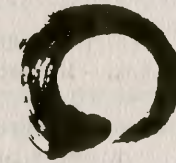
– Я очень извиняюсь, – слащавым голосом говорит Рокки, – но я уверен, что если ваше сердце так же нежно, как и ваша грудь, то вы простите меня!

– Все в порядке, – отвечает Глория, – а если все остальное у вас так же твердо, как и ваш локоть, то номер моей комнаты – тридцать три.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвными. Закройте глаза.
Чувствуйте свое тело абсолютно застывшим.
Посмотрите внутрь себя с абсолютной настойчивостью.
Этот момент может быть последним.
Тогда ваша настойчивость станет тотальной.
Идите глубже, так глубоко, как сможете,
потому что это ваше собственное пространство,
сам исток вашей жизни. Бояться нечего.
В самом центре вашего бытия
вы связаны с сердцем Вселенной.
Ваше пустое сердце станет дверью
к всеприемлющему сердцу Вселенной.

И в тот момент, когда вы почувствуете,
что связаны и укоренены в безусловном,
все в существовании станет прекрасным
и блаженным.

Не только жизнь, но и смерть
станет танцем, празднованием.
Просто наблюдайте, свидетельствуйте.

Ниведано...

Расслабьтесь. Позвольте телу лечь.
Помните, что вы – не тело и не ум.
Вы – свидетель, находящийся в вышине.
Даже небеса находятся под ним.
Это – наблюдатель на холме.
Ваше тело – в темной долине внизу.
Расстояние между вашим свидетелем
и структурой вашего тела-ума
качественно непреодолимо.
Оно не может быть пройдено.
И люди продолжают жить в неведении,
полагая, что они – тело, что они – ум,
и по причине этого отождествления
с телом и умом
они забыли язык своего внутреннего бытия,
свою сокровенную природу, свою универсальность,
свою вечность – будду...
Прекрасный вечер.
Этот танец дождя
вокруг Будда-холла,
и десять тысяч будд в полном безмолвии,
расслабленные, центрированные...
Это становится чудом.
Это – волшебный момент.
Я могу видеть, что сейчас здесь нет индивидуумов,
а только океан сознания.
Это момент,
когда можно стать тотально опьяненным,

опьяненным без всяких наркотиков.
Позвольте этому опьянению проникнуть
в каждую фибру вашего существа.
Скоро вы вернетесь обратно.
Наполните все ваши чаши
нектаром живого потока бытия
и принесите это с собой...

Ниведано...

Теперь возвращайтесь как будда.
В безмолвии, в умиротворении,
с внутренним изяществом.
Вспомните, как садится будда,
и это воспоминание должно быть
с вами двадцать четыре часа в сутки.
Что бы вы ни делали, помните,
что любое действие должно быть проявлением
вашей подлинной природы,
вашего изначального лица, вашей буддовости.
Каждый жест, каждое слово,
каждый момент безмолвия
должны возникать спонтанно.
В этом подлинная религия.

– О'кей, Маниша?
– Да, возлюбленный Учитель.
– Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?
– Да, возлюбленный Учитель.

К ИСТОКУ

Наш возлюбленный Учитель!

Якусан начал свое изучение буддизма в школе Виная, поэтому к тому времени, когда он познакомился с дзен, он хорошо ориентировался в писаниях и практике аскетизма. Он начал чувствовать, что эти вещи – еще не безусловная цель духовной жизни. Он страстно желал подлинной свободы и ясности, находящихся за пределами формул дхармы. Поэтому он и пришел к Сэкито.

Якусан сказал Учителю:

– Я имею лишь поверхностное знание трех сосудов и двенадцати ветвей духовного учения. Но я слышал, что на юге существует учение об “обращении непосредственно к уму человека и достижению буддовости через восприятие собственной природы”. Сегодня это за пределами моего понимания, и я скромно прошу вас проявить снисхождение и просветить меня.

Сэкито ответил:

– Это должно быть найдено не в утверждении и не в отрицании, и не в одновременном утверждении и отрицании. Поэтому что ты можешь сделать?

Якусана совершенно озадачили эти слова. Сэкито сказал ему откровенно:

– Причина и основание твоего просветления отсутствуют здесь, в этом месте. Возможно, тебе стоит посетить великого Учителя, Ма-цзы.

Следуя указанию, Якусан отправился к Ма-цзы и задал ему тот же вопрос, какой он задал Сэкито.

Ма-цзы ответил:

– Иногда я заставляю его поднимать брови и вращать глазами; иногда же я не позволяю ему поднимать брови и вращать глазами. Иногда это воистину он – тот, кто поднимает брови и вращает глазами, иногда же это воистину не он – тот, кто поднимает брови и вращает глазами. Как ты понимаешь это?

В этот момент Ма-цзы взглянул в глаза Якусану – и тот достиг просветления. Якусан почтительно поклонился учителю, а тот спросил:

– Какой такой истины ты достиг, что устраиваешь все эти церемонии?

Якусан сказал:

– Когда я был с Сэкито, я был похож на комара, ползущего по спине бронзового быка.

Ма-цзы, поняв что просветление было подлинным, попросил Якусана хорошо позаботиться о своем постижении.

Якусан оставался с Ма-цзы три года. Однажды Ма-цзы спросил:

– Что ты видел только что?

– Шкура полностью слезла, осталась только подлинная реальность, – ответил Якусан.

– То, чего ты достиг, находится в глубокой гармонии с внутренней сутью твоего ума, – сказал Ма-цзы. – Отсюда это будет распространяться в твои четыре чертога. Это твой случай; теперь время опоясаться тремя бамбуковыми цитатами и идти вперед, чтобы построить себе жилище на любой горе, которая тебе понравится.

– Кто я такой, чтобы устраивать какое-либо жилище на какой-либо горе? – спросил Якусан.

Ма-цзы сказал:

– Нет, не так! Невозможно ни путешествовать, отринув постоянство, ни быть постоянным, отринув путешествие. Чтобы достичь того, чего ты не в состоянии более достичь, и сделать то, что ты уже не в силах сделать, ты должен превратить себя в плот или паром для других. Остаться навсегда здесь – это не для тебя.

Маниша, перед тем как начать объяснение сутры, которую ты принесла, действительно необходимо сказать несколько слов.

Подлинный учитель не заботится о том, чтобы собирать последователей – все больше и больше последователей, становясь все более великим учителем по причине увеличения числа последователей. Подлинный учитель заботится только об ученике и его потенциальных возможностях. И если он видит, что это место – неподходящее для ученика, неподходящее для его расцветания – не тот климат, – то он пошлет его к другому учителю. В прошлом это было довольно обычным явлением: между учителями не было никакого соперничества, потому что все они работали ради одной и той же истины, ради одного и того же предельного переживания.

Но существуют псевдоучителя – и сегодня мир в их руках. Псевдоучитель заставляет ученика быть последователем, создавать культ. Это выглядит почти как взятие под стражу, и если ученик оставит его, то он будет чувствовать вину, и это будет названо предательством. И псевдоучитель никогда не пошлет своего ученика к другому учителю, даже если будет видеть, что этот климат, эта атмосфера не годятся для роста ученика.

Я хочу, чтобы вы ясно увидели разницу. Псевдоучитель удовлетворяет амбиции своего эго – как много у него учеников! В действительности, он не заинтересован ни в раскрытии ученика, ни в его росте. Его заботит политика.

Индуисты обеспокоены тем, что конституция Индии позволяет мусльманам жениться на четырех женщинах сразу. Индуисты обеспокоены

тем, что мусульманское население будет расти. Индуист же имеет только одну жену. Даже если у них будет каждый год рождаться ребенок, он не сможет соперничать с мусульманином. Проблема – в численности населения, потому что политика и власть зависят от численности населения.

Какой авторитет может иметь папа римский, когда дело касается истины? Какое переживание, какое просветление?! Но у него до сих пор шестьсот миллионов католиков по всему миру. Естественно, он – величайший религиозный лидер. Его величие – не в его личном опыте, не в его личных переживаниях, а в числе его последователей. И на протяжении веков все религии боролись с другими религиями и обращали людей в свою веру. “Или ты примешь мою религию, или распрощаешься с жизнью”. Такова была позиция мусульман, такова была позиция христиан. Кажется, никто не был заинтересован в человеческой индивидуальности. Все в погоне за властью.

Дзен дает вам совершенно иной климат. Иногда учитель посылал своих последователей даже к тому учителю, который был против него. По теперешним временам, это очень странно: посылать кого-то к своему оппоненту. Но мы должны смотреть глубже: если человек сможет легче расти в той атмосфере, которую создает учитель-оппонент, то он без колебаний будет послан именно туда.

Существовало постоянное паломничество учеников одного учителя к другому. Иногда ученику казалось, что этот учитель слишком жесток, а оппонент казался более мягким, и ученик переходил в монастырь другого учителя.

Я помню один случай... Ученик сбежал из монастыря своего учителя, потому что тот постоянно бил его. А он слышал о другом учителе, монастырь которого был всего в десятке миль, в горах, что тот очень мягок и терпим, что быть с ним приятно и легко. Поэтому он сбежал. Когда он добрался до другого монастыря, то учитель-настоятель спросил:

– Почему ты оставил своего прежнего учителя?

– Он слишком жесток, – ответил ученик, – он бьет, раздает оплеухи. А о вас я слышал, что вы так любящи и добры... Поэтому-то я и пришел сюда.

Учитель немедленно дал ему оплеуху и сказал:

– Ты глупец, ты не понимаешь масштаб сострадания твоего учителя. Немедленно возвращайся! Может быть, ты ищешь приятной компании? Или же ты упорно и настойчиво ищешь истину? Твой учитель – великий человек. Мы расходимся в принципах, но это не имеет отношения к делу. Что касается его любви и сострадания, то он намного превосходит меня. Я могу быть всего лишь терпеливым с тобой. Ты слеп! Неужели ты не видишь, с какой любовью, с каким состраданием он дает тебе оплеухи! Даже несмотря на то, что он стареет и эти оплеухи болезненны и для него, – но его усилие в том, чтобы ты почувствовал реальность, неотложность. Он не проживет долго. Как человек он гораздо выше меня. Как со-

страдательный же учитель он непревзойден. Возвращайся назад. Что касается тебя, то он – именно то, что тебе нужно”.

Ученик не мог понять. Он слышал, что этот человек – против его учителя, а он говорит: “Я не согласен с твоим учителем по многим пунктам, но это не значит, что сострадание твоего учителя меньше, что его просветление не подлинно. Я не столь сострадателен. Я не пинаю тебя, потому что не вижу настоятельности. Может быть, в будущей жизни ты станешь просветленным. Моя забота о тебе меньше, чем его. Он хочет, чтобы ты достиг просветления в этой жизни, в этот момент. Я несколько более беспечен, я не так забочусь об этом, а ты думаешь, что это более приятно. Это не приятно, это просто моя беспечность: станешь ли ты просветленным или нет – это не моя проблема. Где-нибудь и когда-нибудь ты достигнешь просветления. Почему я должен беспокоиться?”

Ученик вернулся к своему учителю, коснулся его ног и рассказал о том, что случилось. Учитель сказал: “Хотя мы традиционно и считаемся оппонентами – различны наши школы, наши принципы, различно все, что несущественно, – я всегда понимал, что этот человек более велик, чем о нем думают люди. То, что он отослал тебя обратно – признак его величия. Он показал свою любовь к тебе, дав тебе оплеуху. Обычно он не раздает оплеухи, но он хорошо знает, что ученик, пробывший со мной годы, не поймет ничего, кроме хорошей оплеухи. Теперь иди в свою хижину и начинай медитировать на звук хлопка одной ладони”.

Ученик медитировал над этим коаном три года. Каждый день он получал пинки и оплеухи, потому что он думал об этом все время, днем и ночью. Ночью он слышал сверчков – все безмолвствовало, и только сверчки были слышны, и он начинал думать, что это, наверное, и есть тот звук. Он бежал к учителю, начинал стучать в его дверь, но даже перед тем, как он говорил, учитель давал ему оплеуху, а ученик просил: “Дайте же мне хоть сказать!...”

Учитель отвечал: “Когда ты откроешь свой рот, ты скажешь какую-нибудь глупость. Поэтому не трать понапрасну моего времени; если ты доберешься до сути, я узнаю это без слов”.

Прошло несколько дней, а ученик не приходил, как обычно, с отчетом. Он приходил обычно каждый день – иногда ветер скрипел соснами, иногда звук бегущей воды... все что угодно... И он немедленно думал: “Наверное, это и есть тот самый звук, и учитель будет доволен”.

Но видя всю ситуацию, то, что учитель пинает вас, даже не выслушав ответ... Однажды учитель закрыл дверь своего дома, увидев его приближение. Только он увидел ученика, как тут же закрыл дверь и сказал через закрытую дверь: “Иди обратно в свою хижину и медитируй. Я старею и уже не могу пинать тебя каждый день. Я видел твое лицо: это не тот звук, о котором ты думаешь. Иди”.

В течение нескольких дней ученик не возвращался. Учитель спросил: “Что случилось?” “Он просто медитирует, – сказали люди, – и он так безмолвен и спокоен, как Будда”.

Учитель пришел к его хижине, коснулся его ног, обнял его и сказал: “Ты услышал это. Теперь достаточно. Возвращайся в монастырь, сейчас время обеда”.

Ученик не мог поверить в то, что учитель коснулся его ног. А учитель сказал: “Ты достиг этого. И ты сидел голодным столько дней, а я беспокоился, потому что каждый день ждал, что ты придешь. Я получал удовольствие, столь часто давая тебе оплеухи, так что без тебя... Я постоянно интересовался: что же случилось с великим учеником? Но я удовлетворен – ты достиг этого. Теперь время обеда. Идем, иди за мной”.

Это была совершенно иная атмосфера, когда между учителями не было никакого соперничества, ибо цель была одна. Их методы могли отличаться, их приемы могли быть разными, но одна вещь была совершенно определенной, все они соглашались в одном: что поиск истины – фундаментальный приоритет, и каждый ученик должен быть послан в правильное место к правильному учителю. Это не означало, что учитель, который посылал ученика, неправильный; это просто значило, что его приемы к данному человеку не подходят. Даже если его приходилось отсылать к своему оппоненту – это не имело значения.

Все это я говорю с великим беспокойством, потому что весь этот климат настойчивых поисков истины исчез из мира. Сейчас существуют тысячи псевдоучителей, все усилия которых направлены только на то, как бы собрать побольше последователей. Все религии делают то же самое. Слышали ли вы когда-либо, чтобы индуистский Шанкарачарья говорил своему ученику: “Пойди к мусульманским суфиям-мистикам”, или наоборот? Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы хотя бы один христианский священник послал кого-нибудь в дзенский монастырь обучаться медитации?

Эти организованные религии – не что иное, как политика. Дзен же – внеполитическая религиозность. Вы не можете даже назвать это религией. Дзен индивидуален и заботится только о потенциальности индивида; он ничего не требует от индивидуальности, он хочет, чтобы человек просто был самим собой.

Во времена Ма-цзы в Китае жил другой великий учитель дзен; его имя Сэкито. Вы прекрасно знаете Сэкито, он снова родился здесь. Сэкито означает “каменная голова”, и в этот раз он родился как Свами Нискрийя; я же зову его Сэкито, Каменная голова. И я послал его обратно в Германию, только на несколько недель, потому что только каменная голова может достигаться до других каменных голов в Германии – вы не можете послать кого-либо еще. Поэтому он едет на несколько дней стучаться в другие каменные головы. Когда он устанет просветлять других, он вернется, а теперь он в Германии.

Имя “Сэкито” было дано ему учителем потому, что он действительно был каменной головой. Ничто не могло проникнуть в его голову. Вы могли делать что угодно, но это не имело значения, потому что, кто слышит? Его учитель часто бил его, а он смеялся и говорил: “Делайте это так много раз, как хотите. Точно так же, как вы решили сделать меня просветленным, я решил не становиться просветленным. Это вопрос достоинства”.

Из-за этого упорства – но с такой любовью, в нем не было никакой ненависти, никакого гнева; он просто хотел показать это учителю – он говорил: “Если вы упрямы, то не думайте, что вы – единственный в мире столь упрямый человек; я тоже упрям. Бейте меня сколько угодно. Я не собираюсь становиться просветленным”. Вот почему он получил имя Сэкито. Но бедный Сэкито в конце концов должен был стать просветленным. Если вы однажды попали в сеть учителя, вы не можете уже сбежать из нее.

Ма-цзы и Сэкито были настолько великими Учителями, что это о них говорили, что они поделили мир между собой. Их пути и методы их работы были совершенно различным! Они были полностью свободными от какого-либо чувства соперничества. Даже в такой ситуации, когда только два просветленных существа были здесь и весь мир был им доступен, не было никакого соперничества. Одним из таких случаев был Якусан. Вся эта атмосфера золотого века поиска истины – сегодня только память, только горное эхо. Но эта красота должна быть возвращена.

Вся жизнь человека должна быть посвящена прежде всего поискам источника его собственного бытия. Но сегодня все наоборот. Индусы дали очень красивую схему времен. Они разделили мир на четыре эпохи. Первую эпоху они назвали эпохой истины. Люди были озабочены истиной, поэтому и название эпохи – Сатья Юга, эпоха истины.

Вторую они назвали Трета Юга, “тренога”. Первая имела четыре ноги, это был стол. Одна нога потеряна, теперь это тренога. Все еще есть поиск истины, но не та настоятельность, меньше настойчивость, равновесия меньше. На четырех ногах равновесие совершенно, на трех ногах не может быть полного равновесия, но поиски еще есть.

Третью эпоху они назвали Двапара Юга, “двунога”. Теперь утрачено даже неустойчивое равновесие Трета, второй эпохи. На двух ногах вы не можете поставить стол, он будет несбалансирован, – но половина настоятельности еще осталась.

Последняя эпоха, в которую, согласно индуистскому летоисчислению, мы живем сегодня, называется Кали Юга – эпоха тьмы, эпоха слепоты. Эпоха отсутствия поиска истины. Люди озабочены только повседневными вещами. Всю свою жизнь они тратят на вещи, которые в конце концов оказываются выброшенными на свалку.

Вся их жизнь могла бы стать великим экспериментом просветления, поиска корней жизни, полностью наполненного и заверщенного бытия. Они могли бы собрать всю радость, которую только может дать нам Все-

ленная. Они могли бы танцевать, петь, они могли бы наслаждаться всей красотой, которой наполнена Вселенная. Но из-за своей слепоты они продолжают возиться с игрушками; они даже не думают о том, что существует нечто большее, чем их игрушки.

Это метафорическое деление времени несет в себе определенную истину. Сегодня очень трудно найти людей – я нашел вас, работая непрерывно в течение тридцати пяти лет – очень трудно найти людей, безусловно готовых совершить прыжок во Вселенную. И только эти люди – а их совсем немного – подлинная удача.

Маниша принесла сутру:

Якусан начал изучение буддизма в школе Виная.

Виная – это буддийские священные писания. Их полное название Виная Питака. Будда говорил непрерывно в течение сорока двух лет, утром и вечером, поэтому его учениками было собрано огромное количество записей. Сам он никогда ничего не записывал, все это записи учеников. “Виная” означает скромность, абсолютное отсутствие эго.

Поэтому ученики, составившие Виная Питаку, священное писание, видели смысл в том, чтобы быть абсолютно скромным, лишенным эго, жить в доверии ко Вселенной, без всякого напряжения. Это – одна из самых красивых книг в существовании. Все сутры ведут к безмолвию, миру и состраданию.

Якусан начал свое изучение буддизма в школе Виная, поэтому к тому времени, когда он познакомился с дзен, он хорошо ориентировался в священном писании и практике аскетизма. Он начал чувствовать, что эти вещи – еще не безусловная цель духовной жизни.

Он был в одной из школ буддизма, которая основывалась на Виная Питаке. Затем его учитель, который учил его согласно Виная состраданию, любви, “безэговости”, простоте и скромности, должно быть, познакомил его с дзен.

Он начал чувствовать, что эти вещи – еще не безусловная цель духовной жизни.

И когда он познакомился с дзен, он начал осознавать, что это хорошо, но все это не конечная цель духовной жизни. Наоборот, это было определенным программированием, культивированием определенных привычек, характера, образа жизни – делай это и не делай то. Это было поверхностным.

Сегодня Амрито рассказывал мне, что одного великого ученого спросили: “Верите ли вы в Бога?” Было очевидно, что журналист, задавший вопрос, был атеистом. Он не верил в Бога, и он не мог поверить, что человек такого калибра, великий ученый, скажет, что он верит в Бога. Ученый сказал, что он верит в Бога; журналист был в шоке. Он сказал: “Вы – великий ученый, и вы до сих пор верите в Бога?”

Ученый ответил: “Я был запрограммирован, это не вопрос моей веры или неверия. Я был запрограммирован с самого детства: есть Бог – и мне постоянно говорили об этом родители, школьные учителя, священники: мне говорили об этом везде, и казалось, я и сам теперь знаю, что Бог есть. Но это только обусловленность”.

Все религии зависят от такого программирования, не зная точно, что же такое программирование. Это слово пришло из психологии. Но все то, что делалось на протяжении столетий представителями различных религий, может быть объяснено одним словом: программирование. Это слово связано также и с компьютером. Вы должны программировать компьютер. Вы можете заложить в память компьютера все что хотите. А он имеет огромную память!

Все книги, содержащиеся во всех библиотеках мира, могут быть заложены в компьютер.

Нет необходимости в огромных залах библиотек. Один небольшой компьютер может содержать в себе все знания, и вы можете в любой момент задать ему вопрос. Любой абсурдный вопрос – если только ответ был запрограммирован. Программа должна запомнить. Если был задан вопрос: “Когда Сократ женился?” – это, конечно, был несчастливый день, но какой именно день? – то если в компьютер заложили день и дату, ответ немедленно придет. Ввиду того, что компьютеры вошли в нашу жизнь, слово “программирование” приобрело огромное значение и смысл.

И то, что мы делаем с компьютерами, религии продолжают делать с людьми. Кто-то индус, кто-то христианин; какая между ними разница? Только различная запрограммированность. Если ребенка-христианина с раннего детства воспитывать в атмосфере индуизма, думаете ли вы, что он хотя бы задумается об Иисусе и Библии? Задаст ли он хоть один вопрос из тех, что дети христиан должны задавать? Он будет индуистом, потому что его запрограммированность будет индуистской. Он несколько не будет беспокоиться о Христе. То же относится ко всем религиям. Каждая из них программирует ребенка, ведет себя по отношению к ребенку так, как будто он – компьютер. Это – величайшее оскорбление человечества и величайшее преступление против человеческого бытия.

Каждый ребенок приходит абсолютно чистым, как чистая доска. А затем вы начинаете писать на ней что угодно – Библию, Коран, Гиту или священный Капитал. Бедный ребенок в ваших руках, и он не знает и не может подумать, что родители, любящие его столь сильно, могут дать ему

неправильную программу. А к тому времени, когда он осознает это, программа проникнет в его плоть и кровь. Он уже не сможет думать иначе.

Сегодня ввиду того, что многие молодые люди в Европе и Америке уходят из ортодоксальной церкви, появилась новая профессия – “депрограммист”.

Ребенок больше не интересуется Библией, он не ходит в церковь, он становится хиппи. Он идет против всех норм, навязанных христианством. “Чистота – это рядом с Богом” – и хиппи заявляют, что нет ни Бога, ни чистоты. Может быть. Может быть, это и рядом с Богом, но ни того, ни другого не существует. Просто потому, что старое общество настаивает на чистоте, на опрятности, хиппи идут против этого, молодежь реагирует на это негативно.

Родители и священники сегодня очень озабочены этой негативной реакцией молодежи, поэтому они обращаются к психоаналитикам с просьбой создать систему депрограммирования, метод непрерывного гипноза. Они говорят молодежи: “Ты идешь не в том направлении. Бог есть. Иисус – его сын. Он – сын божий. И наша религия – высочайшая и величайшая из всех мировых религий!” Таким образом, человек вводится в гипнотическое состояние, а они повторяют все то же. А ввести человека в гипнотическое состояние очень просто – достаточно попросить его непрерывно смотреть на любой источник света. Подойдет обыкновенная свеча. Просто концентрируйтесь на свече, не засыпая и не моргая глазами.

Естественно, глазам хочется моргать. Сопровитесь их естественной потребности; заставьте себя делать это так долго, как только можно, концентрироваться на пламени свечи или на любом другом ярком предмете, притягивающем ваше внимание. Через три или пять минут человек должен заснуть, потому что человек не может удерживать глаза, не моргая более трех минут; три минуты – это максимум.

Когда ваши глаза автоматически закроются, вы не сможете ничего сделать – вы очень устали, и вам все надоело. Непрерывное глядение на пламя не может быть развлечением, не может быть интересным переживанием. В этом нет никакого смысла, поэтому вам надоест, глаза устают, вы заставляете их все время быть открытыми. А гипнотизер рядом с вами продолжает повторять усыпляющим голосом: “Вы засыпаете, вы засыпаете”. Вскоре вы обнаружите, что ваши глаза закрываются, а гипнотизер продолжает: “Ваши глаза закрываются, ваши веки тяжелеют. Вы входите в глубокий сон”.

Это очень простой, но очень действенный метод. Как только человек оказывается на грани сна, гипнотизер говорит ему: “Ты слышишь только мой голос, больше ничего”. И затем человек засыпает и не слышит ничего, кроме голоса гипнотизера. Теперь гипнотизер начинает депрограммировать его. Если человек стал: “Харе Кришна Харе Кришна”, то гипнотизер должен говорить ему: “Это собачье дерьмо. Ты ушел от своей

подлинной великой религии. Ты ушел от Иисуса”. Он приведет его обратно к Иисусу.

Так происходит двойной процесс. С одной стороны, он депрограммирует человека от “Харе Кришна, Харе Рама”, а с другой – он перепрограммирует его, возвращая к старой детской программе. Его христианство еще находится в его бессознательном, поэтому очень легко вернуть его на поверхность сознания. После нескольких сеансов “Харе Кришна, Харе Рама” будет совершенно забыто. Теперь он знает, что все это – чепуха. Он начинает ходить в церковь, он возвращается к правильной религии. Но все, что произошло на самом деле – это всего лишь изменение программы. Кто угодно сможет вернуть обратно “Харе Кришна, Харе Рама”.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы просто депрограммировать вас и не перепрограммировать снова; просто оставить вас в том чистом состоянии, в котором вы родились – в вашей изначальной природе, с вашим подлинным лицом. Нигде это не делается, все эти люди, которые программируют, депрограммируют и перепрограммируют вас – все они профессионалы, и родители платят им за то, что они возвращают детей к организованной религии, в которой они были рождены.

Мое понимание таково, что рождение не имеет никакого отношения к религии. Ваши родители могут быть индуистами или христианами, – но это не значит, что ребенок должен быть индуистом или христианином. Ребенок – это не собственность. Ребенок приходит в мир через вас. Если у вас есть хоть какое-то чувство человечности, хоть какое-то уважение к человеку, вы будете уважать ребенка и позволите ему расти в чистоте, в понимании, в его собственном стремлении к истине, даже если он не будет вписываться в тот образ, который запрограммирован в вас. Если вы любите своего ребенка, вы должны позволить ему расти согласно его собственной природе, куда бы это ни вело.

Но ни родители, ни священники не желают дать человеку такую свободу, и каждый нуждается в освобождении от священников. Все они выступают против меня по той простой причине, что я не священник и что я осуждаю любой вид программирования.

Моя цель – депрограммировать вас так глубоко, чтобы убрать то, что вкладывалось в вас с самого детства, чтобы вы смогли снова вернуться в детскую невинность. Из этой невинности начинается ваш реальный путь и рост.

Когда Якусан начал понимать дзен, он немедленно увидел разницу. Изучая Винаю, он думал, что это и есть подлинная религия, но, придя в мир дзен, он увидел, что все это было несущественным. Это – не конечная цель жизни. Это было лишь программированием – то, что постоянно говорилось: “Будь скромным, будь сострадательным, люби людей и всех живых существ”. В дзен все это тоже случается, но не как программирование, а как ваше собственное просветление, ваше собственное осознание, ваши собственные полнота и ясность. Сострадание тоже придет, но

оно не будет искусственным. Любовь тоже придет, но она не будет имитацией, как повторение слов попугаем.

Придя к дзен, Якусан немедленно понял, что все то, что он изучал до сих пор, было пустой тратой времени. Это – не конечная цель. *“Он страстно желал подлинной свободы и ясности, находящихся за пределами формул дхармы”*. Это точно то же, что и депрограммирование.

Он страстно желал подлинной свободы и ясности, находящихся за пределами формул дхармы. Поэтому он и пришел к Сэкито.

Якусан сказал Учителю:

– Я имею лишь поверхностное знание трех сосудов и двенадцати ветвей духовного учения. Но я слышал, что на юге существует учение об “обращении непосредственно к уму человека и достижению буддовости через восприятие собственной природы”. Сегодня это за пределами моего понимания, и я скромно прошу вас проявить снисхождение и просветить меня.

Сэкито ответил:

– Это должно быть найдено не в утверждении и не в отрицании, и не в одновременном утверждении и отрицании. Поэтому что ты можешь сделать?

Якусана совершенно озадачили эти слова.

Я должен сообщить вам кое-что, чтобы вы не были полностью озадачены этими словами. На Западе Аристотель придумал логику, которая двойственна в самой своей основе. Что-либо может быть либо положительным, либо отрицательным. Другими словами, вы либо верите в Бога, либо не верите. Да и нет – эти два слова лежат в основании логики Аристотеля.

Но Будда – а он стоит неизмеримо выше Аристотеля – называл это двоичной логикой, логикой “да и нет”. Если бы вы спросили Будду, есть ли Бог, он бы сказал: “Мой первый ответ – да, мой второй ответ – нет; мой третий ответ – да и нет одновременно”. Это он называл троичной логикой.

Это озадачивает людей: что вы имеете в виду? Или вы верите в Бога, или не верите: двоичная логика кажется совершенно правильной. Зачем еще нужна троичная?

Но Будда не был одинок в этом – его современник Махавира дал семеричную логику – и это последнее слово, вы не в состоянии выйти за эти пределы: здесь все возможности и все углы. “Да” и “нет” – просто полюса, а вы можете быть посередине. Да, вы можете быть посередине, не приближаясь к экстремумам. Таков был путь Будды, известный как срединный путь.

Будда говорит, что выбор крайности неправилен, потому что вы выбираете только одну часть; выбор другой крайности – столь же неверный путь. Просто будьте посередине, потому что реальность посередине. В се-

редине вы не можете сказать ни да, ни нет. Вы должны либо сказать и “да”, и “нет” одновременно, либо отрицать и то, и другое. Это то, что и делает Сэкито. Теперь слушайте это, и вы не будете озадачены.

“Это должно быть найдено, – истина должна быть найдена, – не в утверждении и не в отрицании, и не в одновременном утверждении и отрицании”, не в одновременном “да” и “нет”. Истина не может быть найдена в этих трех категориях. Истина – за пределами этих трех категорий. Истина – за пределами логики, поэтому она не может быть логически выражена.

Бедный Якусан был в полной растерянности. Сэкито спросил его: *“Поэтому, что ты можешь сделать?”* Есть три возможности, и ни одна из них не выражает истины. Что ты собираешься делать?

Якусана совершенно озадачили эти слова. Похоже, что он подошел к концу дороги. Поэтому Сэкито сказал ему откровенно – и в этом красота того золотого века, которая теперь исчезла из мира: *“Причина и основание твоего просветления отсутствуют здесь, в этом месте. Возможно, тебе стоит посетить великого Учителя, Ма-цзы”*.

Ма-цзы и Сэкито были двумя различными просветленными Учителями того времени. Сэкито советует Якусану отправиться к Ма-цзы, хотя тот – его оппонент. “Твоя индивидуальность, твой образ мышления... это место и методы, используемые здесь, не помогут тебе в росте, в вызревании. Тебе следует пойти к Ма-цзы. Он будет правильной атмосферой для тебя”.

Вы можете видеть главное в этом. Отсылание ученика к своему оппоненту означает, что учитель заинтересован в росте ученика, а не в увеличении числа своих последователей. Смотри на человека, он чувствует его пульс, ритм его сердца и ясно осознает: “Здесь ему будет трудно. Ма-цзы будет правильной атмосферой для этого человека”.

Следуя указанию, Якусан отправился к Ма-цзы и задал ему тот же вопрос, какой он задал Сэкито.

Ма-цзы ответил:

– Иногда я заставляю его поднимать брови и вращать глазами; иногда же я не позволяю ему поднимать брови и вращать глазами. Иногда это воистину он – тот, кто поднимает брови и вращает глазами, иногда же это воистину не он – тот, кто поднимает брови и вращает глазами. Как ты понимаешь это?

Якусан, должно быть, чувствовал, что он почти сошел с ума. Сэкито говорил о логике и озадачил его, и теперь этот человек говорит странные вещи. О ком это он?

В этот момент Ма-цзы взглянул прямо в глаза Якусану – глядя на него и слушая его, тот совершенно ясно осознал, что есть нечто по ту сторону слов. Сэкито указал на это, а теперь, слушая почти безумные речи это-

го человека, он понял, что истина, без всяких сомнений, не может быть объяснена словами. Оба учителя помогли ему освободиться от языка. И, освободившись от языка, он взглянул в глаза учителю и достиг просветления. Он почтительно поклонился учителю.

Сейчас одно лишь чтение этих слов не окажет помощи, потому что произошло нечто, что не описано, да и не может быть описано. Нечто было передано, когда ученик и учитель взглянули друг другу в глаза. В этот безмолвный момент некоторая передача, некоторая энергия... Он увидел в глазах учителя: "Эти глаза расслаблены. Это глаза, которыми я могу видеть целое". Это пришло как мгновенное спонтанное понимание, поэтому ничего не было сказано. Вот что обычно беспокоит людей при чтении дзен.

Ма-цзы взглянул прямо в глаза Якусану, и тот достиг просветления. Одно лишь чтение этого отрывка ничего не объяснит до тех пор, пока вы не взглянете в глаза учителю, пока вы не будете в глубокой близости с учителем, пока вы не почувствуете присутствие и энергетическое поле учителя. Это совершенно иная Вселенная, совершенно иное намерение общения, общности.

Он полюбил немедленно. Эти два глаза абсолютно удовлетворили его: "Этого человека я искал в течение жизни. Я пришел домой". Понимание было столь необъятным и столь сильным, что он достиг просветления.

В дзен это называется "передачей светильника". Это просто подобно тому, как вы подносите две свечи одна к другой. Одна из них горит, а другая не горит. Но поднесите их ближе – и есть момент, в который пламя одной свечи внезапно перепрыгнет на другую. Нечто очень похожее на это случается между учителем и учеником, когда они оказываются лицом к лицу. Якусан достиг просветления. Ничего не нужно было делать.

То, что мы пытаемся сделать здесь, – это приблизить ваше сердце к моему сердцу, потому что это единственный способ, которым я могу приблизить ваше сердце к сердцу Вселенной. Я только дверь, через которую нужно пройти, мост, который должен быть перейден.

Подлинный учитель никоим образом не может связывать, ограничивать ученика. Он – просто путь, абсолютно открытый и необусловленный; вы входите в него – и через него вы входите во Вселенную.

Якусан почтительно поклонился учителю, а тот спросил:

– Какой такой истины ты достиг, что устраиваешь все эти церемонии?

Якусан сказал:

– Когда я был с Сэкито, я был похож на комара, ползущего по спине бронзового быка.

Сэкито был таким человеком: каменная голова, очень твердая шкура. Якусан говорит: "Я почувствовал себя как комар, ползущий по спине

бронзового быка. Для меня не было просвета – я не мог добраться до Сэкито, Сэкито был слишком тверд".

Ма-цзы, поняв, что просветление было подлинным, попросил Якусана хорошо позаботиться о своем постижении.

Якусан оставался с Ма-цзы три года. Однажды Ма-цзы спросил:

– Что ты видел только что?

– Шкура полностью слезла, осталась только подлинная реальность, – ответил Якусан.

– То, чего ты достиг, находится в глубокой гармонии с внутренней сутью твоего ума, – сказал Ма-цзы. – Отсюда это будет распространяться в твои четыре чертога. Это твой случай; теперь время опоясаться тремя бамбуковыми щитами и идти вперед, чтобы построить себе жилище на любой горе, которая тебе понравится.

– Кто я такой, чтобы устраивать какое-либо жилище на какой-либо горе? – спросил Якусан. Ма-цзы сказал:

– Нет, не так! Невозможно ни путешествовать, отринув постоянство, ни быть постоянным, отринув путешествие. Чтобы достичь того, чего ты не в состоянии более достичь, и сделать то, что ты уже не в силах сделать, ты должен превратить себя в плот или паром для других. Оставаться навсегда здесь – это не для тебя.

Ма-цзы убедился, что Якусан достиг истинного просветления. Три года он наблюдал за ним, позволив ему быть рядом с собой. Когда это стало ясным – все его жесты, действия, ответы говорили о том, что он стал буддой, – Ма-цзы сказал ему: "Выбирай любую гору в округе и строй там жилище".

Он имеет в виду: "Теперь ты сам учитель, и тебе нет нужды быть здесь. Ты должен стать паромом, плотом для других, для тех, кто хочет достичь другого берега. Поэтому создавай храм, монастырь на какой-то из гор, и те, кто жаждет, будут приходить к тебе. Ты не должен довольствоваться своим собственным просветлением. Это – скупость. Ты должен нести свет тем, кто блуждает впотьмах. Ты должен стать учителем для тех, кто слеп. Ты должен дать им глаза".

Ма-цзы ведет себя именно так, как должен вести себя будда, обнаружив, что и другой стал им. Это расточительство: позволять ему быть рядом с собой. Он должен теперь идти сам, быть самим собой, быть абсолютно свободным, а не находиться в тени великого учителя. Это подобно садовнику, который не сажает маленькое растение в тени большого дерева. Под большим деревом маленькое растение не сможет расти. Ему необходимо собственное пространство. Ему необходимо собственное солнце, собственное небо, и если садовник видит потенциальность растения – что это роза, а не сорняк – он сажает его под открытым небом, где ему доступно солнце, свежий воздух и вода.

Каждый учитель делает все возможное, чтобы дать ученику независимость, целостность, индивидуальность, донести до него свое откровение – не держать при себе то, что было добыто. Делиться этим: чем больше вы даете, тем больше вы имеете. Чем меньше вы даете, тем меньше вы имеете. Это – особая экономика внутреннего мира. Во внешнем же мире все наоборот: чем больше вы делитесь, тем меньше вы имеете.

Я слышал о человеке, который выиграл в лотерею миллион долларов. Обычно он проходил мимо нищего, стоявшего на обочине дороги. Сегодня, получив свой миллион, он был так счастлив, что дал нищему столларовую банкноту. Нищий посмотрел на банкноту, посмотрел на человека и сказал ему: “Скоро ты будешь стоять рядом со мной”. “Что ты имеешь в виду?” – спросил тот. Нищий сказал: “Вот как я пришел к подобному состоянию. Я давал всем. Теперь я нищий, у меня нет ничего, и я вынужден просить подаяние. Если ты себя так ведешь, у тебя на это не уйдет много времени. Ты всегда можешь прийти ко мне, сейчас я уже опытный нищий”.

Во внешнем, объективном мире действует своя экономика. Все, что вы имеете, вы должны держать при себе, вы должны схватить это. И схватить не только свое собственное, если вам удастся схватить чужое...

Джорджа Бернарда Шоу однажды спросили: “Может ли кто-нибудь жить, засунув руки в карманы?”

Шоу ответил: “Конечно, может. Но только карманы должны быть чужие”.

Своими собственными карманами вы не проживете долго. В объективном мире, если вы делитесь, вы теряете. Но к внутреннему миру применим как раз обратный закон. Чем больше вы делитесь, тем больше вы имеете; чем меньше вы делитесь, тем меньше вы имеете. Если вы не делитесь вообще, это маленькое пламя может исчезнуть. Благодаря делимости оно становится великим огнем, и он поглощает вас.

Стихотворение Секе:

*Вдох и выдох,
уход и возвращение,
жизнь и смерть;
стрелы, пущенные навстречу друг другу,
сталкиваются посередине и дробят
пустоту в бесцельном полете –
так я возвращаюсь к истоку.*

Продолжайте выбрасывать наружу свой опыт – в жизни, в смерти. Секе говорит: “Так я возвращаюсь к истоку”. Чем больше я даю, тем глубже приближаюсь к истоку. Это подобно рытью колодца. Если вы не будете брать воду из колодца, вода станет мертвой. Чем больше воды из колодца

вы черпаете, тем больше открывается свежих течений, дающих новую воду, свежую воду со всех направлений.

Маниша задала вопрос:

Наш возлюбленный Учитель!

Если с нами случается подлинное проникновение в сущность, а не просто интеллектуальное понимание, то кажется, оно пускает корни и действует само собой: не надо ничего делать для того, чтобы сохранить его. Так ли это? Иная ли ситуация после просветления?

Маниша, это в точности так, как ты описала. Если вы находите исток своего бытия, вещи начинают случаться сами собой: это источник спонтанно случающегося. Тогда вы не нуждаетесь в сохранении этого, вам не нужно беспокоиться об этом. Это продолжает случаться. И то, что вы делитесь, тоже просто случается; вы благодарны за возможность разделить, потому что вы переполнены. Вы подобны дождевому облаку; оно нуждается в дожде. Дождь тяготит облако, и ему необходимо облегчение. Поэтому это не проблема сохранения. Найдя свой жизненный исток экзистенциально, а не интеллектуально, вы не должны охранять его.

Ты спрашиваешь: “Иная ли ситуация после просветления?”

После просветления вас больше не существует. Вы становитесь флейтой, на которой играет существование. Теперь существование ответственно за все: за песни и за безмолвие. После просветления вас нет, есть только существование. И потому, что нет вас, других тоже нет. Для того чтобы другие были другими, должны присутствовать вы, ваше “я”. Если отсутствуете вы, отсутствуют и другие. Вот почему я говорю, что когда человек становится просветленным, то для него просветленным становится весь мир. Теперь нет вопросов о делании чего-либо, даже о том, делиться или не делиться, потому что это тоже делание.

Делание происходит само собой.

Дождь случается сам собой.

Все теперь происходит само собой.

Теперь время Сардара Гурудаяла Сингха.

Собака Блэки заходит в ресторан “Обжигающее салями” и заказывает тофу (индийское блюдо).

– Как вам его приготовить? – спрашивает официант, Сардар Гурудаял Сингх.

– Сделайте все как следует, и положите сверху вишню без косточки. Порезьте немного лука и положите сбоку. Затем добавьте арахисового масла. Все блюдо побрызгайте кока-колой.

Сардар Гурудаял Сингх приносит блюдо.

– Вам понравился обед? – спрашивает он, когда голодная собака заканчивает есть.

– Очень, – отвечает пес, облизываясь. – Но, может быть, вам все-таки это кажется странным?

– Нет, – говорит Сардар Гурудаял Сингх, ухмыляясь. – Я тоже люблю тофу, приготовленное таким образом.

Между Бобом и Бетти горячий роман, и они часто ходят в кино, чтобы прижаться друг к другу, сидя в последнем ряду.

Однажды вечером, когда они смотрят фильм “Дракула и похитители трупов” и Дракула вот-вот вонзит свои зубы в очередного похитителя трупов, Бетти начинает повизгивать и хихикать.

Входит распорядитель:

– В чем дело, мисс? – спрашивает он, зажигая свет. – У вас истерика?

– Нет, – хихикает Бетти. – Он щупает меня!

Человек приходит в маленькую контору, чтобы получить работу сторожа, и босс спрашивает его полное имя.

– Что? – спрашивает человек, – я должен называть свое полное имя только для того, чтобы стать сторожем?

– Да, – отвечает босс, – это нужно для полиции.

Человек не хочет называть свое полное имя, но в конце концов соглашается.

– Хорошо, – говорит он. – Мое полное имя Джон Трахнутый-и-Проклятый Смит.

Босс старается удержать на лице серьезное выражение и спрашивает, как он получил такое имя.

– Я вам объясню! – восклицает человек. – Как раз тогда, когда священник крестил меня в церкви, какой-то идиот уронил ему на ногу Библию!

Фудский работает на сорок девятом этаже строящейся гостиницы и чувствует необходимость помочиться.

– Есть ли поблизости туалет? – спрашивает он у бригадира Луиджи.

– Слушай, – говорит Луиджи, – за те деньги, которые мы тебе платим, ты не имеешь права тратить время на то, чтобы спуститься на сорок девять этажей вниз в туалет. Делай как все. Положи доску на край. Я стану на одном конце доски, ты пойдешь на другой и помочишься. Пока оно долетит, все испарится.

– Отлично, – соглашается Фудский.

Они ставят доску, Луиджи становится на один конец. Фудский идет на другой, чтобы сделать свое дело.

В это время звонит телефон, и Луиджи бежит взять трубку. Несчастный Фудский с диким криком падает вниз. Луиджи спускается вниз по-

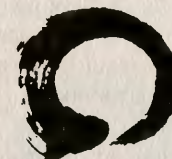
смотреть, что там такое случилось, но на десятом этаже его останавливает Забриски.

– Эй! – кричит он. – Что за извращенцев ты набрал себе в бригаду?

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает удивленный Луиджи.

– Да здесь только что пролетел какой-то парень, державший в руках свой член и кричащий: “Куда девалась эта ослиная задница?”

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно застыло.

Смотрите внутрь себя с безусловной настойчивостью.

Направьтесь в самый центр своего существа.

Один лишь шаг,

и ваш центр – уже не только ваш центр,

это центр всего существования.

Мы едины в центре,

мы разделены лишь на поверхности.

Глубже и глубже, –

проникайте как стрела,

находите самый жизненный исток вашего бытия,

который одновременно – жизненный исток всего.
Оставайтесь в центре.
Будьте просто свидетелем своего тела, своего ума,
потому что свидетель –
единственный феномен в существовании,
который будет вечно.
Все умрет.
Только этот свидетель за пределами жизни и смерти.

Ниведано...

Расслабьтесь и будьте свидетелем ума и тела.
Не надо никаких усилий.
Просто наблюдать, быть зеркалом,
быть только пустым зеркалом, без всякого отражения –
величайшее в жизни переживание.
В этот момент вы –
в пространстве будды.
Дюйм за дюймом, вы идете все глубже и глубже.
Вскоре будда станет
вашим постоянным переживанием.
Это будет выражать себя
в ваших обычных действиях,
ваших словах, ваших жестах,
в вашем молчании, в вашей песне
и в вашем танце.
Это будет находиться в центре всего,
что бы вы ни делали: просто наблюдайте,
но это наблюдение даст красоту,
немыслимую красоту
всем вашим действиям.
Возникает великая спонтанность.
Знакомая вам Вселенная станет безмерно прекрасной.
Ваше свидетельство откроет все двери
мистерии и света.
Прекрасный вечер.
И собравшиеся десять тысяч будд
делают его еще более прекрасным,

еще более блаженным, еще более безмолвным.
Невидимые цветы расцветают в вас.
Соберите так много, как только можете.
Скоро вы будете возвращаться.
Но вы не возвращайтесь такими же, как уходили.
Возвращайтесь трансформированными,
с новым светом в глазах,
с новой радостью в сердце,
с новым чувством направления в жизни.

Ниведано...

Возвращайтесь,
но очень плавно и безмолвно.
Помните свою природу будды.
Сядьте на несколько мгновений,
чтобы просто вспомнить и собрать
своего будду.
Будда – не где-то,
а в самом центре вашего существа.

- О'кей, Маниша?
- Да, возлюбленный Учитель.
- Можем мы праздновать собрание десяти тысяч будд?
- Да, возлюбленный Учитель.

ЭТОТ МОМЕНТ

Наш возлюбленный Учитель!

Однажды монах нарисовал перед Ма-цзы четыре линии. Верхняя линия была длиннее, а три остальные – короткие. Нарисовав, монах спросил учителя:

– Что бы вы могли сказать об этом, кроме того, что одна линия длиннее других?

Ма-цзы нарисовал на земле одну линию и сказал:

– Она может быть названа и длинной, и короткой, вот мой ответ.

В другой раз монах спросил Ма-цзы:

– Каково значение того, что Бодхидхарма пришел с Запада?

– Какой смысл ты вкладываешь в слово “значение” в этот момент?

– ответил Ма-цзы.

Монах снова задал тот же вопрос. Ма-цзы ударил его, сказав:

– Если бы я не ударил тебя, люди смеялись бы надо мной.

Е из Рокутана задал Ма-цзы тот же вопрос о приходе Бодхидхармы.

Ма-цзы сказал:

– Говори тише и подойди немного ближе.

Е подошел ближе. Ма-цзы ударил его и сказал:

– Шесть ушей не имеют одного и того же намерения. Приходи в другой день.

Несколько позже Е вошел в зал и сказал:

– Я прошу вас ответить мне!

Ма-цзы сказал ему:

– Уходи на некоторое время и возвращайся тогда, когда у тебя будет шанс, и я публично дам тебе подтверждение.

Внезапно Е достиг просветления. Он сказал:

– Я благодарю каждого за подтверждение.

Он торжественно обошел зал и вышел.

Несколько позже другой монах сказал Ма-цзы:

– Прошу вас превзойти четыре утверждения, держаться от сотни отрицаний и рассказать мне, каково значение прихода Бодхидхармы с Запада.

Ма-цзы ответил:

– Сегодня я устал и не могу рассказать тебе. Иди и спроси у Чизо.

Монах обратился к Чизо, и тот сказал:

– Почему ты не спросил у учителя?

– Он сказал мне прийти и спросить у тебя, – ответил монах.

– У меня сегодня страшно болит голова, – сказал Чизо, – поэтому я не могу рассказать тебе; пойдя попроси Хьякуджо.

Монах пошел к Хьякуджо, и тот ответил:

– Насчет этого я и сам не знаю.

Монах пересказал все это Ма-цзы, который заметил:

– Шапка Хьякуджо черна, а шапка Чизо бела.

Маниша, прежде чем начать беседу о Ма-цзы и о его высказываниях, я должен ввести еще одного бога в музей богов Авирбхавы. Это очень важный бог. Я расскажу вам о нем прежде, чем Авирбхава покажет его вам.

Имя бога – лошадь. Ей поклонялись во всем мире в течение столетий. Даже сегодня есть места, где лошади поклоняются как божеству.

“Лошадь или кобыла – одна из форм духа семени в Европе.

В Древней Греции Артемида и Афродита ассоциировались с лошадьми, а о Кроносе говорили, что он принимал форму лошади.

В Галлии существовала богиня-лошадь по имени Эпона и бог-конь по имени Рудиобус. Считалось, что богини-кобылы Медб из Тары и Мага из Алстера имели власть над смертью.

Поклонение лошади существовало также и в Персии, где белых лошадей считали священными и держали в специальных загонах.

Здесь, в Индии, в ранний период лошадей приносили И жертву, и этот обычай существует до сих пор. Пэн – лошадиный бог Гондов”.

В древней Индии лошадям не только поклонялись, их приносили в жертву, чтобы умиловить божество. Не только лошади приносились в жертву, но и коровы, и даже люди. Ритуал жертвоприношения коров назывался гомедх – го означает корову. Ритуал жертвоприношения лошади назывался ашвамедх. Ашва – это лошадь, а медх – убийство. Ритуал жертвоприношения человека назывался нарамедх. Нара – человек, медх – убийство.

А люди до сих пор продолжают поднимать шум из-за забоя коров на мясо. Но они забивали даже человека во имя бога. Они сами забивали коров и лошадей во имя бога. Человеческие жертвоприношения очень показательны. С моей точки зрения, они более символичны, чем другие жертвоприношения. Все религии приносили в жертву богу все человечество.

Ваша жизнь изуродована из-за религии. Религии не убили вас, но они и не дают вам быть живыми. Они искалечили вас, разрезали вас на части. Определенные ваши части должны быть сдвинуты. Некоторые ваши части превозносились, некоторые осуждались, подавлялись, ваша целостность не принималась ни одной религией мира.

Эти религии кажутся очень утонченными, а между тем, они поклоняются всевозможным животным.

Первое индуистское воплощение бога – рыба. Поэтому в Бенгалии рыбу едят как священное блюдо: рыба с рисом – основная еда там. Вся Бенгалия воняет рыбой. Вокруг каждого дома – красивые деревья, под деревьями – красивый пруд, в котором выращивается рыба. Все в зелени – красивое зрелище! Нигде в Индии нет такого количества зелени, как в Бенгалии! Каждый дом имеет пруд, большой пруд, окруженный деревьями. По размеру пруда вы можете узнать о богатстве семьи – чем богаче семья, тем больше пруд, тем дороже та рыба, которую едят во имя Бога. Это так просто – убивать кого-либо во имя Бога! Имя Бога – великая защита.

Вы будете удивлены, узнав, что, когда англичане вторглись в Индию, то вначале они захватили Бенгалию, и Калькутта была их столицей. Их первые индийские слуги снизу доверху все были бенгальцы. Оттого, что они воняли рыбой, англичане начали называть их “Бабу”. Это персидское слово, означающее “человек, который воняет”. Но эти люди служили в государственных предприятиях, занимая высокие посты, поэтому слово “бабу” стало очень уважительным. Сегодня, если вы называете кого-либо “бабу”, то это знак почтения.

Первого президента Индии, доктора Раджендру Прасада, всегда называли Бабу Раджендра Прасад. Даже он не имел представления, что “бабу” – грязное словцо. Люди забыли смысл. Слог *ба* означает запах, а слог *бу* означает дурной запах.

В индуизме не только рыба была воплощением Бога. Этими воплощениями были черепаха, свинья, лев – странный лев, полулев, получеловек. *Нарасинха* – верхняя часть тела – лев, нижняя – человек. И люди поклонялись им. Порою кажется, что человечество сошло с ума, что оно явно нездорово.

Последним воплощением Бога будет белый конь. Его имя – Калки. Этот белый конь спасет добродетель, уничтожит грешников и изменит все направление человеческой истории – лошадь!

А все те идиоты, которые верят в такие вещи, будут сидеть в сторонке и смотреть, как десятая инкарнация Бога, конь по имени Калки, будет спасать мир. Он должен прийти свершить суд над миром в конце этой юги, четвертого и последнего цикла в один миллион восемьсот тысяч лет по индуистским представлениям. Он уничтожит зло, возродит добро и поможет Вишну, индуистскому Богу, создать новый мир.

В буддизме конь олицетворяет неразрушимую, скрытую природу вещей. Крылатый или космический конь, называемый “облако” – одна из форм Авалокитешвары. Это – инкарнация Гаутамы Будды.

Я хочу с помощью этой компании животных богов заставить вас осознать свое прошлое. А оно не изжито полностью, оно до сих пор прячется в вашем уме.

В Варанаси... это странное место, самый древний в мире город. Его улицы очень узки, потому что он очень древний – в те времена не было

автобусов, грузовиков и такси. Даже рикшам с трудом удается пробираться по этим улочкам. Великой добродетелью считается привести быка и оставить его на улицах Варанаси. Этот город – город бога Вишну, а он любил коров. Поэтому в центре Варанаси вы найдете больше коров, чем людей, и вы не сможете сдвинуть с места корову, стоящую посреди улицы. Вы можете кричать, гудеть, но эти боги не собираются слушать обычное человеческое существо. Продолжайте гудеть... а корова будет просто стоять здесь, совершенно не беспокоясь.

Вам придется выйти из машины и тащить ее к обочине. Ударить корову вы не можете, потому что это оскорбит религиозные чувства индуистов, и вас убьют. Они заходят в овощные лавки и начинают есть, и вы не можете остановить их, потому что это не обычные люди, это ООВЛ – “очень, очень важные лица”.

Во всем мире Варанаси...

(В этот момент по залу прокатывается волна смеха: через левую дверь в зал входит белая лошадь, проходит по кругу галопом и исчезает в правой двери).

Итак, Авирбхава, ты можешь вернуться, твоя лошадь представлена обвалившимся. Возвращайся на свое место.

(Громкие аплодисменты в аудитории).

А теперь истории Маниши о Ма-цзы и его работе.

Ма-цзы был одним из первых учителей, использующих особые методы дзен, методы, связанные с жизнью, а не с философскими идеями. Указывая на присутствие абсолютного в относительном – причем без религиозных догм, романтизма, символизма или интеллектуализма, но с глубоким экзистенциальным пониманием ценности вещей, – Ма-цзы принес дзен в мир обыденности, в мир повседневной жизни.

Его вклад в дзен неизмерим. Он спустил его с вершины в то место, где находитесь вы. О Ма-цзы может быть сказано то же, что и о Мухаммеде... Мухаммед говорил о том, что, если жаждущие не идут к колодезю, то колодец идет к жаждущим.

Идти к вершинам будд – действительно тяжелая вещь. Они сияют вдали, как полная луна в безоблачном небе, и в вас возникает огромное желание достичь тех же вершин. Но присутствует и огромный страх – боязнь опасности, риска: страх, что в районе этих гор вы будете одиноки. Многие стремящиеся к тем вершинам дважды думают, прежде чем сделать первый шаг.

Ма-цзы видел все это, и он ввел в жизнь нечто такое, что не было известно прежде. Он спустился с гор на базар и сказал: “Базар не изменит меня, поэтому зачем его избегать? Я сам собираюсь изменить базар. Сидя на своих вершинах, я не смогу изменить тысячи людей. Но если прийти к людям, таким, как они есть, то общение станет более легким”.

Поэтому он отбросил все философские учения. Он изобрел новый метод, больше соответствующий земле: скорее, в тональности земли, чем в тональности неба; скорее, в тональности обыденных человеческих действий. Как только он сумеет схватить вас, он возьмет вас к вершинам. Но главная проблема – как схватить вас.

Он был первый учитель в истории дзен, проявивший такое сострадание. И он первым ввел удары – это тоже часть сострадания. Его удары должны быть поняты, потому что они будут повторяться снова и снова. Он ударяет вас, чтобы пробудить. Чтобы найти будду, не нужно никуда идти. Будда крепко спит внутри вас. Он нуждается в толчке для своего пробуждения, а удары исходят из чистой любви и сострадания.

Для всех остальных мировых религий это очень трудно понять: “Что это за учение? Ведь надо учить о Боге, о небе и аде, о добродетелях и о десяти заповедях”. С их точки зрения, это будет выглядеть... Это выглядит почти как сумасшествие.

Но Ма-цзы помог достичь просветления куда большему числу людей, чем любой другой учитель. Конечный результат показывает, что его метод работал.

Однажды монах нарисовал перед Ма-цзы четыре линии. Верхняя линия была длиннее, а три остальные – короткие. Нарисовав, монах спросил учителя:

– Что бы вы могли сказать об этом, кроме того, что одна линия длиннее других?

Ма-цзы нарисовал на земле одну линию и сказал:

– Она может быть названа и длинной, и короткой, вот мой ответ.

Это напоминает мне случай в суде великого индийского императора Акбара. Однажды он пришел в суд и нарисовал на стене линию, сказав

членам суда... а он собрал в своем суде наимудрейших людей со всех частей страны: по части мудрости это был, наверное, лучший суд в мире. Он собрал великих художников, музыкантов, танцоров – только того, кто достиг вершины, приглашали стать членом этого суда.

Он спросил у членов суда:

– Как сделать эту линию короче, не притрагиваясь к ней?

Это выглядит почти как дзенский коан. Как вы можете сделать линию короче, не касаясь ее?

Но один человек засмеялся. Это был известный шутник Бирбал. В те давние времена каждый суд имел своего шутника, просто для того, чтобы поддерживать у судей не слишком серьезное настроение. Когда речь шла о серьезных проблемах, шутник всегда разряжал атмосферу. Он отпускал шутки, и вся напряженность исчезала, и люди приходили в себя, вновь обретая здравый смысл. Бирбал – один из тех известных людей, имевших огромное чувство юмора, но он был в то же время и мудрым человеком. Он поднялся, подошел к стене и нарисовал над той линией, что начертил Акбар, свою линию, большую, чем первая. Он сказал:

– Вот я и сделал твою линию короче, не касаясь ее, ведь величина и длина – вещи относительные.

Нарисовать линию саму по себе... это сделал Ма-цзы. И он сказал: “Вы можете назвать ее и длинной, и короткой. Если вы сравните ее с более длинной линией, она будет короткой. Если вы сравните ее с более короткой линией, то она будет длинной. Сама по себе она просто такова, какая есть. Относительность возникает из сопоставления с чем-то еще”.

Нужно понять, почему Ма-цзы сделал это. В особенности сегодня, когда есть теория относительности, созданная Альбертом Эйнштейном в сфере науки, еще более важно понять смысл действий Ма-цзы. Он говорит, что каждый является таким, каким он является, – не большим и не меньшим, потому что величие или малость относительны; не прекрасным и не уродливым. Каждый является просто самим собой.

Вы можете поставить более высокого человека рядом с ним, и он покажется меньше, но он, конечно, останется тем же самым. Только относительно, концептуально, интеллектуально вы сможете констатировать, что он стал меньше, но сам по себе он не изменился ни на дюйм. Вы можете поставить рядом с ним пигмея, и внешне он станет выше, но, по сути, он нисколько не изменится. Ма-цзы имеет в виду, что релятивизм, относительность применительно к человеческому бытию – очень опасная концепция.

Именно относительность делает некоторых людей большими, великими, значительными, праздными; некоторые люди живут в неизвестности, некоторые – просто никто. Это относительность; если взять человека таким, какой он есть сам по себе, не будет никакой разницы. Нет вопроса о неравенстве, потому что каждый – уникален. Человек, который никто, может быть счастлив этой “никтоностью”. Но эта концепция относи-

тельности делает людей сумасшедшими. Каждый стремится залезть на ступеньку выше, стать чем-то особенным. Но и самые особенные люди желают столь многих вещей, которыми не обладают.

Например, Наполеон был одним из завоевателей мира. Но из-за своего роста он страдал огромным комплексом неполноценности – его рост был всего лишь пять футов пять дюймов. Его гвардейцы, его охрана все были выше шести футов, и он чувствовал большое смущение: по обеим сторонам гвардейцы, которых специально подбирали высокими и стройными. По сравнению со своими гвардейцами он выглядел маленьким ребенком, и это вызывало большое смущение.

Однажды он хотел поправить картину на стене, но ему чуть не хватило роста, и он не смог до нее дотянуться. Его гвардеец сказал: “Ваше Величество, вам не стоит беспокоиться, я выше вас и смогу поправить картину без всяких трудностей”. Наполеон сказал: “Я застрелю тебя! Что значит ‘выше’?! Ты просто длиннее меня, а не выше!”

Бедный гвардеец не понимал, почему он так разволновался. Он затронул болезненное место в его бессознательном. Выше? – никто не выше. В крайнем случае, вы можете сказать, что физически вы длиннее. Но Наполеон безмерно страдал, каждый высокий человек заставлял его страдать.

Вы не можете иметь все вещи, существующие в мире. Будут появляться поэты, музыканты, одно слово и один звук которых – на вес золота. Есть атлеты, тела которых – почти произведение искусства. Вы не можете схватиться за все эти вещи. Относительно кого-то и в сравнении с кем-то каждый в чем-то ниже. Если вы станете искать, по сравнению с кем вы ниже, то вы найдете очень и очень многих. Кто-то – великий флейтист, а вы даже не знаете, какой конец флейты вставляется в рот. Кто-то – великий математик... а встречаются необыкновенные математики.

В Индии только в этом веке было двое таких. Один из них – Шанкаран, рикша из Мадраса. Случайно один профессор из Мадрасского университета взял рикшу, и тот спросил его: “Что вы преподаете в университете?”

Профессор был англичанин. Он ответил: “Я профессор математики”.

Рикша сказал: “Математика? Это мой особый интерес. Назовите любое число, помножьте на любое другое, и прежде, чем вы закончите говорить, я назову результат”. И он назвал.

Профессор не мог поверить собственным глазам и ушам. Чтобы перемножить числа, которые он назвал, самый ученый математик потратил бы, по меньшей мере, три минуты. А рикша ответил сразу. И профессору надо было проверять, правилен ли ответ, – и он был верен.

Он взял рикшу в университет. Шанкаран убедил всех профессоров, что он имеет интуитивное прозрение. Когда его спросили, как ему удается это, он сказал, что не знает. “Просто когда вы спрашиваете, число возникает как бы на экране в уме, и я повторяю это число. Я не знаю, как это происходит. Я не получил образования”.

Профессор ездил с ним по всему миру, демонстрируя чудо интуитивной математики – в Оксфорде, в Кембридже; везде он производил фурор. Необразованный рикша – и великий математик, как Уайтхед, Бертран Рассел, – в это не могли поверить.

Бертран Рассел написал одну из самых значительных книг по математике. Для того чтобы объяснить, что дважды два – четыре, ему понадобилось несколько страниц текста. А этот человек – вы называете ему два числа, которые нужно перемножить, и он немедленно пишет на доске результат. Никаких сложностей. А есть еще женщина, ее имя Шакунтала, я думаю, она еще жива – и, что странно, из того же города, Мадраса. Она побывала на всех континентах, демонстрируя свою интуитивную математику.

Даже великие математики чувствуют себя детьми рядом с такими людьми. Они не образованы, они ничего не знают о математике, но они могут вызвать комплекс неполноценности в великих математиках.

Если вы будете продолжать сравнивать, сопоставлять, то вы наберете тысячи людей, которые заставят вас пережить свою неполноценность. И вы ничего не можете с этим поделать. Вы не можете быть величайшим танцором, не можете быть величайшим художником или величайшим математиком; вы не можете быть величайшим одновременно в разных областях.

Сама идея относительности, сопоставления применительно к человеческому бытию абсурдна. Вы – это просто вы. Просто будьте подлинно собой, без всякого сравнения. Никакой неполноценности и превосходства не возникнет. Расслабьтесь таким, как вы есть. И что бы вы ни делали, вы будете это делать наилучшим образом, с радостью и творчески.

Ответ Ма-цзы... *Он нарисовал одну линию на земле и сказал: “Она может быть названа и длинной, и короткой. Вот мой ответ”.*

Это зависит от того, с чем сравнивать. Но зачем сравнивать?

Относительность необходима в мире науки, но она абсолютно порочна в мире человека. Человеческое существо – не диалектическая величина; человеческое существо уникально. Каждый – кем бы он ни был и чем бы он ни был – должен просто развить свою потенциальность, претворив ее в гармонию, в полноту; очистить ее и дать ей расцвести. Не имеет никакого значения, будет ли это полевой цветок или роза. Значение имеет цветение, развитие своей потенциальности до ее совершенной высоты.

И это даст вам радость, мир, отдых и расслабление во Вселенной. Вы будете в гармонии с ней, и в вашем уме не будет беспокойства – как стать тем, как стать этим. Как стать самым богатым, как стать знаменитым – все это мусор, и этот мусор сделал тысячи людей сумасшедшими, сумасшедшими без всякой необходимости в этом.

Они могли бы стать прекраснейшими людьми, если бы не думали в терминах относительности. Если бы они удовлетворились самим собой и своим потенциалом и работали бы над тем, как развить свой потенциал до

конца, до пика, без всякого сравнения с кем бы то ни было – это единственный способ стать психологически здоровым.

В другой раз монах спросил Ма-цзы:

– Каково значение того, что Бодхидхарма пришел с Запада?

Это традиционный дзенский вопрос, заданный тысячи раз сотнями учителей тысячам учеников; и каждый раз ответ был иной.

Ма-цзы не собирается давать никакого философского ответа. Философски ориентированные учителя могут придавать самый разный смысл приходу Бодхидхармы из Индии в Китай – помните, что для Китая Индия – это Запад.

Бодхидхарма нес весть Гаутамы Будды, и он преобразовал весь Китай, где возникла глубокая любовь к Будде. Он не создавал секты, организованной религии; он просто распространил аромат буддизма. Никакой организованной церкви – но каждому позволено пить из колодца Будды и удовлетворить жажду. В буддизме не существует никаких священников – в них нет никакой надобности. Они не мост, а преграда. Вы сами можете быть буддой, просто идя внутрь себя. Никакие священники для этого не нужны.

Китай был счастлив услышать откровение: “Вы – будда, вы просто не понимаете своей сокровенной сути, своей субъективности”.

Так много может быть сказано в ответ на этот вопрос: *Каково значение того, что Бодхидхарма пришел с Запада?* Но Ма-цзы ответил: *Какой смысл ты вкладываешь в слово “значение” в этот момент?*

Ма-цзы был странным учителем со странными методами. Не отвечая на вопрос, он обращает один вопрос в другой. Он меняет всю ситуацию. Он спрашивает: *Какой смысл ты вкладываешь в слово “значение” в этот момент?* Монах повторяет тот же вопрос, а Ма-цзы, ударив его, говорит: *Если бы я не ударил тебя, люди подняли бы меня на смех.* Странная история, но Ма-цзы прав. Он говорит: “Весь смысл откровения Гаутамы Будды – ты сам. Бодхидхарма пришел сюда, чтобы пробудить тебя. И я намерен не философствовать, а делать в точности то же, что и Бодхидхарма”.

– Какой смысл ты вкладываешь в слово “значение” в этот момент?

Это был шок, потому что монах не думал, что кто-либо задаст такой вопрос.

Монах повторил свой вопрос, а Ма-цзы ударил его, сказав: “Если бы я не ударил тебя, люди подняли бы меня на смех”. Потому что значение имеете вы, но вы сами же и спрашиваете. Вы являетесь буддой – и спрашиваете, где будда. Если я не ударю вас, то в течение многих столетий люди будут смеяться надо мной.

Е из Рокутана задал Ма-цзы тот же вопрос о приходе Бодхидхармы. Ма-цзы сказал:

– Говори тише и подойди немного ближе.

Он подошел ближе. Ма-цзы ударил его и сказал: “Шесть ушей не имеют одного и того же намерения. Приходи в другой день”.

Человек не мог ничего понять. Он задает традиционный простой вопрос: каково значение прихода Бодхидхармы в Китай. И Ма-цзы отвечает двумя способами – вначале: “Говори тише!”

Должно быть, человек спросил, думая, что ответ невозможен. Должно быть, человек спросил с великим эго, ожидая, что Ма-цзы примет свое поражение.

Говоря ему: “Говори тише”, Ма-цзы имеет в виду: “Будь спокоен, будь безмолвен, будь скромн, потому что в своей скромности ты найдешь ответ, в своей безмолвии ты обнаружишь смысл”.

И еще: “Пойди немного ближе!” Человек не понял смысла “ближе”. Ма-цзы говорит: “Стань немного более интимным со мной, подойди немного ближе к моему сердцу, будь немного более открытым. Не стой здесь совершенно закрытым со своим огромным эго. Будь скромн и подойди ближе”.

Но он не понимает смысла ни просьбы говорить тише, ни просьбы подойти ближе. Он подошел ближе – физически.

Ма-цзы ударил его и сказал: *“Шесть ушей не имеют одного и того же намерения. Приходи в другой день”.* – Сегодня ты не понял, но кто знает? – *“Приходи в другой день”.* На сегодня хватит и одного удара, подумай об этом. *И еще: “Шесть ушей не имеют одного и того же намерения”.*

Здесь вас тысячи ушей, но у каждого различные намерения. Поэтому приходите в другой день, отбросив свои намерения. Если вы придете с предубеждением, с готовым ответом – вы не поймете меня.

Здесь мы не философствуем. Это не место для интеллектуалов. Если вас интересуют такие вещи, идите в любой монастырь, куда угодно, где полагают, что святые писания откроют вам вашу глубинную природу. Но если вы хотите услышать ответ от меня, приходите в другой день. На сегодня хватит.

Несколько позже Е вошел в зал и сказал:

– Я прошу вас ответить мне!

Ма-цзы сказал ему:

– Уходи на некоторое время и возвращайся тогда, когда у тебя будет шанс, и я публично дам тебе подтверждение.

Внезапно Е достиг просветления. Он сказал:

– Я благодарю каждого за подтверждение.

Он торжественно обошел зал и вышел.

Все, что происходит вокруг Ма-цзы, таинственно, мистично. Человек не ушел, он последовал за Ма-цзы в зал для собраний, и в самом зале для собраний он снова повторяет свой вопрос, – но теперь, всего лишь минутами позже, он уже совсем другой человек. Он говорит: *“Я прошу вас ответить мне!”*

Того старого эгоиста, каким он был несколько минут назад, уже нет. Голос стал голосом просьбы, голосом скромности.

Ма-цзы сказал ему:

– Уходи на некоторое время и возвращайся тогда, когда у тебя будет шанс, и я публично дам тебе подтверждение.

Он не дал ответа, но он дал нечто иное. Он говорит, чтобы тот уходил и возвращался только тогда, когда будет шанс понять ответ. Это означает, что в своей медитации ты должен отбросить все предубеждения и не иметь никаких предвзятых идей насчет ответа. Это и будет твой шанс. Тогда ты сможешь прийти и получить подтверждение. Это был, должно быть, человек большого понимания, потому что теперь он спрашивал скромно. Время не имеет особого значения – почему бы не сделать это сейчас? Поэтому он отбросил – этого не сказано в истории, об этом не может быть написано; это нечто, что случилось глубоко внутри человека – он отбросил все свои предвзятые мнения, и как только он отбросил все свои мнения, отпала необходимость в ответе.

Это странная ситуация. Когда вопрос исчезает, нет необходимости в ответе. Видя истинную ситуацию и то, что учитель не собирается вести интеллектуальную беседу... Наверное, нет способа интеллектуально оценить значение прихода Бодхидхармы с Запада. Это нечто, что может быть передано только тогда, когда вы находитесь в полном безмолвии, без всяких вопросов. Тогда пламя, огонь сможет выпрыгнуть из сердца учителя. И это действительно случилось.

Внезапно Е достиг просветления. Он сказал:

– Я благодарю каждого за подтверждение.

Он торжественно обошел зал и вышел.

Несколько позже другой монах сказал Ма-цзы:

– Прошу вас превзойти четыре утверждения, удержаться от сотни отрицаний и рассказать мне, каково значение прихода Бодхидхармы с Запада.

Ма-цзы ответил:

– Сегодня я устал и не могу рассказать тебе. Иди и спроси у Чизо.

Монах обратился к Чизо, и тот сказал:

– Почему ты не спросил у учителя?

– Он сказал мне прийти и спросить у тебя, – ответил монах.

– У меня сегодня страшно болит голова, – сказал Чизо, – поэтому я не могу рассказать тебе; пойдди попроси Хьякуджо.

Монах пошел к Хьякуджо, и тот ответил:

– Насчет этого я и сам не знаю.

Монах пересказал все это Ма-цзы, который заметил:

– Шапка Хьякуджо черна, а шапка Чизо бела.

Теперь вопрос забыт полностью. Никто не имеет ответа. Напротив, Хьякуджо смирился с тем, что сам он не знает, каков ответ.

Белая шапка и черная шапка взяты из древней истории о двух разбойниках. Один из разбойников носил белую шапку, другой – черную. И история рассказывает, что тот, что с черной шапкой, был более безжалостен и решителен, чем тот, что с белой. А это значит, что о Хьякуджо учитель говорит как о более решительном, чем Чизо, в методах работы с молодыми монахами.

Ма-цзы сказал, что он очень устал. *“Сегодня я устал, и я не могу ответить тебе”*. Дело в том, что, устали вы или нет, вы не можете ответить. Значение Бодхидхармы – это переживание, а не объяснение. Но из скромности Ма-цзы не сказал, что об этом ничего нельзя сказать. Напротив, он взял всю ответственность на себя. *“Сегодня устал и не могу ответить тебе. Иди и спроси у Чизо”*.

Он использовал эту возможность, чтобы проверить Чизо и Хьякуджо. Он знал, что ни Чизо, ни Хьякуджо не будут в состоянии ответить. В дзен этот вопрос – безответный, он может быть только пережит. Нет способа выразить ответ словами. Человек пошел к Чизо, а тот сказал: *“Почему ты не спросил у Учителя? Зачем беспокоишь меня? Я всего лишь ученик”*.

Но монах ответил: *“Учитель сказал мне спросить у тебя...”*

– У меня сегодня страшно болит голова, – сказал Чизо, – поэтому я не могу рассказать тебе; пойдди попроси Хьякуджо.

Монах пошел к Хьякуджо, и тот ответил:

– Насчет этого я и сам не знаю.

Монах пересказал все это Ма-цзы, который заметил:

– Шапка Хьякуджо черна, а шапка Чизо бела.

Это из истории о двух разбойниках. Разбойник с черной шапкой был радикально революционным. И Ма-цзы говорит, что шапка Хьякуджо черна. Это очень трудно: сказать, что не знаешь; принять свое неведение требует великого мужества. Шапка Чизо – белая. Он пытается скрыть – как будто знает, но из-за головной боли не может сказать.

Ма-цзы работает странными способами. Сейчас он работает с одним простым вопросом одновременно с тремя лицами: с монахом, задавшим

вопрос, с Чизо, пытавшимся скрыть свое неведение, и с Хьякудзо, мужественно ответившим: “Я не знаю”.

“Я не знаю” – величайший ответ во всем опыте человечества.

Сократ сказал “Я не знаю” в самый последний момент своей жизни. Всю свою жизнь он учил истине, а в последний момент сказал: “Я не знаю”. В последний момент он стал действительно скромным, он увидел величие истины, ее таинственность и невыразимость, и то, что в течение всей своей жизни он просто играл со словами. Теперь – нет. Он умрет через несколько минут. Яд уже приготовлен. Но мир должен знать, что перед смертью Сократ дает самый честный ответ: “Я не знаю. Я знаю только то, что ничего не знаю. Я невинен и несведущ, как ребенок”.

Но это – величайшая вершина мудрости. Когда вы не знаете, ум опустошен, вы прибыли в пустое сердце. Когда же вы знаете, ум наполнен. Знания – величайший барьер на пути к универсальному, к бессмертному, к вечной истине. Знание – величайшее препятствие, отделяющее вас от вашей природы будды.

Чизо был ближе Ма-цзы, но он не стал его преемником. Преемником был избран Хьякудзо. Когда Ма-цзы умер... перед смертью он объявил Хьякудзо. Никто не ожидал этого; все думали, что наследником будет Чизо. Но Хьякудзо был избран по той простой причине, что он имел мужество признать свое незнание, свое неведение.

Утверждение “Я не знаю” – величайшее утверждение, какое только можно сделать. Оно делает ваше сердце абсолютно пустым. Здесь, в нашей медитации, мы делаем то же самое. Все мои усилия направлены на то, чтобы удалить все ваши знания, потому что они заимствованы, и вы изнываете под их тяжестью. Они не позволяют вашему сердцу быть пустым, а только пустое сердце способно биться в унисон с сердцем Вселенной. И с этого момента жизнь становится празднованием.

Сосэки писал:

*Этот момент
Участок дикой земли
не имеет границ –
севера, юга, востока и запада.
Трудно увидеть даже дерево
в его середине.
Поворачивая голову, можно смотреть
за пределы всех направлений.
Впервые вы понимаете, что ваши глаза
обманывали вас.*

Когда вы углубляетесь внутрь себя, нет ни востока, ни запада, ни юга, ни севера; только чистое пространство, одно и то же во всех направлениях.

ях. Вы вернулись к своим корням, и теперь вы впервые поняли, что в течение многих ваших жизней глаза обманывали вас, потому что они привязывали вас к внешним объектам. Они не позволяли вам войти в самих себя. Вы были обременены чем-то внешним – деньгами, знаниями, почетом.

Есть тысячи способов обременить себя так, что не будет возможности обратиться внутрь. Жизнь организована обществом таким образом, что с самого начала вы вынуждены быть обремененным. Это становится привычкой. Если вам нечего делать, вы специально находите себе дело. Я знаю людей... В воскресенье они пребывают в самом неудобном состоянии – нечего делать! Они могут начать копаться в дедушкиных часах, чтобы отремонтировать их – но часы великолепно работают! Или они идут к машине и открывают капот – а машина прекрасно работает! Но надо же занять себя. Они могут читать снова одну и ту же газету.

Как-то я несколько дней провел с родственником. Он был на пенсии и читал одну и ту же газету с утра до ночи. Я спрашивал: “Сколько раз вы уже прочли эту газету?” Он отвечал: “Проблема не в чтении. Проблема в том, что мне нечего делать. Моя жена умерла. Она постоянно находила мне работу: “Принеси это, принеси то”, она придиралась ко мне. Теперь мне ее очень не хватает. В то время я думал, что наступят хорошие времена, когда она умрет. Она была как нарыв на шее, но она, по крайней мере, находила мне дело. Теперь я совершенно бесполезен”.

Здесь вы все знаете Майтрею, он покоится в своем самадхи. У него была привычка хранить все старые газеты. Однажды я заглянул в его комнату. Я не мог войти в комнату, потому что у него была привычка есть чеснок в таких количествах, что вся комната пахла чесноком. Он был членом парламента и был связан со мной почти сорок лет. Он всегда просил меня останавливаться в его доме в Дели, но я всегда говорил: “Нет, до тех пор, пока ты не бросишь свой чеснок, я не в состоянии. Я не могу войти в твой дом”.

Он сказал: “Это очень трудно для меня – отказаться от чеснока. Я могу отказаться от всего, но не от этого”, – и он отказался от всего: он бросил жену, он оставил свой дом, он отказался от членства в парламенте. Он стал саньясином, – но бросить чеснок он был не в состоянии. Поэтому я никогда не входил в его комнату – а он жил со мной, в моем доме, – просто с порога комнаты я видел так много старых газет... Кипа газет почти доставала до потолка; И я спрашивал его: “Что ты собираешься делать с этими газетами? Может, ты сошел с ума?”

Он смеялся и говорил: “Иногда, когда нечего делать, хорошо почитать старые газеты. Просто привычка старого политика”.

Его избирательным округом была Патна. Он очень настаивал на том, чтобы в Патне я останавливался в его доме. А я говорил: “Я могу остановиться и в отеле. Но даже если моя жизнь будет в опасности, я не войду в твой дом. Я терпеть не могу чеснока. Не переношу этот запах”. Когда он умер, я сказал: “Мой Бог, как хорошо. По крайней мере, с этого момента никто не принесет чеснок в этот дом!”

Я сказал, что любители чеснока не войдут в этот дом, – но они вошли! Этот Сарджано, изготовитель всех видов спагетти, – большой любитель чеснока. Хорошо, что правительство Италии не позволило мне въехать в

страну. Я очень доволен этим. А мои саньясины: Сарджано, Маджид и другие – они продолжают настаивать, теревить парламент, и я очень боюсь, что в один прекрасный день...

Два года подряд парламент обсуждает это. Наконец, они согласились предоставить мне трехнедельную визу, с условиями. Это было очень хорошо. Я отказался; я отказался полностью: “С условиями я не могу въехать в вашу страну. Уберите все условия, и тогда я подумаю”. Правительство все еще в размышлении, и я надеюсь, что они все же не позволят, потому что я уверен, что вся Италия пропахла чесноком. Я знаю так много итальянских саньясинов – и я держу их немного на расстоянии...

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

Я не знаю, каково значение того, что Бодхидхарма пришел с Запада, но кажется, что это было нечто очень значительное – принести экзистенциальную религию дзен на Восток. Вы же, много столетий спустя, принесли ее обратно, вернув современному человеку. Вы с Бодхидхармой партнеры?

Маниша, это раскрытый секрет.

Теперь время Сардара Гурудаяла Сингха.

Сардар Гурудаял Сингх получил работу официанта в новом ресторане. Два джентльмена только что закончили свой обед, и Сардар Гурудаял Сингх подходит к ним.

– Чай или кофе, господа? – спрашивает он.

– Я буду чай, – говорит первый человек.

– Да, я тоже буду чай, – говорит второй, – но убедитесь, что стакан чист.

Через несколько минут Сардар Гурудаял Сингх возвращается и говорит:

– Пожалуйста, два чая. Кто из вас, джентльмены, заказывал чистый стакан?

Доктор Филгуд находится в Нью-Йорке на конференции по психиатрии. Зайдя во время перерыва в кафетерий, он замечает красивую женщину, в одиночестве пьющую кофе в углу. Она так привлекательна, что Филгуд не может не поддаться искушению заговорить с ней.

Он подходит к ней и тихо спрашивает:

– Могу ли я присоединиться к вам?

Молодая леди озадачено смотрит на него несколько секунд, а затем отвечает:

– Я что, выгляжу как распадающаяся на части? (Join you означает “присоединиться к вам”, а также “соединить вас, собрать вас”.)

Уолтер и Ларри, два австралийских ковбоя, пьют пиво и обсуждают достоинства своих собак.

– Мой Рекс такой смысленный, – говорил Уолтер, что я могу дать ему пять заданий сразу, и он выполнит их одно за другим.

– Да это что! – отвечает Ларри. – Я своему Батчу даю одно указание, а он сам додумывает все остальное.

Выпив еще немного пива, Уоллтер свистнул Рексу. Он приказал псу спуститься вниз по улице, повернуть у дорожного знака налево, пробежать полмили и вернуться, приведя черную овцу с поля, находящегося там.

Через десять минут Рекс возвращается с овцой.

– Неплохо, – говорит Ларри, – но смотри сюда. Он зовет Батча.

– Батч, – говорит Ларри, – я хочу есть!

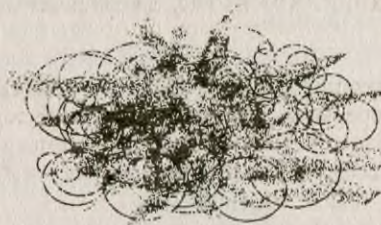
Батч мчится по дороге, пока не видит курятник. Он роет проход под забором, сгоняет курицу и берет из-под нее яйца. Затем он мчится назад к Ларри, кладет яйца на пол, берет маленькую кастрюлю, наполняет ее водой, ставит на огонь и бросает в нее яйца.

Ровно через три минуты после того, как вода закипает, Батч выливает воду, берет яйца, приносит их Ларри и становится на голову, подняв туловище в воздух.

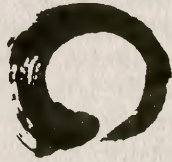
– Это неопишимо! – говорит Уолтер, – но скажи мне, зачем он становится на голову вверх задницей?

– Он смысленный пес, – отвечает Ларри, – и он знает, что у меня нет подставки для яиц.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.
Закройте глаза.
Почувствуйте, что ваше тело полностью застыло.
Посмотрите внутрь себя с величайшей настойчивостью.
В этот самый момент вы должны достичь
своего центра.
Ваш центр – это ваша вечность.
В момент, когда вы в центре,
вы просто свидетель –
зеркало, отражающее тело, ум,
но знающее доподлинно, что оно пусто.
Пустое зеркало...
И двери всех мистерий существования
открываются для вас.
Глубже и глубже.
Сделайте этот вечер поворотным пунктом
своей жизни.
Узнайте своего будду
и затем действуйте как будда
двадцать четыре часа в сутки –
каждый жест, каждое движение
полны покоя, грациозные,
с наблюдающим сердцем, в безмолвии.
В этом – самая суть религии,
все остальное – несущественное добавление.
Слово “свидетель” содержит все святые писания.

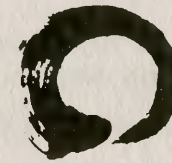
Ниведано...

Увидьте ясно, что вы не тело и не ум,
а просто наблюдающее сознание,
свидетель.

Вечер великолепен,
и ваше безмолвие делается еще великолепнее.
Вечер так прекрасен –
и ваше свидетельство добавляет ему
безмерную красоту.
Это место, где в этот момент
десять тысяч человек просто свидетельствуют,
уникально на всей земле.
В прошлом было много таких мест.
Увы, эти золотые дни прошли,
но мои усилия направлены на то,
чтобы дать эти драгоценные мгновения
будущему человечеству.
А вы будете средством передачи.

Ниведано...

Возвращайтесь...
Но возвращайтесь как будда,
без всяких колебаний,
без всяких сомнений.
Это – единственная вера, которой я вас учу.
Вы – будда.
Сядьте на несколько мгновений,
чтобы собрать воедино все свое переживание.
Дождь приветствует вас.
Какое великолепие в этот миг.
Какое безмолвие...

- О'кей, Маниша?
- Да, возлюбленный учитель.
- Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?
- Да, возлюбленный Учитель.

НИКАКОЙ РЯБИ

Наш возлюбленный Учитель!

Однажды монах окликнул Ма-цзы и спросил:

– Что это за человек, который не берет все дхармы себе в компанию?

Ма-цзы. ответил:

– Я скажу тебе это после того, как ты проглотишь всю воду Западной Реки.

Услышав этот ответ, монах внезапно пробудился; он остался на два года в монастыре Ма-цзы.

В другое время Ма-цзы. сказал:

– Каждая дхарма – это дхарма ума, и каждое имя – это имя ума. Все существа порождены умом, и поэтому ум – основание всех существ.

Как пример: луна, отражаясь в воде, имеет множество форм, но реальная луна – одну. Подобно этому, существуют разные реки, но природа воды в них одна и та же. Хоть есть мириады форм действия, в пустоте между ними нет различия. Разные вещи идут разными путями. Но осваивающая мудрость только одна. Все основано на уме.

Любая дхарма основана на дхарме Будды. Любая дхарма – это дхарма непосредственного постижения, а дхарма непосредственного постижения – это бытие вещей, какие они есть сами по себе.

Все те, кто приходит и уходит, отдыхает, сидит или лежит, – все они пребывают в таинственном действии и не нуждаются в процессе времени. Писания также гласят: “Все вокруг, везде, в это самое мгновение – это будда”.

Искусственные усилия бесплодны для достижения Дао. Единственное, что можно сделать – это освободиться от растленности. Когда чей-либо ум загрязнен мыслями о жизни и смерти или о необходимости освобождения, – это и есть растленность. Непосредственное восприятие истины – это функция повседневного ума-сознания.

Повседневный ум-сознание свободен от намеренных действий, свободен от концепции правильного и должного, взятия и давания, конечного и бесконечного... Все наши обычные действия – ходьба, стояние, сидение, лежание – наш отклик на ситуацию, наши действия с обстоятельствами по мере их возникновения: все это Дао.

Маниша интересуется Анандо... Она здесь – где еще она может быть? Но она спряталась за свою мигрень. Вы должны помнить вчерашнюю историю. Учитель Ма-цзы спрятался за свою усталость: “Я слишком устал, чтобы ответить на этот вопрос сегодня. Пойди к Чизо”. Истина была в

том, что на вопрос невозможно было ответить. Чизо сказал: “У меня страшно болит голова. Лучше походи к Хьякудзо”. Хьякудзо выдал секрет, он просто сказал: “Я не знаю”.

Причина мигрени у Маниши – вопрос, который она задала. Когда мы дойдем до вопроса, вы поймете, почему у нее мигрень.

История, которую она приготовила:

Однажды монах окликнул Ма-цзы и спросил:

– Что это за человек, который не берет все дхармы себе в компанию?

Сам Ма-цзы был человеком, который говорил: “Я только свидетель. Все дхармы – это просто объекты, я их свидетель. Например: сострадание возникает во мне – я не есть сострадание. Я могу видеть, как оно возникает подобно дыму, возникающему из пламени, или подобно пламени, возникающему из искры. Но я – не это”.

Любая дхарма, любая добродетель столь же объективна, как и все иное в мире. Только одна вещь в мире не объективна, и это – само ваше существо, ваша свидетельствующая душа. Она никогда не может быть сделана объектом – невозможно превратить ее в объект. Она всегда будет оставаться свидетелем, но никто не будет в состоянии засвидетельствовать ее самое.

За исключением этого, вы не можете ничего сказать на этот счет ввиду того, что ваше существо не привязано ни к одной дхарме, ни к одному свойству, оно – вечно, оно – бессмертно, оно укоренено в самой глубине Вселенной.

Сам Ма-цзы был тем человеком. Монах спросил Ма-цзы: “Что это за человек, который не берет все дхармы себе в компанию?”

Он, должно быть, был в гневе, потому что другие буддийские школы говорят, что все дхармы принадлежат этой душе. Сострадание, любовь, истина – все дхармы есть атрибуты вашего существа, ветви вашего существа, цветы вашего существа. Это гораздо более распространенное мнение.

Ма-цзы уникален в своем понимании того, что только одна вещь – свидетельствование – является сутью вашего существа. Все остальное, что может быть свидетельствовано, оказывается отделенным от вас.

Это становится другим. В тот самый момент, когда оно объективировано, оно становится другим, не вами.

Монах, наверное, был в гневе, когда задал свой вопрос.

Ма-цзы ответил:

– Я скажу тебе это после того, как ты проглотишь всю воду Западной Реки.

Ма-цзы, отвечая, скорее, на его гнев, а не на его вопрос, сказал: “Просто походи к реке и выпей всю ее воду. Даже такого количества воды может быть недостаточно, чтобы охладить твой гнев. Потом возвращайся, я отвечу тебе”.

Услышав это, монах, должно быть, внезапно осознал свой гнев. В этом все учение дзен. К какой бы школе вы ни принадлежали, наблюдение составляет неотъемлемую часть учения.

Внезапно он осознал, что спрашивает не из желания познать, а из гнева. Он немедленно успокоился. Великое охлаждение внезапно пришло к нему, как будто он уже выпил всю реку.

Услышав этот ответ, монах внезапно пробудился: он остался на два года в монастыре Ма-цзы.

Просветление – это внезапное постижение: постижение того, что вы не гнев, не жадность, не любовь и не сострадание. Все, чему вы можете дать имя – это не вы сами. Вы безымянный свидетель, скрытый глубоко внутри вас и только отражающий все, что проходит мимо; вы – просто зеркало.

Я назвал эту серию бесед “*Ма-цзы: пустое зеркало*” по той простой причине, что смысл его учения заключается в следующем: не реагируйте, просто будьте и отражайте. Облака придут и уйдут, а небо останется таким же пустым и ясным. Облака не оставляют никакого следа в пустоте неба. И точно так же, как во внешнем мире существует эта беспредельность – она неизмерима – точно так же во внутреннем мире существует та же беспредельность. Вы стоите в точности посередине между внешней беспредельностью и внутренней беспредельностью. Вы можете пойти вовне, где вы не найдете никаких пределов, границ; вы можете пойти внутрь – и здесь вы не найдете никаких пределов.

В течение трех столетий наука безуспешно пыталась найти пределы мира, линию границ Вселенной. Ум не очень привлекает идея того, что нечто может не иметь границ – это кажется чем-то иррациональным. Как это может быть без границ? Границы, пределы могут быть удалены на миллионы километров, миллионы световых лет, но это ничего не значит: границы остаются.

Но в конце концов после Альберта Эйнштейна наука признала свою неудачу. Сегодня у науки есть мощнейшие инструменты для исследования самых удаленных звезд, но даже самые удаленные звезды – это еще не предел. Альберт Эйнштейн показал и принял, что существование беспредельно: рационально это или иррационально – что мы можем поделить? Мы можем, если нужно, изменить нашу логику и рациональность, но мы не можем изменить мироздание.

Внутренняя беспредельность, внутренняя бесконечность еще более загадочна, потому что она более живая. Чем глубже вы идете, тем больше

вы пробуждаетесь к жизни, бесконечному разнообразию жизни. Вы отражаете все, но воздействовать на вас не может ничего.

Только в этом состоянии человек, подобный Ма-цзы, приходит на базар и живет там, потому что знает, что его зеркало – это не концепция, а его непосредственное переживание. Он знает, что все отражается. Люди приходят и уходят, богатства приходят и уходят, бедные становятся богатыми, богатые становятся бедными, вещи продолжают случаться, но ваше зеркало просто отражает.

Ма-цзы дошел до самого корня проблемы. Если вы сможете понять его, то в один момент, внезапно, пробуждение случится и с вами.

В другое время Ма-цзы сказал:

– Каждая дхарма – это дхарма ума, и каждое имя – это имя ума. Все существа порождены умом, и потому ум – основание всех существ. Как пример: луна, отражаясь в воде, имеет множество форм, но реальная луна – одну. Подобно этому, существуют разные реки, но природа воды в них одна и та же. Хотя есть мириады форм действия, в пустоте нет различия между ними.

Ма-цзы использует слово “ум”, но вы должны понимать, что его “ум” означает “пустой ум”, ум, который есть пустота. Если зеркало уже наполнено отраженными образами, оно будет не в состоянии отразить вас. Зеркало – уже больше не зеркало, оно превратилось в фотопленку. На фотопленке вы можете зафиксировать только один образ, только одно изображение, потому что изображение становится фиксированным и остается на пленке. Пленка отождествляет себя с изображением; пленка не может функционировать как зеркало.

Пустой ум – начало всего: всех дхарм, всех имен, всех существ. Пустой ум – основа всех вещей. Это фундаментальное постижение – что пустой ум есть основа всех вещей. Все, что вам нужно сделать, – это выбросить то, что вы собрали в своем уме. Все это хлам, вздор. Это разрушает вашу драгоценность – внутреннюю пространственность.

Думали ли вы когда-нибудь о слове “комната” (room)? Знаете ли вы, что слово “комната” означает пространство, пространственность? Когда комната полна мебели, различных вещей, фотографий и цветов, ее пространственность утрачена, скрыта. Меньше пространственности, меньше пространства, чем на самом деле. Если вы уберете все из комнаты, о ней можно сказать как о “пустой комнате”; но, в сущности, это тавтология. “Комната” значит просто “пустота”, “пространственность”.

Вот почему Ма-цзы не использует одновременно оба слова: “пустота” и “ум”. Для него сам ум означает “пустота”, это иное название пустоты. И из этой пустоты возникает все. Ранее полагали, что эта идея слишком таинственная и нереальная, но сегодня наука приходит к выводу, что философы и рациональные учения ошибались, а мистики были правы. Теперь

наука видит... и вы можете видеть это в повседневной жизни. Разрезали ли вы когда-нибудь цветочное семя? Находили ли вы внутри семени розу? Или, может быть, стебель и зеленые листья? Вы не находили ничего.

Но то же семя, помещенное в подходящие почву и климат, имеющее нормальные условия и любящего садовника, к осени прорастет и даст всходы. Те зеленые ростки, что появляются вначале... вы так привыкли к этому, что не видите здесь мистерии, таинства. Откуда взялись эти два зеленых побега? Вы заглянули внутрь семени – там не было ни листьев, ни цветка. А теперь это большой куст с тысячами листьев и сотнями цветов. Откуда? Ниоткуда: из пустоты существования.

А затем, в один из дней, цветы исчезают, листья опадают, дерево засыхает. Где теперь это? Куда оно ушло? Снова туда – в пустоту. Сегодня наука полагает, что даже огромные звезды... а их величина действительно шокирует, если даже просто подумать об этом... Мы видим их маленькими, но они не малы. Они очень далеко, вот почему они кажутся маленькими. Наше Солнце – тоже звезда. Оно во множество раз больше, чем наша Земля, и оно считается средним по размерам в мире звезд – потому что есть звезды в тысячу раз больше.

Каждый день сотни звезд умирают, но куда они исчезают? И сотни звезд рождаются, так что баланс сохраняется. Только в последние двадцать лет обнаружили вещи, которые превращают и науку в нечто весьма таинственное. Вначале были открыты “черные дыры”. Было установлено, что на небе существуют “черные дыры”, и что они такое, в точности не знает никто.

Но если какая-нибудь звезда подойдет близко к “черной дыре” – а “черная дыра” имеет гравитационное поле в тысячи раз более сильное, чем у Солнца – звезда просто упадет в “черную дыру” и исчезнет. Только за миг до этого она сверкала своей немыслимой яркостью, а через миг на ее месте – сплошная чернота. Звезда вернулась обратно – в покой, в пустоту.

После “черных дыр” были, естественно, открыты “белые дыры” – потому что если через “черные дыры” звезды исчезают в пустоте, то должны быть и “белые дыры”, через которые рождаются новые звезды. И теперь учеными установлено, что “белые дыры” действительно существуют, и они продолжают выбрасывать во Вселенную все новые и новые звезды.

Мое собственное предчувствие таково, что, наверное, это одни и те же дыры – с одной стороны черные, с другой – белые. Вы прыгаете через одну и ту же дверь; с одной стороны вы мертвы, с другой – продолжаете улыбаться. Это мое собственное ощущение, я не говорю о том, что оно научно. Я не беспокоюсь о научности или чем-то ином, но это кажется более возможным, чем “черные дыры” в одном месте, а “белые дыры” – в другом, далеко от них. Они, должно быть, рядом, так что если старая звезда исчезает в пустоте, из белой дыры она получает новую инкарнацию

и возвращается снова. Что же касается пустоты, то никто не оставляет в ней следа. Она остается совершенно пустой.

Разные вещи идут разными путями, но освобождающая мудрость только одна. Все основано на уме.

Любая дхарма основана на дхарме Будды. Любая дхарма – это дхарма непосредственного постижения, а дхарма непосредственного постижения – это бытие вещей, какими они есть, сами по себе.

Чтобы видеть вещи, какими они есть, вы должны быть абсолютно пустым – только зеркалом. Ваше зеркало должно быть чистым, без всякой пыли, без всякой мысли, без всякого предубеждения, без всякой религии. Просто чистое отражающее зеркало, и вы сможете видеть вещи, какие они есть. И если вы будете видеть вещи, какие они есть, жизнь станет праздником, празднованием, танцем. Все существование танцует, наслаждается; оно опьянено блаженством – все, за исключением человека, который продолжает держаться за свой умственный хлам, не давая возможности своему зеркалу отражать реальность существования.

Все те, кто приходит и уходит, отдыхает, сидит или лежит – все они пребывают в таинственном действии и не нуждаются в процессе времени. Писания также гласят: “Все вокруг, везде, в это самое мгновение – это будда”.

Я не забочусь о писаниях, но я могу видеть, что все вокруг, везде – это будда. Это не почерпнуто из писаний, я могу видеть это собственными глазами. Вы можете не осознавать этого – не имеет значения. Человек ясного видения будет способен увидеть вашу реальность. И функция учителя – снова и снова указывать на вашу реальность. Это тормозит вас; снова и снова ударять вас по голове, пока гвоздь не войдет в стену. Так что в конце концов вы вскрикнете, а потом скажете: “Да, я – будда”.

До тех пор пока вы не вскрикнете и не увидите: “Я – будда”, учитель будет продолжать вбивать гвоздь вам в голову. Но большинство людей, только увидев молоток, немедленно понимают: “Зачем тщетно страдать? Почему бы не быть буддой?”

Вот как я стал буддой. Видя, как другие люди становились буддой в одно мгновение, зачем зря тратить время? И в день, когда я осознал, что нет необходимости ни в каких усилиях, что я уже рожден буддой – после этого дня во мне ни на один момент не возникло сомнения. Я специально пытался поставить факт под сомнение: “Подумай дважды, ты можешь и не быть буддой”, но потерпел неудачу. Это внезапное переживание буддовости проникло так глубоко, что теперь ни одного сомнения не возникает. Напротив, с каждым днем я иду все дальше за пределы сомнений, за пределы вопросов. И это достаточно странно: после того дня, когда я

осознал свою буддовость, все страдания исчезли, все неудобства испарились.

Я не испытываю никакой напряженности. Я не думаю о завтра.

Просто немного вас потормошив, я пойду спать, даже не думая о том, что завтра снова взойдет солнце. Утром, когда Нирвано будит меня, я говорю: “Мой Бог, снова? Целый день...” А вечером надо тормозить бедных будд.

Бесполезные усилия, если вы понимаете; просто узнайте самих себя – не позволяйте мне тормозить вас!

Ма-цзы продолжил:

Искусственные усилия бесполезны для достижения Дао

Назовите это Дао, или будда, или дхарма – это одно и то же.

Искусственные усилия бесполезны...

Не пытайтесь предпринимать искусственные усилия, просто будьте. По крайней мере, один день попытайтесь не делать искусственных усилий; только двадцать четыре часа – дайте мне шанс! Будьте буддой, что бы ни происходило. И я не думаю, что вы вернетесь к прежнему образу жизни не-будды. Двадцать четыре часа – если вы сможете сохранять свою буддовость, что бы ни происходило... Ваша жена сбежала – не беспокойтесь! Будда не беспокоится. В крайнем случае, сделайте так: пойдите на почту и сообщите, что ваша жена сбежала. Не идите в полицию, потому что это опасное место – они могут вернуть жену обратно. А она сбежала с вашим лучшим другом.

Просто расслабьтесь и наслаждайтесь этим: “Как я благодарен Вселенной! Это случается только с очень немногими, редкими индивидуумами”. Жена сбежала? Большинство жен прилипает к вам так крепко, что выпивает из вас все соки. Вы просто продолжаете существовать, как машина. Для того чтобы стать буддой, это очень хорошо. Это абсолютно необходимо, чтобы кто-то сбежал с вашей женой.

Один мой друг, который подарил мне мою первую машину, спросил год спустя: “Ты хоть иногда сердиться? Я спрашиваю потому, что еще никогда не видел водителя, который не сердился бы, ездя по индийским дорогам”.

Я сказал: “Это – впервые, потому что еще ни один будда не водил машину. Я просто вижу вещи какими они есть: дороги испорчены, и они будут еще более испорчены завтра. За сорок лет независимости они становились все хуже и хуже. Кажется, никто не заинтересован в том, чтобы дороги отремонтировали. И никто не следует правилам дорожного движения, потому что это свободная страна. Вы должны радоваться, если

возвращаетесь домой живым. Пойдите в Пуну и посмотрите, что творится на улицах, – вот почему я не покидаю своей комнаты”.

Но я сказал своему другу, что я не становлюсь сердитым – зачем? Сердиться на дорогу? Я не сержусь на все это странное движение, которое продолжается вокруг. Это свободная страна, каждый свободен следовать своим собственным идеям. Поэтому кто-то едет справа, кто-то слева, а кто-то – посередине.

Но это не такая уж проблема. В странах, где правила движения очень строги, число аварий больше, чем в Индии – вот чудо. Известно, что в Америке, где дорожные правила очень строги и вы не можете ехать быстрее 55 миль в час, в авариях погибает больше людей, чем в Индии, где вы можете ехать как хотите и где на дорогах не только двадцатый век, но и все века вместе; едут повозки, запряженные волами или верблюдами, идет слон; собаки имеют в Индии полную свободу, а дети играют на дороге в футбол.

Вы идете в контору, вы возвращаетесь домой живым. Я не иду никуда, но каждое утро я удивлен: “Мой Бог, снова!”

Но нет ни гнева, ни раздражения, ни недовольства. Я буду наслаждаться еще одним днем. Наступит утро, когда я не проснусь; я буду наслаждаться и этим тоже. Я буду просто наслаждаться, видя, что вы стараетесь разбудить меня, а я не просыпаюсь! Та же игра, в которую я так долго играл с вами. Пытался вас разбудить, но никто не просыпался. Однажды вы будете в том же положении.

Ма-цзы говорит: “*Единственное, что можно сделать – это освободиться от растленности. Когда ум загрязнен мыслями о жизни и смерти или о необходимости освобождения, это и есть растленность*”.

Вы можете видеть, что его “ум” эквивалентен “не-уму”. Когда ум загрязняется мыслями о жизни и смерти или о необходимости освобождения, это и есть растленность. Тогда ум полон воображаемых образов, мыслей, эмоций, сантиментов, памяти о прошлом и утопий о будущем. И зеркало совершенно утрачено, покрывшись толстым слоем пыли. Вы не должны ничего культивировать, вы просто должны очиститься от всей этой пыли, собравшейся на вашем зеркале.

Непосредственное восприятие истины – это не что-то особенное – это функция повседневного ума-сознания.

Просто содержите свой ум незагрязненным, и весь мир будет так чист, так ясен, так немыслимо прекрасен, что вы не сможете не быть благодарным.

Повседневный ум-сознание свободен от намеренных действий, свободен от концепции правильного и должного, взятия и давания, конечного и бесконечного. Все наши обычные действия – ходьба, стояние, сидение, лежание – наш отклик на ситуацию, наши действия с обстоятельствами по мере их возникновения: все это Дао.

Ма-цзы, так же, как и я, против тех, кто убегает от мира, отрекается от мира. Эти люди – не святые, они просто малодушны. Они не в состоянии иметь дело с существованием, обладая истинным, чистым зеркалом. Они убегают, опасаясь, что другие осквернят их. Никто не может осквернить вас. Это относится только к вам. Если вы позволяете пыли собираться на своем чистом зеркале, то свершится осквернение. Если не позволяете...

Есть дзенская история:

Учитель дзен отправил своего главного ученика в караван-сарай на последнее испытание. Ученик сказал: “Что это за испытание? Что я должен делать в этом караван-сарая?”

Учитель сказал: “Иди и просто наблюдай все, что там происходит, и расскажи мне. Это решит, станешь ли ты моим преемником или нет”.

Ученик отправился в караван-сарай, он наблюдал все. Для него это был вопрос огромной важности – то, что он сообщит, должно сделать его преемником. Он сообщил следующее: “Я видел, что хозяин караван-сарая чистил зеркало вечером – каждый вечер – и снова чистил утром. Я спросил его: “Вы очистили зеркало всего несколько часов назад, зачем снова чистить его?” Хозяин сказал: “Пыль собирается в каждое мгновение, поэтому нужно чистить зеркало в любую свободную минуту. Ты всегда найдешь на нем собравшуюся пыль”.

И я пришел к выводу, что вы были совершенно правы, послав меня в караван-сарай. Точно то же происходит и с умом – его нужно очищать в каждую секунду, потому что каждую секунду пыль – по своей природе – продолжает собираться”.

Если вы можете избежать загрязнения, то нет необходимости в искусственных усилиях, вы постигнете безусловную истину, Дао.

Дзенское стихотворение:

Вошла в лес –
не сдвинула и травинки.
Вошла в воду –
никакой ряби.

Это говорится о полной луне. Луна, входя в лес, не сдвинула и травинки. Так безмолвно... Ее движение так красиво, и ни одна травинка не побеспокоена. Входя в воду, как отражение, она не создает никакой ряби.

И это – состояние пробужденного, будды. Даже заходя на базар, он не создает никакой ряби. Где бы он ни был, он – просто незагрязненное зеркало. Ничто его не беспокоит, и ничто к нему не привяжется – он как облако. Все приходит и уходит, а зеркало остается все время пустым. Если

вы можете быть пустым – вы достигли просветления. Это так просто и очевидно, нет необходимости в искусственных усилиях.

Теперь вопрос, вызвавший у Маниши такую мигрень, что Анандо пришлось заменить ее. Она спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

Ситуация, которая случилась прошлым вечером, была для меня иллюстрацией того, что вы, как и Ма-цзы, истории о котором мы слышим, – живой учитель дзен, человек Дао.

Когда лошадь вбежала в зал, а вы еще не видели ее, любой человек на вашем месте, который не был бы действительно просветленным, растерялся бы, обнаружив, что внимание аудитории переключилось на что-то иное. Он бы был сбит с толку, расцентрирован, он боялся бы выглядеть глупо, – потому что не понимал бы и не видел причины вдруг возникшего смеха.

Вы же просто прекратили беседу и позволили событиям принять новое направление. Вы выглядели столь значительным, столь наивным и неведающим в этот момент. Ваша огромная сила и ваша необычайная хрупкость, ваше абсолютное присутствие и полное отсутствие были так слиты, неразделимы.

Это, в сущности, не вопрос. Я просто хотела бы сделать ясным, что эта ситуация не осталась незамеченной.

Этот вопрос – который, в сущности, не является вопросом – послужил причиной мигрени у бедной Маниши. Она, должно быть, не могла представить, как она прочитает этот вопрос мне. Но она абсолютно права, и ей не стоило бы беспокоиться, что ситуация останется незамеченной, и только поэтому задавать вопрос.

В Манише я нашел человека, замечающего все, – лучше, чем Вивекананда у Рамакришны или Платон у Сократа. Она отмечает все, вот почему она стала такой нерешительной; это не мигрень. Завтра она снова будет здесь.

Не надо опасаться чего-либо, вы можете спросить у меня все что угодно. Вы можете дать любую интерпретацию событий. Я наслаждался вчерашним эпизодом. Я не был раздражен, я наслаждался им, потому что это было так неожиданно. Я подумал, что, наверное, это пришел Калки – белый конь, потому что его время уже близко: осталось только двенадцать лет. В конце этого столетия Калки должен прийти. Поэтому я подумал, что, если он пришел сюда, то это действительно великий момент, и здесь ему нет никакой необходимости вершить суд, потому что здесь только грешники.

Он пришел немного раньше, потому что внутри него были Авирбхава и Анандо и, конечно, внутри того коня вы не можете находиться долго.

Вы почувствуете удушье. Поэтому они пришли немного раньше. Анандо тянула Авирбхаву обратно: «Еще не время!» – но Авирбхава уже была внутри.

Вот только если бы конь распался надвое, это было бы великое несчастье. Это абсолютно не соответствовало бы традиции, и кто-то мог бы начать процесс против меня на том основании, что я задеваю его религиозные чувства – Калки распадается на части. Но они справились прекрасно.

Теперь я попрошу Авирбхаву найти... Есть подходящие шкуры львов, тигров, слонов. Вы только должны быть терпеливыми и не сходить с пути, не убегать в толпу. Приглядитесь повнимательнее к рычащим львам в цирке; многие из них – это не совсем львы.

Я слышал об одном случае.

Человек просил работу в цирке. Директор ответил: «Работа есть, но очень опасная. У нас умер один лев. Поэтому вам нужно будет залезть в шкуру льва и вести себя как лев, при этом вы будете окружены настоящими львами. Это опасная работа, я говорю вам об этом сразу».

Человек был в таком отчаянии, что взялся за работу – заработок был хорошим. Но когда он влез в львиную шкуру и был приведен в клетку, он потерял самообладание. Здесь был другой лев, грозно рычащий, и человек закричал: «Помогите!»

Толпа, собравшаяся на представление, еще никогда не видела такой сцены: льва, на чистом английском просящего о помощи. Но другой лев тихо сказал ему: «Идиот! Не выходи из себя, иначе мы оба потеряем работу».

Тот человек был директором школы, а другой – учителем; оба они потеряли работу в школе.

Авирбхава, ты можешь подобрать шкуры хороших тигров, львов, слонов, крокодилов, любую экзотику. Твой музей богов должен стать одним из самых богатых в мире. Действительно, сравнить не с чем: еще никто не собрал полную информацию о всех богах и божествах – древних и современных.

Сегодня вы слышали шум на улицах – это слоновий бог. Человека принуждали поклоняться всем видам животных – какое унижение человеческого. Вместо того чтобы помочь ему стать буддой, его принуждали чувствовать себя ниже животного.

Наши усилия направлены на то, чтобы ясно показать, как все прежние религии эксплуатировали человека, оскорбляли человека, унижали человека.

Маниша, то, что ты замечаешь и пишешь, – совершенно правильно. Если в следующий раз ты почувствуешь мигрень – все равно приходи. И когда люди начнут делать двухминутную тарабарщину, выбрось свою мигрень – кто-то поймает ее! Просто выбрось ее подальше. Здесь каждый старается сделать две вещи: выбросить изнутри свой мусор и защитить

себя, сделать так, чтобы чужой мусор не попал внутрь, – потому что люди выбрасывают наружу все виды грязи. Нужно уметь защитить себя, замена одного мусора на другой не поможет.

Теперь время Сардара Гурудаяла Сингха.

– О, какая печальная история, – бормочет Яблонский, сидя за пивом в баре Фреда Фишермана.

– Что случилось? – спрашивает его приятель, Клопский.

– Да это все мой сын, Альберт, – говорит Яблонский. – Годами, днем за днем, мой маленький Альберт и его собака ходили в школу вместе, пока не настал печальный день их расставания.

– Что же произошло? – восклицает Клопский.

– Да понимаешь ли, – говорит Яблонский, – собака закончила школу.

Пациенты доктора Скинбэга звонили ему по ночам, так что это начало надоедать. Однажды, в начале уик-энда, он сказал своей жене, Салли:

– Послушай, я совершенно издерган. Мне нужно немного покоя и отдыха. Если позвонит кто-либо из моих пациентов, скажи им, что я уехал из города на медицинскую конференцию.

Той же ночью в два часа зазвонил телефон. Салли Скинбэг подняла трубку и сказала, что доктор Скинбэг уехал из города.

– Но, миссис Скинбэг, мой дед страшно кашляет и отхаркивается, а я не знаю, что делать, – говорит позвонившая миссис Клац.

– Одну минутку, – говорит Салли, прикрывает трубку ладонью и спрашивает у мужа, что ответить.

– Скажи ей, чтобы подключила старику его аппарат искусственного дыхания, – говорит Скинбэг.

– Миссис Клац, – говорит Салли в трубку, – подключите вашему дедушке аппарат искусственного дыхания.

– О, спасибо, миссис Скинбэг, – отвечает миссис Клац, – но на какое время?

– Одну минутку, – говорит Салли и снова поворачивается к мужу.

– Скажи ей, на полчаса, – говорит Скинбэг.

– Подключите на полчаса, – говорит Салли в трубку.

– О, спасибо, – отвечает миссис Клац, – но скажите, пожалуйста, этот парень, с которым вы сейчас в постели, он что, тоже доктор?

Гордостью старой леди Маффэт был персидский кот Конрад. Но однажды бабушка Маффэт заметила, что ее Конрада не видно уже два дня. И когда она открыла свой огромный холодильник, чтобы достать продукты для обеда, она чуть не умерла от шока. На полке сидел замороженный Конрад, превратившийся в сосульку.

Обезумевшая бабушка звонит своему знакомому ветеринару, доктору Рацо, и спрашивает, что ей делать.

– Есть еще шанс спасти бедное животное, – говорит доктор Рацо. – Дайте ему две чайные ложки бензина.

Дрожащими руками бабушка Маффэт с треском открывает замороженные губы Конрада и бережно вливает ему внутрь бензин, согласно странному предписанию доктора. Тянутся секунды, но ничего не происходит. Бабушка уже почти теряет надежду, когда глаза кота внезапно открываются, он испускает душераздирающий вопль и, взлетев, проносится по комнате со скоростью триста миль в час.

При этом он переворачивает всю мебель, царапает стены и оставляет глубокую борозду на потолке. Кот проносится по квартире подобно урагану, а затем внезапно падает на пол замирает без движения.

Бабушка тут же опять звонит доктору Рацо и описывает ему ситуацию.

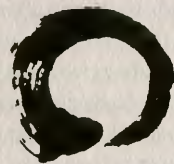
– Что произошло, как вы думаете? – спрашивает она.

– Да просто, – отвечает Рацо, – у него кончился бензин.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело полностью застыло.

Посмотрите внутрь себя с предельной настойчивостью, как будто это – момент жизни и смерти.

Без тотальной настойчивости вы не сможете достичь сокровенного центра вашего бытия.

Помните, другого времени может не быть; это может быть последний момент.

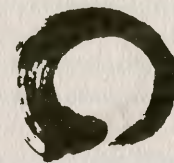
Глубже и глубже: без всякого страха двигайтесь к центру как стрела.

Это – ваш жизненный исток, и это также и жизненный исток всей Вселенной.

Это – ваш подлинный дом – будда, пустое зеркало Ма-цзы.

Будьте просто свидетелем, чистым зеркалом, отражающим все, без суждений и оценки.

Для того чтобы сделать это более ясным, Ниведано...

Расслабьтесь,

видьте, что ваше тело – не вы,

ваш ум – не вы,

вы просто свидетель.

Этого свидетеля я называю зеркалом.

Это – ваша вечность.

Это – ваша подлинная природа, ваша буддовость.

Если вы хоть раз отведаете ее,

если вы хоть раз пройдете путь

к своему жизненному источнику,

вы не будете прежним.

И наконец вы пробудитесь как совершенный будда.

Глаза будды

видят все существование просветленным.

Листья деревьев становятся более зелеными,

аромат розы приобретает новые оттенки.

Ночью полная луна отражается в вашем зеркале,

не создавая никакой ряби.

Вся жизнь становится празднованием.
Этот вечер и это безмолвие
делают это прекрасным переживанием.
Вы все растворяетесь
в океане единого сознания;
разделенность забыта, осталось единство.
Бережно храните этот экстаз, эту опьяненность
двадцать четыре часа в сутки.
Нет иной религии, кроме этой.

Ниведано...

Теперь возвращайтесь,
но возвращайтесь как будда,
без всяких колебаний, в мире и безмолвии,
с грацией и красотой будды.
Просто соберите свое переживание.
Вы должны переживать это от момента к моменту,
днем и ночью,
говоря или пребывая в безмолвии,
работая или отдыхая;
будда остается
постоянной внутренней пульсацией в вас.
Тогда вам не будет нужна никакая мораль,
вам не будет нужна никакая религия,
вам не будет нужно ничего.
У вас есть ключ –
волшебный ключ,
который открывает двери
ко всем таинствам существования.

- О'кей, Маниша, о'кей Анандо?
- Да, возлюбленный учитель.
- Можем ли мы праздновать десять тысяч будд?
- Да, возлюбленный учитель.

25 сентября 1988 года

ЛУНОЛИКИЙ

Наш возлюбленный Учитель!
Однажды Ма-цзы учил монаха. Он нарисовал на земле круг и сказал:
– Если ты войдешь в него, я ударю тебя, если ты не войдешь в него, я тоже ударю тебя.

Монах медленно вошел в круг, и Ма-цзы ударил его. Монах сказал:
– Учитель не мог ударить меня!
Ма-цзы отошел, опираясь на посох.

В другой раз Хо Пан сказал Ма-цзы:
– Вода не имеет костей, но она легко держит корабль весом в тысячу тонн. Как это может быть?
– Здесь нет воды и нет корабля – что я должен объяснять? – сказал Ма-цзы.

Однажды Импо толкал впереди себя тачку, а Ма-цзы сидел на его пути, вытянув ноги. Импо сказал:
– Учитель, уберите, пожалуйста, ноги!
– То, что вытянуто, не может быть убрано, – сказал Ма-цзы.
– То, что идет вперед, не может повернуть назад, – сказал Импо и толкнул тачку вперед. Тачка проехала по ногам Ма-цзы, и его ноги были в синяках и кровоподтеках. Когда они вернулись, Ма-цзы зашел в зал и сказал, придвинув к себе топор:
– Пусть монах, который недавно поранил мои ноги, подойдет сюда!
Импо подошел и стал перед Ма-цзы, наклонив шею и готовясь принять удар.
Ма-цзы отложил топор в сторону.

Ма-цзы никогда не упускал возможности высказать что-либо существенное, обычно странным и загадочным образом. Даже во время своей последней болезни он дал свой знаменитый ответ на чей-то вопрос о своем здоровье. Он сказал: "Солнечноликие будды, луноликие будды".

Однажды Ма-цзы поднялся на гору Сэкимон, что находилась вблизи его монастыря в Чжюан Си. В лесу он некоторое время делал кинхин, или ходьбу-медитацию. Затем, увидев плоское место в долине под горой, Ма-цзы сказал ученику, бывшему с ним: "В следующем месяце мой каркас должен быть возвращен земле здесь". После этого он вернулся в монастырь. На четвертый день следующего месяца, совершив омовение, он тихо сел со скрещенными ногами и оставил тело.

Ма-цзы жил в Чжунан Си пятьдесят лет и умер в возрасте восьмидесяти лет.

Маниша, я попросил тебя выбросить свою мигрень, и ты сделала это. Но ты выбросила ее очень близко, на бедную Анандо. Она – мое единственное звено связи с миром. Она – мои средства массовой информации, мое телевидение, мое радио, мои газеты. Я не читаю ничего, я не слушаю ничего, я не смотрю телевизор. И потому что мы говорили о пустом сердце, твоё выбрасывание было великолепным, но ты попала не совсем в то место – в бедную Анандо. Это должно было попасть в ее голову, но попало в ее сердце.

Ее пустое сердце получило твою мигрень. Во всем мире нет другой такой болезни, и доктор Индивар будет в серьезном затруднении: как удалить мигрень из сердца? Это прекрасно – иметь зеркало пустого сердца, но иметь мигрень – это неправильно. От нее не существует лекарств. Доктор Индивар должен будет что-нибудь изобрести – ведь мне нужно, чтобы она вернулась немедленно, потому что каждое утро, каждый вечер она – мой единственный способ контакта с миром.

Так что болезнь Анандо – это теперь дело Индивара. И потому, что она получила мигрень из-за открытости своего сердца, она заслужила и великую благодарность. Следующая серия бесед, начинающаяся завтра, будет посвящена ей. Она поступала очень верно, держа свое сердце открытым, даже когда ты, Маниша, выбрасывала свою мигрень. Большинство людей закрывают свои окна и двери в такой ситуации. Но она – великий ученик, и она глубоко понимает, что это значит – иметь открытое сердце, жить в небезопасности, жить в открытости, быть бездомным.

Но, Анандо – ты, должно быть, слышишь меня из своей комнаты – помни, что ни один будда не говорил: “Держи свое сердце открытым, когда кто-то выбрасывает из себя мигрень”. Ты совершила чудо. Существует автоматическая система – если кто-то бросает пыль в глаза, ваши глаза закрываются без всякого сознательного усилия, сами по себе. И если кто-то выбрасывает мигрень, сердце должно естественно закрываться. Оно не должно получать это. Но ты отважилась держать свое сердце открытым. Ты проявила великое мужество. Я могу положиться на тебя: что бы ни случилось, твоё сердце будет открытым. Это может приносить боль. Это может создавать напряженность, но только вначале.

Гаутаме Будде приписывалось высказывание: “То, что горько в начале, сладко в конце, а то, что сладко в начале, горько в конце”. Это изречение необыкновенно значительно, оно касается всех людей пути.

История, которую принесла Маниша:

Однажды Ма-цзы учил монаха. Он нарисовал на земле круг и сказал:

“Если ты войдешь в него, я ударю тебя, если ты не войдешь в него, я все равно ударю тебя”.

Это – нечто специфическое в дзене. Учителя использовали этот прием различными способами. Если ты сможешь что-то, я ударю тебя; если ты не сможешь ничего, я ударю тебя. В любом случае ты получишь удар. Та же ситуация здесь.

Ма-цзы говорит:

Если ты войдешь в этот круг, я ударю тебя. Если ты не войдешь, я все равно ударю тебя.

Монах медленно вошел в круг, и Ма-цзы ударил его.

В чем суть этой странной истории?

Монах сказал: “Учитель не мог ударить меня!

Ма-цзы отошел, опираясь на посох.

В любой подобной ситуации вы непременно получите удар. Это просто означает, что удар предназначен для того, чтобы пробудить вас. Что бы вы ни сделали – не имеет значения; войдете ли вы в круг или нет, я ударю вас! Это просто значит, что не имеет значения, что вы делаете, имеет значение ваша пробужденность. Удар нужен, чтобы вы проснулись. Если ученик в состоянии понять, о чем идет речь, он достигнет просветления. Учитель просит его пробудиться, стать просветленным, тогда ему уже не нужен будет никакой удар.

Но ученик упустил. Он сказал учителю: “Учитель не мог ударить меня!” Ма-цзы отошел, опираясь на посох, оставив ученика медитировать над тем, что произошло. Ма-цзы использует все методы спонтанно, но в них всегда есть секрет. И в этих странных ситуациях просветленный немедленно увидит этот секрет.

В другой раз Хо Пан сказал Ма-цзы:

– Вода не имеет костей, но она легко держит корабль весом в тысячи тонн. Как это может быть?

– Здесь нет воды и нет корабля – что я должен объяснить? – сказал Ма-цзы.

Он имеет в виду: “Не задавайте мне интеллектуальных, философских вопросов. Я здесь только для того, чтобы дать вам экзистенциальное переживание”.

Я вспоминаю одну историю.

В суде рассматривалось дело двух приятелей, которых весь город знал, как неразлучных друзей, – но вот полиция доставила их в суд, потому что они подрались между собой не на шутку. Судья спросил: “Из-за чего вы подрались?” Они поглядели друг на друга, и один из них сказал: “Скажи ты”, а другой ответил: “Нет, ты!”

Судья сказал: “Каждый из вас может начать, но давайте быстрее!”

Они ответили: “Мы в большом затруднении. Мы готовы принять любое наказание, если только вы позволите нам не отвечать”.

Судья сказал: “Это странно. Я не могу наказать вас, пока не найду, в чем суть преступления. В чем причина вашей драки, создавшей столько шума и хаоса?”

В конце концов им пришлось признаться. Один из них сказал: “Пожалуйста, простите нас. Это очень философский, абстрактный момент. Мы сидели на берегу реки, и мой друг сказал мне, что собирается купить себе быка. Я сказал: ‘У меня нет никаких возражений. Но только помни, что я собираюсь купить себе ферму. Твой бык никогда не должен заходить на территорию моей фермы. Я очень строг в этом’. Он мне ответил: ‘Твоя ферма? Никто не может остановить моего быка. И я посмотрю, как ты остановишь его. Ты – мой друг, ты должен любить моего быка, а ты, наоборот, собираешься гонять его. Что это за дружба?’

Я сказал: ‘Дружба – другое дело. А бизнес есть бизнес’. Мой друг, собравшийся покупать быка, сказал: ‘О’кей, я посмотрю. Покупай свою ферму’. Я нарисовал на песке квадрат и сказал: ‘Вот моя ферма, а где твой бык?’

Тогда он пальцем вторгся в мой квадрат и сказал: ‘Вот мой бык. Посмотрим, что ты сможешь сделать’. Вот так все и началось”.

Судья спросил: “Но где же ферма и где же бык?” Они сказали: “Вот это и есть причина наших затруднений: это очень философский момент, ничего нет – ни быка, ни фермы, только горячий воздух, но мы настолько позабыли об этом, что начали драку из-за воображаемых вещей”.

Вы можете смеяться над этим, но не думаете ли вы... Люди давно дерутся друг с другом из-за вопроса о существовании Бога – есть ли здесь существенная разница с быком? Люди сражаются друг с другом по поводу проблемы числа адов. Индуисты верят в один ад, джайны верят в три ада, потому что, согласно джайнизму, один ад не годится для всех видов грешников: кто-то всего лишь украл курицу, а кто-то убил человека. Вы не можете определить обоих людей в один ад. Это будет несправедливо. Поэтому у них – три ада, сообразно тяжести ваших грехов.

А у Гаутамы Будды было семь адов. Он говорил, что в трех вы не сможете правильно подразделить все виды преступлений: необходимы, по крайней мере, семь адов, и вы будете удивлены, узнав, что другой философ, современник Махавиры и Гаутамы Будды, Аджит Кешкамбал – имел

семьдесят семь адов. Он говорил: “Только это количество может правильно распределить...”

И никто не знает, где находится этот ад или ады, а люди сражаются не на жизнь, а на смерть. И в течение столетий философы продолжают выяснять отношения друг с другом. Так, индуисты говорят, что ад один, но мы можем разделить его на несколько частей. Можно разделить его на много частей, так что нет никакой необходимости в семидесяти семи адах. Но вы не говорите, что эти люди – идиоты; они – великие философы. И их философия Бога... Никто не видел Бога, это – чисто умозрительная концепция.

Кроме того, существуют религии, которые не верят в Бога. В джайнизме нет Бога, в буддизме нет Бога, в даосизме нет Бога. Бог – это не глубинная суть религии, любой существующей религии. И есть очень много определений Бога. Ветхий завет говорит, что Бог очень грозен и гневен, очень ревнив и темпераментен – его нельзя раздражать. И сам ветхозаветный Бог говорит: “Я очень ревнивый Бог. Помните, я – ваш отец, а не ваш дядя. Не ждите от меня ничего приятного”.

А Иисус говорит: “Бог – это любовь”.

Индуисты не согласны: “Бог – это чистая справедливость” – потому что любовь не может быть справедливой: можно любить кого-нибудь и простить его, можно не любить кого-нибудь и наказать его за грехи, которых у него нет. Любовь ненадежна. Бог должен быть справедлив – судья без всяких пристрастий и предпочтений.

Эта история, когда Ма-цзы говорит: *Здесь нет ни воды, ни корабля – что я должен объяснять?* – имеет все эти импликации, все эти скрытые смыслы. Не будьте обременены абстрактными концепциями – эти аргументы и философские дискуссии бесконечны, и еще никто не пришел к определенному результату.

Христианский Бог имеет небольшое семейство: только одного сына, Иисуса Христа, и Святого Духа – странная семья, без женщин, если только Святой Дух не может функционировать и как женщина.

Но Святой Дух, определенно, не женщина, потому что от него забеременела Мария, в результате чего родился Иисус Христос. А с другой стороны, христиане говорят, что Святой Дух и Бог едины. Так зачем же их разделять? Разве только чтобы защитить Бога от обвинений в изнасиловании невинной девушки? Если они едины, значит, Бог сделал Марию беременной; почему бы не сказать об этом прямо? Зачем Богу действовать через Святого Духа? Иногда я думаю, что Святой Дух – это сексуальный аппарат Бога. Хоть он и един, но что-то остается снаружи, и Святой Дух продельывает всю работу.

Индуисты говорят, что их Бог имеет три лица, три головы на одном теле. Никто этого не видел. Наверное, только в кунсткамере вы можете увидеть уродцев, странных созданий с тремя головами или четырьмя руками. Но зачем Богу три головы? Причина, выдвигаемая индуистскими

теологами: он видит во всех трех направлениях одновременно. Но и человеку достаточно повернуть голову... Наверное, у Бога шея не поворачивается. Наверное, ему нужны три пары очков. И вес трех голов на теле, которое в точности как у человека – это уж слишком. Он не сможет встать, да и ложиться ему будет достаточно трудно. Подумайте: как ему уместить три головы на одной подушке? – если только эти головы не отвинчиваются и их нельзя положить рядом, когда приходит время ложиться спать.

Но я не думаю, что такая операция возможна даже сегодня. А Бог пребывает здесь вечно, и ни одно священное писание не говорит о подобных манипуляциях. Винты давно заржавели бы. Да и где бы он взял отвертку? И вы можете быть уверены, что эти три головы не соглашаются ни в одном пункте, каждая из них имеет свое мнение. Я не думаю, что Бог сможет сдвинуться даже на дюйм, если две головы не будут готовы. Поэтому он будет вынужден оставаться в одной и той же позе.

Но странная идея... Индуисты также верят, что Бог имеет тысячу рук. Три головы и тысяча рук – можете себе представить? Если вы мысленно представите себе его, вам станет страшно. Он будет выглядеть как спрут или что-то наподобие этого.

Буддисты и джайны, видя все эти трудности, просто отбросили идею Бога. В буддизме и джайнизме нет Бога, и это – живые религии.

Ма-цзы говорит, что он не интересуется ничем, кроме глубинного экзистенциального опыта. Это – особый вклад дзен в человеческое сознание. Не будьте озабочены воображаемыми вещами и человеческими концепциями; просто войдите в существование.

Однажды Импо толкал впереди себя тачку, а Ма-цзы сидел на его пути, вытянув ноги. Импо сказал:

– Учитель, уберите, пожалуйста, ноги!

– То, что вытянуто, не может быть убрано, – сказал Ма-цзы.

– То, что идет вперед, не может повернуть назад, – сказал Импо и толкнул тачку вперед. Тачка проехала по ногам Ма-цзы, и его ноги были в синяках и кровоподтеках. Когда они вернулись, Ма-цзы зашел в зал и сказал, придвинув к себе топор:

– Пусть монах, который недавно поранил мои ноги, подойдет сюда!

Импо подошел и стал перед Ма-цзы, наклонив шею и готовясь принять удар.

Ма-цзы отложил топор в сторону.

Читая эту историю, вы можете подумать, что дзен – странная религия. Это не так. Все, что произошло в этой истории, несет в себе нечто существенное, и вы можете осознать это.

Во-первых, Ма-цзы сказал: *То, что вытянуто, не может быть убрано.*

Отец как-то сказал сыну: “В этом мире нет ничего невозможного”, – он цитировал Александра Великого. Сын сказал: “Я не могу принять эту идею, и покажу тебе почему”. Он пошел в ванную, принес тюбик зубной пасты и сказал: “Я выдавлю немного пасты из тюбика, а ты верни ее обратно в тюбик. Ты говоришь, что нет ничего невозможного. А это невозможно. Я пробовал”.

Ма-цзы говорит: *То, что вытянуто, не может быть убрано.* Другими словами, то, что явлено, что стало проявленным, не может вновь стать тайным; то, что стало открытым, не может снова вернуться в состояние сокрытости. Он просто отмечает, что есть ситуации, когда вы не можете вернуться назад.

Когда Генри Форд сконструировал первый автомобиль, у того не было заднего хода. Он не мог двигаться назад, он мог двигаться только вперед. Форд не подумал об этом, но это было важной задачей. Если вы выехали из своего гаража всего на несколько метров, вам нужно будет объехать чуть ли не весь город, чтобы вернуться обратно в свой гараж.

Задний ход был изобретен несколько позже.

Рассказывают историю, что когда Генри Форд умер, у него было серьезное выяснение отношений с Богом. Бог спросил: “Ты – великий изобретатель и человек большого ума. Убедился ли ты в моем существовании?” Генри Форд ответил: “Нет, сэр. Ваше существование тем более проблематично, что вы не можете идти назад во времени, а только вперед. Это глупо. Я сам когда-то совершил эту глупость, но не ожидал подобного от вас. Должна быть возможность двигаться назад во времени – на тот случай, если кто-то захочет попасть в свое детство: должна быть и возможность быстро двигаться вперед, на тот случай, если кто-то захочет посмотреть, что будет с ним в старости, как и где он умрет. Вы же оставили человека прилипшим в середине: он не может пройти во времени ни назад, ни вперед. Я имею к вам многие претензии, но эта – основная”.

Ма-цзы говорит, что если вы стали взрослым, вы не сможете снова стать ребенком. Если вы стали старым, вы не сможете быть молодым. Если вы умерли, вы не сможете открыть глаза и попросить чаю. Он использует любую ситуацию, и он использует эту ситуацию для того, чтобы увидеть, достаточно ли мужественен ученик, чтобы переехать своей тачкой ноги учителя. Импо был таким.

“То, что идет вперед, не может повернуть назад!” – сказал Импо и толкнул тачку вперед. Тачка проехала по ногам Ма-цзы, и его ноги были в синяках и кровоподтеках. Когда они вернулись, Ма-цзы зашел в зал и сказал, придвинув к себе топор:

– Пусть монах, который недавно поранил мои ноги, подойдет сюда!

Импо подошел и стал перед Ма-цзы, наклонив шею и готовясь принять удар.

Вот мужество, и вот доверие. Это ни в коей мере не было обидой для Ма-цзы. Толкнув вперед свою тачку, он нисколько не унизил Ма-цзы, он просто настоял на своем мнении. Если Ма-цзы настаивает на своем... Вся работа Ма-цзы заключалась в том, чтобы дать подлинную независимость своим ученикам. Они не должны заимствовать ничего, они должны сами свершать свою жизнь, свои действия, свои поступки. Импо, определенно, следовал Ма-цзы, толкая точку вперед.

В монастыре Ма-цзы жило больше тысячи монахов. Он отправился в большой зал для встречи с ними. Он точно не знал, кто из монахов прокатил тачку по его ногам.

В зале, придвинув к себе топор, он сказал: *“Пусть монах, который недавно поранил мне ноги, подойдет сюда”*. Импо немедленно подошел и стал перед Ма-цзы, наклонив шею и готовясь принять удар.

Он не прятался. Он мог бы спрятаться, не выходить – это было бы нетрудно – тысяча монахов, почти невозможно определить, кто же был тем человеком. Но он подошел: если учитель хочет отрубить ему голову, то он готов. Он подошел к учителю для того, чтобы обрести бессмертие, для того, чтобы достичь просветления, чтобы оказаться по ту сторону смерти. И если учитель выбирает такой способ – прекрасно. Видя эту скромность и эту веру, Ма-цзы, отложил топор в сторону.

Ма-цзы никогда не упускал возможность высказать что-либо существенное, обычно странным и загадочным образом. Даже во время своей последней болезни он дал свой знаменитый ответ на чей-то вопрос о его здоровье. Он сказал: “Солнечноликие будды, луноликие будды”.

Среди людей дзен это изречение стало знаменитым. Обращено ли ваше лицо к солнцу, которое символизирует жизнь, день, или к луне, к ночи, к смерти, – с точки зрения вашей буддовости, здесь нет никакой разницы. Не имеет значения, что созерцает ваш будда – ночную мглу или дневной свет. Ваша глубинная природа остается той же самой. *“Луноликие будды, солнечноликие будды”*. В очень коротком афоризме, в момент близости смерти он говорит: *“Не будет никаких изменений. Просто солнце закатится и взойдет луна – я всегда здесь”*.

Учитель не знает смерти. Он познал вечность.

Однажды Ма-цзы поднялся на гору Сэкимон, что находилась вблизи его монастыря в Чжун Си. В лесу он некоторое время делал кинхин, или ходячую медитацию.

Если вы посетите Бодхгайю, местность, где Гаутама Будда достиг просветления, вы найдете там храм, сооруженный в честь этого события. Вблизи храма выложена длинная линия камней, а позади храма – дерево бодхи, под которым Будда имел обыкновение сидеть. Его медитация име-

ла две позиции: сидячую и ходячую. Один час вы сидите, наблюдая свои мысли, затем один час вы ходите, также наблюдая свои мысли; это совершается попеременно; то медитация-сидение, то медитация-ходьба.

Это прекрасный опыт, потому что скоро вы убедитесь в том, что, сидите вы или идете, бодрствуете или спите, нечто в вас остается постоянно осознающим, постоянно присутствующим. Оно не меняется, когда вы сидите; не меняется оно и тогда, когда вы идете. Оно не меняется даже тогда, когда вы спите; нечто наподобие маленькой свечи или фонарика горит и в вашем сне тоже. Ваше осознание должно объять все двадцать четыре часа в сутки. Это и есть подлинное просветление.

Ходячую медитацию в Японии называют *кинхин*.

Затем, увидев плоское место в долине под горой, Ма-цзы сказал ученику, бывшему с ним: “В следующем месяце мой каркас должен быть возвращен земле здесь”. После этого он вернулся в монастырь. На четвертый день следующего месяца, совершив омовение, он тихо сел со скрещенными ногами и оставил тело.

Учитель живет в полном сознании и умирает в полном сознании. За месяц он уже знает о своей смерти: его ясность видения тотальна. И он показывает ученику, где должно покоиться его тело, где должно находиться его самадхи, его могила. За месяц он говорит ученику, а в следующем месяце *“... на четвертый день... совершив омовение, он тихо сел со скрещенными ногами и оставил тело”*.

Смерть – это только игра, движение от одного тела к другому, или, может быть, от тела к не-телу, к универсальному, океаническому существованию.

Однажды ночью вор проник в дом Муллы Насреддина. Он увидел, что Мулла Насреддин крепко спит, и собрал все, что представляло собой какую-то ценность. Но, на самом деле, Мулла Насреддин не спал, просто не в его привычке было вмешиваться в чью-то работу. Он посмотрел на вора, приоткрыв один глаз. Как только вор вышел из дома со всем похищенным, Мулла последовал за ним. Вор обернулся и очень испугался. Он сказал:

– Зачем ты идешь за мной?

– Разве ты забыл? – сказал Мулла. – Мы поменялись домами. Ты взял все из моего дома, так зачем мне оставаться здесь одному? Я иду с тобой.

Вор сказал:

– Пожалуйста, прости меня. Возьми все свои вещи, отбери их, потому что я взял вещи из других домов тоже.

– Я не хочу ничего отбирать и сортировать, – сказал Мулла. – Или я иду с тобой, или ты относишь все обратно в мой дом.

– Боже мой, – воскликнул вор. – Да ты, кажется, больший вор, чем я! Но почему ты молчал, пока я собирал твои вещи?

– Я никогда не вмешиваюсь в чью-либо работу, – сказал Мулла.

Вору пришлось оставить все – со слезами на глазах, потому что он стащил много красивых вещей из других домов – он вернул все в дом Насреддина. Он сказал:

– Такого человека я еще никогда не встречал... и если я приведу тебя в мой дом, наверное, ты станешь хозяином, а я слугой. Но у меня есть жена.

– Нет проблем, – сказал Мулла. – Мы можем разделить все. Мы – партнеры. Не упускай возможность иметь партнером мудрого человека.

Но вор убежал, оставив все вещи.

Что касается смерти учителя, то он просто меняет свой дом. В нем нет и тени печали – напротив, великое любопытство относительно того неизвестного, что находится за этими дверями. Ни одно физическое тело не может жить достаточно долго – семьдесят лет или восемьдесят лет – и приходит время перемен. Тело становится старым: оно начинает функционировать хуже и хуже. Приходит время для иного, свежего тела. Учитель ни в коей мере не обеспокоен тем фактом, что он умрет. Он умирает грациозно и красиво. Он умирает в безмолвии и мире – так же, как и живет. Он жил в безмолвии, в красоте внутреннего экстаза – он и умирает в благодати.

Ма-цзы прожил в Чжунан Си пятьдесят лет и умер в возрасте восьмидесяти лет.

Вот хокку:

*И долины, и горы
покрыты снегом –
все исчезло под ним.*

Хокку – особый вид поэзии, существующий только в Японии. В хокку очень немного слов, но говорят они многое. Красота их в том, что это – сконденсированная философия. И то, что не может быть выражено в прозе, иногда может быть выражено в поэзии.

*И долины и горы
покрыты снегом –
все исчезло под ним.*

Поэт описывает собственное переживание. Все исчезло, все отошло. Даже его “я” исчезло в безбрежной Вселенной; не осталось ничего. Как

капля росы исчезает в океане, так человек просветления исчезает в универсальном сознании. В нем исчезает все.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Учитель!

В течение последних недель, когда бы вы ни произносили слова “пустота”, “пустое сердце”, “пустое зеркало”, это ощущалось как какое-то переключение внутри меня, затрагивающее не только мой ум, но достигающее глубинного пространства, пустоты во мне.

Я слышала, вы говорили недавно, что невозможно “любить” или “не любить” просветление. Можно ли любить это пространство пустоты?

Нет, Маниша, если ты любишь пространство пустоты, ты никогда не станешь пустой. Ты останешься в стороне, пустота станет объектом любви, но ты будешь здесь, отдельно от него. Весь смысл медитации в том, что ты, твоё “я” должны исчезнуть. В этом исчезновении ты не сможешь сказать: “Я люблю пустоту”. В этом исчезновении есть любовь. Но это – не твоя любовь. Это просто универсальный феномен – спонтанность, расцветающая в пустоте, наполняющая пространство пустоты ароматом любви, сострадания и истины.

Но все это – не твоё. Твоего “я” больше нет. До тех пор, пока твоё “я” совершенно не исчезнет, пустота – это не пустота. Ты должна раствориться в безбрежности существования. Тебя не должно быть. Вот тогда пустота – это действительно пустота. И в этой пустоте расцветут многие вещи, много роз и много лотосов. И тогда будет больше любви, больше сострадания, больше красоты и больше истины, чем когда бы то ни было. Все, что воистину значительно, все, что величественно, все, что прекрасно – возникнет само собой, но это – не твоё обладание, не твоя собственность. Фактически, “ты”, твоё “я” было барьером. Это из-за тебя, из-за твоего “я” пустота не могла проявиться полностью. Теперь “я” нет, пустота функционирует спонтанно, она расцветает тысячами цветов.

А сейчас – время Сардара Гурудаяла Сингха.

Трое маленьких детей в супермаркете ждут в колясках у выхода, пока их матери делают покупки.

– О мой Бог! – восклицает маленький Джильберт. – Вы видите? Она покупает консервированное детское питание. Я ненавижу эту еду!

– Ну нет! – говорит маленькая Салли. – Моя покупает шпинат. Эта еда хуже всего!

– Иисус Христос! – плачет самый маленький, Борис, видя свою мать с её дружкой у отдела со спиртными напитками. – У вас, ребята, жизнь – малина, и вы еще ноете! Моя мать будит меня в четыре часа утра и затал-

кивает мне в рот холодный мокрый сосок, у которого постоянно вкус сигарет и дешевого бренди!

Маленький Эрни с матерью гуляет по парку, и Эрни видит большую беременную женщину, проходящую мимо.

– Эй, мам! – говорит Эрни. – Отчего у этой женщины такой большой живот?

Мать Эрни на секунду растерялась.

– Сынок, – говорит она, – у нее так распух живот, потому что она ела слишком много шоколада.

– Что, правда? – спрашивает удивленный Эрни. Позже на автобусной остановке Эрни видит ту же беременную женщину, стоящую рядом.

– Эй, леди, – говорит Эрни, указывая на ее живот. – Я знаю, чем вы занимались. Далеко ли это место отсюда?

Слон и мышонок гуляли по джунглям, и вдруг мышонок угодил в болото. Он быстро начал тонуть, но слон стал над болотом, широко расставив ноги, и медленно присел, опустив член в воду. Мышонок ухватился за его огромный член, и слон вытащил его из болота.

Неделей позже мышонок и слон снова гуляли в джунглях, и в болото угодил слон. С быстротой молнии мышонок побежал к стоянке и вернулся за рулем новенького красного спортивного “феррари”. Он достал веревку, привязал один конец к машине, а другой бросил слону; сел за руль, нажал на газ и вытащил огромного слона из болота.

...Это к тому, что если у вас есть новый красный “феррари”, то вам вовсе не обязательно иметь большой член.

Ниведано.

Ниведано.

Будьте безмолвны.

Закройте глаза.

Ощутите свое тело полностью застывшим.

Теперь посмотрите внутрь себя так глубоко, как только сможете.

Вы должны достичь самого центра своего бытия.

Глубже и глубже...

Ваш центр – это также

центр всей Вселенной.

Чем глубже вы идете, тем богаче вы становитесь.

Чем глубже вы идете,

тем пробужденнее вы становитесь.

И в самом центре своего существа

вы найдете будду – свою подлинную природу.

Будда скрыт в каждом,

надо просто заглянуть достаточно глубоко.

Для того чтобы сделать вашего свидетеля,

ваше зеркало,

вашего будду

ближе.

Ниведано...

Расслабьтесь.

Наблюдайте свое тело – это не вы,

ваш ум – это не вы.

Только свидетель – это вы.

Только наблюдатель – это вы,

а наблюдатель не имеет

никаких мнений, идей, суждений;

это – только зеркало.
Я назвал эту серию бесед
“Ма-цзы: пустое зеркало”.
Каждая медитация – не что иное,
как поиск пустого зеркала,
которое отражает, но остается совершенно пустым.
Наслаждайтесь этой пустотой,
и розы начнут цвести.
Переживание буддовости должно стать
постоянным, от момента к моменту.
Действуя или не действуя,
работая или не работая,
говоря или не говоря –
вы должны помнить, что вы – вечная душа,
будда.
Когда эта память прорастет внутри вас,
достигнет каждой клетки вашего существа,
ваша жизнь станет танцем,
поэзией, музыкой, бессмертной красотой,
великой грацией.
Помните этот момент
и то пространство, где вы сейчас находитесь.
Это пространство должно стать
самой вашей жизнью,
самой вашей смертью.
Эта полнота блаженства сделала этот вечер
великой красотой, великой истиной.
Десять тысяч будд исчезли в океане,
как капли росы.
Это – величайшее чудо в мире...

Ниведано...

Возвращайтесь не спеша,
собирая свое переживание –
ничто не должно быть потеряно –
в безмолвии и грации.
Сядьте как будда на несколько мгновений,

просто наблюдая, просто – как пустое зеркало.
Если вы поняли, в чем смысл
пустоты сердца,
когда оно становится только зеркалом,
откровение Ма-цзы дойдет до вас.
Эти люди – Ма-цзы,
или Гаутама Будда, или Лао-цзы –
они не принадлежат к различным эпохам.
Все они – современники.
И в этот самый момент,
когда вы войдете в эту пустоту,
в это зеркалоподобное отражение,
в это безмолвие, не знающее границ,
вы станете современниками Ма-цзы,
Чжуан-цзы и Гаутамы Будды.
Эти люди – вне времени.
Они не принадлежат ни к какой эпохе,
ни к какой стране, ни к какому языку.
Все они – едины в том смысле,
что тысячи рек,
впав в океан,
становятся одним.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Учитель.

– Можем ли мы праздновать собрание десяти тысяч будд?

– Да, возлюбленный Учитель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дзен: удар молнии

<i>ШЕЛЕСТ ГАЛЬКИ</i>	5
<i>НАКОНЕЦ-ТО СВОБОДНЫЙ</i>	19
<i>ОШО!</i>	31
<i>ОБЛАКА НИКОГДА НЕ СУЕЯТСЯ</i>	45
<i>ВЕЛИКИЙ ВОПРОС</i>	56
<i>СКРЫТАЯ ДОРОГА</i>	68
<i>ЖИЗНЬ – НЕ СЛОВАРЬ</i>	81
<i>ПУСТЬ МЕНЯ ЗОВУТ СТРАННИКОМ</i>	92
<i>ЧЕЛОВЕК ОПЫТА ЗАБЫВАЕТ О ЖЕЛАНИИ ОСУЖДАТЬ</i>	105
<i>ВСЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЖДЕТ НАДЛЕЖАЩЕГО МОМЕНТА</i>	116
<i>ЭТО САМО СОБОЙ РАЗУМЕЕТСЯ</i>	131
<i>СТРАННИКИ В НЕБЕ СВОБОДЫ</i>	144
<i>СЕГОДНЯ ПТИЦА РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ</i>	157

Ма-цзы: пустое зеркало

<i>ЗЕРКАЛО</i>	174
<i>ПОСЕЯННОЕ СЕМЯ</i>	188
<i>СПЕЛАЯ СЛИВА</i>	200
<i>СВЕРНУТЫЙ НОС</i>	213
<i>ПОДОБНО КОРОВЕ</i>	225
<i>ОХОТНИК</i>	238
<i>К ИСТОКУ</i>	252
<i>ЭТОТ МОМЕНТ</i>	272
<i>НИКАКОЙ РЯБИ</i>	290
<i>ЛУНОЛИКИЙ</i>	305

